

Археологам
Восточной Пруссии
п о с в я щ а е т с я

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Germania — Sarmatia

Редакционный совет:
Клаус Карнап-Борнхайм (Шлезвиг)
Войцех Новаковский (Варшава)
Александр Симоненко (Киев)
Ольга Щеглова (Санкт-Петербург)
Вальдемарас Шименас (Вильнюс)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Калининградский областной историко-художественный музей

Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов

Сборник материалов

Калининград
2008

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 903(4(082))
ББК 63.48(4)(я43)
Д 73

Редакционный совет:
Клаус Карнап-Борнхайм (Шлезвиг), Войцех Новаковский (Варшава), Александр Симоненко (Киев),
Ольга Щеглова (Санкт-Петербург), Вальдемарас Шименас (Вильнюс)

Ответственные за выпуск издания *О. А. Радюш, К. Н. Скворцов*

Редакция выражает признательность начальнику Самбийской экспедиции ИА РАН
А. Н. Хохлову за помощь в издании данного сборника

Грамматика, орфография, сведения о датах, топонимика в статьях даны в трактовках авторов

Д 73 **Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов.** — Калининград: Янтарный сказ, 2008. — 237 с., илл. — 500 экз.
ISBN 978-5-7406-1065-6

УДК 903(4(082))
ББК 63.48(4)(я43)

В сборник вошли статьи российских, украинских, немецких, литовских и польских исследователей по археологии народов Центральной и Восточной Европы в I—V вв. н. э.

© Авторы статей, 2008
© Радюш О. А., Скворцов К. Н., Germania—Sarmatia, составление, 2008

ISBN 978-5-7406-1065-6

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
6
Ein kurzes Vorwort eines zukünftigen Lesers
8

Синица Е. В.
Сарматское погребение из хутора Хмильна в контексте сарматско-зарубинецких отношений
9

Васильев А. А., Савельев О. К.
Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры
в междуречье Днестра и Дуная (*хронологический аспект*)
29

Любичев М. В.
Киево-черняховские контакты ступеней C_{1b}—C_2
на территории днепро-донецкой лесостепи в свете выделения «горизонта Боромля»
44

Мызгин К. В.
Некоторые аспекты политической и экономической истории населения
днепро-донецкой лесостепи во второй четверти I тыс. н. э. по нумизматическим данным
68

Петраускас О. В.
Хронология некоторых типов гончарных кувшинов черняховской культуры лесостепной Украины
88

Banytė-Rowell R.
Metallene Trachtzierate aus einem westlitauischen Gräberfeld der römischen
Kaiserzeit im «germanischen» und «sarmatischen» Kontext
104

Радюш О. А., Скворцов К. Н.
Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры
122

Новаковский В.
Польские исследования раннего железного века, римского периода
и эпохи Великого переселения народов на территории Вармии и Мазурского Поозерья
158

Шиманский П.
Курганный могильник судавской культуры в Червоным Дворе возле Голдапа
Итоги исследований 2003—2007 гг.
166

Kontny B.
Breves gladii et rotunda scuta. Remarks on the Goths' weapons on the margin of Tacitus' text
180

Лау Н.
Следы ритуальной порчи на элементах конского снаряжения из болотного памятника Торсберг
210

Леус М. П.
Археологи Третьего рейха на оккупированных восточных территориях
220

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ПРЕДИСЛОВИЕ

В названии сборника — имена двух могущественных древних народов, ближайших соседей и основных противников Римской империи. Для археологов, как и для обитателей рейнских и дунайских кастеллов две тысячи лет назад, эти имена символизируют Барбарикум — неисчерпаемый источник загадок и проблем, предмет изысканий многих поколений европейских ученых. Достаточно сказать, что именно на материалах германских могильников Западной и Центральной Европы Паулем Райнеке, Хансом-Юргеном Эггерсом, Рольфом Хахманном, Уллой Лунд-Хансен, Казимежем Годловским и другими учеными, имена которых хорошо известны читателю, были разработаны основы европейской хронологии римского времени. Не менее важны исследования отечественных ученых в области хронологии сарматской культурно-исторической общности, работы А. С. Скрипкина, М. Б. Щукина, Б. А. Раева и автора этих строк сделали возможным включение сарматской хронологической шкалы в общеевропейскую. И недаром в Польше несколько лет назад вышел сборник под схожим названием (Sarmaci, 2004).

Этот сборник посвящается исследователям Восточной Пруссии. Их труды стоят у истоков наших знаний об этом — одном из наиболее интересных — регионе европейского Барбарикума. В свое время именно находки с территории Пруссии позволили создать основы системы европейской хронологии римского времени.

Сборник издан Калининградским областным историко-художественным музеем, фактическим наследником Prussia-museum, в котором сейчас хранится часть спасенных довоенных коллекций. Таким образом, сборник перекидывает мост из археологии века минувшего в нынешнюю науку, сохраняя связь очень нелегких времен…

Восточная Пруссия (территория нынешней Калининградской области Российской Федерации) находится на границе Сарматии и Германии, если пользоваться определениями Корнелия Тацита и Клавдия Птолемея. Археологические исследования показали, что эти страны граничили несколько южнее, однако сарматы и германцы на протяжении всей своей истории находились в тесных контактах друг с другом, что и демонстрируют многие статьи предлагаемого сборника.

В XIX — первой половине XX вв. археологические исследования в Восточной Пруссии проводились активно и на хорошем уровне. Затем разразилась Вторая мировая война. Ее последствия для археологии воевавших европейских стран слишком печальны и хорошо известны, чтобы на них останавливаться подробно. Так или иначе, в послевоенное время на территории Калининградской области местная археология долгое время находилась в застое и специализированная литература не издавалась. Систематические полевые исследования возобновились с середины 70-х гг. XX в., но в основном они имели локальное значение.

За последние 10 лет полевые исследования на территории Калининградской области вновь приобретают масштабный характер. Проводятся раскопки многочисленных могильников, городищ и поселений разных периодов истории региона, в том числе и близкие тематике сборника. Можно надеяться на формирование в ближайшем будущем серьезной региональной научной школы, и издание данного сборника хочется рассматривать как один из шагов к этому.

«Сарматский» блок книг формируют работы молодых украинских исследователей: Е. В. Синицы, А. А. Васильева и О. К. Савельева. Следует сказать, что проблематика сарматской археологии Северного Причерноморья обширна и актуальна и публикуемые статьи могут сделать честь любому сборнику. Мы познакомимся с еще одним сарматским памятником, отражающим сарматско-зарубинецкие контакты (Е. В. Синица), и рассмотрим интересные и вполне обоснованные хронологические разработки А. А. Васильева и О. К. Савельева, очерчивающие границу между двумя позднесарматскими культурными массивами Поднестровья—Подунавья.

«Черняховский блок» также представлен статьями украинских археологов. М. В. Любичев на основе тщательного анализа археологического материала предлагает свою трактовку проблемы контактов населения киевской и черняховской культур. В статье К. В. Мызгина по нумизматическим данным реконструированы вопросы политической и экономической истории населения днепро-донецкой лесостепи во второй четверти I в. н. э. О. В. Петраускас разработал новую типологию черняховских гончарных кувшинов и предложил их хронологию.

Работы ученых из Литвы, Германии, Польши и России составляют третий — условно назовем его «германским» — блок сборника.

Статья литовской исследовательницы Р. Банита-Роуелл продолжает тему сарматско-германских связей уже на балтских материалах: деталях головных уборов из некрополя Байтай (в старой прусской номенклатуре Байтен). Автор верно отметила сходство

отдельных деталей сарматских «диадем» и уборов германских женщин, хотя обоснованно воздержалась от объяснения такого сходства прямыми контактами.

Работа немецкой исследовательницы Н. Лау, пожалуй, единственное на русском языке исследование интереснейшей категории памятников германцев Северной Европы — болотных жертвоприношений римского времени (типа Иллеруп, Вимозе и др.). Автор на основании трассологического анализа убедительно реконструировала обычай преднамеренной порчи трофейных предметов конского снаряжения.

Польский исследователь Б. Контны посвятил свою работу сравнительному анализу сообщения Корнелия Тацита из Germania, 44, 1 о вооружении готонов, ругиев и лемувиев. Археологической базой работы послужили материалы пшеворской и вельбарской культур. Противоречие между текстом и археологическим материалом вельбарской культуры (отсутствие коротких мечей, по Тациту якобы характерных для этих племен) автор попытался объяснить тем, что источник Тацита датируется более ранним временем. Это не самое убедительное объяснение, и статья Б. Контны еще раз показывает необходимость ревизии отношения археологов к письменным источникам.

Эту тему развивает публикация О. А. Радюша и К. Н. Скворцова, вводящая в научный оборот предметы защитного вооружения римского времени с территории Самбии и Натангии. Набор вооружения, по мысли авторов, имеет наибольшее сходство с соседними германскими культурами.

Заключающее сборник исследование российского автора П. М. Леуса о деятельности археологических служб Третьего рейха на оккупированных территориях тематически стоит несколько особняком, однако имеет прямое отношение к сборнику. Эта деликатная тема долгие годы была под запретом, но запретить науку и знание нельзя. Задача историка — изучать все страницы книги человеческих деяний. Статья П. М. Леуса как нельзя более удачно завершает сборник, изданный там, где войны оставили в науке один из самых трагических следов.

Мне приятно представить этот сборник читателю. Как принято говорить в таких случаях — в добрый час!

А. В. Симоненко,
доктор исторических наук,
член-корреспондент Германского
археологического института

Ein kurzes Vorwort eines zukünftigen Lesers

Die Tradition der archäologischen Zeitschriften und Schriftenreihen reichte Königsberg 1720er Jahren. In mehreren Heften *«Erläuterten Preußens»* erschienen damals Berichte, die preußische Pastoren über vorgeschichtliche «Merkwürdigkeiten» ihrer Pfarreien geschrieben hätten, wurden dort auch deutsche Übersetzungen von lateinischen Dissertationen in der *Albertina* veröffentlicht, die *«Herren, die Latein nicht können»* haben lesen können. Diese Tätigkeit bereitete den Grund für die Entwicklung sowohl der preußischen Archäologie als auch der der «Altertumskunde» gewidmeten Zeitschriften im 19. Jahrhundert vor. Schon in 1840er Jahren kamen Notizen über vorgeschichtliche Funde immer öfter in lokalen Veröffentlichungen vor und seit 1860er Jahren erschienen ziemlich regelmäßig Entdeckung- und Ausgrabungsberichte in den *«Schriften der Physikalisch-Oekonomischen Gesellschaft zu Königsberg i. Pr.»* und dann in den berühmten *«Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia»*.

Eine deutliche Zäsur in diesem Prozess stellten die 1920er Jahren dar: die Ü-bernahme der allen archäologischen Forschungen vom Staat dampfte diese spontane Aktivität. Sogar der riesige Ausbau von Ausgrabungen und Flurbegehungen in der NS-Zeit resultierte nicht mit einer dementsprechend großen Entwicklung des archäologi schen Schrifttums im damaligen Ostpreußen.

Nach dem Jahr 1945, als Königsberg zu Kaliningrad geworden war, hatte sich die Sachlage kaum verbessern. Die wenigen in dem Kaliningrader Bezirk aktiven Archäologen hatten während der Hälfte des Jahrhunderts nur genauso wenig Platz in den Moskauer Zeitschriften und Schriftenreihen zur Verfügung. Erst die Veränderungen der 1990er Jahren schaffen ein Grund für die erneute Entwicklung der archäologischen Veröffentlichungen «am Ort und Stelle», obwohl es sich oft um kleine und schwer zugängliche Heftchen handelte, wo vorgeschichtliche Fundmaterialien nur sehr begrenzt präsentiert werden könnten.

In dieser Sachlage muss man eine neue Kaliningrader Schriftenreihe mit einer großen Hoffnung willkommen. Der erzgeistigen Deklaration der Herausgeber gemäß soll es ein internationales Forum sein, wo Archäologen aus den an der Ostsee liegenden Ländern ihre Forschungsergebnisse präsentieren und ein gemeinsames wissen-schaftliches Diskurs führen könnten. Der erste Band scheint diese Voraussetzungen zu bestätigen: die Aufsätze stellen einen Durchblick von archäologischen Funden aus dem Raum vom Südjütland bis zum Dongebiet dar. Eine so große Reichweite deckt sich mit dem Ptolemäischen Begriff *Sarmatia Europaea*, der alle Länder zwischen der Weichsel und Wolga umfasste.

Die neue archäologische Serie aus Kaliningrad herzlich grüßend hofft man nur, dass ihr erste Band tatsächlich einen Anfang der langen Reihe bildete, die nach einem Jahrhundert genauso so hoch, als heute *«Prussia»* geschätzt würde!

W. Nowakowski

Синица Е. В.

Сарматское погребение из хутора Хмильна в контексте сарматско-зарубинецких отношений

В июле 2001 г., во время осмотра среза карьера на окраине хут. Хмильна (Каневский р-н, Черкасская обл.), М. И. Гладких и С. Н. Рыжовым были обнаружены человеческие кости и керамический сосуд. Ввиду аварийного состояния памятника, автором данной статьи были проведены небольшие спасательные раскопки. Предварительное сообщение о работах было опубликовано (Гладких, Рижов, Синиця, 2002). Осмотр памятника, проведенный в 2002 г., позволил установить, что не были зафиксированы некоторые детали погребального сооружения, а именно — наличие ниши в северной стенке подбоя, содержавшей миску с жертвенной пищей. Данная статья имеет своей целью полную публикацию комплекса. Кроме того, инвентарь хмильнянского погребения позволяет еще раз коснуться проблемы взаимоотношений сарматов и носителей зарубинецкой культуры (далее — ЗК) — сюжета, к которому неоднократно обращались многие исследователи (Кухаренко, 1954; Абрамова, 1961; Щукин, 1972; 1989; 1994; Максимов, 1978; 1982; Симоненко, 1981).

Топография памятника. Участок местности является высокой первой надпойменной террасой левого берега р. Рось на водоразделе Днепра и Роси. Местоположение погребения является высшей точкой указанной террасы и одной из наиболее высоких точек местности. Высота места погребения от дна карьера, что приблизительно соответствует высоте над уровнем поймы, — 20—25 м.

Стратиграфия памятника достаточно сложная. Ее характер наиболее полно отображает разрез северной стенки шурфа (рис. 1): 1) дерн мощностью около 0,06 м; 2) гумусный слой темно-серого цвета, мощность которого составляет 0,3—0,4 м; 3) желтовато-бурый суглинок, имевший различную мощность: от 0,35—0,4 до 0,8 м (предматерик); 4) светло-серый лёссоподобный суглинок (материк).

Приведенное стратиграфическое членение весьма схематично передает реальную картину, поскольку границы между слоями нечеткие. Например, затеки гумуса встречались в желто-буром суглинке на 0,1—0,15 м ниже указанной границы.

Могильное сооружение представляло собой грунтовую яму с подбоем. Контуры входной ямы и подбоя нечеткие, их стенки сильно испорчены кротовинами. Планиграфические наблюдения осложнялись и характером заполнения: смесь предматерикового и материкового суглинков, которая мало отличалась по цвету и фактуре от окружающего грунта. Могильное сооружение ориентировано по линии север—юг, с небольшим отклонением к западу. Его устройство позволяет наиболее точно охарактеризовать разрез (рис. 1).

Контуры входной ямы фиксировались с глубины 0,5—0,55 м от современной поверхности (горизонт запуска?); ширина ее на этом уровне была 1,16—1,2 м. Западная стенка входной ямы практически вертикальна до глубины 1,4—1,45 м; восточная же имела заметный уклон, а на глубине 1,58—1,6 м переходила в горизонтальное дно. Входная яма подпрямоугольная в плане; ширина ее северной части несколько больше, чем южной.

Подбой устроен в западной стенке входной ямы. Дно подбоя ровное; его уровень на 0,36—0,38 м ниже уровня дна входной ямы; общая глубина могильного сооружения от современной поверхности — 2 м. Стенки подбоя наклонные; ширина его на уровне дна входной ямы составляет 0,62 м, по дну — 0,46 м. Западная стенка подбоя оформлена в виде незначительного скругления. В плане подбой подобен входной яме: ширина северной части несколько больше, чем южной (0,62 и 0,56—0,58 м соответственно). В северной стенке подбоя, на 0,25—0,3 м выше его дна (над головой погребенной), выявлена инвентарная ниша. Стенки ниши «читались» плохо,

поэтому ее размеры (0,3×0,3 м) условны. В нише расчищена чернолощеная зарубинецкая миска, содержавшая кости животного.

Устройство могильного сооружения нетипично для сарматских памятников Среднего Поднепровья. По наблюдениям А. В. Симоненко, для них характерны длинные и узкие подпрямоугольные ямы (Симоненко, 1981, с. 56—57). Однако подбойные могилы в принципе типичны для сарматских древностей, причем на всей территории Сарматии их количество увеличивается на более поздних памятниках. В среднесарматское время такие сооружения были на втором месте по распространенности, хотя и значительно уступали по количеству грунтовым ямам (Костенко, 1983, с. 41, табл.; Симоненко, 1993, с. 77). В позднесарматский период этот тип погребальных сооружений становится ведущим в большинстве групп сарматских памятников (Скрипкин, 1984, с. 61; Костенко, 1983, с. 96; Симоненко, 1993, с. 100). Исключениями являются только памятники Самарско-Орельского (Костенко, 1983а, с. 41, табл.), а также Пруто-Днестровского междуречий (Гросу, 1990, с. 30—32).

Ограниченный объем работ оставляет открытыми некоторые вопросы, в частности — наличие кургана над хмильнянским погребением. В данный момент насыпь визуально не наблюдается, но, по рассказам местных жителей, участок, где исследовано погребение, выравнивали во время устройства артиллерийской позиции времен Великой Отечественной войны. Следует отметить, что для грунтовых сарматских могильников среднеднепровской лесостепи характерны простые грунтовые ямы, а подбойные могилы не зафиксированы ни разу, но могильные сооружения на этих памятниках в принципе фиксировались в единичных случаях (Покровська, Ковпаненко, 1961, с. 129). Преобладают грунтовые ямы и среди погребальных сооружений плоских могильников Поднестровья (Смішко, 1962; Винокур, Вакуленко, 1967), однако, по данным В. И. Гросу, половина подбойных могил Пруто-Днестровского междуречья приходится именно на грунтовые могильники (Гросу, 1990, с. 32).

Таким образом, подбойные могилы не являются признаком исключительно подкурганных сарматских комплексов. Для среднеднепровского региона сооружение подбойной могилы является уникальным безотносительно к тому, имелась ли насыпь над хмильнянским погребением или нет.

Костяк ориентирован на север, с небольшим отклонением к западу (рис. 2). Такая ориентация является преобладающей для сарматских погребений среднеднепровской группы (Симоненко, 1981, с. 56). Скелет располагался на дне подбоя параллельно западной стенке, несколько ближе к ней. Погребенная вытянута на спине, руки вдоль тела. Череп отклонен к правому плечу в результате падения после разрушения мягких тканей. Скелет практически полный, хотя и поврежден в силу разных причин: стопы срезаны карьером; грудная клетка разрушена землеройными животными; также животным разрушены и смещены на 0,15 м к югу кости левой кисти.

Согласно антропометрическим данным, костяк принадлежит женщине 30—40 лет. Краниометрические показатели демонстрируют черты сходства с сарматскими сериями Украины и смежных территорий. Вместе с тем определенное сходство прослеживается и с позднескифскими сериями (см. Приложение 1).

Сопровождающий инвентарь состоит из двух мисок, зеркала, остатков железного предмета, более сотни целых и фрагментированных бусин, пряслица (?), костей зверей и рыбы.

Зафиксировать мисочку-плошку in situ не удалось, останец, на котором она стояла, обрушился еще в начале земляных работ. Можно отметить, что первоначально она была установлена на дно в юго-восточном углу подбоя на уровне левой стопы погребенной. В мисочке находились зеркало и железный предмет с костяной оправой(?). Степень сохранности последнего не позволяет судить о его назначении (нож с костяной рукояткой, остатки футляра зеркала?). Ближайшую (и территориально, и хронологически) аналогию такого размещения подобного набора инвентаря можно усматривать в погребении 5 Калантаевского могильника. Тут сбоку от левой стопы скелета располагалась краснолаковая чашечка, зеркальце и остатки железного предмета (Покровська, Ковпаненко, 1961, с. 130—133; рис. 2:1, 3). Судя по тому, что чашечка лежала на боку, а зеркальце и железный предмет — в непосредственной близости от нее, можно предполагать, что они первоначально находились в сосуде и вывалились после его падения (в остальных погребениях могильника все сосуды установлены на дно).

Второй сосуд находился в упомянутой выше инвентарной нише. Эта миска также была уста-

новлена на дно; в ней находилась лопатка и передняя конечность козы-овцы.

Жертвенная пища не ограничивалась приношением, содержавшимся в инвентарной нише. Над левым плечом погребенной зафиксирована кость крупного животного, положенная на пол подбоя (рис. 2).

Миска-плошка представляет собой небольшую коническую лепную посудинку; керамическое тесто плотное, содержит растительные примеси и песок; поверхность тщательно заглажена, цвет поверхности серый, с буро-коричневыми пятнами из-за неравномерности обжига. Стенки сосуда плавно разведены, их толщина постепенно уменьшается от дна к венчику; край венчика заострен. Сосуд поставлен на кольцевой поддон. Диаметр венчика 12 см, поддона — 4,7 см (рис. 3:1). Прямые аналогии хмильнянской плошке в сарматских материалах нам не известны. Подобные формы достаточно часто встречаются на позднескифских памятниках Нижнего Днепра (Погребова, 1958, с. 137—138; Фурманська, 1960, с. 186, табл. II:6; Вязьмітіна, 1962, с. 141; с. 131, рис. 65:43, 46; Вязьмитина, 1972, с. 126—127; с. 126, рис. 61:6; с. 128, рис. 62:5).

Чернолощеная зарубинецкая миска — крупный сосуд с практически вертикальным, слегка разведенным наружу венчиком. Диаметр венчика 21 см, дна — 20,5 см, кольцевого поддона — 7,5 см. По внутреннему краю венчика имеются две четкие грани (рис. 3:2). Керамическое тесто пористое, содержит значительную примесь шамота. Как внешняя, так и внутренняя поверхности сосуда залощены; лощение внешней поверхности менее качественное. Цвет поверхности — от насыщенно-черного до темно-серого, в силу разного качества лощения и неравномерности обжига. По форме и технологическим признакам эта миска однозначно относится к зарубинецкому кругу. Хмильнянская миска объединяет черты вариантов 2 и 4 типа II зарубинецких мисок, по Е. В. Максимову. Сам исследователь указывал на близость этих вариантов, а главным отличием между ними считал наличие кольцевого поддона у сосудов варианта 4 (Максимов, 1982а, с. 45; с. 47, рис. 7). В типологической схеме, разработанной С. П. Пачковой и А. И. Кубышевым на материалах Пирогово, подобные сосуды выделены как миски класса В (Пачкова, Кубишев, 1992, с. 79; с. 76, рис. 1:5).

Зеркало изготовлено из билона; отливка небрежная. На обратной стороне диска — необработанный литейный шов; литник отбит (отрублен?). Рабочая поверхность тщательно заполирована. Диаметр диска 5,4 см (рис. 4:16). Зеркало относится к типу VI сарматских зеркал, по А. М. Хазанову (Хазанов, 1963, с. 58; с. 59, рис. 1), и имеет многочисленные аналогии на сарматских памятниках как степной зоны, так и, собственно, лесостепного Поднепровья.

Бусы представлены несколькими типами[1]. Основная масса их — стеклянные монохромные (рис. 4:2, 11—13), как исключение встречаются полихромные стеклянные бусы (рис. 4:1), а также изделия с металлическими вставками и фольгированные (рис. 4:6—10). Кроме того, встречены бусы из янтаря (рис. 4:4, 5) и гагата (рис. 4:3). Размещение бус относительно костяка позволяет утверждать, что основная их часть (небольшие биконические сине-зеленого стекла, а также гагатовые) служила декоративной обшивкой манжет рукавов и подола одежды. Остальные входили в состав ожерелья. Реконструировать состав и ритмику ожерелья затруднительно, поскольку область груди сильно разрушена и находки бус попадались в кротовинах на уровне верхней части заполнения подбоя. Исходя из того, что большинство типов бус представлено парным количеством экземпляров, можно предполагать, что в ожерелье они располагались симметрично. В состав ожерелья, по-видимому, входило небольшое сфероидное керамическое пряслице (керамическая бусина?) (рис. 4:15), а также рыбий позвонок, имеющий искусственное отверстие (рис. 4:14). У затылочной части черепа было найдено несколько мелких бисерин (рис. 4:13), украшавших, возможно, головной убор.

Особенности погребального сооружения и инвентаря, а также антропологические данные говорят о сарматской принадлежности комплекса.

Хронологическую позицию комплекса с хут. Хмильна определить сложно, поскольку он не содержит четких хроноиндикаторов. Ограничить нижнюю дату памятника можно исходя из общих соображений. Исследователи в большинстве согласны с тем, что в I в. до н. э. сарматы прочно закрепились в степной части правобережья Днепра и начали совершать набеги в лесостепь. Важнейшим аргументом в пользу враж-

[1] Выражаем искреннюю благодарность О. В. Гопкало (Бобровской) за помощь в обработке коллекции бус.

дебного характера взаимоотношений сарматов и лесостепного населения в это время является то, что сарматские погребения старше рубежа эр в лесостепи отсутствуют, но именно в I в. до н. э. (вероятнее всего — около его середины) происходит бурное фортификационное строительство на зарубинецких памятниках. Единственным реальным противником для «зарубинцев» в это время могли быть только сарматы (Максимов, 1975, с. 189; 1978, с. 53; 1982, с. 42, 100; Кубишев, Покляцький, Симоненко, 1987, с. 59—62). Предположение, что указанное строительство было вызвано страхом зарубинецкого населения перед даками Буребисты (Щукин, 1994, с. 169), представляется несколько натянутым. Хронологическое совпадение событий имеет место, но значительное расстояние между театром военных действий в Северо-Западном Причерноморье и южной границей среднеднепровской группы зарубинецких памятников очевидно. Дискутируется дата начала постоянного присутствия сарматов в лесостепном Правобережье. А. В. Симоненко датирует это событие достаточно широко, в рамках всего I в. (Симоненко, 1981, с. 68—69). М. Б. Щукин отметил, что самые ранние сарматские комплексы в регионе датируются первой половиной — серединой I в. (Щукин, 1972, с. 44—47); к такой датировке склонен и Е. В. Максимов (Максимов, 1978, с. 53). Так или иначе, ученые склонны полагать, что сарматская группировка окончательно закрепляется в Среднем Поднепровье не ранее второй четверти I в. Следовательно, комплекс из хут. Хмильна вряд ли датируется более ранним временем.

Зеркала типа VI датированы А. М. Хазановым достаточно широко: конец III в. до н. э. — II в. н. э. Основной период бытования таких изделий приходится на I в. до н. э. — I в. н. э., а во II в. они встречаются скорее как исключения (Хазанов, 1963, с. 62, 64). А. В. Симоненко сделал интересное наблюдение относительно таких изделий из сарматских комплексов южноукраинской степи. Для раннесарматских погребений характерны зеркала, диаметр которых колеблется в интервале 7,5—10 см (Симоненко, 1993, с. 28), тогда как для среднесарматского времени этот интервал шире — 5—12 см (Симоненко, 1993, с. 84). Ввиду размеров хмильнянского зеркала, его следует относить ко 2-му периоду и датировать временем не ранее начала I в. н. э.

Узкое датирование керамики зачастую проблематично, но в случае зарубинецкой миски из хмильнянского погребения определенное сужение даты возможно. Промежуточность положения миски в схеме Е. В. Максимова позволяет делать предположения хронологического порядка. Изделия типа II варианта 2, по Е. В. Максимову, датируются III—I вв. до н. э., тогда как варианта 4 — I—III вв. н. э. (Максимов, 1982, с. 45). Наличие признаков обеих вариантов указывает, вероятнее всего, на рубеж эр или несколько позже. Если же обратиться к хронологическим наблюдениям С. П. Пачковой и А. И. Кубышева относительно Пирогово, то миски класса В (по их схеме) характерны исключительно для периода III функционирования памятника. Хронологические рамки этого периода — от конца латена D_1 до римского времени B_1, т. е. от середины I в. до н. э. до середины — третьей четверти I в. н. э. Однако именно погребения с мисками класса В авторы склонны относить к последним десятилетиям функционирования могильника и датируют их концом I в. (Пачкова, Кубишев, 1992, с. 85, 87). Такая дата противоречит выводам самих авторов относительно верхней границы функционирования памятника. Соглашаясь с выводами С. П. Пачковой и А. И. Кубышева в целом, следует, по нашему мнению, датировать поздние комплексы Пирогово серединой — третьей четвертью I в.

Мисочка-плошка в хронологическом отношении не информативна.

Наконец, обратимся к набору бус из хмильнянского погребения. Янтарные бусины относятся к типам 5 (рис. 4:5) и 11 (рис. 4:4), по Е. М. Алексеевой (Алексеева, 1978, с. 24). (Далее все типы даются по указанному автору.) Первые имеют достаточно широкую дату (I—III вв., а спорадически встречаются и в комплексах IV в.), однако основной период их бытования — I—II вв. (Алексеева, 1978, с. 23, табл. 9). Вторые тоже имеют достаточно широкие хронологические рамки: появившись в I в. до н. э., бытуют на протяжении I—III вв., а в IV в. наиболее распространены (Алексеева, 1978, с. 24).

Гагатовые бусы (рис. 4:3) относятся к типу 27а, который имеет широкие хронологические границы — эллинистическое и римское время (Алексеева, 1978, с. 14), но наиболее характерны такие изделия для I—II вв., с пиком распространения во второй половине I в. (Алексеева, 1978, с. 9, табл. 7).

Крупные стеклянные полихромные бусы, украшенные спиралевидными полосками (рис. 4:1), относятся к типу 249 (Алексеева, 1978, с. 47). Такие изделия появляются на рубеже эр и бытуют на протяжении I—II вв., причем время их наибольшего распространения приходится на I в. (Алексеева, 1978, с. 36, табл. 14).

Бусы из прозрачного стекла с металлической вкладкой относятся к типу 1, причем в хмильнянском наборе присутствуют как изделия варианта *а*, так и варианта *б* (рис. 4:6—8), что позволяет сузить датировку. Изделия варианта *а* имеют очень широкий период бытования, с пиками распространенности во II—I вв. до н. э. — I в. н. э., а с II в. их количество значительно уменьшается. Бусы варианта *б* появляются на рубеже эр и наиболее массово представлены в комплексах I—II вв. (Алексеева, 1978, с. 29—30; с. 28, рис. 10). К этой же группе относятся и бусы варианта *а* типа 2 (рис. 4:9), которые также датируются весьма широко, но в римское время наиболее распространены были в конце I — начале II вв. (Алексеева, 1978, с. 30; с. 28, рис. 10). Достаточно неожиданной находкой из группы бус с металлической вкладкой является ребристая пронизь (рис. 4:10). Такие вещи отнесены Е. М. Алексеевой к типу 12 и достаточно узко датированы II в. до н. э. (Алексеева, 1978, с. 31), что абсолютно противоречит хронологическому контексту комплекса.

Наиболее массово представлены находки монохромных стеклянных бус, принадлежащих типам 8, 11, 17, 20, 100 и 149 (рис. 4:2, 11—13). Относительно узкую дату — II—III вв. — имеют только изделия типа 100, остальные же бытовали от эллинистического времени до средневековья. Однако относительно типов 8, 11 и 17, принимая во внимание технологию изготовления (вытягивание из трубочки), датировку хмильнянских экземпляров можно сузить до I—II вв. Изделия же типа 149 пользовались наибольшей популярностью в I в. (Алексеева, 1978, с. 64—65, 71).

В целом хмильнянские бусы дают основания датировать подобный набор I—II вв., причем можно предполагать, что наиболее вероятное время его сложения — около рубежа этих веков. Такая датировка не противоречит датам других вещей из погребения.

Таким образом, комплекс в целом может быть датирован второй половиной I — первой половиной II вв., причем мы склонны относить время совершения погребения к рубежу указанных веков.

***

Отдельного внимания требует состав инвентаря хмильнянского погребения, в частности — наличие в наборе зарубинецкой миски. Немногочисленные находки зарубинецких вещей (фибул зарубинецкого типа и посуды) в сарматских комплексах (Аккермень, группа I, курган 11 из раскопок 1952 г., погребение 13; Тимофеевка, курган 5, погребение 16; Львово, курган 1, погребение 1; Лычково, группа III, курган I, погребение 1; Сергеевка, группа II, курган 4, погребение 17) неоднократно рассматривались в литературе (Симоненко, 1977; Максимов, 1978; Кубишев, Покляцький, Симоненко, 1987). Предыдущие исследователи (за исключением Е. В. Максимова, апеллировавшего к единичному комплексу из Львово) не подчеркивали, что большинство сарматских погребений с зарубинецкими вещами расположены в степной зоне. Мало того, эти пункты находятся в глубине степи, за исключением Лычково, размещенного в лесостепной части Самарско-Орельского междуречья (Костенко, 1983, с. 61, 62), но и в этом случае удаленность от южной границы зарубинецкого ареала очевидна (карта 1). Напротив, в Среднем Поднепровье — зоне непосредственного контакта культур — подобные случаи были неизвестны. Таким образом, хмильнянское погребение в этом аспекте — явление уникальное.

При этом выразительные сарматские вещи присутствуют на зарубинецких поселениях и могильниках Среднего Поднепровья (Максимов, 1978, с. 50—52). Немногочисленность таких находок привела Е. В. Максимова к выводу, что контакты «зарубинцев» и сарматов не были стабильными и осуществлялись при посредничестве поздних скифов Нижнего Днепра (Максимов, 1978, с. 54; Максимов, 1982, с. 77). Против этой гипотезы выступили А. И. Кубышев, А. В. Покляцкий и А. В. Симоненко, приведшие развернутую аргументацию в пользу непосредственного характера контактов сарматов и «зарубинцев» (Кубишев, Покляцький, Симоненко, 1987, с. 61—62).

Действительно, опосредованный характер контактов при чересполосном проживании двух групп населения выглядит нелогично. Сармат-

ские материалы встречены как на наиболее южных памятниках среднеднепровской группы зарубинецкой культуры (Жаботин, Суботов), так и на наиболее северных (Пирогово и Оболонь в округе Киева) (карта 1). Показателен и хронологический диапазон; сарматские вещи присутствуют в поздних комплексах «классических» зарубинецких памятников (Пирогово), но в основном — на памятниках переходного типа от «классических» к позднезарубинецким либо же позднезарубинецких (Суботов, Жаботин, Таценки, Бабина Гора, Оболонь); т. е. период попадания сарматских импортов приходится на время, когда постоянное присутствие сарматов в регионе несомненно.

Механизм попадания сарматских вещей к зарубинецкому населению не совсем ясен. Что же касается противоположных случаев, то А. К. Амброз связывал находки зарубинецких фибул на степном юге Северного Причерноморья (в т. ч. в сарматских комплексах) с проникновением туда представителей лесостепного населения. По его мнению, вероятным механизмом такого проникновения была продажа женщин-пленниц (Амброз, 1966, с. 93). Позднее исследователи полностью разделяли это мнение (Кубишев, Покляцький, Симоненко, 1987, с. 60).

К сожалению, антропологические определения сделаны только для комплекса из Хмильны. Состав инвентаря из Львово (зеркало, бусы, частично использованные для обшивки манжет шаровар) позволяет предполагать, что тут погребена женщина. Материалы из Тимофеевки (Шапошникова, Фоменко, 1974, с. 167) и Аккерменя (Вязьмітіна та ін., 1960, с. 116) невыразительны с точки зрения определения пола. Что же касается Лычково, то тут в инвентаре встречен наконечник копья (Костенко, 1983, с. 62). Еще более яркий мужской набор (в т. ч. наконечник копья и меч) сопровождал погребение из Сергеевки (Симоненко, 1993, с. 10). Разумеется, погребения сарматок-«амазонок» известны, однако наличие оружия заставляет рассматривать комплексы из Лычково и Сергеевки скорее как мужские. Последний однозначно интерпретирован именно так (Симоненко, 1993, с. 10). Сказанное делает картину не столь однообразной, как это представлялось предшественникам.

С тем, что лепная керамика вряд ли была предметом купли-продажи (Кубишев, Покляцький, Симоненко, 1987, с. 60), сложно не согласиться, но фибулы, если и не были товаром, вполне могли быть военной добычей. Однако наличие в сарматских погребениях зарубинецкой посуды, а таких случаев (с учетом Хмильны) четыре из шести известных нам «метисных» сарматско-зарубинецких комплексов, позволяет модифицировать гипотезу А. К. Амброза.

Вполне вероятно, что представительницы зарубинецкого населения входили в состав сарматских общин. При этом они привносили в сарматскую среду собственную керамическую традицию, ведь изготовление лепной посуды было женским делом. Сосуды зарубинецких форм были, вероятно, вполне органичной частью «домашнего быта» смешанных семей и не считались инородным культурным компонентом. Это позволяет объяснить попадание таких сосудов в инвентарь не только женских, но и мужских погребений.

При этом мы предполагаем, что в других аспектах женщины, происходившие из зарубинецких общин, подвергались значительным ассимиляционным влияниям. Касалось это не только таких сугубо бытовых аспектов, как одежда (погребенные из Львово и Хмильны одеты в сарматский костюм). Такие заимствования вполне логичны, сарматская одежда была приспособлена к кочевому образу жизни, абсолютно отличному от оседлого зарубинецкого. Можно утверждать, что ассимиляции подвергались и более консервативные сферы, в частности — идеологические представления. Все приведенные нами погребения совершены по традиционному для сарматов обряду ингумации. Есть основания утверждать, что следование «зарубинцами» канонам собственного погребального обряда не было нерушимой догмой.

Примером изменения погребального обряда выходцами из ареала ЗК могут служить комплексы из позднескифских памятников низовий Днепра — Золотой Балки и Николаевки-Казацкой (Максимов, 1978, с. 48—49; Сымонович, 1978). Тут сосуды зарубинецких типов встречены в наборах инвентаря трупоположений, совершенных по типичному для этих могильников обряду в семейных склепах-катакомбах. По наблюдениям Е. В. Максимова, зарубинецкая керамика встречается исключительно в женских и детских погребениях Золотой Балки. Это позволило выдвинуть гипотезу, что такая посуда сопровождает погребения представительниц зарубинецкого

населения и детей от смешанных браков (Максимов, 1978, с. 48; Максимов, 1982, с. 74).

Материалы Золотой Балки дают основания считать, что женщины из зарубинецкой среды органично входили в состав позднескифских семей. Определить статус этих женщин (жена или наложница) невозможно, но это не столь важно, поскольку в обществах такого уровня развития даже зависимые индивиды были членами семьи. Так или иначе, мы имеем картину экзогамных браков между представителями разноэтничных общин. При этом представительницы зарубинецкого населения отказывались от установок относительно «правильного» способа погребения (кремация) и их хоронили по доминирующему обряду (ингумация). Вместе с тем, материалы Золотой Балки свидетельствуют о старании сохранить в иноэтничной среде хотя бы второстепенные черты обряда (элементы сопровождающего инвентаря). Е. В. Максимов показал, что зарубинецкие сосуды из золотобалковских погребений изготовлены специально для ритуальных целей (Максимов, 1978, с. 48; Максимов, 1982, с. 72—74).

Итак, система воззрений носителей ЗК на погребальные нормы представляется достаточно гибкой. В основном ареале господствовала кремация на стороне, однако при определенных обстоятельствах обряд мог быть радикально изменен.

Возвращаясь к сарматским комплексам с зарубинецкими компонентами в инвентаре, отметим, что, в отличие от позднескифских могильников, тут присутствует бытовая, а не ритуальная посуда ЗК. Причины использования именно бытовой посуды, а также ее присутствия в мужских погребениях мы попытались объяснить выше. Однако в целом картина включения зарубинецких элементов в погребальные комплексы как для сарматской, так и для позднескифской среды тождественна. Следовательно, есть основания предполагать, что и механизмы попадания «иностранок» в обе группы степняков были похожи. Мирный же характер отношений между поздними скифами и «зарубинцами» неоднократно обосновывался.

Для хмильнянского погребения следует оговорить еще один момент. Выше указывалось, что по краниометрическим показателям погребенная соответствует сарматским сериям. На первый взгляд это противоречит предложенному выше механизму попадания зарубинецких вещей в сарматскую среду. Однако, во-первых, отмечены определенные параллели между черепом из Хмильны и позднескифскими сериями, т. е. сарматские показатели не абсолютны. Во-вторых, мы в принципе не имеем антропологических данных для «зарубинцев», в силу их погребального обряда. Наконец, в-третьих, можно предполагать, что в случае Хмильны мы имеем дело не с выходцем из ЗК «в первом поколении», а с потомком от смешанного брака. При этом «по женской линии» наследовалась керамическая традиция (тем более что, с учетом месторасположения комплекса, весьма вероятны непосредственные контакты с родственниками-«зарубинцами»). В антропологическом же типе доминируют черты по мужской — сарматской, линии.

Обмен между лесостепью и степью иллюстрирует картографирование находок зарубинецких вещей к югу от ареала ЗК (карта 1). Кроме уже упомянутых сарматских комплексов и позднескифских памятников низовий Днепра, сосуды зарубинецких форм встречены также в другом регионе Малой Скифии — Крыму. В свое время Э. А. Сымоновичем было высказано мнение об отсутствии такой посуды на крымских памятниках (Сымонович, 1978, с. 99), но в ряде недавних работ В. П. Власова доказана устарелость этой точки зрения (Власов, 1997; 2001). Последний, правда, не различает четко «классические» зарубинецкие, позднезарубинецкие и даже киевские формы (*см. например*: Власов, 2001, с. 172, 175). К тому же насыщенность крымских памятников зарубинецкой керамикой значительно меньше по сравнению с нижнеднепровскими. Однако присутствие выходцев из зарубинецкого ареала на позднескифских памятниках Крыма вполне вероятно. Причем представители лесостепного населения продолжают появляться в регионе и после прекращения функционирования «классических» памятников ЗК. По наблюдениям В. П. Власова, пик интенсивности этих контактов для Крыма приходится на период I в. до н. э. — рубежа I—II вв. н. э., т. е. хронологически совпадает с активными контактами между «зарубинцами» и сарматами (Власов, 2001, с. 177—178).

Прежде чем перейти к обобщениям относительно взаимоотношений между носителями ЗК и сарматами, следует обратиться к еще одной категории памятников. М. Б. Щукин одним из маркеров сарматско-зарубинецкого симбиоза

считает кремации с зарубинецкой керамикой, впущенные в курганы предыдущих эпох (Щукин, 1994, с. 153), но существуют и более скептические взгляды по этому поводу (Максимов, 1978, с. 52—53; Терпиловський, 1998, с. 44). Круг памятников, которыми оперируют разные авторы, весьма ограничен. Это отдельные погребения из Лубнов (Замковая Гора), Дьяченок и Верхней Мануйловки на Левобережье, а также Михайловки и Лозивка на Правобережье. Все пункты, за исключением Лозивка, исследованы во второй половине XIX в., поэтому необходима, на наш взгляд, ревизия источника.

Сомнительна зарубинецкая принадлежность комплекса из Михайловки (быв. Прусы). Е. В. Максимов, ссылаясь на В. В. Хвойку и Ю. В. Кухаренко, сообщает, что тут обнаружена кремация в сопровождении зарубинецкого чернолощеного горшка и двух латенских браслетов с «шишечками» (Максимов, 1972, с. 57). Однако в работе В. В. Хвойки нет указаний относительно керамического материала из Прусов (Хвойка, 1901, с. 189). Отсутствует описание посуды и в каталоге коллекции Ханенко, куда попали материалы раскопок (Древности Приднепровья, с. 12—13). В своде латенских вещей из Восточной Европы, составленном Ю. В. Кухаренко, отмечено только, что браслеты происходят из скифского погребения (Кухаренко, 1959, с. 36, 49). Сведения об обряде погребения запутанны. В. В. Хвойка в одной из работ характеризует его как кремацию на месте (Хвойка, 1901, с. 189). В сводной же работе относительно древностей Среднего Поднепровья он упоминает Прусы среди ингумационных погребений скифской эпохи. Из текста следует, что курган имел сложную стратиграфию и содержал как минимум три разновременных погребения: одно на уровне дневной поверхности и два, впущенных в материк, перекрывавших друг друга (Хвойка, 1913, с. 33). В любом случае как кремация на месте, так и ингумация не характерны для ЗК, а латенские вещи в Восточной Европе не являются признаком только латенизированных культур. Исходя из этого, достаточные основания связывать комплекс из Михайловки (Прусов) с зарубинецкими древностями отсутствуют.

Весьма противоречивым памятником является комплекс из Лубнов, исследованный в 1882 г. Ф. И. Каминским. Интерпретации этого комплекса посвящена обширная историография. Коллекция из раскопок в урочище Замчище (Замок, Замковая Гора) хранилась в музее Е. М. Скаржинской. Часть инвентаря, якобы сопровождавшего это погребение, экспонировалась на выставке VIII Археологического съезда и была опубликована в его «Трудах». Из пояснений к таблицам следует, что речь идет о находках из ингумационного погребения (ингумационных погребений?), поскольку положение сосудов указано относительно костяка. При этом не указано, что все три сосуда (чернолощеный лепной горшок и две разнотипные курильницы) происходят из одного комплекса. Ни для одного из этих сосудов не указан даже пункт, отмечено только, что они находятся в собрании Е. М. Скаржинской (Труды, с. 239; табл. LXXXI: 51—53). Характерно, что для остальных экспонатов из этого собрания, в частности — для вещей из скифского могильника Лысая Гора в Лубнах, также исследованного Ф. И. Каминским, пункты указаны (Труды, с. 238—239).

Позже материалы музея Е. М. Скаржинской попали в Полтавский государственный музей. Инвентарь лубенского погребения был повторно опубликован М. Я. Рудынским (Рудинський, 1928, с. 22, 24; с. 21, табл. V:17, 19). Именно в этой работе впервые была предложена интерпретация его как кремации, впущенной в курган раннего железного века, а чернолощеные горшок и миска соотнесены с ЗК. Обряд погребения был определен автором как трупосожжение на горизонте (Рудинський, 1928, с. 24).

Почти 40 лет спустя комплекс проанализировала Е. В. Махно, обратившая внимание на противоречия в двух вышеупомянутых работах, в частности — в определении обряда. Обработав описания памятника, содержавшиеся в Каталоге Полтавского музея, она предложила собственную интерпретацию погребения: трупоположение с последующим ритуальным разрушением верхней части скелета, сожжением последней на месте и тризновыми действиями (Махно, 1965, с. 186—188).

Е. В. Максимов в своем каталоге памятников ЗК отметил комплекс из Лубнов как впускное подкурганное сожжение (Максимов, 1972, с. 56). Именно так оно упоминается в историографии 1970—1980-х гг.

Следующий этап интереса к комплексу из Лубнов приходится на 1990-е гг. К материалам этого комплекса неоднократно обра-

щались И. Н. Кулатова и А. Б. Супруненко. Первоначально лубенское погребение следом за Е. В. Махно интерпретировалось И. Н. Кулатовой как «трупоположение ЗК с ритуальным разрушением костяка погребенного» (Кулатова, 1990, с. 145). Позже оно рассматривается как впускная сарматская ингумация с зарубинецкими вещами в инвентаре (Кулатова, Супруненко, 1999, с. 148—149; 1999а, с. 134—143; Супруненко, 2000, с. 216—218). О. В. Битковский и Е. Н. Кухарская обращались к материалам лубенского погребения как к аналогии комплексу из Лозивка. Как и у предыдущих авторов, тут наблюдается трансформация мнения относительно определения обряда погребения. Первоначально О. В. Битковский апеллировал к лубенскому погребению как к «трупосожжению на месте со смешанным сарматско-зарубинецким инвентарем» (Бітковський, 1992, с. 134). Позже Е. Н. Кухарская и О. В. Битковский склонились к интерпретации, предложенной Е. В. Махно (Кухарская, Битковский, 1994, с. 113—114).

Таким образом, спектр мнений о характере погребения из Лубнов содержит минимум три гипотезы: сарматская ингумация с зарубинецкими компонентами в инвентаре; зарубинецкая кремация с сарматскими чертами в обряде (впущено в курган) и инвентаре (лепная курильница); зарубинецкое или зарубинецко-сарматское трупоположение с ритуальным разрушением верхней части костяка. Следует отметить, что исследователи оперируют разными наборами источников. Ни один из них, за исключением Е. В. Махно, судя по всему, не подвергал сомнению адекватность информации о вещах, связываемых с лубенским погребением, и обстоятельствах их находки, приведенных в музейных каталогах и работах предшественников. Однако противоречия очевидны.

Публикация дневниковых записей Ф. И. Каминского (Камінський, 1992) скорее осложнила, нежели упростила понимание памятника. Заметки автора раскопок во многом противоречат не только пояснениям к таблицам «Трудов VIII Археологического съезда» (далее — «Труды»), но и записям из Каталога Полтавского музея (далее — «Каталог»), приведенным в работе Е. В. Махно. Последний фактически дублирует «Каталог собрания археологических и исторических древностей Е. Н. Скаржинской», составленный А. П. Зосимовичем (Рудинський, 1928, с. 4, прим. 1).

Прежде всего отметим, что кострище в центре кургана (обозначенное как «жертвенная часть» в «Трудах» и «Каталоге»), согласно схематическому разрезу, приведенному в дневнике, размещалось не на погребенном горизонте, а в насыпи, так же как и ингумационное погребение (Камінський, 1992, с. 74, мал. 28). Абсолютно доверять этому наброску нельзя, тем более что установить стратиграфическую позицию объектов при раскопках «колодцем» (а именно так был раскопан курган) проблематично. Однако указания «Каталога» о размещении кострища на погребенной поверхности (Махно, 1965, с. 186) вызывают сомнения.

Из текста дневника следует, что с центральным кострищем был связан только один сосуд — лепная курильница (Камінський, 1992, с. 86). Схематический набросок курильницы, приведенный в дневнике (Камінський, 1992, с. 78, мал. 32), позволяет уверенно идентифицировать его с сосудом, опубликованным под № 53 в «Трудах» (табл. LXXXI:53). Никаких других сосудов, связанных с кострищем, в дневнике не указано. Это прямо противоречит «Каталогу», где чернолощеные горшок и миска связаны со слоем золы «жертвенной части» (Махно, 1965, с. 186, прим. 4).

Размещение еще одного сосуда — горшка — в тексте дневника указано весьма неопределенно: «справа от скелета и глубже него». Упомянутая выше схема-разрез позволяет допускать, что этот горшок не был связан с «жертвенной частью» и размещался в ногах погребенного (Камінський, 1992, с. 87; с. 74, мал. 28). Ни рисунка, ни детального описания этого горшка в полевых заметках Ф. И. Каминского нет; указано только, что сосуд не орнаментирован и имеет следы вторичного обжига (Камінський, 1992, с. 87). Даже если допустить, что это именно «черная полированная ваза с четырьмя глухими ушками», опубликованная в «Трудах», ее размещение в комплексе, согласно дневнику, абсолютно противоречит сведениям «Трудов» и «Каталога»: «над левым плечом погребенного» (Труды, с. 239; Махно, 1965, с. 186, прим. 4).

Следует отметить, что в дневниковых записях полностью отсутствуют любые указания на наличие перекопов; не отмечены фиксация могильной ямы, ее размеры и т. п., хотя структура грунта, составляющего насыпь, а также размеры кострищ четко обозначены.

Наконец, самое главное — в дневнике указано

только одно погребение, вернее, наличие только одного костяка. Схожая информация имеется и в «Каталоге», однако тут уже упомянуты пережженные и разрозненные фрагменты несожженных человеческих костей, обнаруженных якобы на центральном кострище (Махно, 1965, с. 186).

Судя по всему, отправной точкой для всех интерпретаций погребения в Лубнах, начиная с М. Я. Рудынского, были именно записи в «Каталоге». Даже после введения в научный оборот дневника Ф. И. Каминского исследователи не подвергали сомнению информацию «Каталога». Можно, конечно, допускать, что записки Ф. И. Каминского, дошедшие до нас, — только черновик полноценного дневника, на котором основаны записи «Каталога». Но странно, по крайней мере, выглядит отсутствие в дневнике упоминаний о двух атрактивных целых сосудах, хотя там отмечены даже разрозненные фрагменты керамики из насыпи. С большой вероятностью можно утверждать, что мы имеем дело с «историографическим фантомом», появление которого следует связывать с ошибкой, сделанной, вероятно, еще во время составления каталога собрания Е. М. Скаржинской.

Мнение И. Н. Кулатовой и А. Б. Супруненко, что Замковая Гора является впускной сарматской ингумацией, вполне обоснованно. Однако связь с погребением зарубинецких сосудов сомнительна, а потому, на наш взгляд, не следует относить его к памятникам типа Хмильны. Интерпретация же М. Я. Рудынского кажется сомнительной. Даже если информация о наличии пережженных человеческих костей в «жертвенной части» достоверна, то отсутствие в дневнике Ф. И. Каминского упоминаний о связи с «жертвенной частью» любых сосудов, кроме курильницы, заставляет усомниться в том, что речь идет о впускной кремации в сопровождении зарубинецких сосудов.

Комплексы из Дьяченок и Верхней Мануйловки малоизвестны, а потому не вызывали особых дискуссий. Единственным источником с их упоминанием была работа М. Я. Рудынского. К сожалению, информация об этих комплексах подана суммарно, инвентарь перечислен в целом (Рудинський, 1928, с. 22, 24). Ситуация с этими комплексами напоминает случай с Михайловкой. Даже если абсолютно достоверно то, что кремации были впущены в насыпи эпохи бронзы, оснований связывать их с ЗК нет. Среди материала присутствуют достаточно «космополитичные» фибула, наконечник копья и бусы. Что же касается горшка (Рудинський, 1928, с. 21, табл. V:16), то отнести его к типичным зарубинецким формам проблематично.

Резюмируя, отметим, что мы далеки от мысли абсолютно отрицать существование подобных комплексов. Тем более что раскопанное и зафиксированное по современным стандартам погребение Лозивок свидетельствует о противоположном. Речь идет скорее о том, что левобережные памятники и Михайловку некорректно привлекать для дальнейших исследований.

Комплекс около с. Лозивок, Черкасского р-на, был исследован О. В. Битковским в 1989 г. Открытое тут погребение было единственным в насыпи; могильным сооружением служила катакомба со ступенчатым дромосом. Курган ограблен еще в древности, но находки свидетельствуют о наличии тут погребения по обряду кремации на стороне. Среди остатков инвентаря встречены фрагменты чернолощеной керамики ЗК (в т. ч. мисок с подграненными венчиками) и железная фибула среднелатенской схемы. Таким образом, в погребении соединяются черты сарматской (курганная насыпь, катакомба) и зарубинецкой (кремация на стороне, инвентарь) культур (Бітковський, 1992, с. 132—134).

Фибула позволяет датировать это погребение в рамках I в. до н. э., т. е. комплекс относится к периоду спорадических появлений сарматов в Среднем Поднепровье, что представляется чрезвычайно важным. Лозивок, по нашему мнению, маркирует начало нормализации отношений между сарматами и «зарубинцами» после военных конфликтов середины — второй половины I в. до н. э. и начало взаимопроникновения этих групп населения. Обратим внимание на то, что тут наблюдается смешение в равных пропорциях черт зарубинецкого и сарматского обрядов. Напротив, комплексы типа Хмильны иллюстрируют ассимиляцию сарматами выходцев из ЗК, поскольку доминирование сарматских культурных компонентов в этих случаях очевидно.

Прежде чем перейти к общим выводам, еще раз сделаем акцент на следующих моментах:

появление сарматов в Среднем Поднепровье приходится на I в. до н. э., а начиная с рубежа эр они постоянно присутствуют в регионе;

археологически засвидетельствовано вхождение «зарубинцев» как в территориально ближайшие, так и в достаточно отдаленные сарматские

общины; обратной стороной этого процесса является приток вещей сарматского происхождения на зарубинецкие и ранние позднезарубинецкие памятники; наблюдается обмен населением между ареалом ЗК и позднескифскими памятниками низовий Днепра и Крыма, т. е. транзитом через «зону контроля» сарматов; более того, пик активности этого обмена приходится именно на период массированного присутствия сарматов на Правобережье, в частности — в лесостепной его части.

Эти наблюдения позволяют выделить три этапа взаимоотношений между сарматами и носителями ЗК. На первом этапе они имели враждебный характер; фортификационное строительство на зарубинецких городищах, а также несомненные археологические свидетельства сарматских нападений на них говорят именно об этом. Позже (вероятнее всего — на рубеже эр) налаживаются более мирные отношения и начинается постепенное сближение носителей двух традиций, о чем, по нашему мнению, свидетельствует Лозивок. На третьем этапе, начало которого относится к середине I в. до н. э., система мирных отношений сарматов и «зарубинцев» выстраивается окончательно. Наблюдается дальнейшая интеграция этих массивов населения, в частности — через институт экзогамных браков, археологически отраженных в комплексах типа Львово—Хмильна. При этом интеграционный процесс касается не только сарматов, бывших ближайшими соседями «зарубинцев», а и территориально удаленных общин степной зоны. Выше отмечалось, что сарматский компонент в этих отношениях играл ассимилирующую роль, т. е. можно предполагать подчиненность кочевникам по крайней мере части носителей ЗК.

Система взаимоотношений между кочевниками и оседлым населением правобережной лесостепи, по-видимому, была достаточно стабильной. Об этом, по нашему мнению, свидетельствует тот факт, что в условиях распада «классической» ЗК и формирования позднезарубинецких древностей связи между двумя указанными группами населения не разрушаются. Выше указывалось, что основная масса сарматских вещей встречена не на «классических» зарубинецких памятниках, а на памятниках второй половины I в. до н. э. — начала II в. н. э. Достаточно широкие даты сарматских погребений с зарубинецкими компонентами, в частности — Хмильны, позволяют ставить вопрос о том, что институт экзогамных браков функционировал и в конце указанного периода. Таким образом, сложные внутренние процессы в зарубинецкой среде, которые изменили сам облик культуры (Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990; Обломский, Терпиловский, 1991), фактически не затронули отношений с кочевниками.

Еще одной яркой иллюстрацией относительно стабильных отношений между «зарубинцами» и сарматами, на наш взгляд, является формирование тясминской и южнобугской групп памятников. Смещение части населения ЗК после «сарматского разгрома» на юг, ближе к потенциальному врагу, выглядит абсолютно алогично. Скорее следует предполагать, что между этими группами населения существовали мирные отношения на взаимовыгодной основе. Это, однако, не исключает гипотезу о подчиненности (даннической зависимости) позднезарубинецких общин. Неверно было бы настаивать и на том, что предложенная нами модель может быть использована для всего зарубинецкого населения каневского и киевского поречья Днепра. Отток «зарубинцев» из Среднего Поднепровья в более благополучные регионы (в т. ч. и с точки зрения «сарматской опасности») очевиден. Вероятно, каждая конкретная зарубинецкая община (группа общин?) выстраивала взаимоотношения с кочевниками самостоятельно.

Литература

Абрамова М. П. Сарматские погребения Дона и Украины // СА. — 1961. — № 1.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. — 1978. — Вып. Г1—12.

Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. // САИ. — 1966. — Вып. Д1—30.

Бітковський О. В. Сарматсько-зарубинецьке поховання в кургані поблизу с. Лозівок, Черкаської області // Археологічні дослідження, проведені на території України протягом 80-х років державними органами охорони пам'яток та музеями республіки. — К., 1992.

Винокур И. С., *Вакуленко Л. В.* Киселевский могильник I — II вв. н. э. // КСИА. — Симферополь, 1967. — Вып. 112.

Власов В. П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 1997. — Вып. 1.

Власов В. П. О зарубинецких формах в керамическом комплексе поздних скифов Крыма // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 2001. — Вып. 2.

Вязьмітіна М. І. Золота Балка. (Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі.) — К., 1962.

Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. — К., 1972.

Гладких М. І., Рижов С. М., Синиця Є. В. Рятувальні роботи на Канівщині // Археологічні відкриття в Україні 2000 — 2001 рр. — К., 2002.

Гросу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. — Кишинев, 1990.

Древности Приднепровья. — К. — Вып. II.

Камінський Федір (1845—1891). Наукова та епістолярна спадщина / Укладачі: Пустовіт Т. Н., Супруненко О. Б. — Полтава, 1992.

Костенко В. И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья. — Днепропетровск, 1983.

Костенко В. И. Сарматские погребения Приорелья // Древности Степного Поднепровья III — I тыс. до н. э. — Днепропетровск, 1983а.

Кубишев А. І., Покляцький О. В., Симоненко О. В. Про взаємовідносини сарматів з населенням зарубинецької культури // Археологія. — 1987. — Вип. 58.

Кулатова И. Н. К вопросу о сарматских памятниках Полтавщины // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. — Третій обласний науково-практичний семінар. Тези доповідей. — Полтава, 1990.

Кулатова И. Н., Супруненко А. Б. Памятники времени проникновения сармат в Днепровское лесостепное Левобережье // Полтавський археологічний збірник — 1999 (до 1100-ліття м. Полтави за результатами археологічних досліджень). — Полтава, 1999а.

Кулатова И. Н., Супруненко А. Б. Раннесарматские памятники Ворсклинско-Сульского междуречья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова). — Запорожье, 1999.

Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (По данным погребального обряда) // СА. — 1954. — № XIX.

Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. — 1959. — № 1.

Кухарская Е. Н., Битковский О. В. К вопросу об одном типе погребений зарубинецкого времени // Полтавський археологічний збірник. — Полтава, 1994. — Вип. 2.

Максимов Є. В. Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я // Археологія. — 1978. — Вип. 28.

Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. — К., 1982.

Максимов Е. В. К вопросу о зарубинецких городищах на Среднем Поднепровье // Скифский мир. — К., 1975.

Максимов Є. В. Кераміка зарубинецької культури // Археологія. — 1982а. — Вип. 39.

Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. — К., 1972.

Махно Є. В. Поховання на Замковій Горі в Лубнах (розкопки Ф. Камінського 1881 р.) // Археологія. — 1965. — Т. XVIII.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., Петраускас О. В. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. — К., 1990.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в I — II вв. н. э. — М., 1991.

Пачкова С. П., Кубишев А. І. Хронологія Пирогівського могильника // Археологія. — 1992. — № 4.

Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. — 1958. — Вып. 64.

Покровська Є. Ф., Ковпаненко Г. Т. Могильник біля с. Калантаєво // Археологія. — 1961. — Т. XII.

Рудинський М. Археологічні збірки Полтавського державного музею. — Полтава, 1928.

Симоненко А. В. Новые сарматские погребения Нижнего Поднепровья // Скифы и сарматы. — К., 1977.

Симоненко О. В. Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї // Археологія. — 1994. — № 1.

Симоненко О. В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. — 1991. — № 4.

Симоненко А. В. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. — К., 1981.

Симоненко А. В. Сарматы Таврии. — К.: Наукова думка; Киевская академия евробизнеса, 1993.

Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги). — К., 1991.

Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. — Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1984.

Смішко М. Ю. Сарматські поховання біля с. Острівець, Станиславської обл. // МДАПВ. — 1962. — Вип. 4.

Супруненко О. Б. Археологія в діяльності першого приватного музею України (Лубенський музей К. М. Скаржинської). — К. — Полтава, 2000.

Сымонович Э. А. Посуда зарубинецкого типа из Николаевского могильника на Нижнем Днепре // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. — М., 1978.

Терпиловський Р. В. Про культурно-історичну ситуацію першої половини і середини I тис. н. е. // АЛЛУ. — 1998. — № 1—2.

Труды VIII Археологического съезда. — М., 1897. — Том IV.

Фурманська А. І. Дослідження на ділянці В Золотобалківського поселення в 1952 році // АП УРСР. — 1960. — Том IX.

Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. — 1963. — № 4.

Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). — К., 1913.

Хвойка В. В. Поля погребений в Среднем Приднепровье // ЗРАО. — 1901. — Т. XII. — Вып. 1—2.

Шапошникова О. Г., *Фоменко В. Н.* Отчет о работе Ингульской экспедиции за 1973 год // НА ИА НАНУ. — К., 1974. — 1973/8.

Щукин М. Б. На рубеже эр. — СПб., 1994.

Щукин М. Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. — 1972. — Вып. 14.

Щукин М. Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события в Центральной и Восточной Европе // СА. — 1989. — № 1.

Список сокращений

АЛЛУ — Археологічний літопис Лівобережної України

АП УРСР — Археологічні пам’ятки УРСР

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ЗРАО — Записки Российского археологического общества

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

Приложение 1

Антропологический материал из погребения у хутора Хмильна

В 2001 г. археологической экспедицией КНУ имени Тараса Шевченко у хут. Хмильна было открыто погребение. Материалы были исследованы в антропологической лаборатории ИА НАН Украины.

На определение были предоставлены: череп хорошей сохранности и кости посткраниального скелета средней сохранности.

Череп по форме мезокранный. Рельеф развит слабо. Мозговая коробка средней длины и ширины, низкая. Лоб среднеширокий, среднеаклонный. Лицо ортогональное, широкое, высокое, по верхнелицевому указателю — лептен. Лицо хорошо профилированное в средней части, а на уровне орбит на границе хорошо профилированного и умеренно профилированного. Клыковая ямка мелкая. Орбиты широкие, средневысокие, по указателю — мезоконхные. Нос широкий, высокий, по указателю — мезоринный, выступание носа слабое, переносье невысокое. Отмечается короткая зубная формула, фиксируется «зубной камень», стертость верхних моляров — 3—4 балла.

Степень облитерации швов черепа и степень стертости зубов соответствуют возрасту 30—40 лет.

Кости таза частично повреждены, но можно говорить о комплексе признаков, характерных для женского скелета. Таз широкий, низкий, крылья подвздошных костей поставлены более горизонтально, нижние ветви лобковых костей образовывают лобковую дугу, сходятся под углом, близким к 90°, большая седалищная вырезка близка к прямому углу.

Длинные кости скелета средних размеров, мышечный рельеф развит слабо. Рост по формуле Троттера—Глезера 167,1 см, по формуле Мануврие — 166,2 см.

Сочетание таких признаков, как широкое высокое лицо, горизонтальная профилировка лица на уровне орбит на границе резкой и умеренной, неглубокая клыковая ямка, слабое выступание носа, придает черепу сходство с сарматскими сериями Украины, Подонья, Поволжья, Приуралья, Казахстана. Для сарматов всех этих территорий и разных хронологических периодов был характерен европеоидный мезо-брахикральный, широколицый, с легкой уплощенностью лица на уровне орбит тип.

Однако в нашем случае эти признаки представлены в несколько смягченном виде. Это хорошо отражают результаты статистического анализа по формуле Гейнке, когда данный череп сравнивался с разными сериями хронологически близких культур. Сравнение проводилось по ряду наиболее таксономично значимых признаков (длина, ширина, высота черепа, наименьшая ширина лба, высота и ширина лица, ширина и высота орбит, высота и ширина носа, углы горизонтальной профилировки лица, угол выступания носа).

Череп выявил довольно большое статистическое сходство с рядом позднескифских серий: Николаевка-Казацкая, Золотая Балка, Беляус, Неаполь Скифский, хотя довольно близки ему и группы черепов из сарматских памятников Украины (сборная сарматских черепов Украины, сборная Таврии), а также сарматских памятников более восточных территорий: Сала-Манычского междуречья, Поволжья и др.

Надо отметить, что близкие морфологические формы фиксируются и на могильниках черняховской культуры Северного Причерноморья, Молдовы, Восточной Украины и реже — Среднего Днепра, хотя на черняховских могильниках эта морфологическая форма не является ведущей.

Т. Рудич,
антрополог, кандидат исторических наук

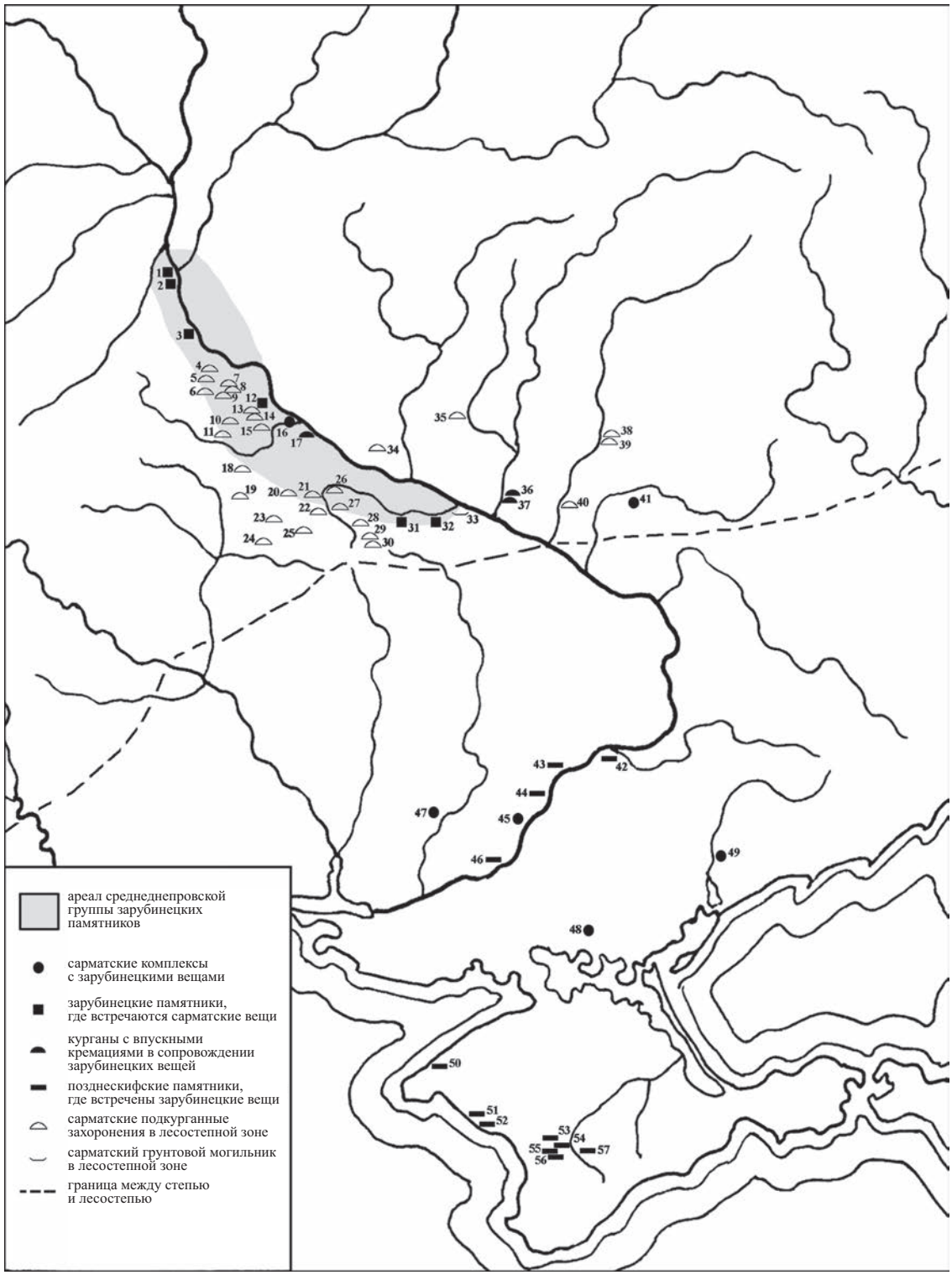
Sinica E. V.

Summary

In diesem Beitrag handelt es sich um den Fund von der sarmatischen Grabstatte aus dem I Jahrhundert n. Chr., die auf dem Territorium des Konevskijs Bezirkes Tscherkassker Gebiets, in der Nahe von Einzelgehoft Chmilna entdeckt wurde. Dabei werden die Ergebnisse der Forschung vom Komplex der Grabstatte vollstandig veroffetlicht. Auf Grund dieser Veroffentlichung erforscht der Autor die Frage, wie sich die Beziehungen zwischen den Trager von sarmatischer und zarubinetskaja Kulturen entwickelt haben. Im mittleren Teil des Stromgebiets vom Dnjepr haben die Beziehungen von feindseligen an Anfangsettape bis zu der volligen Annaherung um die Arawendung und in der Mitte des I Jahrhunderts n. Chr. evolutioniert. Es ist die Integration der Bevolkerungsmassen durch Institution der Ehe zu beobachten. Arcaologische Widerspiegelung dieser Integration ist der Komplex in Cmilna.

Сведения об авторе

Синица Евгений Валентинович — Киев, кандидат исторических наук, ассистент кафедры археологии и музееведения Киевского национального университета имени Тараса Шевченко



Карта 1. **Культурная ситуация в Среднем Поднепровье в конце I в. до н. э. – II в. н. э.:**

1 — Оболонь; 2 — Пирогово; 3 — Таценки; 4 — Краснополка; 5 — Гороховатка; 6 — Запрудье; 7 — Кагарлык; 8 — Бурты; 9 — Липовец; 10 — Емчиха; 11 — Карпыши; 12 — Бабина Гора; 13 — Грищенцы; 14 — Куриловка; 15 — Яблуновка; 16 — Хмильна; 17 — Лозивок; 18 — Петрик; 19 — Рыжановка; 20 — Орловец; 21 — Смела; 22 — Райгород; 23 — Васильков; 24 — Ярошевка; 25 — Журовка; 26 — Залевки; 27 — Березинцы; 28 — Старая Осота; 29 — Цветна; 30 — Ружичевка; 31 — Жаботин; 32 — Суботов; 33 — Калантаево; 34 — Круподеренцы; 35 — Хорол; 36 — Дьяченки; 37 — Верхняя Мануйловка; 38 — Ладыжин; 39 — Макуховка; 40 — Павловка; 41 — Лычково; 42 — Знаменское; 43 — Золотая Балка; 44 — Гавриловка; 45 — Львово; 46 — Николаевка-Казацкая; 47 — Тимофеевка; 48 — Сергеевка; 9 — Аккермень; 50 — Калос-Лимен; 51 — Южно-Донузлавское; 52 — Чайка; 53 — Кермен-Кыр; 54 — Неаполь Скифский; 55 — Альма-Кермен; 56 — Булганак; 57 — Золотое Ярмо

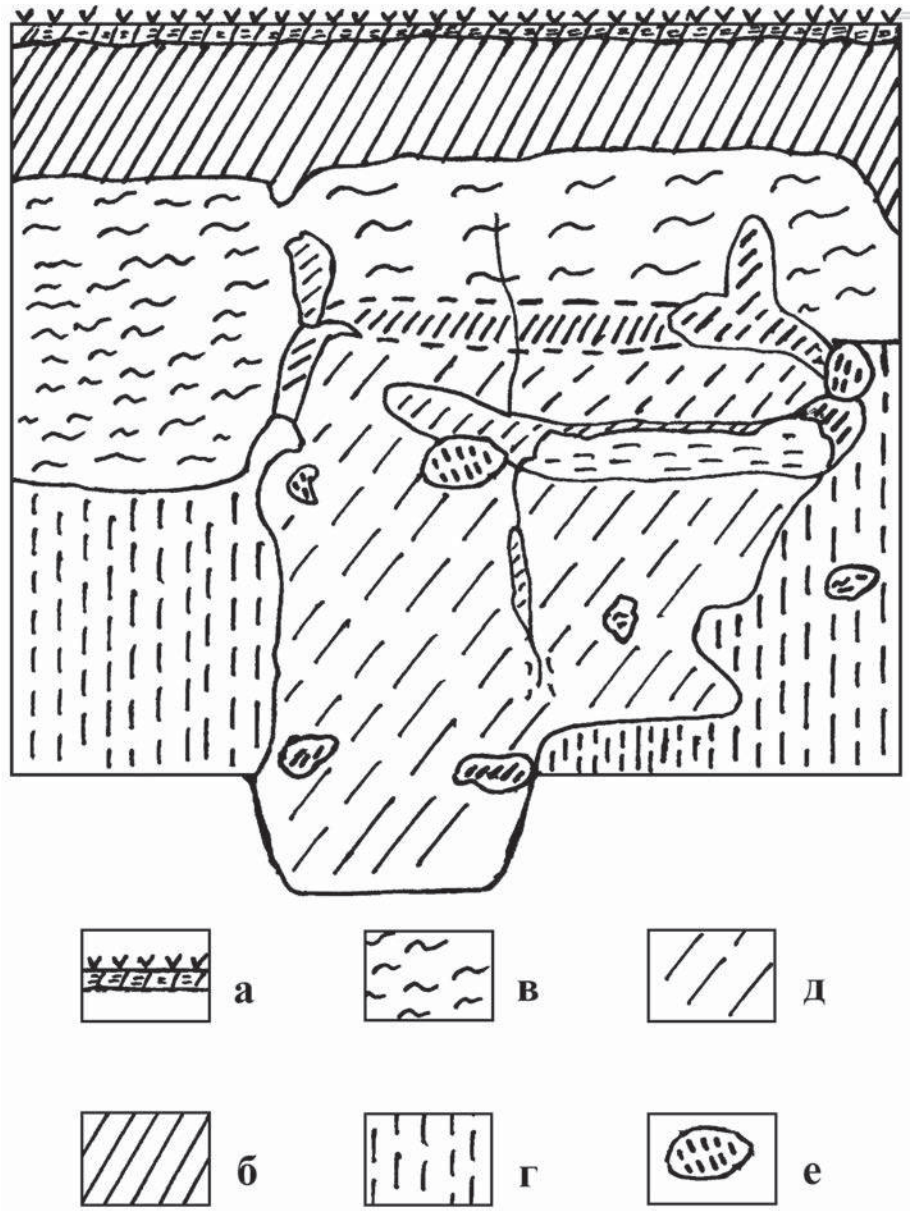


Рис.1. **Разрез северной стенки шурфа на хут. Хмильна:**

а — дерн; б — гумусированный слой; в — желтовато-бурый суглинок;
г — светло-серый лёссовидный суглинок; д — заполнение могильного сооружения; е — кротовины

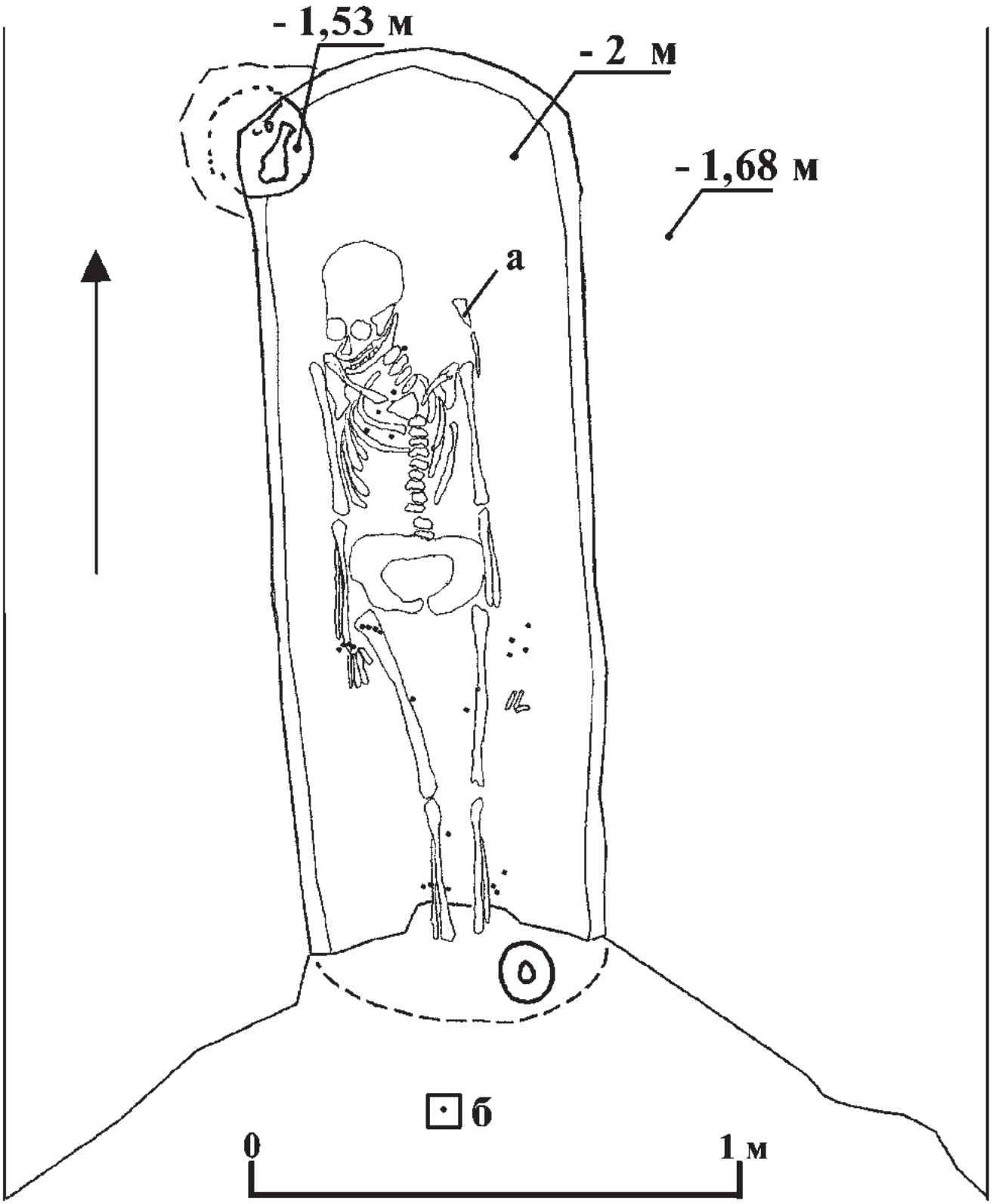


Рис. 2. **План погребения 1 на хут. Хмильна:**

а — кость животного; б — бусы

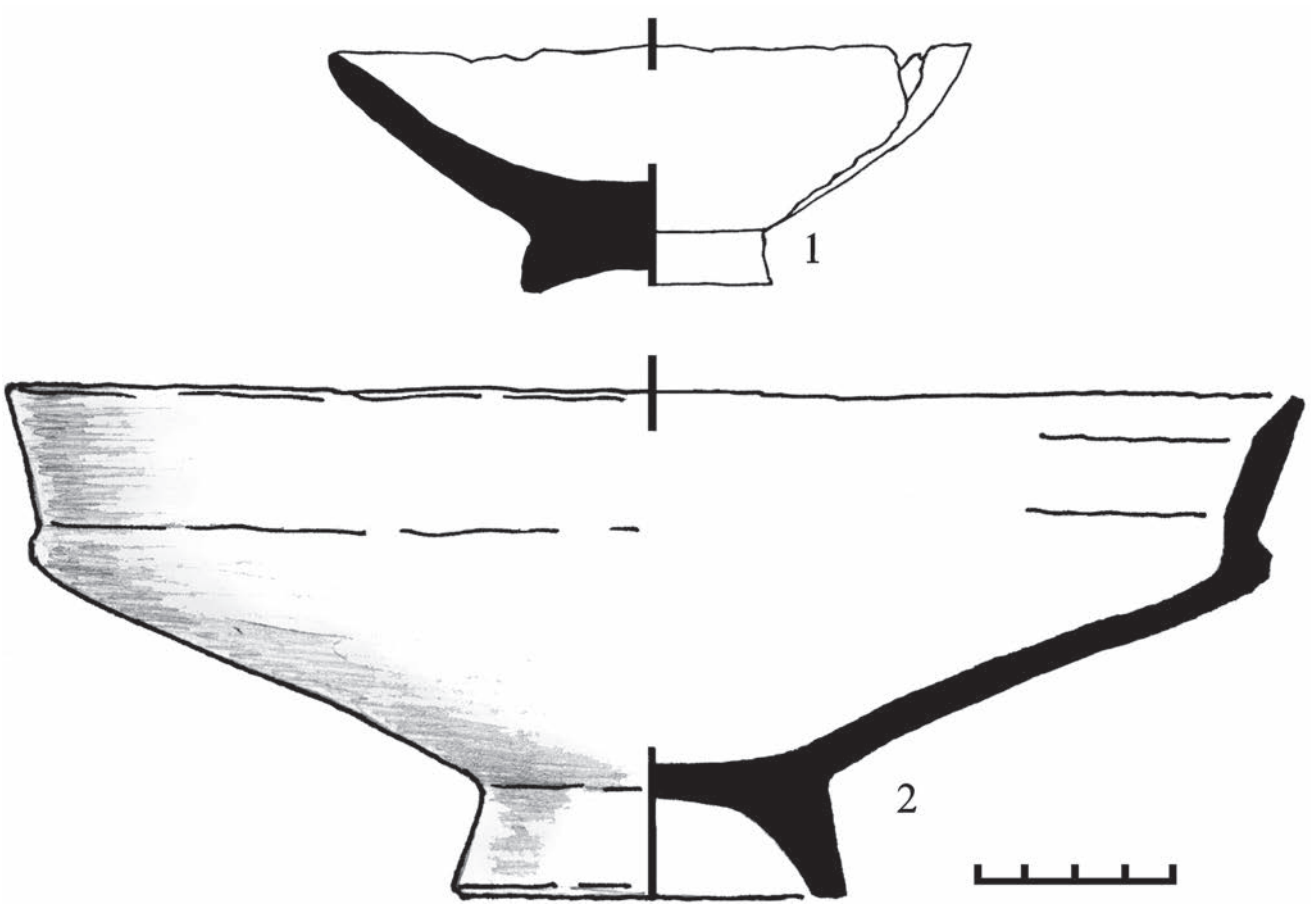


Рис. 3. **Керамические сосуды из погребения 1:**

1 — мисочка-плошка; 2 — чернолощеная зарубинецкая миска

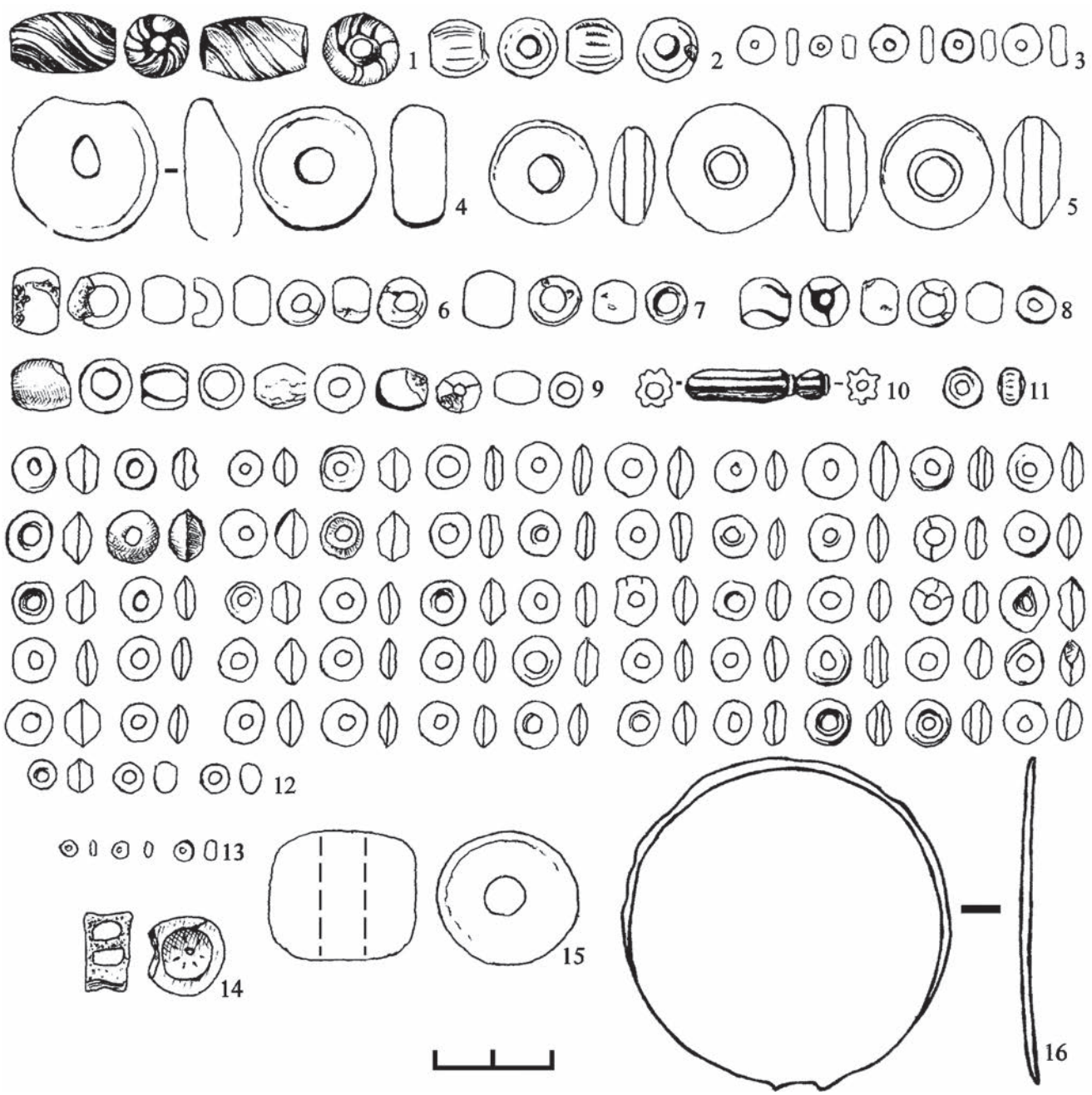


Рис. 4. **Сопровождающий инвентарь из погребения 1:**

1—13 — бусы; 14 — рыбий позвонок; 15 — пряслице (?);
16 — зеркальце (1, 2, 11—13 — стекло; 3 — гагат; 4, 5 — янтарь;
6—10 — стекло с металлической вставкой;
15 — глина; 16 — билон)

Васильев А. А., Савельев О. К. *(Одесса)*

Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная

(хронологический аспект)

Финальный этап развития позднесарматской культуры (середины III—IV вв.) впервые был выделен А. С. Скрипкиным на материалах Поволжья (Скрипкин, 1984, с. 105—116). Историческим рубежом между этим и предшествующим этапом является разрушение Танаиса, виновниками которого автор считает племена готского союза. Именно это вторжение заставило большие массы сарматского населения переместиться в Заволжье. Переход между двумя этапами маркировался прекращением бытования одночленных лучковых фибул вариантов 4 и 5 и зеркал Хазанов IX, с одной стороны, и распространением двучленных лучковых фибул и зеркал Хазанов X, с другой. Уточнить хронологию лучковых фибул А. С. Скрипкину позволил анализ набора застежек некрополей Танаиса, Кобяковского городища и других нижнедонских населенных пунктов, погибших около середины III в. Фибулы двучленной конструкции здесь отсутствуют, следовательно, и появляются они уже после того, как прекращают функционировать нижнедонские центры оседлости. Однако А. С. Скрипкин отмечает, что «вывод о том, что двучленные лучковые фибулы распространяются только с середины III в. правомерен пока только для Нижнего Поволжья» (Скрипкин, 1977, с. 109). В предложенной недавно обновленной схеме хронологии позднесарматской культуры Нижнего Поволжья рубеж между II и III этапами вновь проведен по середине III в. (Кривошеев, 2004).

На Нижнем Дону рубеж между двумя хронологическими этапами рельефно просматривается не только в памятниках оседлого населения, но и в кочевнических древностях. Это объясняется существованием здесь в начальном периоде позднесарматской культуры яркой воинской субкультуры, влияние которой прослеживается вплоть до Дуная, Кавказа и Урала. «Визитной карточкой» донских номадов этого периода являются специфические уздечные наборы, состоящие из серебряных наконечников ремней, блях-подвесок, нащечных блях, бусин-пронизей, пряжек. Как правило, многие из этих изделий оформлены сплошной фасетировкой боковых поверхностей. По одним из наиболее репрезентативных комплексов этого этапа, уздечные наборы описанного облика мы будем именовать типом Высочино—Центральный. В одних погребениях с этими украшениями конской сбруи нередко находят специфические длинные узкие мечи с каменными навершиями, длинные оселки, серебряные обоймы от рукоятей ногаек (*см. например*: Безуглов, 1988; 1997; 2000). С середины III в. на смену «всадническим» погребениям приходят захоронения в специфических катакомбах Т-образной конструкции, которые указывают на северокавказское происхождение нового населения (Безуглов, 1990; Мошкова, Малашев, 1999). С. А. Яценко достаточно обоснованно предположил, что именно мигранты с Северного Кавказа, а не германцы стали причиной разрушений середины III в. в Подонье и Прикубанье (Яценко, 1997).

Недавно В. Ю. Малашевым была предложена дробная схема периодизации ременных гарнитур позднесарматского времени, основанная, в первую очередь, на материалах Подонья с привлечением наиболее репрезентативных комплексов из других регионов. Для создания этой схемы автор использовал корреляционный метод, в итоге получив шесть хронологических групп (I, IIа, IIб, IIIа, IIIб, IV). Как рубеж между этапами IIа и IIб автор сохранил середину III в. (Малашев, 2000).

В публикации, посвященной хронологии и периодизации сарматских древностей Верхнего Подонья, А. П. Медведев датировал финал позднесарматской культуры региона серединой III в. (Медведев, 2004). Такая датировка кажется нам завышенной. В позднесарматских погребениях

региона отсутствуют такие важные индикаторы первой половины III в., как фибулы Амброз 15-I-4,5, пряжки с округлыми обоймами (Малашев П2), детали фасетированных сбруйных наборов типа Высочино—Центральный. Наиболее поздним типом фибул у сарматов Верхнего Дона были сильнопрофилированные причерноморские фибулы с крючком для тетивы варианта 2, по А. С. Скрипкину. Судя по разработкам этого исследователя, пик распространения таких фибул в Поволжье приходится на середину II в., а к концу столетия они уже выходят из употребления (Скрипкин, 1977, с. 113). Вероятно, такая датировка приемлема и для Верхнего Подонья, что отметил и сам автор (Медведев, 2004, с. 91). Пряжки с округлой рамкой равномерной ширины, прямоугольным щитком и коротким прогнутым язычком, плавно переходящим в петлю, характерны для комплексов второй половины II в. (Малашев, 2000, с. 222, рис. 3Г:3, 4). Не позднее начала III в. датируются фигурные пряжки (Труфанов, 2004, с. 168).

Предлагаемую датировку финала позднесарматской культуры на Верхнем Дону А. П. Медведев основывает, прежде всего, на анализе хронологии специфических изделий из женских погребений, которые различные исследователи интерпретируют то как застежки, то как подвески. Ниже мы подробнее остановимся на их атрибуции и хронологии, пока же отметим, что монеты середины III в. из крымских комплексов, на которые ссылается А. П. Медведев (2004, с. 91), маркируют лишь верхнюю дату рассматриваемых изделий. Анализ основных хроноиндикаторов показывает, что в Верхнем Подонье сарматская культура прекращает свое существование приблизительно в рамках последней трети II в., а, следовательно, ее исчезновение в регионе не связано с событиями, приведшими к переходу к финальному этапу позднесарматской культуры.

Для Южного Приуралья М. Г. Мошкова принимает «традиционное» членение позднесарматской культуры на два этапа с рубежом в середине III в. При этом спецификой региона является слабая выраженность древностей финального этапа и выделение группы комплексов, занимающих промежуточное положение между двумя этапами позднесарматской культуры (Мошкова, 2004). Наиболее яркими комплексами этой группы являются погребения в курганах 1—3 могильника Лебедевка VI (рис. 1:A, C). Их специфической особенностью являются сбруйные наборы, основой которых выступают прямоугольные пластины-накладки, сочетающиеся с различными пряжками, бляшками и наконечниками ремней. Помимо Лебедевки, в Приуралье такие наборы открыты в погребениях Покровского (рис. 1:D) и Байрамгуловского могильников. Интересно отметить, что С. И. Безуглов объединяет аристократические погребения Лебедевки с всадническими древностями начального этапа позднесарматской культуры (Безуглов, 1997, с. 137), а В. Ю. Малашев относит погребения в курганах 1 и 3 могильника Лебедевка VI и погребение в кургане 9 могильника Покровка-2 к группе IIа, которая датируется в основном в рамках второй половины III в. (Малашев, 2000, с. 220, рис. 1).

В ходе дискуссии по поводу датировки этих памятников М. Г. Мошкова и В. Ю. Малашев «пришли к соглашению, что они являются как бы переходными (во времени) от форм и стилистики в оформлении пряжек, блях, подвесок предшествующего периода к последующему этапу (начиная со второй половины III в.), отличающемуся другими характерными признаками этих предметов» (Мошкова, 2001, с. 242). Справедлива такая датировка и для Покровки, поскольку в погребении кургана 9 наряду со специфическим сбруйным набором было найдено несколько гончарных сосудов северокавказского производства, которые перестают поступать в Приуралье с середины III в. в связи с драматическими событиями на юге (Малашев, Яблонский, 2003, с. 56).

Охарактеризованная выше двуступенчатая схема хронологии позднесарматской культуры в целом соответствует хронологической системе, созданной для позднеримских древностей Северного Причерноморья А. К. Амброзом и развитой для крымских материалов А. И. Айбабиным (Амброз, 1989, с. 23—27; 1992, с. 7—11; 1995, с. 32—33, с. 77, рис. 2; Айбабин, 1996). Во всех приведенных выше хронологических разработках в качестве рубежной отметки в изменении материальной культуры Северного Причерноморья принималась середина III в. Исторические события, стоящие за этими изменениями, получили название «Скифских» или «Готских» войн. Однако хронология черняховской культуры (археологического отражения готского союза. — Магомедов, 2001), синхронизированная с центральноевропейской системой Эггерса —

Годловского, не знает такого хронологического рубежа, как «середина III в.». Эта дата попадает в первый хронологический этап, который Е. Л. Гороховский датирует около 230—270 гг., О. В. Шаров — 220/230—280/290, а О. А. Гей и И. А. Бажан — 230/240—270/280 (Гороховский, 1988; Шаров, 1992; Гей, Бажан, 1997).

Сравнительно недавно была предложена новая, более дробная схема хронологии могильников Центрального и Юго-Западного Крыма позднеримского времени. В контексте нашего исследования следует отметить выделение авторами фазы 3 (240/250—270/280 гг.), носящей переходный характер и соответствующей эпохе готских войн (Труфанов, Юрочкин, 1999).

Ревизия схемы Амброза—Айбабина и выделение М. Г. Мошковой группы позднесарматских комплексов переходного облика заставляет вновь обратиться к проблеме соотношения начального и финального этапов позднесарматской культуры. При этом наиболее продуктивным нам представляется анализ хронологии отдельно взятых регионов ее ареала[1]. В настоящей работе будут рассмотрены сарматские древности междуречья Днестра и Дуная.

Для указанного региона рубежом начального и финального этапов позднесарматской культуры также традиционно считалась середина III в. (*см. например*: Фокеев, 1998, с. 5—6; Дзиговський, 2000, с. 122 и след.). При этом в Буджаке, так же как и на Нижнем Дону, наблюдается не просто переход к следующей хронологической ступени, а резкая смена всего облика культуры, разрыв традиции, за которым стоит смена населения. А. В. Симоненко обратил внимание на то, что в Буджаке на памятниках, облик которых сложился еще во второй половине/конце II в., известны погребения с индикаторами финального этапа позднесарматской культуры (Симоненко, 2004, с. 211—212). Мы детально рассмотрим хронологию таких погребений и добавим к их числу еще ряд комплексов.

В богатом воинском погребении кургана 9 могильника Нагорное (рис. 1:E) были найдены металлические украшения, входившие в состав различных элементов конского убора (Гудкова, Фокеев, 1984, с. 44—48, рис. 14).

Наиболее необычными для Европейской Сарматии являются четыре прямоугольные бляхи-накладки, по центру одной из которых располагаются два параллельных отверстия прямоугольной формы (рис. 1:E5). Подобные изделия вероятнее всего являются деталями своеобразных ошейников, украшавших шеи высокопородных быстроаллюрных скакунов, именуемых в настоящее время ахалтекинскими (Мошкова, 2001, с. 238).

Более близкими аналогиями бляхам из Нагорного (и в стилистическом и в хронологическом отношении) являются металлические детали конских ошейников из Лебедевских курганов в Приуралье (рис. 1:A, C). Основное отличие заключается в том, что пластины из Нагорного плоские, а у блях из Лебедевки края загнуты, имитируя фасетировку. Различия в профилировке блях из рассматриваемых комплексов позволили В. Ю. Малашеву рассматривать их как различные хроноиндикаторы. Плоские бляхи он считает более ранними. Однако нам кажется, что эти различия не хронологического, а локального порядка. Так, сам В. Ю. Малашев отметил, что на Северном Кавказе не получают распространение характерные для первой половины III в. фасетированные элементы ременных наборов. Их место занимают немногочисленные нефасетированные изделия, морфологически близкие фасетированным (Малашев, 2000, с. 199—200, 211). По количеству блях, их форме, схеме размещения заклепок и прорезей набор из Нагорного ближе комплекту из кургана 1 могильника Лебедевка VI (рис. 1:A), чем набору с плоскими бляхами из конского захоронения 140 могильника Клин-Яр (рис. 1:B).

Другой комплект сбруйных украшений из кургана 9 могильника Нагорное представлен наконечниками ремней и бляхами-подвесками сердцевидной формы. В наборах украшений конской сбруи начального этапа позднесарматской культуры известны бляхи-подвески круглой либо сегментовидной формы. Ближайшей аналогией бляхам из Нагорного являются изделия из погребения 1 могилы 152 некрополя Нейзац (рис. 1:F). В склепе 1/1927 того же некрополя была найдена бляха с тамгой (Соломоник, 1959, № 92), которая по форме близка бляхам, оформленным в сердоликовом стиле из гробницы с золотой маской и кургана 5 могильника Чауш.

Вместе с бляхами-подвесками в погребении 152/1 некрополя Нейзац были найдены наконечники ремней с небольшим расширением в ниж-

[1] Одним из авторов настоящей работы уже была предпринята попытка характеристики комплексов середины III в., открытых на Северном Кавказе (Васильев, 2006).

ней части укороченных пропорций (рис. 1:F1). Ближайшей аналогией этим изделиям являются наконечники обувных ремней из Нагорного (рис. 1:E4). В склепе 17 могильника Нейзац и погребении у с. Мичуринское найдены комплекты практически идентичных наконечников ремней, которые отличаются от описанных выше более стройными пропорциями (рис. 1:G1, H1). Подобные наконечники в комплексах начального этапа позднесарматской культуры имели либо равномерную ширину боковых сторон, либо сужались к нижней части (тип H3а, по В. Ю. Малашеву).

Особый интерес среди инвентаря кургана 9 могильника Нагорное представляет пара биметаллических пластин-накладок (рис. 1:E3). Одна из них была оформлена фасетированными плоскостями, чередующимися с гладкими площадками, на которых размещались заклепки с полусферическими шляпками. Такой стиль оформления отличается от сплошной фасетировки, характерной для изделий начального этапа позднесарматской культуры. Ближайшими аналогиями фасетированной пластине из Нагорного являются парные экземпляры из склепа 17 могильника Нейзац (рис. 1:H2) и пластина из могилы 20 некрополя Дружное (с монетой Галлиена 253—268 гг.). В этом же стиле оформлена квадратная биметаллическая пряжка из погребения 1 могилы 152 некрополя Нейзац (рис. 1:F2), массивная прямоугольная пряжка из могилы 20 Дружного и зажимы повода из кургана 9 могильника Покровка (рис. 1:D2).

Таким образом, погребение из Нагорного позволяет синхронизировать комплексы с наборами украшений конской сбруи типа Лебедевка и типа Мичуринское—Нейзац. Их абсолютная датировка в пределах середины III в. (около 240/250—270/280 гг.) подтверждается упомянутой находкой в Дружном монеты Галлиена, а также найденной с кольцом Малашев C8 (рис. 1:C2, H3) монетой Рескупорида IV, отчеканенной между 242 и 251 гг. (Юрочкин, 1997, с. 305), из погребения 5 могильника Суворово (Зайцев, 1997, с. 105, рис. 58). Поскольку крымские комплексы, позволившие нам выделить особую разновидность сбруйных наборов, были опубликованы уже после выхода работы В. Ю. Малашева, остановимся на их составе подробнее (Мульд, 2001; Храпунов, 2003; 2004, с. 212—218). Как представляется, они являются упрощенной модификацией фасетированных наборов типа Высочино VII, курган 12 — Центральный VI, курган 16, погребение 8. В их составе отсутствуют такие элементы комплектов из погребений начального этапа позднесарматской культуры, как бляхи-нащечники, фасетированные колесовидные псалии, пропеллеровидные пластины-накладки, специфические миниатюрные пряжки Малашев П6. Бусины-пронизи открыты только в нейзацком склепе 17, при этом они оформлены в виде голов животных (рис. 1:H5), что не находит себе аналогий в наборах типа Высочино—Центральный. В этом комплекте отсутствуют бляхи-подвески. При этом в наборах типа Мичуринское—Нейзац появляются наконечники Малашев H3а с плавным расширением к нижнему краю, сердцевидные бляхи-подвески, изделия, оформленные расчлененной фасетировкой.

Эталонным погребением женской субкультуры рассматриваемого этапа может считаться погребение под насыпью кургана 2 могильника Дивизия (Субботин, Дзиговский, 1990, с. 2—4, рис. 3). Рассмотрим наиболее выразительные в хронологическом отношении находки (рис. 2:C).

Бронзовое зеркало (рис. 2:C2) относится к IX типу, по А. М. Хазанову (зеркала с боковым ушком, практически всегда с тамгообразным или геометрическим (солярным) орнаментом на оборотной стороне), который в целом датируется в пределах II—III вв. н. э. Зеркала этого типа распространены на большой территории от Поволжья и вплоть до Румынии (Хазанов, 1963, с. 65—67). Изображенная на зеркале тамга принадлежит к схеме тамги Ининсимея Боспорского (234—239 гг. н. э.), вероятно, выходца из позднесарматской нижнедонской группировки (Яценко, 2001, с. 55—56).

Фибула из Дивизии (рис. 2:C4) — подвязная лучковая двучленная (Амброз 15-III). Определение нижней даты таких застежек вызывает некоторые затруднения. Как уже говорилось, А. С. Скрипкин пришел к выводу о появлении рассматриваемых застежек в Нижнем Поволжье не ранее середины III в. н. э. (Скрипкин, 1977, с. 108—109). Отметив оговорку А. С. Скрипкина о корректности предложенной им датировки в первую очередь для Поволжья, М. П. Абрамова не исключает, что на Северном Кавказе двучленные лучковые фибулы появляются еще в первой половине III в., однако данных, которые позволяли бы говорить об этом уверенно, пока нет (Абрамова, 1996, с. 103).

Двучленные лучковые фибулы действительно пока не найдены в некрополях Танаиса, Кобякова городища и других населенных пунктов, погибших в результате варварских вторжений середины III в. Однако они найдены в Горгиппии, в помещениях, дата гибели которых определяется кладом с последней монетой, отчеканенной в 238 г., и в слоях разрушения Танаиса, датированных боспорской монетой 250 г. (Трейстер, 1982, с. 152, рис. 1:9, с. 155; Гудименко, 2000, с. 275). В Неаполе Скифском фибула интересующего нас типа была обнаружена в слоях горизонта А, по Ю. П. Зайцеву. В рамках этого горизонта выделяются слои разрушения (А1—второй четверти III в.) и слои, сформировавшиеся в ходе финального этапа функционирования города (А2— последней четверти II—второй четверти III вв.) (Зайцев, 2003, с. 20—21, 87, рис. 17:56). В отличие от Танаиса и Горгиппии, в Неаполе двучленная лучковая фибула была найдена и в одном из погребений восточного некрополя этого города (Амброз, 1966, с. 53). В погребении 9 (35) Чернореченского могильника фибула рассматриваемого типа была найдена с двумя монетами Гордиана III (238—244 гг.), застежками Амброз 15-II-4 и 16/2-I-1, серьгами и браслетом с сердоликовыми вставками и другими предметами (Бабенчиков, 1963, с. 97—100).

Находки фибул рассматриваемого типа хорошо известны в Ольвии и Тире (Амброз, 1966, с. 52; Гороховський, Сон, 1989, с. 75, 76), подвергшихся варварскому разгрому в 269—270 гг. (Магомедов, 2001, с. 137—138). В некрополях тех городов Европейского Боспора, жизнь в которых не замерла в бурное время середины III в., известны находки фибул Амброз 15-III с монетами — в погребении 19 (44) некрополя Тиритаки с последней монетой 262 г., и в гробнице 3, открытой в 1894 г. в Керчи, с монетой 268 г. (Амброз, 1966, с. 53). Корпус фибулы интересующего нас типа был найден в слое разрушения поселения Семеновка. В этом слое содержится свыше ста монет, последние из которых — статеры Рескупорида V, отчеканенные в 267 г. (Кругликова, 1970, с. 14, с. 47, рис. 39:1).

Для уточнения времени появления фибул рассматриваемого типа интересна застежка из погребения 793 Усть-Альминского некрополя. Данный экземпляр имеет двучленную конструкцию, форма его корпуса и ножки обычны именно для фибул Амброз 15-III-1. Однако при креплении пружины она была обвита в два с половиной витка вокруг корпуса застежки. Эта конструктивная особенность характерна для двусоставных лучковых фибул, которые А. А. Труфанов датирует концом II/началом III — первой половиной/серединой III вв., при этом с возможностью сужения датировки до второй трети этого столетия. Экземпляр из Усть-Альмы автор публикации считает переходным к лучковым застежкам III серии (Труфанов, 2004а, с. 156).

Представляется, что приведенные данные позволяют принять нижнюю дату двучленных лучковых фибул, предложенную Е. Л. Гороховским и Н. А. Сон, — вторая треть / середина III в. (Гороховський, Сон, 1989, с. 76).

Наконечник ремня (рис. 2:С3) из рассматриваемого погребения оформлен сплошной фасетировкой боковых граней. Наконечник плавно расширяется к нижней кромке, имеющей секировидный контур. Схожие изделия происходят из рассмотренных выше крымских погребений у с. Мичуринское и склепа 17 могильника Нейзац (рис. 1:G1, H1), что имеет существенное значение для синхронизации мужских и женских наборов инвентаря сарматских погребений середины III в.

Интересной и необычной является находка в погребении фибулы-сюльгамы (рис. 2:С1). Концевые дископодобные щитки орнаментированы ромбическими гнездами, центральный щиток имеет подквадратную форму, внутри него изображение «мальтийского креста». Эмаль на щитках отсутствует, видимо, выпала со временем. По трем углам ромбических гнезд представлены точечные орнаменты, сделанные в виде треугольников (по три точки в каждом). Сюльгамы известны, например, в погребении 8 Холмского, погребении 5 у с. Старые Бедражи, погребении 1/1985 г. некрополя Танаиса, погребении 1 кургана 25 и погребении 1 кургана 41 могильника Львовский Первый-2 в Дагестане, а также в некоторых сарматских памятниках Калмыкии, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа (Гудкова, Фокеев, 1984, с. 13, рис. 4:17; Kurciatov, Bubulici, 1997, p. 224, fig:3, 2; Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 8, рис. 3:6; Абрамова, Красильников, Пятых, 2000, с. 64, рис. 20:6, 31:1; Абрамова, 1997, с. 219).

Наличие сюльгам в степных комплексах II—III вв. н. э. к востоку от Дона предположительно считается результатом связей кочевников с миром лесных и лесостепных оседлых

культур Волго-Камского бассейна (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 209). По стилистическим особенностям этим застежкам наиболее близка сюльгама из погребения 8 Холмского[1], чего нельзя сказать о фибулах-сюльгамах из Дивизии и Старых Бедражей. Они представляют иную стилистико-культурную традицию и входят в группу украшений с выемчатыми эмалями Восточной Европы. Историография по проблеме происхождения и датировки сюльгам весьма обширна (Гороховський, 1982, с. 16—19). Большая работа по картографированию, классификации, хронологии подковообразных фибул была проделана Е. Л. Гороховским (Там же). Дивизийская сюльгама не находит точной аналогии в схеме исследователя. Наибольшую схожесть она демонстрирует с фибулой из Черняхов I — по аналогичному изображению «мальтийского креста» в центральном щитке, и с фибулой из Румшишкес — по схожим ромбовидным гнездам на концевых (Там же, с. 26, рис. 6:6, 10). Первая фибула входит в тип 3 серии Тростянец—Черняхов I, а вторая представляет вариант А тип 2 Днепро-Неманско-Мазурской серии. Обе застежки диагностируют фазу В и охватывают период конца II — первой половины III вв. н. э.

Бронзовый предмет в виде свернутой из пластины трубки (рис. 2:С5) представлен в широком географическом пространстве и находит самые прямые аналогии. Недавно А. Коковским была опубликована сводка подобных изделий (Kokovski, 2004, s. 42—43, z. II), которая может быть дополнена целым рядом восточноевропейских находок.

Ближайшие в территориальном отношении находки подобных изделий происходят из погребений № 8, 19, 23 могильника Холмское (Гудкова, Фокеев, 1984, с. 12, рис. 4:16, с. 18, рис. 7:4, с. 22, рис. 9:5). Такие же изделия были найдены в сарматских погребениях Пашканы в Молдавии, Фокшаны в Румынии, кургане 5 могильника Шевченко в Северном Приазовье, кургане 46 Ново-Никольского могильника на Верхнем Дону (Гросу, 1983, с. 32, 35, рис. 2:15; Моринц, 1959, p. 456, fig. 3:3, 4:4; Шепко, 1987, с. 163, 172, рис. 4:17—19; Медведев, 2004, рис. 1:54). Серия предметов происходит из могильников Крыма: могил № 6 и 11 Бельбека III, склепов № 1, 14 и подбойной № 56 восточного некрополя Неаполя Скифского, подбойной могилы № 24 Дружного, погребения 3 могилы № 656 могильника Усть-Альмы, погребений Б-44 и Л-36 могильника Скалистое III, из могильника Совхоз-10 и из могилы № 4 грунтового могильника городища у с. Михайловки, Ленинского района Крыма (Гущина, 1974, с. 43, 52—53, рис. IV:23, V:15; Сымонович, 1983, с. 25, 29, 35, 67, табл. XXXVIII:34—36; Храпунов, 1995, с. 530, 535—536, рис. 3:3; Труфанов, 1999, с. 227—228, рис. 2:12; Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 136, рис. 5:14, 8:95; Белов, 1927, с. 185, рис. 51; Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003—2004; Бейлин, 2005, с. 10—11, рис. 1:7). Серия таких вещей происходит из памятников Нижнего Дона (Горбенко, Косяненко, 2006, с. 240—241, 244—246, рис. 7:а—б). Один предмет происходит из черняховского поселения Рипнив II (Баран, 1981, с. 118, рис. 47:2). И наконец, такой предмет известен в могильнике, который связывается с карпами (Bichir, 1967, p. 213—214, fig. 22:1—2; Bichir, 1976, tabl. CLXXXV:1—2).

По поводу назначения этих предметов существует несколько точек зрения. Они были рассмотрены И. Н. Храпуновым (1995, с. 536—537). Не будет лишним перечислить их здесь с некоторыми дополнениями:

1. Амулеты (И. И. Гущина, В. М. Косяненко)[2]. И. Н. Храпунов отмечает, что амулетами они вряд ли служили, так как ни один из них амулетов не содержал, а также то, что у сарматов не известно таких амулетов, которые можно было бы носить в подобных изделиях.

2. Застежки-зажимы (А. В. Гудкова, М. М. Фокеев). Невозможность использования их в качестве зажимов была аргументированно показана И. Н. Храпуновым. И действительно, непонятно, что могли скреплять эти вещи, к тому же весьма неудобные для такого действия.

3. Подвеска, возможно, замочек к ожерелью (В. И. Гросу). Совсем непонятна реконструкция В. И. Гросу (Гросу, 1990, с. 193, рис. 23:15), судя по которой можно понять, подвески носили на

[1] Схожие по форме фибулы-сюльгамы известны и в западных провинциях Империи (Böhme, 1972. P. 46, Taf. 31; Bayley, Butche, 2004, p. 136). Здесь, видимо, речь должна идти не о прямых заимствованиях, а о конвергентном развитии этой довольно простой конструкции в разных регионах.

[2] Несколько позже И. И. Гущина с соавторами определила такие предметы, происходящие из могильника Скалистое III в Юго-Западном Крыму, как игольники (Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 136).

шее. Погребение у с. Пашканы, на материалы которого опирается автор, было разрушено, и предмет был найден не in situ (кстати, в могиле 24 Дружного он находился слева от тазовых костей вместе с железным ножом).

4. Игольники (Э. А. Сымонович, А. А. Труфанов). Как заметил И. Н. Храпунов, иглы в них не находили, а для этих целей использовались настоящие трубчатые игольники, неоднократно обнаруженные вместе с иглами внутри. Мнение о невозможности использования этих вещей как игольников поддержал Д. В. Бейлин (Бейлин, 2005, с. 11).

Таким образом, все вышеперечисленные взгляды являются недостаточно убедительными, и, по мнению И. Н. Храпунова, назначение изделий остается неясным. Однако следует сказать, что непосредственный осмотр таких изделий из сарматских некрополей Буджака показал, что внутри прекрасно сохранившегося экземпляра из погребения 19 Холмского находится несколько окисленная бронзовая игла. Этот факт делает определение подобных вещей как игольников наиболее предпочтительным.

По оформлению игольники можно разделить на два типа, причем тип 2 условно распадается на два варианта. В первый тип выделяются игольники, у которых корпус гладкий, во второй — у которых по корпусу нанесен орнамент: либо мелкими выступами, сделанными точечными вдавлениями изнутри (вариант 1), либо, наоборот, нанесенными на внешнюю поверхность предметов (вариант 2)[1].

Нижняя дата рассматриваемых изделий определяется совместными находками с монетой Антонина Пия чеканки 152—153 гг. в могиле № 656 погребения 3 Усть-Альмы, с парой фибул Амброз VII (в основном C_{1a} (Godlowski, 1992, p. 31, Abb. 9:1) — около 150/160—200 гг. н. э.) в погребении 19 могильника Холмское, с сильнопрофилированной фибулой с крючком для тетивы варианта 2, по А. С. Скрипкину, в погребении 3 (Л) 1981 могильника Крепостного городища.

Верхнюю дату маркируют находки из могильника № 11 Бельбека III с херсонесской монетой 240—250 гг. и могильника № 24 Дружного с позднейшей монетой Траяна Деция (249—251 гг.) (рис. 2:A, F). Монета Констанция II (337—361 гг.) из фокшанского погребения в расчет не принимается, так как достоверность ее находки в закрытом комплексе весьма проблематична (Моринц, 1959, p. 451, 467).

Таким образом, двучленные шарнирные игольники следует датировать второй половиной/последней третью II в. — серединой III в. Такой вывод подтверждается и разработанной А. А. Труфановым системой относительной и абсолютной хронологии культуры «поздних скифов» Крыма. Интересующие нас изделия появляются в период B_3 (135/140—160/165 гг. н. э.) и бытуют вплоть до периода $Г_2$ (195/205—240/250 гг. н. э.), т. е., в сущности, до исчезновения основной массы «позднескифского» населения в Крыму (Труфанов, 1997, с. 272—273).

В кургане 7 того же буджакского могильника Дивизия (рис. 2:B) одночастный наконечник ремня с плавным расширением в нижней части, оформленный сплошными фасетками, аналогичный упомянутым выше, был найден с двучленной лучковой фибулой (Субботин, Дзиговский, 1990, с. 6—7, рис. 6). В погребении 23 могильника Холмское были найдены игольник и зеркало, аналогичные находкам из кургана 2 могильника Дивизия, и фибула, прямые аналогии которой отсутствуют (рис. 2:D). Фибула подвязная, ее корпус изготовлен из бронзовой пластины, по форме он близок лучковым фибулам, но застежка имеет не пружинную, а шарнирную конструкцию, при этом игла была изготовлена из железа (Гудкова, Фокеев, 1984, с. 19, 22, рис. 9:5, 7, 11). На наш взгляд, эта конструктивная деталь является следствием ремонта данного экземпляра. У одночленных лучковых и реже у некоторых других типов фибул от интенсивного износа отламывалась пружина с иглой (Кропотов, 2001, с. 180). Однако в отличие от Крыма, где в этом случае восстанавливали пружинный аппарат, в Буджаке при ремонте, вероятнее всего, взяли за образец распространенные здесь шарнирные фибулы XI серии А. К. Амброза, нередко изготовленные из железа (Дзинилор, курган 8; Боканы, курган 10). Двучленная лучковая фибула с практически идентичным корпусом происходит из кургана 27 могильника Львовский Первый-2 в Дагестане (Абрамова, Красильников, Пятых, 2000, с. 93, рис. 22:4).

Рассмотренные выше комплексы следует датировать приблизительно 240—270 гг. Помимо этого, в регионе имеется еще ряд комплексов, ко-

[1] К сожалению, в публикациях не всегда уделяется внимание этим мелким деталям.

торые нельзя датировать столь узко, но их верхнюю дату следует продлить до 60-х гг. III в.

В погребении кургана 9 могильника Нагорное была найдена шарнирная фибула с завитком на конце пластинчатого приемника. Как уже говорилось, железные экземпляры застежек этого типа были найдены в курганах 8 могильника Дзинилор и 10 могильника Боканы, пружинная застежка этой группы была найдена с зеркалом Хазанов IX в кургане 40 могильника Старые Куконешты II. Железная шарнирная фибула рассматриваемого типа была найдена и в склепе 17 могильника Нейзац.

В кургане 5 могильника Дзинилор была найдена фибула Амброз 15-I-5 (Гросу, 1990, с. 188, рис. 18:А). Такая же застежка происходит из рассмотренного выше погребения у с. Мичуринское. О том, что позднейшие варианты (4/5 — между ними иногда трудно установить жесткую границу, *см.*: Кривошеев, 2005, с. 145) лучковых фибул I серии могут встречаться и во второй половине III в., свидетельствует совместная находка такой застежки с монетой Диоклетиана (284—305 гг.) в погребении 39а могильника I у Совхоза-10 (Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003—2004).

Вероятно, список таких погребений можно и продолжить, однако для этого необходимо создание хронологической системы для памятников региона, соответствующей современному уровню разработок в этой области. Пока мы лишь ограничиваемся констатацией того, что верхняя дата рассмотренных памятников должна быть омоложена на несколько десятилетий.

В этнокультурном отношении комплексы переходного этапа генетически связаны с населением, оставившим памятники «золотого века» сарматской культуры в Буджаке, которые связывают с роксоланами (Дзиговський, 2000, с. 128, 150; Дзиговский, 2003, с. 139—168). Однако деформированный череп и «огненный ритуал» заставляют видеть в аристократе, погребенном в кургане 9 могильника Нагорное, мигранта с востока. Если исход нижнедонской позднесарматской элиты начался с конца 30-х гг. III в., т. е. еще до падения Танаиса, а свидетельство Юлия Капитолина об участии алан в столкновениях с римлянами на Дунае в 242 г. достоверно (Дзиговский, 2003, с. 201), то эти факты, безусловно, взаимосвязаны.

Дальнейшая судьба буджакских роксоланов не ясна. Вероятно, большая их часть уходит на запад, достигая «сарматской» Пусты. Возможно, именно с контактами этой группы сарматов и их миграциями связано широкое распространение двучленных лучковых фибул на территории современной Румынии (Diakonu, 1971, S. 241, Taf. I, S 247, Taf. VII:11—16, S. 255, Taf. IX:6—8). Как представляется, нижнедунайские сарматы входили в состав огромного варварского войска, перешедшего в поисках земель для поселения границу Империи в 269 г. Не исключено, что именно они могут скрываться под именем певкинов в списке варварских племен, приведенном автором «Жизнеописания Клавдия». По словам Х. Вольфрама, «Певка как общее название страны бастарнов на Нижнем Дунае, которая одновременно является пограничной с Римской империей территорией, продолжает существовать в литературе и может быть перенесена на различные народности» (Вольфрам, 2003, с. 198, прим. 128).

Следующий культурно-хронологический горизонт позднесарматских погребений Буджака представлен небольшой группой катакомбных погребений, которые датируются второй половиной III в. (Васильев, Дзиговский, 2001—2002; Дзиговский, 2003, с. 196—198). При этом наиболее репрезентативные комплексы указывают на период 270—280 гг. (Васильев, 2005, с. 55—60). Учитывая специфику половозрастной структуры населения, оставившего эти памятники, их территориального размещения и некоторых особенностей погребального инвентаря, мы пришли к выводу о том, что они оставлены участниками набегов на нижнедунайскую границу Империи (Васильев, Дзиговский, 2001—2002, с. 331—332; Дзиговский, 2003, с. 199).

Вполне вероятно, что группы автохтонов и мигрантов имели кратковременный контакт. Такой вывод позволяет сделать находка практически идентичных золотых, украшенных филигранью лунниц в яме с заплечиками, открытой на могильнике Курчи (курган 32 погребения 2), и в катакомбном погребении в кургане 26 могильника Градешка (Гудкова, Редина, 1999). Вероятно, синхронно пересечению двух хронологических и культурных групп и другое погребение в яме с заплечиками, открытое на могильнике Курчи, под насыпью кургана 14 (Фокеев, 1991, с. 58). Если некоторое пересечение датировок двух групп позднесарматских погребений Буджака подразумевает физическое соприкосновение оставившего их населения, то

достоверно установить его характер не представляется возможным. Можно лишь предположить, что если потомки нижнедонских «всадников» занимали место среди роксоланской элиты Буджака, то отношение к ним «катакомбников», связанных с аланами-танаитами и «новыми» аланами Северного Кавказа, должно было быть враждебным. Впрочем, история взаимоотношений между варварами эпохи переселений знает примеры как непримиримой вражды, так и временных союзов, в которых такая вражда отходила на второй план.

Литература

Абрамова М. П. Фибулы Хумаринского могильника (II—III вв. н. э.) // ИАА. — 1996. — Вып. 2.

Абрамова М. П. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков нашей эры // МАИЭТ. —1997. — Вып.VI.

Абрамова М. П., Красильников К. И., Пятых Г. Г. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-2 // Труды Дагестанской Экспедиции. Т. I., 2000.

Айбабин А. И. Население Крыма в середине III — IV вв. // МАИЭТ. — 1996. — Вып. V.

Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // БС. — 1992. — Вып. 1.

Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. — 1966. — Вып. Д 1—30.

Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа V—VII вв. — М., 1989.

Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV—VII вв. // МАИЭТ. — 1995. — Вып. IV.

Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981—1995 гг. — М., 2001.

Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // АП УРСР. Т. 13, 1963.

Баран В. Д. Черняхівська культура. — Київ, 1981.

Безуглов С. И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // ИАИАНД. — 1990. — Вып. 9.

Безуглов С. И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // ИАИАНД. — 1997. — Вып. 14.

Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. МИАД. — 2000. — Вып. 1.

Безуглов С. И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. — 1988. — № 4.

Бейлин Д. В. Могильники римского времени в районе с. Октябрьское и с. Михайловка // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. — Керчь, 2005.

Белов Г. Д. Римские приставные склепы № 1013 и 1014 // ХСб. Вып. II. — Севастополь, 1927.

Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму // СА. — 1976. — № 4.

Васильев А. А. К вопросу о переходе от начального к финальному этапу позднесарматской культуры на Северном Кавказе // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. — Нальчик, 2006.

Васильев А. А. Некоторые замечания к хронологии позднесарматских древностей // Археологические записки. Вып. 4. — Ростов-на-Дону, 2005.

Васильев А. А., Дзиговский А. Н. Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Буджака // STRATUM +. — 2001—2002. — № 4.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). — СПб., 2003.

Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). — М., 1997.

Горбенко А. А., Косяненко В. М. Погребения из некрополя Крепостного городища (раскопки 1980—1981 гг.) // ИАИАНД. — 2006. — Вып. 21.

Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. — Киев, 1988.

Гороховський Є. Л. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчастою емаллю // Археологія. — 1982. — № 38.

Гороховський Є. Л., Сон Н. О. Фібули з Тіри // Археологія. — 1989. — № 3.

Гросу В. И. Новые сарматские памятники на территории Молдавии // АИМ в 1979—1980 гг., 1983.

Гросу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. — Кишинев, 1990.

Гудименко И. В. Погребения позднеантичного времени у хутора Рогожкино в дельте Дона // Сарматы и их соседи на Дону. МИАД. — 2000. — Вып. 1.

Гудкова А. В., Редина Е. Ф. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Вип. VII. — Запоріжжя, 1999.

Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. — Киев, 1984.

Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1974.

Дзиговский А. Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. — Одесса, 2003.

Дзиговський О. М. Культура сарматів Північно-Західного Причорномор'я. — Одеса, 2000.

Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). — Симферополь, 2003.

Зайцев Ю. П. Охранные исследования в симферопольском, белогорском и бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994. — Симферополь, 1997.

Кривошеев М. В. Фибулы из сарматских комплексов второй половины II — первой половины III вв. н. э. в южной части Волго-Донского междуречья // Четвертая кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. — Краснодар, 2005.

Кривошеев М. В. Хронология позднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры

Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». — Краснодар, 2004.

Кропотов В. В. Фибулы из могильников Дружное и Нейзац // АВ. — 2001. — № 8.

Кругликова И. Т. Раскопки поселения у дер. Семеновка // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. — М., 1970.

Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса // Monumenta Studia Gothica. T. I. — Lublin, 2001.

Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. МИАД. — 2000. — Вып. 1.

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Мультикультурные связи населения Южного Приуралья в позднесарматское время // Городцовские чтения. Ч. II. — М., 2003.

Медведев А. П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматы и их соседи на Дону. МИАД. — 2004. — Вып. 1.

Моринц С. Некоторые вопросы сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с фокшанским погребением // Dacia. — 1959. — № 3.

Мошкова М. Г. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. — Волгоград, 2001.

Мошкова М. Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. — Краснодар, 2004.

Мошкова М. Г., Малашев В. Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. — Волгоград, 1999.

Мульд С. А. Позднесарматское погребение в Центральном Крыму // МАИЭТ. — 2001. — Вып. VIII.

Симоненко А. В. Некоторые позднесарматские элементы в черняховских ингумациях // БИ. — 2004. — Вып. VIII.

Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. — 1977. — № 2.

Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. — Киев, 1959.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. М. Население округи Херсонеса в 1-й половине I тыс. н. э. // Stratum plus. — 2003—2004. — № 4.

Субботин Л. В., *Дзиговский А. Н.* Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья (курганные могильники Дивизийский и Белолесский). Ч. II. — Киев, 1990.

Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя Скифского). — Киев, 1983.

Трейстер М. Ю. Фибулы из Горгиппии / Горгиппия. Т. 2. — Краснодар, 1982.

Труфанов А. А. К вопросу о периодизации культуры поздних скифов Крыма // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. — Одесса, 1997.

Труфанов А. А. Могила 656 Усть-Альминского позднескифского некрополя // ХСб. — 1999. — Вып. X.

Труфанов А. А. Некоторые датирующие признаки в конструкции лучковых фибул Северного Причерноморья // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. — СПб, 2004.

Труфанов А. А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. — 2004а. — № 3.

Труфанов А. А., Юрочкин В. Ю. Боспоро-Херсонесские отношения и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии III — IV вв. н. э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. — СПб, 1999.

Флёров В. С., Малашев В. Ю. Сбруйный набор III в. из могильника Клин-Яр (Кисловодск) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. — Донецк, 2000.

Фокеев М. М. Позднейшие сарматские могильники в степи между Днестром и Дунаем // ДЮЗ СССР. — Кишинев, 1991.

Фокеєв М. М. Населення Буджацького степу у I ст. до н. е. — IV ст. н. е.: Автореф. дис. канд. іст. наук. — Одеса, 1998.

Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. — 1963. — № 4.

Храпунов И. Н. Новые данные о сарматогерманских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // БИ. — 2003. — Вып. III.

Храпунов И. Н. Погребение середины III в. н. э. из могильника Дружное // МАИЭТ. — 1995. — Вып. IV.

Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. — 2004. — Вып. 6.

Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // ПАВ. — 1992. — Вып 1.

Шепко Л. Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. — 1987. — № 4.

Юрочкин В. Ю. О хронологии Суворовского позднеантичного могильника // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. — Одесса, 1997.

Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. — М., 2001.

Яценко С. А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236—276 // STRATUM + ПАВ, 1997.

Bayley J., Butcher S. Roman brooches in Britain. — London, 2004.

Bichir Gh. La civilization des carpes (II—III siècle de n. è.) à la lumière des fouilles archéologiques de Poiana-

Dulceşti, de Butnăreşti et de Pădureni // Dacia. — 1967. — № XI.

Bichir Gh. The Archaeology and history of the Carpi from the Second to the Fourth Century A. D. // BAR. Supplementary Series. — 1976. — № (II). 16.

Böhme A. Die fibeln der Kastelle Saalburg und Zugmantel // Saalburg Jahrbuch. — 1972. — № XXIX.

Diakonu Gh. Über die Fibel mit umgeschlagenem Fuss in Dazien // Dacia. — 1971. — T. XV.

Godlowski K. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in der Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènzeit bis zum Frühmittelalter. — Kraków, 1992.

Kokowski A. Przyczynek do historii kontaktów germanów i sarmatów w świetle badań archeologicznych // Studia Sarmatica. Sarmaci I Germanie. T. I. — Lublin, 2004.

Kurciatov S., Bubulici V. Necropola de la Badragii Vechi şi problema fazei finale a culturii sarmatice // Vestigii arheologice din Moldova. — Chişinău, 1997.

Список сокращений

АВ — Археологические вести (Санкт-Петербург)

АИМ — Археологические исследования в Молдавии (Кишинев)

АП УРСР — Археологічні пам’ятки (Київ)

БИ — Боспорские исследования (Симферополь)

БС — Боспорский сборник (Москва)

ИАА — Историко-археологический альманах (Армавир — Москва)

ИАИАНД — Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону (Азов)

ИРОМК — Известия Ростовского областного музея краеведения (Ростов-на-Дону)

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)

МИАД — Материалы по истории и археологии Дона (Ростов-на-Дону)

ПАВ — Петербургский археологический вестник (Санкт-Петербург)

РА — Российская археология (Москва)

СА — Советская археология (Москва)

САИ — Свод археологических источников (Москва)

ХСб — Херсонесский сборник (Севастополь)

BAR — British Archaeological Reports (Oxford)

Vasiliev A. A., Saveliev O. K.

Transfer from the Initial to the Final Stage of the Late Sarmatian Culture in the Area Between the Dniester River and the Danube River

(Chronological Aspect)

Abstract

Singling out of cultural and chronological horizons in the framework of Late Sarmatian cultural and historical community have been undertaken by a number of researchers based on the archaeological materials from different regions, mainly Lower Don area, Northern Caucasus, Lower Volga area and Southern Ural. The chronological boundary between the early phase of the Late Sarmatian culture and the one that followed until now was soundly believed to be destruction of Tanais in the middle of III Century AD. In this article an attempt was made to consider the similar issues as applied to the North-Western Black Sea area. Specially considered are some burial complexes, which contained a number of pronounced chronological markers, their chronology determined. According to the opinion of the authors, these burial places are the latest in the framework of the Late Sarmatian culture in Budzhak and could be dated approximately 240 — 270 AD.

Сведения об авторах

Васильев Александр Александрович — старший преподаватель кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ им. И. И. Мечникова
Украина, Одесса, Щепкина, 12
E-mail: a.vasiliev@onu.edu.ua
Савельев Олег Константинович — сотрудник отдела археологии Северо-Западного Причерноморья ИА НАНУ
Украина, Одесса, пер. Маяковского, 7
E-mail: sav_reun@ukr.net

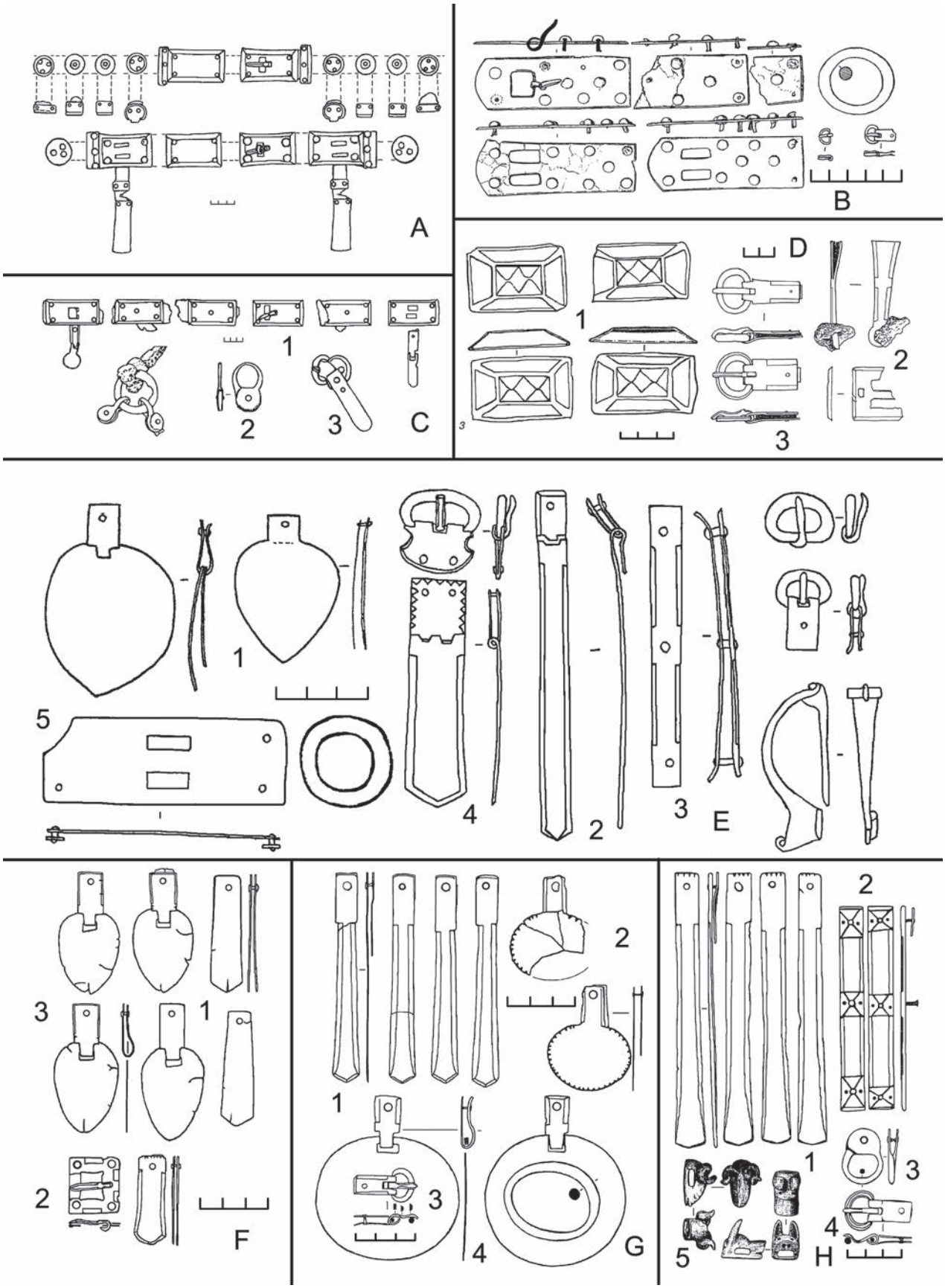


Рис. 1. A — Лебедевка VI, к. 1 (по Мошковой, 2001); B — Клин-Яр (по Флерову, Малашеву, 2000); C — Лебедевка VI, к. 3 (по Мошковой, 2001); D — Покровка, к. 9 (по Флерову, 1999); E — Нагорное, к. 9. (по Гудкову, Фокееву, 1984); F — Нейзац, мог. 152/1 (по Храпунову, 2003); G — Мичуринское (по Мульд, 2001); H — Нейзац, склеп 17 (по Храпунову, 2004)

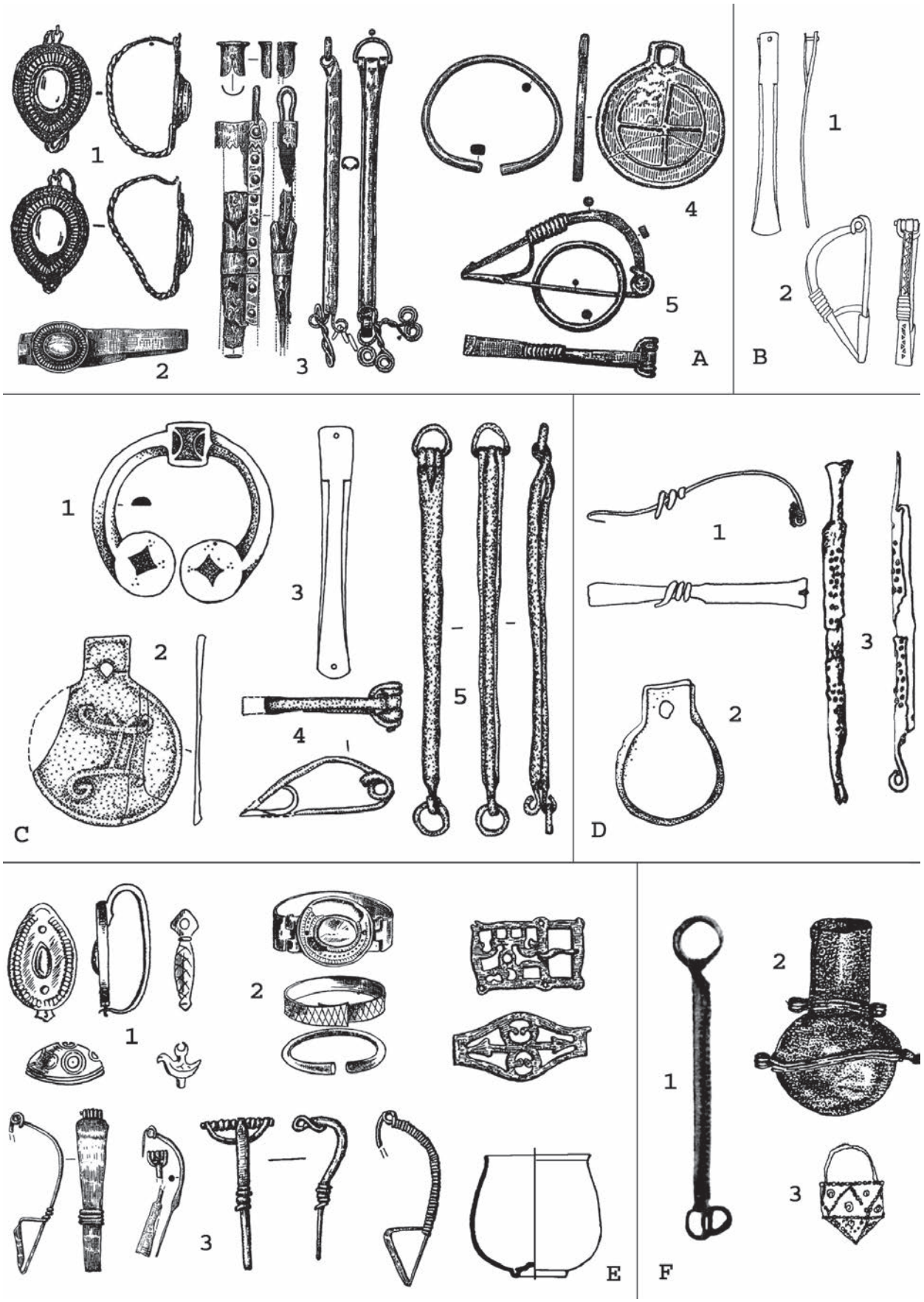


Рис. 2. A — Дружное, мог. 24 (по Храпунову, 1995); B — Дивизия, к. 7 (по Субботину, Дзиговскому, 1990); C — Дивизия, к. 2 (по Субботину, Дзиговскому, 1990); D — Холмское, к. 23 (по Гудкову, Фокееву, 1984); E — Черная Речка, п. 35 (по Бабенчикову, 1963, Айбабину, 1996), F — Бельбек III, п. 11 (по Гущиной, 1974)

Любичев М. В.

Киево-черняховские контакты ступеней C_{1b}—C_2 на территории днепро-донецкой лесостепи в свете выделения «горизонта Боромля»

Проблема контактов носителей киевской и черняховской культур имеет более чем двадцатилетнюю историографию. Ей посвящены специальные исследования Р. В. Терпиловского (Терпиловский, 1984; 2000; 2004а; Терпиловський, 1999; 2002) и А. М. Обломского (Обломский, 1991а; 1997). В их сводных работах по этнокультурной истории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья римского времени проблеме контактов также уделено достаточное внимание (Обломский, 1991; 2002; Терпиловский, 2004). К данному вопросу обращались и другие исследователи (Горюнова, Романова, Щеглова, 1992).

Была разработана *периодизация* киево-черняховских контактов. Первоначально она создавалась для киевских памятников Подесенья (Терпиловский, 1984), а затем были привлечены материалы Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья (Терпиловський, 1999; Терпиловский, 2000). Так называемый «нулевой период» (конец II — первая половина III вв.) характеризуется отсутствием прямых контактов (Терпиловский, 1984, с. 81, 83; 2000, с. 305). Памятники первого этапа киевской культуры не имеют признаков черняховских влияний (Казаровичи, Сушки-2, Гочево-1, Попово — Лежачи-4, Обухов-3). В первом периоде на памятниках Подесенья (вторая половина III—IV вв.) отмечается незначительное количество черняховского импорта, а во втором периоде (середина IV — начало V вв.) там наблюдается инфильтрация черняховских элементов (Терпиловский, 1984, с. 83).

На материалах Днепровского Левобережья время непосредственных контактов подразделяется на три этапа. Первый этап (середина III — начало IV вв.) характеризуется движением различных по происхождению групп черняховского населения с биритуальным погребальным обрядом, характерной гончарной керамикой, специфическим набором вещей, которые продвигаются вплоть до Северского Донца на востоке, в 230—270 гг. появляются «очаги черняховской колонизации» (Большая Даниловка, Головино-1, Новоселовка). Одновремено у носителей памятников типа Букреевка-2—Тазово (второй период киевской культуры), генетически связанных с носителями предшествующих памятников типа Шишино-5—Шмырево, появляются те же самые хронологические индикаторы, что и у черняховского населения (фибулы Альмгрен VII, костяные гребни Томас I, светлоглиняные амфоры типа D) (Терпиловський, 1999, с. 38; Терпиловский, 2000, с. 305; 2004а, с. 471; 2002, с. 21; Обломский, 1991, с. 90—114). Не происходит резкой ломки комплекса традиций, но появляются новые черты во всех сферах археологической культуры. А. М. Обломский считает, что «какие-то группы черняховского населения» включаются в состав киевских общин с середины III в., но они не образуют изолированных комплексов, а равномерно распространяются по большинству объектов наряду с киевскими (Обломский, 1991, с. 114). Р. В. Терпиловский с осторожностью замечает, что *раннее появление черняховской культуры* на Днепровском Левобережье *фиксируется пока лишь косвенно* — по указанным выше хронологическим индикаторам (Терпиловский, 2004, с. 52).

Носители киевской культуры даже участвуют в формировании местных черняховских древностей, как показывают материалы среднего слоя Боромля (Терпиловський, 1999, с. 39). Но М. Б. Щукин считает маловероятным, чтобы потомки обитателей кратковременных и рассеянных позднезарубинецких поселков составили основное население черняховской культуры в регионе. Эти потомки влились в состав киевской культуры — по структуре весьма отличной от черняховской, и на черняховских поселениях проживали лишь представительницы киевской культуры (Щукин, 2005, с. 133).

Второй этап контактов (со второй четверти IV в.) характеризуется массовой черняховской колонизацией, вытеснением из лесостепи киевских племен, что подтверждается случаями перекрытия черняховскими горизонтами киевских (Гочево-4, Боромля-2, Обухов-1, 3, Глеваха) (Терпиловський, 1999, с. 39; Терпиловский, 2000, с. 305). Вместо «маргинальной зоны», присущей первому периоду контактов, киевские памятники IV в. известны исключительно вне территории черняховской культуры: к северу (правый берег Сейма) и востоку от ее ареала (Терпиловський, 1999, с. 39; Терпиловский, 2004, с. 52—53; Обломский, 2002, с. 89).

Третий этап (вторая половина IV — начало V вв.) отмечен тесными контактами на финальных фазах развития обеих культур в период войн «антов Боза» и «готов Винитария» (Терпиловский, 2000, с. 306—307). С рубежа IV—V вв. киевское население вновь проникает в бассейн Сулы и Псла (Терпиловский, 2004, с. 53).

Характер киево-черняховских контактов определяется как давление развитого общества («черняховцы») на более архаичное («киевляне») и в обратном направлении (Терпиловский, 1984, с. 83; Терпиловський, 1999, с. 38; Обломский, 1991, с. 141; 1997, с. 68). Киевская и черняховская культуры в регионе подвергались нивелировке, но сохраняли специфику. И эта нивелировка характеризуется двумя составляющими: 1) часть киевского населения включалась в состав черняховских общин; 2) «киевляне» вне черняховского ареала заимствовали черняховские технологии (Обломский, 1997, с. 89). Отмечается, что носители культур занимали различные экологические ниши (Обломский, 1991, с. 88; Терпиловский, 2004, с. 52), но киевские традиции повлияли на размещение значительной части черняховских поселений региона на первых надпойменных террасах или останцах (Обломский, 1997, с. 68).

Вводится понятие «киевской этнокультурной традиции» в черняховской культуре и выделяются разновременные памятники этой традиции (Головино-1, Песчаное, Великий Бобрик, Мамрои-2, Хлопков-1) (Обломский, 2002, с. 49).

Р. В. Терпиловский выступает против гипотезы о переселении на восток в середине III в. части верхнеднестровского населения и смешения его с местным киевским, но при этом отмечает, что имели место постоянные микромиграции по линии запад—восток небольших групп населения и памятники типа Черепин и Бормли-2 были явлениями одного порядка (Терпиловский, 2004а, с. 474; 2002, с. 25).

В данной публикации мы попытаемся разобрать сущность «первого этапа» киево-черняховских контактов в днепро-донецкой лесостепи в середине III — начале IV вв., или на ступенях C_{1b}—C_2, когда «в регион продвигаются различные по происхождению группы черняховского населения с биритуальным погребальным обрядом, характерной гончарной керамикой, специфическим набором вещей и появляются ″очаги (или базы) черняховской колонизации″» (Терпиловський, 1999, с. 38; Терпиловский, 2000, с. 305; 2004а, с. 471; 2002, с. 21; Обломский, 1991, с. 90—114).

Погребения черняховской культуры периода ее формирования (единицы — ступени C_{1a} и более массово — ступеней C_{1b}—C_2), сохранившие во многом вельбарские черты, известны на могильниках в Западной Подолии, Южной Волыни, Поднестровье, Южном Побужье, Молдове, Северо-Восточной Румынии, а также в Поросье, на правом берегу Днепра в его нижнем течении (рис. 2). Они достаточно четко маркируют ареал формирования черняховской культуры на ступенях C_{1b}—C_2, который не захватывает левый берег Днепра (рис. 2). Специалисты считают территорией формирования культуры Подолию, Днестро-Прутское междуречье, Волынь, Верхнее Поднестровье (Гей, 1993, с. 147) или же область между Смотричем и другими левыми притоками среднего течения Днестра, верховьями Южного Буга (Щукин, 2005, с. 132). Во всяком случае, ареал культуры к финалу ступени C_2 был гораздо шире этой области (Магомедов, 2001, рис. 88) (рис. 2).

Вещевой инвентарь и погребальный обряд черняховцев этого периода развития известны достаточно хорошо. Тогда среди керамики присутствовала лишь гончарная столовая и лепная посуда, горшки не производились, и они появляются лишь в начале IV в. (Петраускас О., Петраускас А., 2000). Гончарные горшки присутствуют в погребениях III фазы (310/320—350 гг.) могильника Данчены (Шаров, 1992, табл. II:26), переходной фазы II/III (320—350 гг.) могильника Косаново (Шаров, 1992, табл. IV:74, 95; Šarov, 2000, Abb. 6:74, 86), на фазе IVa Ружичанки (Šarov, 2000, Abb. 7:6). Горшки найдены в погребениях с монетами могильников Валя Сяке (погребение

507:352—355 гг., погребение 501:347—348 гг.), Могошани (погребение 6:337—340 гг.), Леткани (погребение 21:348 г.) (Шаров, 1992, табл. XII).

Согласно хронологической схеме О. А. Гей — И. А. Бажана, гончарные горшки появляются лишь в третьем периоде развития (310/320—350/355 гг.) черняховской культуры. В 4-м и 5-м периодах (350/354—400/410 гг.) горшки эволюционируют далее (более профилированный венчик и раздутое тулово) (Бажан, Гей, 1992, рис. 5:42, 47; 8:30; 11:53; 12:55; Гей, Бажан, 1997, табл. 68:4, 9, 15, с. 43, табл. 69:11—13, с. 44). Развитие горшков происходило в несколько этапов: в первой половине IV в. производились изделия с простым, слабо отогнутым венчиком и каплевидным окончанием, плоским или плиточным днищем; во второй половине IV — начале V вв. выпускались горшки с развитой шейкой, усложненным типом венчика (уступ под крышку, Г-образный) и днища (кольцевое). Причем во второй половине IV в. горшки с различным оформлением днищ и верхней части использовались одновременно (Петраускас О., Петраускас А., 2000).

В днепро-донецкой лесостепи для ступеней C_{1b}—C_2 не известно ни одного черняховского могильника или отдельного погребения. Заключение о наличии здесь носителей черняховской культуры в тот период, как уже отмечалось, базируется на тезисе о существовании «черняховских баз колонизации» и главной «базы» — поселения Головино-1 в верхнем течении Северского Донца (рис. 1, 2). Там присутствовало смешанное в этническом составе население, но этнос большинства был черняховским, и этому периоду соответствовал черняховский могильник, расположенный рядом (Обломский, 1991, с. 142; 1997, с. 69).

Лепная керамика поселения Головино-1 (Обломский, 2001—2002, рис. 9, 12, 19, 20, 22) абсолютно идентична керамике селищ Родной Край (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1996, табл. II—V), Гочево-3 (Обломский, 2002, рис. 27), Гочево-4 (Обломский, 2002, рис. 29), Букреевка-2 (Симонович, 1990, рис. 2—8), Боромля-2 (Некрасова, 2006, рис. 21, 28, 36), которая относится, согласно А. М. Обломскому, к древностям типа Букреевка-2—Тазово, являющимся поздней фазой сейминско-донецкого варианта киевской культуры и датируемым второй половиной III — началом IV вв. (Обломский, 1991, с. 31, 94—100; 1997, с. 63; 2002, с. 32; Кропоткін, Обломський, 1991, с. 27). Эти памятники являются генетически взаимосвязанными с раннекиевскими памятниками области днепро-донецкого водораздела типа Шишино-5—Шмырево (Обломский, 2002, с. 56—57). В Головино-1 имеются и датирующие вещи, присущие как памятникам типа Букреевка-2—Тазово (бронзовая фибула группы Альмгрен VII, ручка светлоглиняной амфоры типа D), так и этому периоду (пряжка подгруппы 1/1 «солтановской серии», по Е. Л. Гороховскому, медная монета Тиры 238—253 гг.) (Обломский, 2001—2002, с. 44).

Так почему же Головино-1 отнесено не к киевским памятникам типа Букреевка-2—Тазово, а считается раннечерняховским поселением? Все заключается в очень большом проценте черняховской гончарной керамики на памятнике (50%, 2/3—3/4 всей найденной) (Обломский, 2001—2002, с. 40), гораздо большем, чем на памятниках типа Букреевка-2—Тазово (4—41%) (Обломский, 2002, с. 39). Но дело в том, что большую часть этой гончарной керамики составляет кухонная — фрагменты горшков с шероховатой поверхностью (Обломский, 2001—2002, рис. 7, 9—15, 17, 18, 19, 22). Венчики горшков являются очень разнообразными: от простых каплевидных до сложной конфигурации. Набор столовой гончарной керамики выглядит более развитым, чем в черняховских погребениях ступеней C_{1b}—C_2, он более присущ развитой черняховской культуре 3—5-й фаз, по Е. Л. Гороховскому, или 3—5-го периодов, по О. А. Гей—И. А. Бажану (Гей, Бажан, 1997, табл. 68, 69).

Как объяснить такую ситуацию в Головино? Почему в области формирования черняховской культуры гончарные горшки неизвестны, а здесь, далеко на востоке, где отсутствуют черняховские погребения ступеней C_{1b}—C_2, массово производились горшки самых различных видов, присущие ступеням C_3—D_1? Неужели очаг формирования черняховской культуры находился здесь, и с берегов Северского Донца ее «горшечный комплекс» начал «шествие» на правый берег Днепра? При современном уровне развития черняховедения такое предположение выглядит, мягко говоря, смешным.

Имеются данные о перекрытии предчерняховских горизонтов в Боромле-2, Гочево-4 черняховским слоем (Терпиловский, 2000, с. 305). К мысли о существовании такого явления на некоторых памятниках позднеримского време-

ни региона подталкивали факты нахождения разновременных вещей в качестве подъемного материала. В Старых Валках (рис. 1) на поверхности селища обнаружено две фибулы Альмгрен VII, а рядом прослежены пятна обмазки—следы наземных глинобитных построек, найдены гончарная керамика, железная овальная пряжка серии А, по Е. Л. Гороховскому (Гороховский, 1988, с. 42), наконечник обувного ремня, состоящий из двух пластин и снабженный заклепкой. Если подобные пряжки бытовали в фазах 1, 2 развития черняховской культуры (Гороховский, 1988, с. 42—43), то наконечники существовали в фазе 5 (Гороховский, 1988, с. 45). Фибулы группы Альмгрен VII являются синхронными с пряжкой, все эти вещи соответствуют времени бытования памятников типа Букреевка-2—Тазово. На поверхности селища Рябухино (рис. 1) найдена фибула группы Альмгрен VII, а рядом обнаружены многочисленные фрагменты гончарной черняховской керамики, развалы глиняной обмазки — остатки наземных сооружений (Любичев, Дидык, 2001—2002, с. 338—339). Подобные примеры можно продолжить.

На участке А поселения Войтенки-1 (рис. 1) (с 2004 г. исследуется Германо-Славянской археологической экспедицией Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина) изучена слабоуглубленная постройка — сооружение 1, которое было уничтожено огнем. В его заполнении находилась почти исключительно лепная керамика, подобная той, что происходит из памятников типа Букреевка-2—Тазово и Головино-1, а также фрагменты светлоглиняных амфор типа F (Любичев, 2006, рис. 4, 5). Рядом с сооружением найдена фибула группы Альмгрен VII. В слое над ним обнаружена в подавляющем большинстве гончарная черняховская керамика (Любичев, 2006, рис. 3). Но наиболее четко стратиграфически и морфологически картина перекрытия предчерняховского слоя черняховским на памятниках днепро-донецкой лесостепи прослежена пока в сооружении 2 участка А Войтенков-1 (рис. 3).

Сооружение 2 — полуземлянка, которая по своим конструктивным особенностям и деталям интерьера имеет близкие аналогии на памятниках днепро-донецкого водораздела как ступеней C_{1b}—C_2 (постройки 1, 7 Букреевки-2) (Сымонович, 1990, рис. 3:1, 7:1), так и ступеней C_3—D_1 (постройка 3 Каменево-2) (Сымонович, 2001—2002, рис. 5), а также на верхнеднестровских памятниках типа Демьянов—Черепин (жилище 10 Бовшева-2, жилище 5 Демьянова-2) (Баран, Гопкало, 2006, табл. 2:IV; 20:1), на Верхнем Дону (Каширка) (Акимов, 2001, рис. 2). Нижний пережженный слой заполнения желто-оранжевого цвета соответствует времени бытования этой полуземлянки. Находившаяся в нем лепная керамика (рис. 4, 5) органично вписывается в керамические комплексы памятников типа Букреевка-2—Тазово и Демьянов—Черепин. В этом слое обнаружена бронзовая двучленная подвязная лучковая фибула (рис. 8:1) группы 15 серии 3 варианта 1, по А. К. Амброзу (Амброз, 1966, с. 52, табл. 9:18—20), или Альмгрен 157 (Almgren, 1923, Taf.VII: 157), датируемая II — III вв., а также фрагменты светлоглиняных амфор типа D, что позволяет отнести полуземлянку к ступеням C_{1b}—C_2.

Полуземлянка погибла в пожаре и пережженный грунт заполнил ее пространство от пола до краев уступа-лежанки (рис. 3). Следующий слой заполнения, связанный с другим населением, покрыл верхнюю часть полуземлянки от плоскости уступа-лежанки до края котлована (рис. 3). Очаг этого нового сооружения был устроен по центру пола, образовавшегося из утрамбованного верхнего слоя заполнения сожженной полуземлянки. В заполнении серого цвета здесь присутствует совершенно иной керамический комплекс — почти исключительно гончарная столовая и кухонная керамика разнообразного ассортимента, глиняные пирамидальные грузила ткацких станков (рис. 6, 7). Здесь найдены части двух железных двучленных подвязных фибул (рис. 8:2, 3), серебряная пластинчатая подтрапециевидная вытянутая подвеска (рис. 8:4). По датировке фибул и подвески этот слой заполнения следует отнести к ступени C_3.

Таким образом, приведенный материал позволяет сделать очень важный вывод — *в некоторых случаях на местах селищ предчерняховского горизонта затем располагались поселения «классической» черняховской культуры, и не всегда это перекрытие фиксируется стратиграфически.* Последнее наблюдение полностью относится к Головино-1, где селище предчерняховского горизонта с материалами, подобными тем поселениям, которые отнесены А. М. Обломским к киевским памятникам типа Букреевка-2—Тазово, было перекрыто черняховским

поселением, относящимся к ступеням C_3—D_1, исходя из его керамического комплекса. Фибула Альмгрен VII и поясная пряжка «солтановской» серии относятся в Головино к предчерняховскому горизонту. К этому времени принадлежит фрагмент светлоглиняной амфоры типа D. Сюда же можно частично отнести и фрагменты светлоглиняных амфор типа F, так как они сочетаются с амфорами типа D и фибулой Альмгрен VII в жилище 1 Родного Края-3 (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1996), а в сооружении 1 участка А Войтенков-1 фрагменты амфор типа F находятся вместе с подобной лепной керамикой. Вопрос о соотнесении медной монеты с одним из горизонтов остается открытым.

Могильник Головино-1 не относится к ступеням C_{1b}—C_2 и не синхронен предчерняховскому горизонту селища. В его шести (№ 5 — условно) погребениях, к сожалению, отсутствуют датирующие предметы, но облик керамики в ингумациях явно характерен для черняховской культуры ступеней C_3—D_1. Подобная керамика в таких же сочетаниях встречена в черняховских биритуальных могильниках региона ступеней C_3—D_1 (Любичев, 2000, рис. 14—26, 31—34, 36—44, 46). Два гончарных горшка происходят из погребения № 6, где они находились совместно с одной миской закрытого типа, двумя мисками открытого типа, одноручной кружкой. В погребении № 1 сочетаются по две миски, соответственно, открытого и закрытого типов, один горшок, в погребении № 2 находился гончарный горшок с мисками открытого и закрытого типов. В погребениях № 3, 4 миски открытого типа находились совместно с одноручными кувшинами (Обломский, 2001—2002, рис. 26, 27).

Поселение Головино-1 не является раннечерняховским памятником региона и, соответственно, не может считаться черняховской «базой колонизации». В качестве таких же «баз» рассматриваются поселения Большая Даниловка, Новоселовка, Хлопков-1, Песчаное, Хохлово-2, Новолиповское (Обломский, 1999, с. 26—29; 2002, с. 56—57, 89). В Большой Даниловке исследователи связывали находки фибул группы Альмгрен VII со следами черняховского могильника (Шрамко, 1962, с. 258—259; Зайцев, 1964, с. 48—49). Но осмотр распаханной поверхности в этом месте не позволил зафиксировать наличие большого количества гончарной посуды, амфорной тары, глиняной обмазки. На селище присутствует большое количество шамотированной лепной керамики, так характерной для предчерняховского горизонта (Любичев, Дидык, 2001—2002, с. 336—337). В Новоселовке фибула найдена в культурном слое на площади небольшого разведочного раскопа, где обнаружена и черняховская гончарная керамика (Обломский, 1991, с. 15).

Ознакомление с некоторыми находками из комплексов, слоя и подъемного материала селища Хохлово-2 (Обломский, 2002, рис. 57) также свидетельствует о наличии на нем по крайней мере двух горизонтов позднеримского времени. В культурном слое присутствует лепная керамика предчерняховского горизонта (Обломский, 2002, рис. 57:1, 3, 12, 13, 14). Подобная найдена в очаге 1 (Обломский, 2002, рис. 57:2) и в очаге 2 (Обломский, 2002, рис. 57:4—6). В яме 1 она найдена вместе с амфорой типа F (Обломский, 2002, рис. 57:7, 11), в постройке 1 лепная керамика обнаружена вместе с горлом амфоры данного типа (Обломский, 2002, рис. 57:8, 9). В подъемном материале найдена ножка амфоры типа F вместе с фрагментами стеклянных кубков Кенигсбруг-Хегом, подвязной фибулой серии А, по Е. Л. Гороховскому, бронзовыми пряжками серий В1 и Г2, а также двумя железными пряжками серии А (Обломский, 2002, рис. 57:10, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 22). К первой фазе черняховской культуры (существование предчерняховского горизонта), по Е. Л. Гороховскому, относятся фибула и железные пряжки, а бронзовые пряжки и стеклянные кубки принадлежат уже фазам 3, 4 («классическая» черняховская культура) (Гороховский, 1988, с. 42—44).

При трактовке Хлопкова-1 как раннего черняховского памятника А. М. Обломский обращается к материалам, собранным на поверхности поселения (Обломский, 2002, с. 52). Там обнаружены фрагменты двух костяных гребней, один из которых реставрирован (Костенко, 1979, рис. 6:9). Гребень относится к типу I, 1а — по Г. Ф. Никитиной (Никитина, 1969, рис. 1, с. 149), и к классу 1 серии 2 варианту А — по Р. Г. Шишкину (Шишкин, 1999, с. 46—47). Исследователь считает этот гребень предметом, который свидетельствует в пользу раннего появления здесь черняховского населения (Обломский, 2002, с. 57). Согласно схеме Е. Л. Гороховского, гребни типа I известны в фазах 1—4 развития черняховских могильников украинской лесостепи (на ступенях C_{1b}—D_1) (Гороховский,

1988, с. 42—44). Эти гребни появляются в начале существования черняховской культуры и характерны также для ее финала (Шишкин, 1999, с. 45). Гребень такого типа на могильнике Косаново относится к третьей фазе его существования (частично C_3 и D_1) (Petrauskas, 2003, Abb. 14, 15, S. 266—267).

Скажем прямо, что и «присутствие» в регионе на ступенях C_{1b}—C_2 «черняховцев» описано с помощью весьма витиеватой терминологии, вызывающей сомнения: «...проникают какие-то группы черняховского населения» и входят они «в состав местных общин», «на ранних киевских памятниках черняховские элементы не образуют изолированных комплексов, а равномерно распределены по большинству объектов наравне с киевскими» (Обломский, 1991, с. 141). Получается, что черняховские элементы есть, а самих черняховцев нет. И действительно, представленный материал не позволяет говорить о наличии черняховских памятников ступеней C_{1b}—C_2 в днепро-донецкой лесостепи. Но возникает следующий вполне правомерный вопрос: а что собой представляло то население, которое являлось носителем хроноиндикаторов, характерных и для черняховской среды? Если один из субъектов контактов (черняховская культура) тогда в регионе отсутствовал, то был ли тогда в днепродонецкой лесостепи второй субъект — киевская культура?

В основе положения о принадлежности памятников типа Букреевка-2—Тазово киевской культуре лежит признание их генетической связи с раннекиевскими памятниками типа Шишино-5—Шмырево (Обломский, 1991, с. 113; 1999, с. 26; 2002, с. 56—57). Собственно киевская культура была выделена по материалам Среднего Поднепровья и Подесенья в конце 70-х — первой половине 80-х гг. минувшего столетия, и первоначально ее ареал ограничивался этими территориями (Терпиловский, 2004, с. 17—19). Затем в начале 90-х гг. (по сходству с керамикой киевских памятников Подесенья в общем наборе форм и с киевскими памятниками Среднего Поднепровья частично в структуре керамического набора) памятники типа Шишино-5—Шмырево в области днепро-донецкого водораздела были включены в киевскую культуру на правах локального варианта (Обломский, 1991, с. 68). Этих памятников так называемого «нулевого» периода киево-черняховских контактов известно крайне мизерное количество (Обломский, 1991, с. 47). Их керамический комплекс почти аналогичен, невзирая на некоторые отличия, позднезарубинецким памятникам типа Картамышево-2—Терновка-2 (Обломский, 1991, с. 49, 68, 78).

Пока остается неясным территориальное распространение памятников типа Шишино-5—Шмырево: или они существовали лишь в области днепро-донецкого водораздела, или же эволюционно сменяют позднезарубинецкие памятники типа Картамышево-2—Терновка-2 на всей территории днепро-донецкой лесостепи. Памятники типа Шишино-5—Шмырево датируются концом II — первой половиной III вв. (Обломский, 1991, с. 35, 59). Следовательно, вполне правомерно утверждать о существовании в днепро-донецкой лесостепи на ступенях B_2—C_{1a}/начало C_{1b} (третья четверть I — середина III вв.) позднезарубинецко-раннекиевских памятников накануне поступления черняховских импортов.

Анализ материалов убедительно свидетельствует, что этнокультурные процессы в верховьях Днестра, правых притоков Припяти на протяжении I—III вв. протекали в том же направлении, что и в Поднепровье (и в днепро-донецкой лесостепи. — *М. Л.*) (Козак, Терпиловський, 1986). Начался процесс формирования единой культурной области на позднезарубинецко-пшеворской основе (Терпиловский, 2004а, с. 473) — своего рода *«праславянской культурной провинции римского времени с локальными областями»*, судьба населения которых при контактах с иными этнокультурными образованиями станет различной в позднеримское время. А пока к востоку и западу от Днепра имелись сходные субстраты для формирования древностей позднеримского времени, с некоторым различием слагаемых (Терпиловский, 2004а, с. 473): зубрицкая группа, ведущая к древностям типа Демьянов—Черепин с влиянием пшеворских и липицких элементов (запад), и памятники типа Картамышево-2—Терновка-2, генетически связанные с более поздними типа Шишино-5—Шмырево (восток). В эту провинцию уверенно входят и раннекиевские памятники Подесенья и Среднего Поднепровья, о чем красноречиво свидетельствуют общие элементы в керамических комплексах всех вышеуказанных групп (Козак, 1992, рис. 25; Обломский, 2002, рис. 17; Терпиловский, 2004, рис. 14—19, 31, 32; Баран, 1981, табл. 1—10).

Однако на памятниках типа Букреевка-2—

Тазово появляется целый комплекс инноваций в материальной культуре: конические лепные миски, отдельные сосуды с ошершавленной поверхностью, печи-«камины», наличие двух очагов в одном жилище, использование глины для ремонта стен жилищ, вертикальный ткацкий станок с глиняными пирамидальными и коническими грузилами, массивные биконические пряслица с воронкообразными основаниями, определенный процент черняховской гончарной посуды (в подавляющем большинстве столовой), бронзовые двучленные фибулы с высоким приемником группы Альмгрен VII, светлоглиняные амфоры типов D и F, трехчастные костяные гребни Томас I (Обломский, 1997, с. 66—67). Отмечается, *что новые черты материальной культуры фиксируются во всех сферах археологического комплекса* (Обломский, 1997, с. 64). Одно это уже заставляет предположить, что речь идет не о каком-то влиянии черняховцев в регионе (которых к тому же в тот период здесь и не было), а о данной группе памятников как эквиваленте новой группы населения, пришедшей со стороны уже со своей сложившейся морфологией материальной культуры, разительно отличающейся от автохтонов Шишино-5—Шмырево. Откуда же могла появиться эта группа населения?

Сравнение керамических комплексов памятников типа Букреевка-2—Тазово (рис. 10—12) и Шишино-5—Шмырево (рис. 9) показывает, что округлобокие, приземистые, близкие к шаровидным горшки (рис. 9:4, 5, 9, 13), так характерные для последних, являются редкими для первых. Для керамики памятников типа Букреевка-2—Тазово совершенно не присущи горшки максимально раскрытого профиля с широко отогнутым венчиком (рис. 9:10, 11), баночные горшки с едва выделенным прямым венчиком (рис. 9:22, 23), реберчатые горшки с изогнутой и «раскрытой» верхней частью (рис. 9:14). Зато для памятников типа Шишино-5—Шмырево диски-сковороды являются характерными (рис. 9:24—27), там имеется лепная керамика с лощеной поверхностью, строго конические сосуды без изгиба тулова (Обломский, 1991, рис. 57:1; 58:1). Подобные и близкие формы среди керамики этих памятников не удивляют нас, в силу существования упомянутой *праславянской культурной провинции*.

Даже визуальное сравнение основных форм керамических комплексов верхнеднестровских памятников типа Демьянов—Черепин и Букреевка-2—Тазово (Баран, Гопкало, 2006, рис. 8) позволяет заключить об их родстве. Керамика памятников типа Букреевка-2—Тазово стоит ближе к керамике памятников типа Демьянов—Черепин, чем к керамике позднезарубинецких и раннекиевских памятников нашего региона (Любичев, 2003, с. 72). Основные формы сосудов памятников типа Демьянов—Черепин, по классификации В. Д. Барана — О. В. Гопкало, находят полное соответствие в нашей классификации керамики предчерняховского горизонта (рис. 10—12). При сравнении керамики этих культурных групп корректным является обращение именно к синхронным комплексам в Верхнем Поднепровье первого и второго хронологического этапов (III, III—IV вв.), по В. Д. Барану (Баран, 1981, с. 147), которые суммарно относятся к ступеням C_{1b}—C_2.

В целом близки к жилищам памятников типа Букреевка-2—Тазово жилища первого и второго хронологических этапов памятников типа Демьянов—Черепин. Мы склонны рассматривать появление на днепро-донецком водоразделе во второй половине III — начале IV вв. печей-каминов, двух очагов в жилищах, использование глины даже для ремонта стен как следствие миграции из верховьев Днестра—Западного Буга группы населения (Любичев, 2003, с. 75). Жилища памятников типа Шишино-5—Шмырево (Обломский, 2002, рис. 21:1—4) имеют мало общего с жилищами памятников типа Демьянов—Черепин (Баран, Гопкало, 2006, табл. 2, 3, 5, 14, 15, 16, 17, 20, 21, 30, 31, 33, 35) и типа Букреевка-2—Тазово-2 (Сымонович, 1990, рис. 2—8; Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1996, табл. I:2, 3; Некрасова, 2006, рис. 24, 36; Любичев, 2006, рис. 2) (рис. 3). На последних двух группах памятников ступеней C_{1b}—C_2 жилища являются более углубленными, часто они имеют полки-лежанки, овальную или округлую формы котлована, иногда состоят из нескольких помещений.

Приведенный материал убеждает нас в мысли о носителях памятников типа Букреевка-2—Тазово как о части населения памятников типа Демьянов—Черепин, в силу определенных обстоятельств мигрировавшего в днепро-донецкую лесостепь. В сложившемся своеобразном комплексе материальной культуры этих памятников нашлось место и *черняховским элементам*. Эти элементы были переняты у носителей вельбарской культуры и ранних черняховских памятников (рис. 2)

на ступенях C_{1a}—C_{1b}. Данные *черняховские элементы* (гончарная керамика, грузила ткацких станков, определенный тип пряслиц, костяные гребни, фибулы группы Альмгрен VII) довольно четко «проступают» на фоне комплекса лепной керамики, похожей, но не идентичной киевской Подесенья и Среднего Поднепровья, а также раннекиевской днепро-донецкого водораздела.

Наличие этих памятников предчерняховского горизонта, но с *черняховскими элементами*, и создает картину на ступенях C_{1b}—C_2 «широкой маргинальной зоны» на днепро-донецком водоразделе, где киевские и черняховские племена располагаются «чересполосно» и некоторые группы «киевлян» входят в состав черняховских общин (Терпиловський, 1999, с. 38; Обломский, 1991, с. 86—89, 115; 1997, с. 68). А вот со второй четверти IV в. эта «маргинальная зона» исчезает, ибо в регионе появляется черняховская культура с совершенно иной морфологической характеристикой, чем предчерняховский горизонт. Появляется культура, носителем которой являлся совершенно иной этнос.

В этой связи остановимся на вопросе о терминологии. Поскольку изложенным материалом доказывается не автохтонное (пусть и при любых влияниях), а аллохтонное появление предчерняховского горизонта, то этому явлению явно не соответствует термин «памятники типа Букреевка-2—Тазово», поскольку он предусматривает генетическое родство на данной территории с предшествующими памятниками типа Шишино-5—Шмырево ($B_2/C_{1a—b}$) и последующими типа Комаровка—Каменево-2 (C_3—D_1). М. Б. Щукин предложил удачный, на наш взгляд, термин — *«горизонт Боромля»* — для памятников Днепровского Левобережья, содержащих керамику вельбарского или пшеворского облика, а также керамику типа Демьянов—Черепин (Щукин, 2005, с. 133). Мы вкладываем в данный термин даже нечто большее: это группа поселений (пока изучались раскопками только Букреевка-2, Гочево-3, 4; Родной Край-3; Войтенки-1 (участок А), Головино-1; Боромля-2 (нижний горизонт)), существовавших в днепро-донецкой лесостепи на ступенях C_{1b}—C_2 и появившихся вследствие миграции части носителей памятников типа Демьянов—Черепин из Верхнего Поднестровья, включающих в себя некоторые элементы черняховской культуры, но не являющихся черняховской культурой. *Горизонт Боромля* представляет собой одну из областей вот этой *праславянской культурной провинции* уже позднеримского времени, наряду с которой существовали и другие области — киевская культура Среднего Поднепровья, киевская культура Подесенья, памятники типа Седелки—Каширки и так далее.

Во многом именно учет находок фибул с высоким приемником группы Альмгрен VII и позволил поставить вопрос о происхождении *горизонта Боромля* (рис. 1, 2), которые являются одним из объединяющих элементов для его выделения. Был выдвинут тезис о наличии так называемой «фибульной цепочки» между «приднестровским» и «днепро-донецким» ареалами концентрации этих фибул, который обозначает путь переселения праславян одной области к своим родственникам в другой области, оставивших памятники типа Картамышево-2—Терновка-2 и Шишино-5—Шмырево (Любичев, 2003, с. 77). Это положение подверглось критике из-за включения в «фибульную цепочку» изделий различных серий VII группы (Гороховский, Гопкало, 2004, с. 125). Но «цепочка» иллюстрирует движение на восток не только поднестровских славян, ибо фибулы-«монстры» из Медведовки, Петрикивцев, Малополовецкого-2 явно связаны с германскими племенами (Любичев, 2003а, с. 27). Особого рассмотрения в будущем требует вопрос о наличии в днепро-донецкой лесостепи на ступенях C_{1b}—C_2 отдельных групп германцев еще до появления здесь черняховской культуры. Мы находим близкое родство фибул 1 (неслуховской) и 3 (днепровской) серий, по Е. Л. Гороховскому. Фибулы этих серий найдены совместно на таких памятниках региона, как Коврай, Войтенки-1, Огульцы (рис. 1, 2). Фибулы серии 1 образуют подавляющее большинство на памятниках Верхнего Поднестровья, в Днепро-Донецком междуречье таких изделий известен 21 экземпляр. В отношении фибул серии 3 наблюдается иная картина: в Верхнем Поднестровье экземпляр происходит из Черепина, а в нашем регионе их известно 18 экземпляров. Места находок фибул серии 4 расположены цепочкой с запада на восток (Яструбичи, Лепесовка, Гаевое, Халимоновка) (рис. 2). Фибулы этой серии являются близкими к некоторым изделиям серий 1, 3 — по накладным кольцам и ассиметрично изогнутой спинке. Таким образом, ареал распространения фибул серий 1, 3, 4 группы VII образует полосу

от Западного Буга и Верхнего Днестра до Северского Донца и Сейма.

Итак, мы приходим к заключению, что на ступенях C_{1b}—C_2 европейской хронологической системы римского времени киево-черняховские контакты в днепро-донецкой лесостепи не имели места по причине отсутствия там в этот период черняховского населения и носителей киевской культуры. В регионе появляется население предчерняховского горизонта Боромля. Его дальнейшая судьба на ступени C_3 в условиях прихода носителей черняховской культуры станет предметом наших дальнейших исследований.

Но в то же время киево-черняховские контакты имели место в другой области праславянской культурной провинции — в Среднем Поднепровье. Однако там они носили другой характер, поскольку даже видимой «преемственности» между киевскими и черняховскими этапами заселения не было, а контактная зона уже была (Терпиловский, 2004а, с. 471). В свете выделения горизонта Боромля такое положение вещей логично объяснимо: в условиях отсутствия в Среднем Поднепровье его носителей, с присущими им черняховскими элементами, там очень резко отличаются киевские и черняховские памятники, а в Подесенье до середины IV в. вообще не поступал черняховский импорт (Обломский, 2002, с. 89).

Важной проблемой для дальнейшего исследования представляется судьба носителей памятников Шишино-5—Шмырево в условиях прихода их родственников — носителей горизонта Боромля. Очевидно, к следам этого субстрата относится присутствие в Боромле-2 лепных дисков и более значительное количество биконических и тюльпановидных горшков (Терпиловский, 2004а, с. 473).

Литература

Абашина Н. С., Обломский А. М., Терпиловский Р. В. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // РА. — 1999. — № 4.

Акимов Д. В. Постройки второй четверти — середины I тыс. н. э. в бассейне Верхнего Дона и лесостепного Хопра // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк, 2001. — Вып. 2.

Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. — 1966. — Вып. Д1—30.

Бажан И. А., Гей О. А. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии Латена и римского времени. — СПб, 1992.

Баран В. Д. Черняхівська культура: За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. — Київ, 1981.

Баран В. Д., Гопкало О. В. Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. — Київ, 2006.

Башкатов Ю. Ю., Дегтярь А. К., Любичев М. В. Селище позднеримского времени Родной Край-3 в бассейне Северского Донца // Древности. — Харьков, 1996.

Гей О. А. Черняховская культура. Хронология // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. — М., 1993.

Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). — М., 1997.

Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды Международн. конгр. археологов-славистов. — 1988. — Т. 4. Киев.

Горюнова В. М., Романова Г. А., Щеглова О. А. К проблеме соотношения киевской и черняховской культур на территории Днепровского Левобережья // Древние культуры и археологические изыскания. — СПб., 1992.

Зайцев Б. П. Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла // МИА. — 1964. — № 116.

Козак Д. Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е. — IV ст. н. е.). — Київ, 1992.

Козак Д. Н., Терпиловський Р. В. Про культурно-історичний процес на території України в першій чверті I тис. н. е. // Археологія. — 1986. — № 56.

Костенко Ю. В. Пам'ятки I тис. н. е. в поріччі р. Трубежа // Археологія. — 1978. — № 28.

Кропоткін А. В., Обломський А. М. Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону в III — V ст. н. е. // Археологія. — 1991. — № 1.

Любичев М. В. К вопросу о времени появления памятников черняховской культуры на днепро-донецком водоразделе // РА. — 2003. — № 3.

Любичев М. В. О постройках на селище черняховской культуры Войтенки (по материалам раскопок 2004—2005 гг.) // АЛЛУ. — 2006. — № 2.

Любичев М. В. «Скифские войны» III в. и появление элементов черняховской культуры восточнее Днепра // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. — 2003а. — № 594. Історія: вип. 35.

Любичев В. В., Дидык В. В. Об одной группе фибул позднеримского времени в днепро-донецкой лесостепи // Stratum plus. — 2001—2002. — № 4.

Любичев М. В. Черняховская культура Днепро-Донецкой лесостепи: История исследования и основные проблемы изучения. — Харьков, 2000.

Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. — Lublin, 2001.

Некрасова А. Н. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. — Киев, 2006.

Никитина Г. Ф. Гребни черняховской культуры // СА. — 1969. — № 1.

Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. — М., 2002.

Обломский А. М. Новый черняховский памятник на территории России // Stratum plus. — 2001—2002. — № 5.

Обломский А. М. О взаимоотношении киевского и черняховского населения на водоразделе Днепра и Дона // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. — Київ — Львів, 1997.

Обломский А. М. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // Сто лет черняховской культуре. — Киев, 1999.

Обломский А. М. О характере контактов населения киевской и черняховской культур в лесостепной части водораздела Днепра и Дона // Древнейшие общества земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.). — Киев, 1991а.

Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I — V вв. н. э. — Москва—Сумы, 1991.

Петраускас О. В., Петраускас А. В. Кухонная гончарная посуда черняховских памятников Постугнянья // Восточноевропейский археологический журнал / archaeology.kiev.ua / journal / 040700 / petrauskas.htm, 2000.

Сымонович Э. А. Букреевка-2 — селище второй четверти I тыс. н. э. возле Курска // МИАДЛ. — Курск, 1990.

Сымонович Э. А. Поселение Каменево-2 под Курском // Stratum plus. — 2001—2002. — № 4.

Терпиловский Р. В. Глеваха и Боромля (к вопросу о характере контактов между киевской и черняхов-

ской культурами на раннем этапе) // Europa Barbarica. Monumenta studia Gothica. Bd. IV. — Lublin, 2004a.

Терпиловський Р. В. До проблеми контактів між київською та черняхівською культурами на ранньому етапі розвитку // Археологія. — 2002. — № 3.

Терпиловский Р. В. Киевская и черняховская культуры. Проблема контактов // Stratum plus. — 2000. — № 4.

Терпиловский Р. В. О характере контактов киевской и черняховской культур // КСИА. — 1984. — Вып. 178.

Терпиловський Р. В. Пограниччя черняхівської та київської культур // Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. — Київ, 1999.

Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. — Lublin, 2004.

Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии Латена и римского времени. — СПб, 1992.

Шишкин Р. Г. Класификация и типология трехслойных гребней черняховской культуры // Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. — Київ, 1999.

Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. — Харьков, 1962.

Щукин М. Б. Готский путь. — СПб, 2005.

Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen // Mannus-Bibliothek. Bd. 32. 1923.

Šarov O. Die frühe Phase der Černjachov-Kultur // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel — und Osteuropa. — Lodz, 2000.

Petrauskas O. V. Die Gräberfelder der Černjachov—Kultur von Kosanovo und Gavrilovka — eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturellen Besonderheiten // BRGK. — 2003. — Bd. 84.

Список сокращений

АЛЛУ — Археологічний літопис Лівобережної України

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

МИАДЛ — Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

РА — Российская археология

BRGK — Berichte der Römisch — Germanischen Komission

M. V. Liubichev

The Kiev-Chernyachov contacts of the steps C_{1b}—C_2 in territory of the Dnepr and Severskiy Donets forest-steppe in a view of allocation of «horizon Boromlya»

Summary

The Problem of the Kiev-Chernyachov contacts is consideredin a number of R. Terpilovskiy and A. Oblomskiy general and special works. We speak about essence of «the first stage» of the Kiev-Chernyachov contacts in region at steps C_{1b} — C_2. At this time here it is not known of the Chernyachov burial grounds or separate burials. On places settlements of the previous Chernyachov horizon (horizon Boromlya) settled down then at steps C_3—D_1 of settlement of the Chernyachov cultures. Such picture is observed and on settlement Golovino-1 which is considered of the Chernyachov «base of colonization». The mixed two layers create here illusion of early of the Chernyachov monument. Most brightly the picture of overlapping of a layer of horizon Boromlya of the Chernyachov cultures is tracked by a layer in a construction 2 site A of settlement Vojtenki-1. Horizon Boromlya genetically is not connected with monuments of step $B_2/C_{1a—b}$ in this region of type Shishino-5 — Shmyryovo. It represents a part of the population of monuments of type of Damianov — Cherepin which migrated here from Top Dniestr. Uniting elements for its allocation are fibula type Almgren VII. In the periods of C_{1b} — C_2 the Kiev-Chernyachov contacts in territory of the Dnepr and Severskiy Donets forest-steppe were absent: there was not Chernyachov the population and the population of the Kiev culture. Other situation existed on the average the Dnepr and the Desna territory.

Сведения об авторе

Любичев Михаил Васильевич — Украина, Харьков, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
доцент кафедры истории России исторического факультета, кандидат исторических наук,
доцент, начальник Германо-Славянской экспедиции ХНУ имени В. Н. Каразина
Рабочий адрес: Харьков, 61077, пл. Свободы, 4, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, (057) 707-55-43

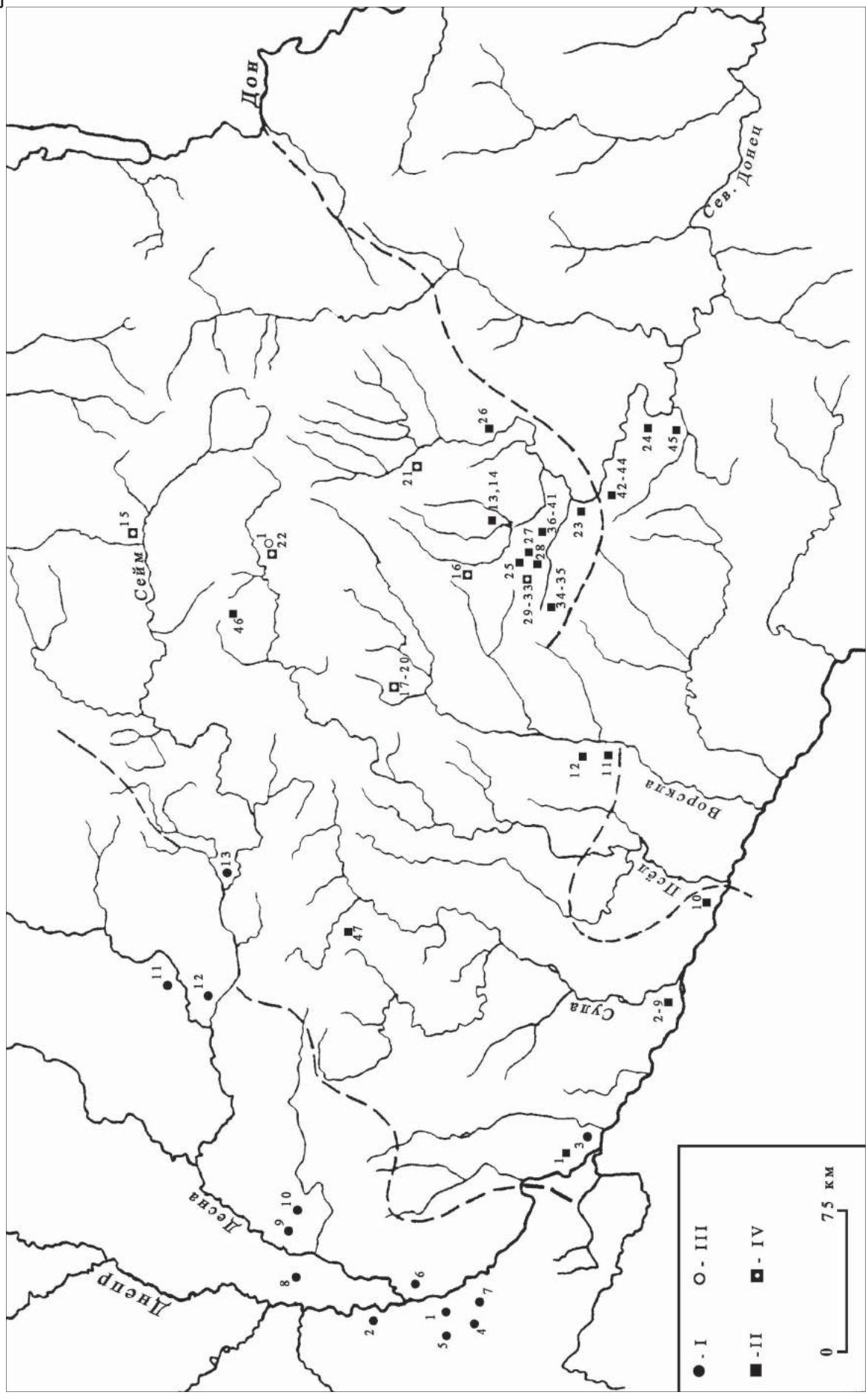

Дон
Сев. Донец
Сейм
Ворскла
Псёл
Сула
Десна
Днепр
I
II
III
IV
0
75 км

Рис. 1. **Этнокультурная ситуация в днепро-донецкой лесостепи и прилегающей части лесной полосы на ступенях C_{1b}—C_2:**

I — *памятники киевской культуры Среднего Поднепровья и Подесенья:* 1 — Новые Безрадичи; 2 — Казаровичи; 3 — Сушки-2; 4 — Хлепча; 5 — Глеваха; 6 — Бортничи; 7 — Обухов-3; 8 — Деснянка; 9 — Мена; 10 — Киреевка-2; 11 — Лавриков Лес; 12 — Гребля; 13 — Попово — Лежачи;
II — *места находок фибул группы Альмгрен VII:* 1 — Лепляво; 2—9 — Коврай; 10 — Градижск; 11 — Шевченки-5; 12 — Васильевка-3; 13, 14 — Большая Даниловка; 23 — Рябухино; 24 — Завгороднее; 25 — Старый Мерчик; 26 — Мартовая; 27 — Халимоновка; 28 — Бараново; 34, 35 — Старые Валки; 36—41 — Огульцы; 42—44 — Пасеки; 45 — Петровское; 46 — Новоселовка; 47 — Матяшев Яр-3;
III — *поселения горизонта Боромля:* 1 — Гочево-4;
IV — *поселения горизонта Боромля с находками фибул группы Альмгрен VII:* 15 — Букреевка-2; 16 — Родной Край-3; 17—20 — Боромля-2; 21 — Головино-1; 22 — Гочево-3; 29—33 — Войтенки-1;
V — *граница лесостепи*

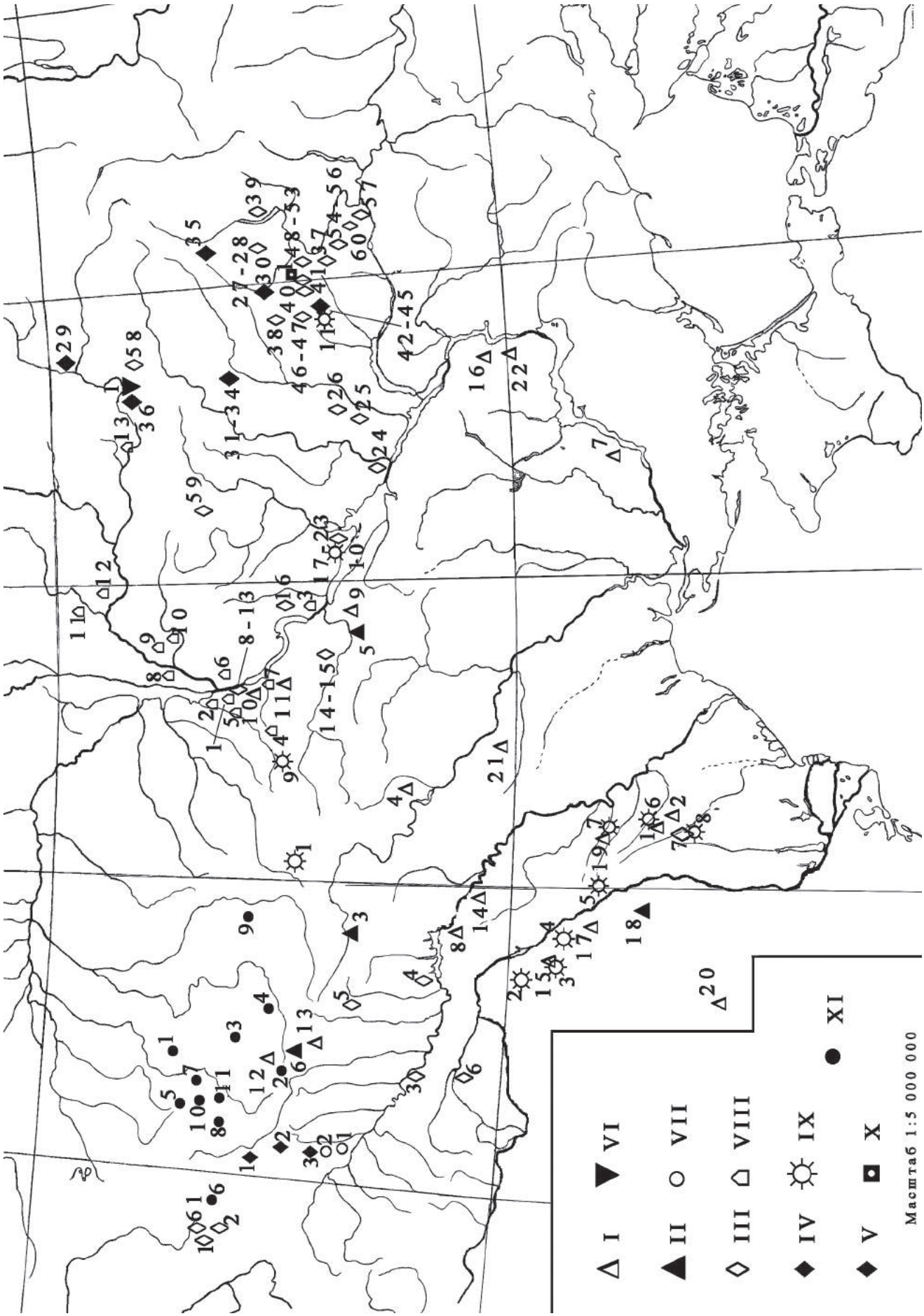

I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
Масштаб 1:5 000 000

Рис. 2. **Этнокультурная ситуация в лесостепи и прилегающей части лесной зоны Восточной Европы на ступенях C_{1b}—C_2:**

I — *черняховские могильники, имеющие погребения ступеней C_{1b}—C_2:* 1 — Данчены; 2 — Ханска—Лутэрия; 4 — Косаново; 7 — Гавриловка; 8 — Оселивка; 9 — Завадовка; 10 — Черняхов; 11 — Ромашки; 12 — Раковец; 13 — Токи; 14 — Романковцы; 15 — Тодирень; 16 — Ново-Александровка; 17 — Козья — Яссы; 19 — Будешты; 20 — Тыргшор; 21 — Кринички; 22 — Привольное;

II — *черняховские погребения с фибулами группы Альмгрен VII неслуховской и днепровской серий:* 3 — Ружичанка; 5 — Журавка; 6 — Чернелив-Русский; 18 — Бырладь Валя Сяче;

III — *находки фибул группы Альмгрен VII неслуховской и днепровской серий:* 1 — Сокольники; 2 — Псары; 3 — Городница; 4 — Лука-Врублевецкая; 5 — Вербычка; 6 — Рогизна; 7 — Ханска; 8 — Букрин; 9 — Григоровка; 10 — Тростянец; 11 — Пекари; 12 — Михайловка; 13 — Хрещатик; 14 — Семигоры; 15 — Селище; 16 — Лепляво; 17—23 — Коврай; 24 — Градижск; 25 — Шевченки-5; 26 — Васильевка-3; 27, 28 — Большая Даниловка; 37 — Рябухино; 38 — Старый Мерчик; 39 — Мартовая; 40 — Халимоновка; 41 — Бараново; 46, 47 — Старые Валки; 48—53 — Огульцы; 54—56 — Пасеки; 57 — Петровское; 58 — Новоселовка; 59 — Матяшев-Яр-3; 60 — Завгороднее;

IV — *поселения горизонта Боромля с фибулами группы Альмгрен VII*: 29 — Букреевка-2; 30 — Родной Край-3; 31—34 — Боромля-2; 35 — Головино-1; 36 — Гочево-3;

V — *поселения горизонта Боромля:* 1 — Гочево-4;

VI — *поселения типа Демьянов—Черепин:* 1 — Куропатники; 2 — Бовшев-2;

VII — *поселения типа Демьянов — Черепин с фибулами группы Альмгрен VII*: 1 — Рипнев-2; 2 — Черпин; 3 — Демьянов;

VIII — *памятники киевской культуры:* 1 — Новые Безрадичи; 2 — Казаровичи; 3 — Сушки-2; 4 — Хлепча; 5 — Глеваха; 6 — Бортничи; 7 — Обухов; 8 — Деснянка; 9 — Мена-5; 10 — Киреевка-2; 11 — Лавриков Лес; 12 — Гребля; 13 — Попово — Лежачи;

IX — *находки фибул Monstruoso и близких к ним*: 1 — Петрикивцы; 2 — Ионешень; 3 — Тодорень; 4 — Лецкань; 5 — Василика; 6 — Данчены; 7 — Будешты; 8 — Ханска; 9 — Малополовецкое; 10 — Коврай; 11 — Войтенки-1;

X — *находка фибулы Альмгрен 137 в днепро-донецкой лесостепи*: 1 — Мизяки;

XI — *вельбарские памятники*: 1 — Деревяное; 2 — Викнины Великие; 3 — Дитиничи; 4 — Лепесовка; 5 — Баев-1; 2, 6 — Ромош; 7 — Боратин; 8 — Загаи-2; 9 — Могиляны—Хмельник; 10 — Горка — Полонка-1

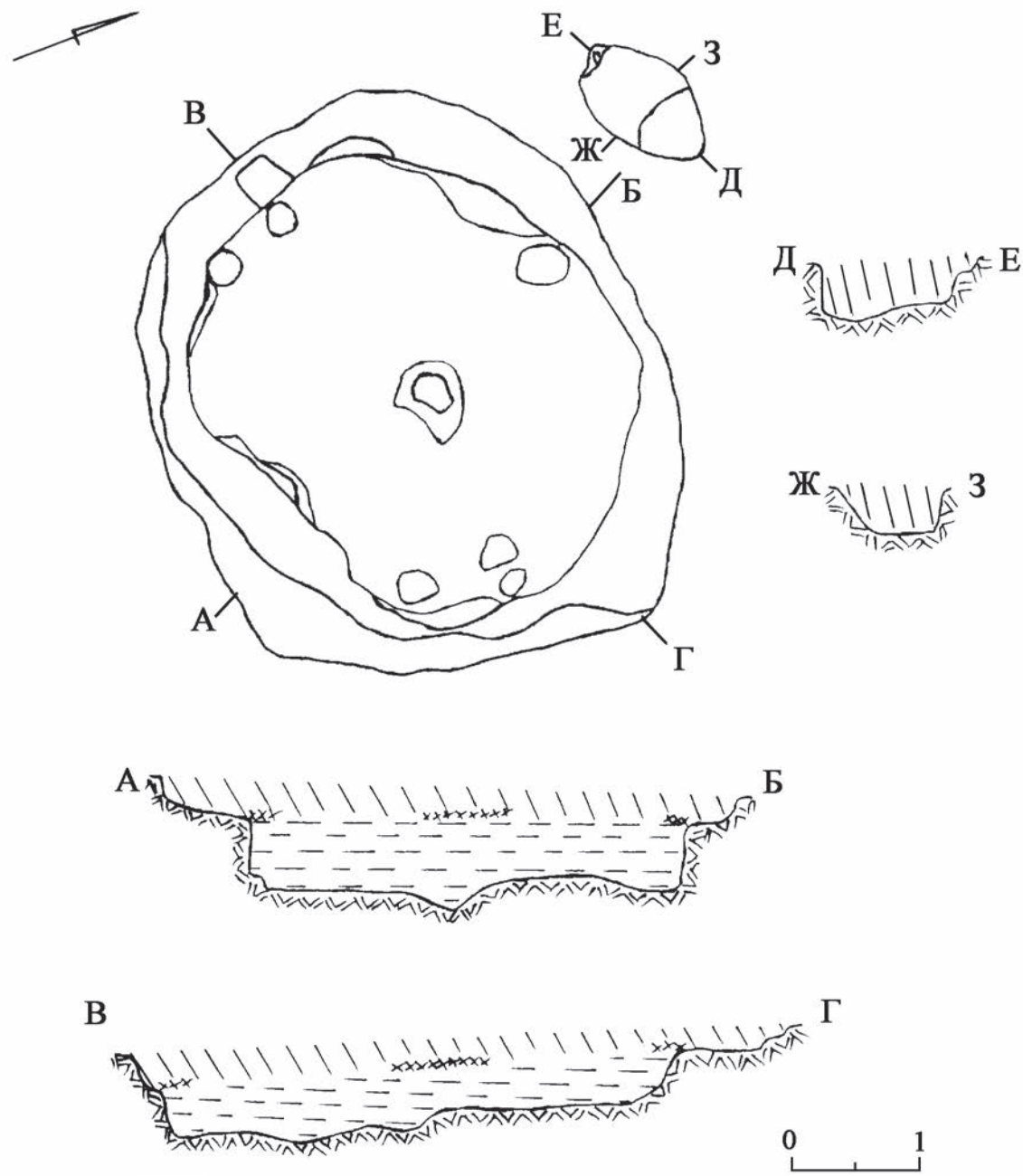


Рис. 3. **Сооружение 2 участка А поселения Войтенки-1 и яма 1** (*планы и профили*)

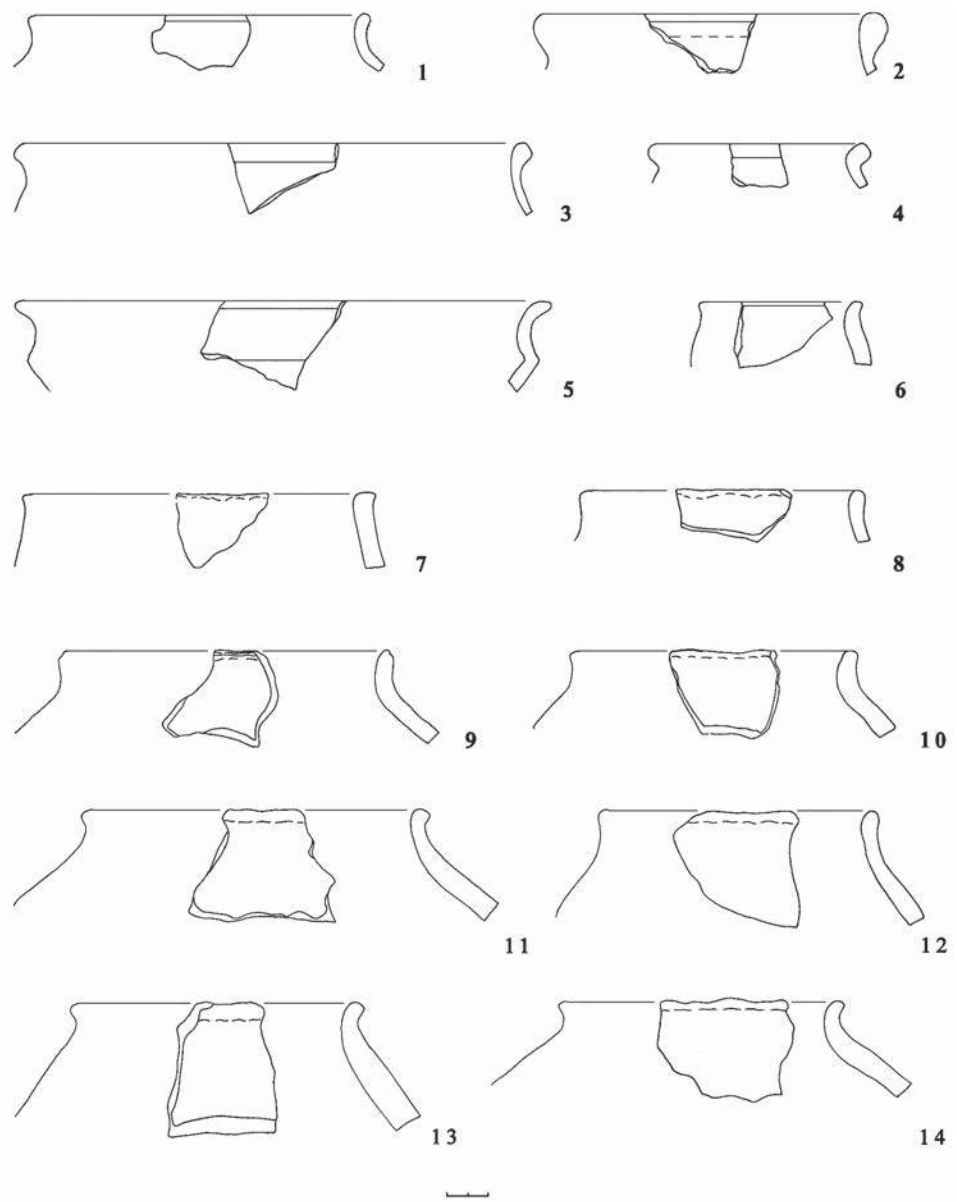


Рис. 4. **Керамика нижнего слоя заполнения (горизонт Боромля) сооружения 2 участка А поселения Войтенки:**

1—6 — гончарная; 7—14 — лепная

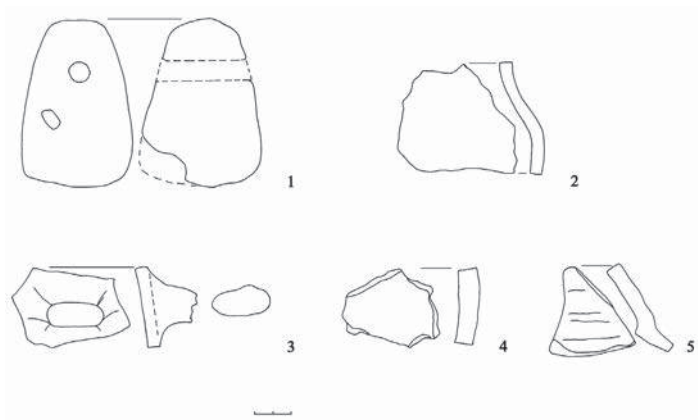


Рис. 5. **Материалы нижнего слоя заполнения (горизонт Боромля) сооружения 2 участка А поселения Войтенки-1**

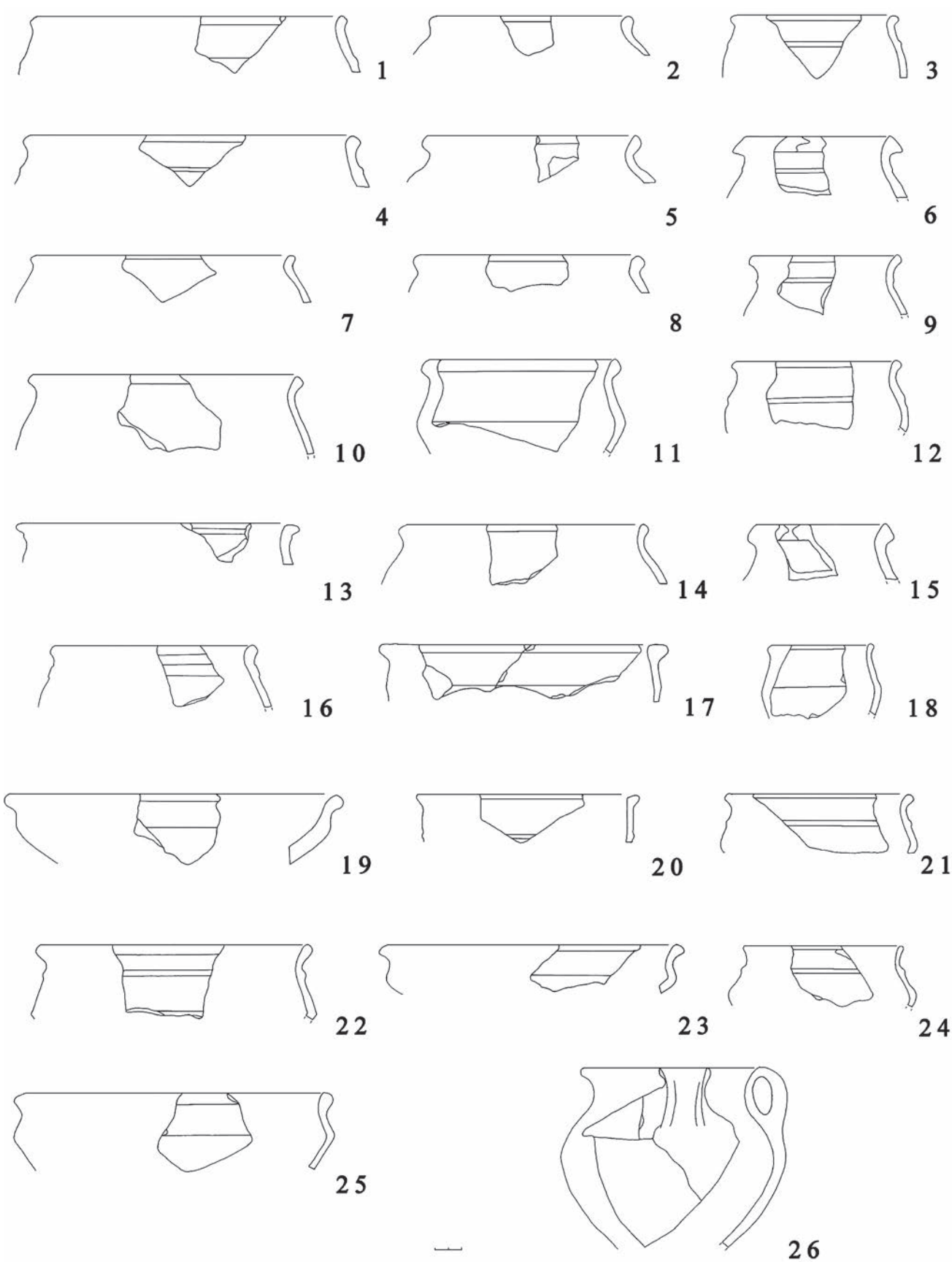


Рис. 6. **Керамика верхнего слоя (черняховская культура) заполнения сооружения 2 участка А поселения Войтенки:**

1—26 — гончарная

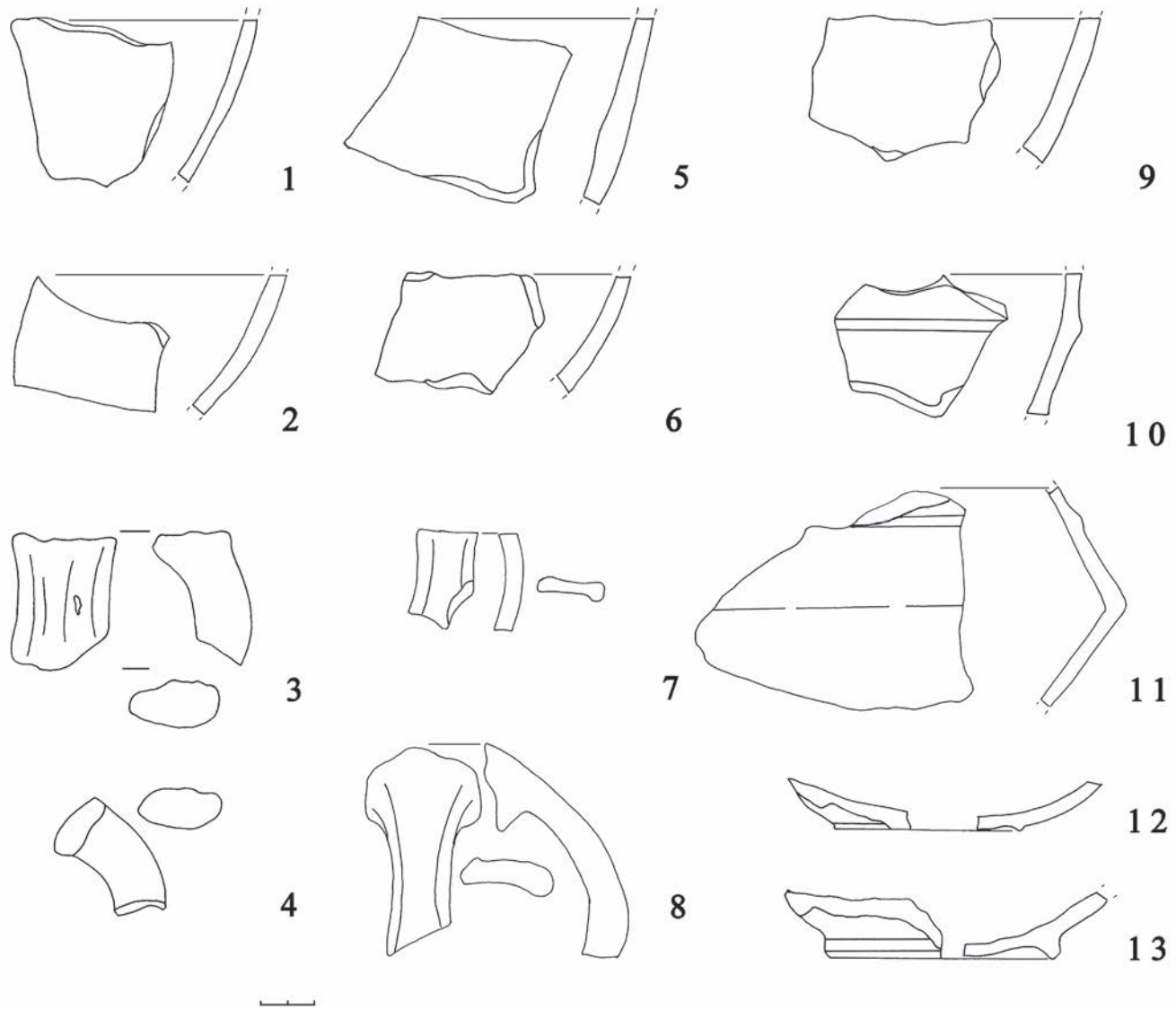


Рис. 7. **Материалы верхнего слоя (черняховская культура) заполнения сооружения 2 участка А поселения Войтенки:**

1—2, 5—6, 9—13 — гончарная керамика; 3, 4, 7, 8 — амфоры

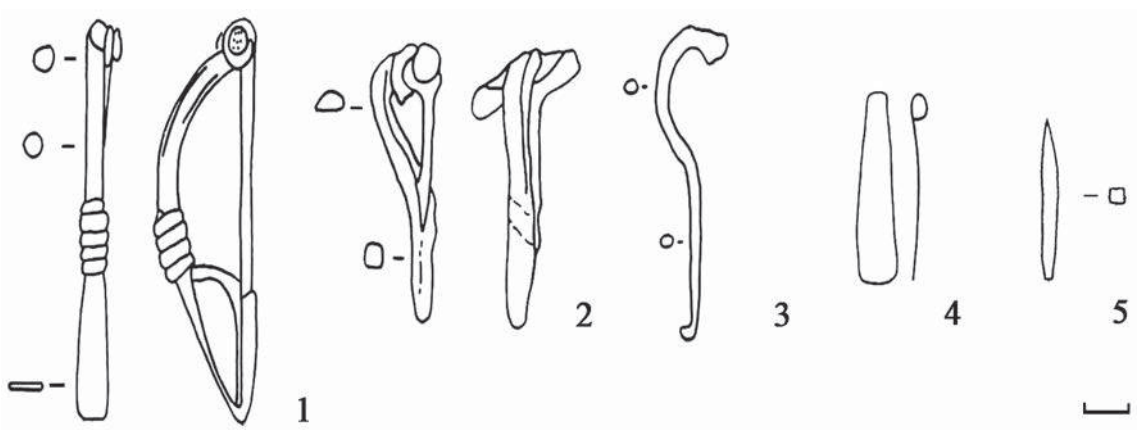


Рис. 8. **Вещи из нижнего (1) и верхнего (2 — 5) слоев заполнения сооружения 2 участка А поселения Войтенки:**

1 — бронза; 2, 3, 5, — железо; 4 — серебро

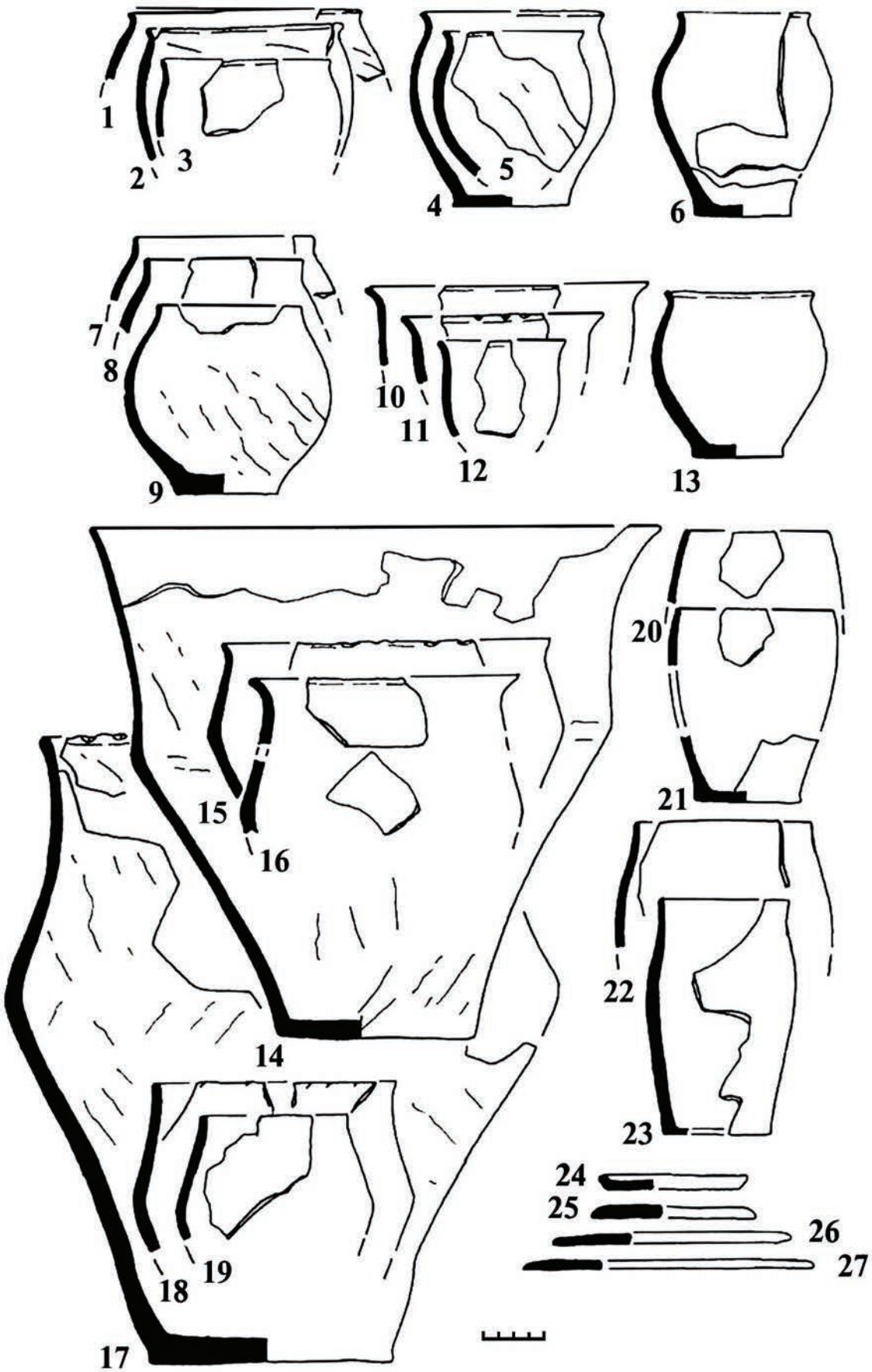


Рис. 9. **Керамический комплекс памятников типа Шишино-5—Шмырево (Обломский, 2002)**

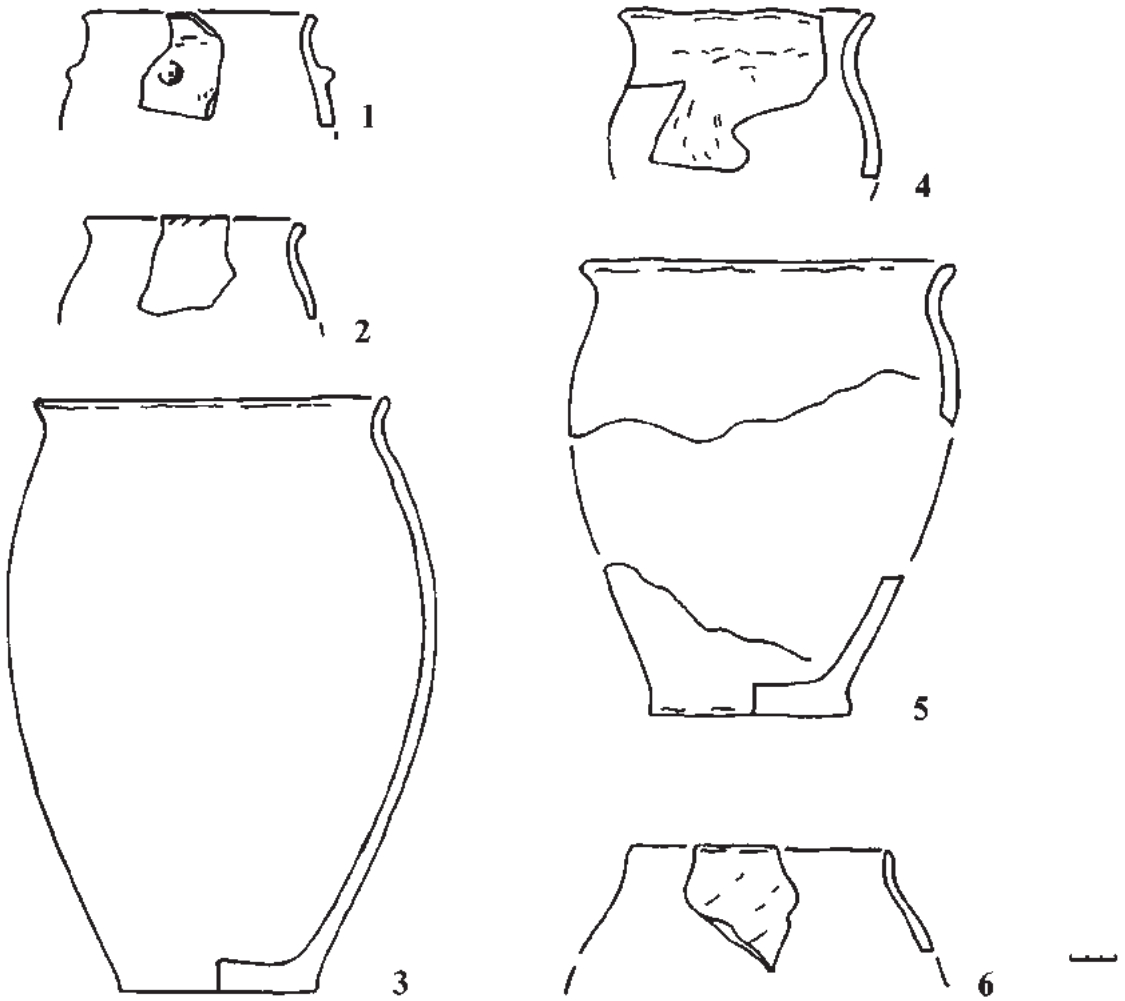


Рис. 10. **Классификация керамики горизонта Боромля:**

Тип I:1, 2, 3 — вид 1, вариант 1 (1 — Букреевка-2, сооружение 8; 2 — сооружение 5; 3 — сооружение 9);
6 — вид 1 вариант 2 (Гочево-4, слой); 4 — вид 2 (Букреевка-2, сооружение 3);
5 — вид 3 (Букреевка-2, сооружение 9)

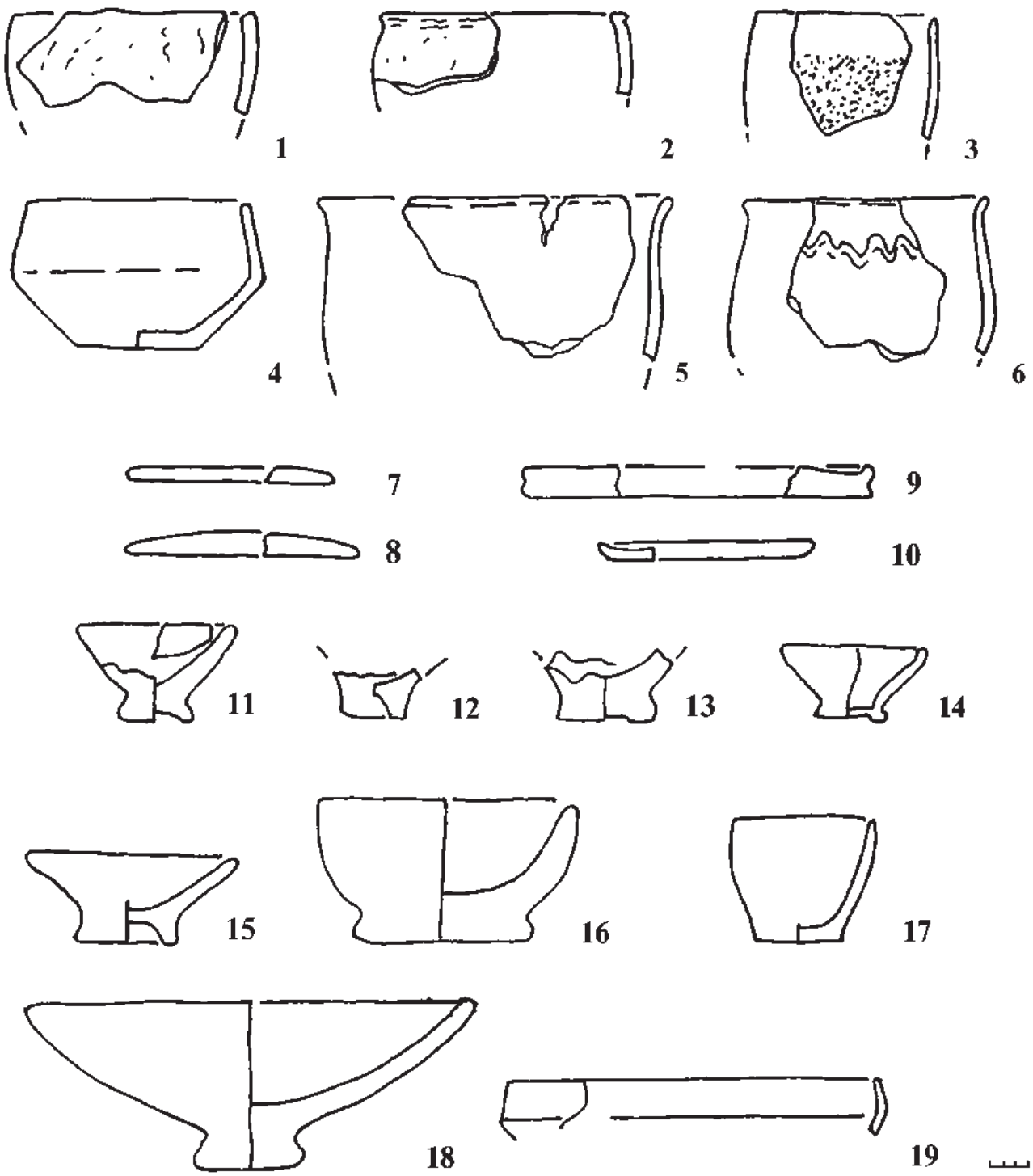


Рис. 11. **Классификация керамики горизонта Боромля:**

Тип II вариант 1 — 1, 3 (1 — Гочево-3, сооружение 7; 3 — Букреевка-2, сооружение 1);
вариант 2—2 (Боромля-2, сооружение 1); Тип III — 5 (Гочево-3, слой), 6 (Букреевка-2, сооружение 1);
Тип V — 4 (Букреевка-2, сооружение 5);
Тип VI вид 1 — 11—15 (11, 14 — Боромля-2, сооружение 1; 12, 13 — Гочево-4, слой,
15 — Букреевка-2, сооружение 5), вид 2 — 16—18 (16 — Родной Край-3, слой;
17 — Букреевка-2, сооружение 2, 18 — Родной Край-3, жилище 1);
Тип VII вид 1 вариант 1—7 (Гочево-3, яма 70),
вариант 2—10 (Гочево-4, слой); 19 — редкая форма (Букреевка-2, сооружение 3)

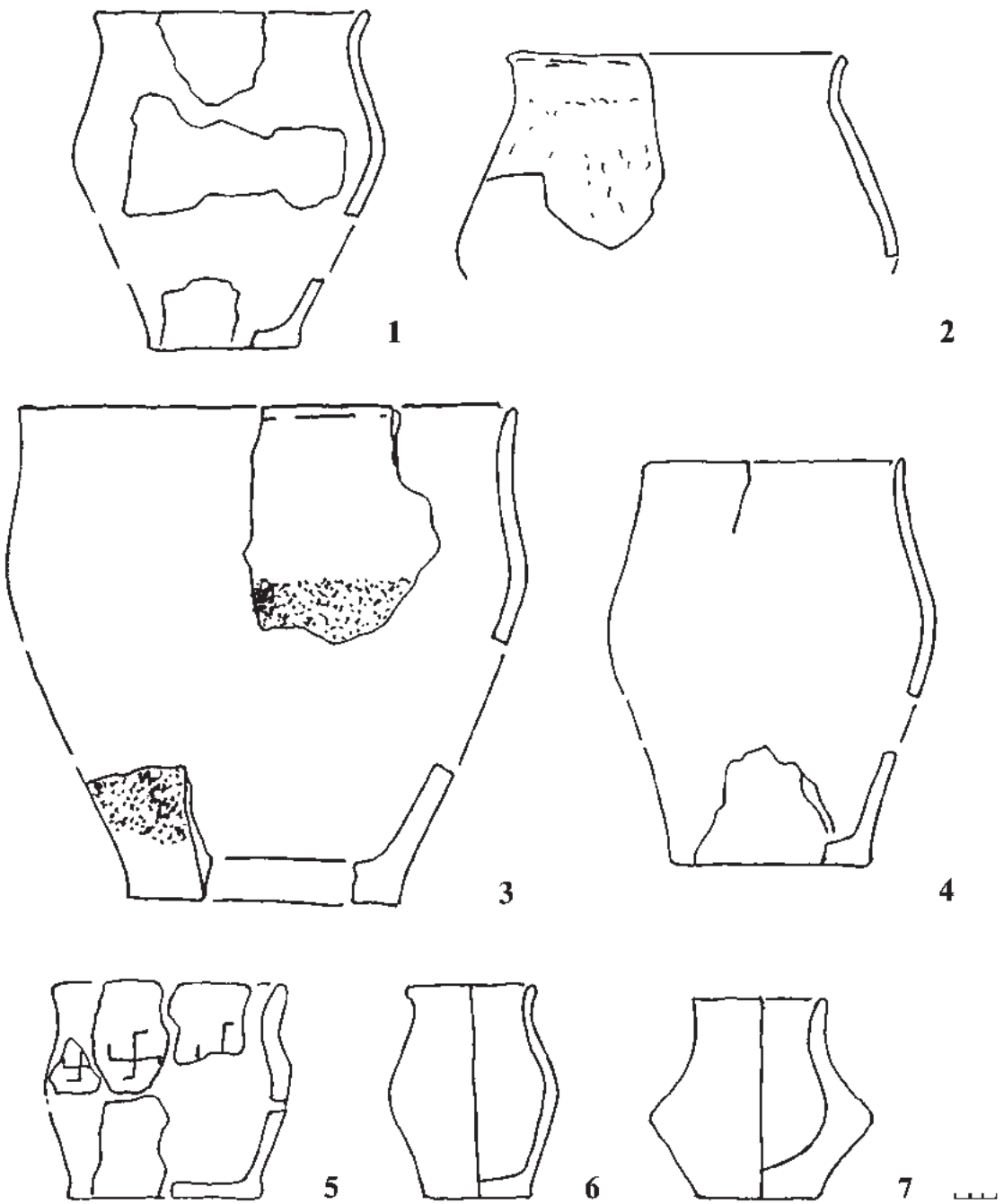


Рис. 12. **Классификация керамики горизонта Боромля:**

Тип IV вид 1 вариант 1—1 (Букреевка-2, сооружение 3); вариант 2—2 (Боромля-2, сооружение 3); вариант 3—4 (Букреевка-2, сооружение 4); вид 2—3 (Букреевка-2, слой); индивидуальные формы: 5—7 (Родной Край-3, жилище 2)

Мызгин К. В.

Некоторые аспекты политической и экономической истории населения днепро-донецкой лесостепи во второй четверти I тыс. н. э. по нумизматическим данным

За более чем вековую историю исследования черняховских древностей проблемам изучения кладов и единичных находок римских монет на территории восточноевропейского Барбарикума посвящено довольно большое количество работ, однако нумизматические материалы изучены все еще в недостаточной мере (Магомедов, 2006). Как правило, в подобных исследованиях римские монеты являются не более чем иллюстрацией к изучению экономической жизни носителей черняховской культуры. В этом случае римские монеты используются в отрыве от конкретного археологического материала и рассматриваются лишь в русле нумизматики. Однако не следует забывать, что римские монеты были такой же составной частью материального комплекса черняховской культуры, как, например, амфоры. Тщательный анализ римских монет с всесторонним привлечением археологического материала может помочь ответить на многие вопросы не только экономической, но и политической истории черняховских племен. В этом отношении регион днепро-донецкой лесостепи остается одним из наименее изученных в ареале черняховской культуры. В настоящей статье нами предпринята попытка использования нумизматических данных для решения вопросов хронологии культуры в регионе, а также некоторых аспектов политической и экономической жизни местного черняховского населения.

На сегодняшний день весьма дискуссионной является проблема времени появления черняховских памятников на территории днепро-донецкой лесостепи. По этому поводу существуют две основные концепции: раннего появления (в середине—второй половине III в.) — ступени C_{1b}/C_2, и позднего (в первой—второй четверти IV в.) — ступени C_2/C_3.

По мнению А. М. Обломского, появление носителей черняховской культуры восточнее Днепра произошло достаточно рано — около середины—второй половины III в., то есть еще на начальной фазе существования культуры (Обломский, 1999, с. 29), когда они достигли Северского Донца и освоили здесь так называемые «опорные участки» (Обломский, 2002, с. 89). С выводами А. М. Обломского в целом согласен Р. В. Терпиловский (Терпиловский, 2000, с. 305). По мнению сторонника поздней даты М. В. Любичева, в середине—второй половине III в., под давлением со стороны гото-гепидов, из области Верхнего Поднестровья в наш регион приходят только носители памятников типа Демьянов—Черепин, которые создают памятники «горизонта Боромля» (по терминологии М. Б. Щукина). При этом индикаторами продвижения носителей памятников типа Демьянов—Черепин к своим сородичам (позднезарубинецко-раннекиевским племенам) выступают фибулы с высоким приемником группы Альмгрен VII (Любичев, 2003, с. 77). В начале—второй четверти IV в. ситуация в регионе меняется в связи с приходом из Подунавья и Днепровского Правобережья больших групп германского населения, двинувшегося, очевидно, после подписания в 332 г. мирного соглашения с Константином Великим (Любичев, 2004, с. 22—34). Этим временем, по мнению М. В. Любичева, и датируется появление в регионе «классической» черняховской культуры. Решению вопроса о времени появления черняховской культуры Днепро-Донецкого междуречья косвенно может способствовать анализ находок римских монет в регионе путем их привязки к конкретным черняховским памятникам.

На сегодняшний день на территории днепро-донецкой лесостепи известно более чем 135 пунктов с находками римских монет. Из почти что 460 черняховских памятников региона только на территории 40 (на поверхности или в комплексах) обнаружены римские монеты. К сожалению, мы располагаем сведениями о датировке далеко не каждого подобного памятника, что объясня-

ется различной степенью их изученности. Нам ничего не известно о датирующих материалах с 22 черняховских памятников, на территории которых были обнаружены римские монеты (Снежков, Липцы, Новые Санжары, Келеберда, Верхний Салтов, Чугуев, Терны, Лубны, Деймановка, Колонтаев, Шишаки, Старый Орлик, Миргород, Коровинцы, Караван, Печенеги, Коломак, Великая Рублевка, Нехвороща, Гайдары, Одноробовка, Глубокая). О датировке поселения Соколово нам известно по материалам сопутствующего могильника. На поверхности девяти памятников (Тимченки, Лихачевка, Лазуковка, Печиевка, Саржин Яр, Старые Валки, Огульцы, Бараново-1, Белополье) наряду с монетами были обнаружены отдельные датирующие вещи. Наконец, более-менее точная дата существования есть только у пяти памятников, содержащих большое количество датирующих вещей (как правило, это памятники, подвергавшиеся археологическим раскопкам): могильник Компанийцы, поселения Боромля-2, Халимоновка, Войтенки-1 и Головино-1. В общей сложности с 14 относительно или точно датируемых черняховских памятников, расположенных на территории водораздела Днепра и Северского Донца, известно 94 случая находок римских монет. Из этого количества памятников 7 имеют материалы середины—второй половины III и IV — начала V вв. и 7 памятников датируются в пределах только второй четверти IV — начала V вв. (рис. 1) (Мызгин, в печати).

Хронологически находки римских монет с этих памятников подразделяются на две группы: 1) монеты I—начала III вв. (от Августа до Юлии Домны) и 2) монеты второй четверти—конца III в. (от Максимина Фракийца до Аврелиана). Монет первой группы преобладающее большинство — они представлены 90 экземплярами, из которых 81 % датируется в пределах середины II—начала III вв. Практически все эти монеты (96 %) являются серебряными, с большим содержанием серебра. Статистика показывает, что большинство монет первой хронологической группы были обнаружены на памятниках, имеющих датирующие материалы второй четверти IV—V вв. (Мызгин, в печати). Подобная ситуация, когда большинство римских монет, обнаруженных на черняховских памятниках IV—начала V вв., датируются преимущественно серединой II—началом III вв., характерна для всех регионов культуры (Магомедов, 2001, с. 111). Мы согласны с теми исследователями, которые объясняют этот факт тем, что монеты ранних чеканок в своем составе содержали значительно большее количество серебра, чем монеты, чеканенные в более поздний период, когда началась активная порча монет, а так как монетный материал был основным источником поступления серебра, то и основным требованием варваров при получении монет была чистота серебра, содержащегося в них (Кропоткин, 1961, с. 36; Магомедов, 2001, с. 111). Тем более что это подтверждается и письменными источниками, например сообщением Тацита о том, что германцы «серебро берут гораздо охотнее, нежели золото» (Тацит, 2003, с. 460). Кроме того, нужно отметить, что черняховцы действительно прекрасно разбирались в качестве серебра. Об этом может свидетельствовать ряд находок римских монет в Харьковской области со следами своеобразных шлифов-борозд, сделанных острым предметом для определения качества металла (Бейдин, Григорьянц, Любичев, 2006, с. 128). Пути поступлений этих монет к варварам были различными: торговля, обмен, контрибуции, выкуп за пленных, оплата наемного труда в римской армии. Однако сегодня большинство исследователей все же склонны считать основным источником притока римских монет грабительские походы в период т. н. «Скифских» войн III в. (Магомедов, Кароєва, 1988, с. 84—86; Магомедов, 2001, с. 111; Лавров, 2003, с. 349; Бейдин, Григорьянц, Любичев, 2006, с. 118—119). По всей видимости, массовое появление в нашем регионе монет первой хронологической группы отражает приход сюда в начале IV в. большой группы населения, участвовавшего в этих «Скифских» войнах. Именно с приходом этой группы связано появление в нашем регионе памятников «классической» черняховской культуры. По крайней мере на сегодняшний день на территории восточнее Днепра нам не известны находки римских монет первой хронологической группы на памятниках, датированных исключительно серединой—второй половиной III в. (памятниках горизонта Боромля) (Букреевка-2, Родной Край-3, Гочево-3, 4 и др.). Следовательно, римские монеты на территорию днепро-донецкого водораздела попали позже, вместе с носителями «классической» черняховской культуры, на памятниках которой они имеются в большом количестве.

Монеты второй хронологической группы представлены всего лишь четырьмя экземплярами. Они не содержат серебра (в основном медь) или же содержат его в исключительно малом количестве. Два из трех поселений, на которых были сделаны нумизматические находки второй хронологической группы (Войтенки-1 и Саржин Яр), имеют синхронные этим монетам материалы (фибулы группы Альмгрен VII и двучленные лучковые фибулы) (Мызгин, в печати), исходя из чего вполне логично было бы предположить, что эти монеты были занесены в наш регион уже в середине—второй половине III в., например, носителями памятников горизонта Боромля, с которыми и связаны эти ранние материалы. Однако этот факт может объяснить важное наблюдение М. В. Любичева, что иногда поселения горизонта Боромля есть там, где позднее возникали поселения «классической» черняховской культуры (Любичев, в печати). Это, в частности, прекрасно доказали последние исследования поселения Войтенки-1, где довольно четко удалось проследить его двухгоризонтность на одном из его участков. Так, на участке А этого поселения было исследовано полуземляночное жилище (сооружение 2), нижний горизонт которого был представлен лепной керамикой, аналогичной обнаруженной на памятниках типа Демьянов—Черепин и горизонта Боромля, фрагментами амфор типа D, двучленной лучковой фибулой группы 15 серии 3 варианта 1, по А. К. Амброзу, середины III в., а верхний — гончарной керамикой, серебряной визиготской подвеской и двумя подвязными фибулами конца IV—V вв. В этом случае, как отмечает М. В. Любичев, находки вещей, связанных с горизонтом Боромля (фибулы группы Альмгрен VII, амфоры типа D), не должны смущать исследователя при обнаружении рядом вещей, уже связанных с 3—5-й фазами развития черняховской культуры (Любичев, в печати). По-видимому, такая же ситуация обстоит и с остальными поселениями, имеющими наряду с ранними материалами (середина—вторая половина III в.) поздние (вторая четверть IV—V вв.). Таким образом, синхронность некоторых монет второй хронологической группы ранним материалам памятников, на которых они были найдены, не более чем простая случайность. Скорее всего эти монеты (равно как и немногочисленные медные монеты первой хронологической группы) случайно попали к варварам вследствие все тех же грабежей римских провинций в III в. и были занесены в наш регион в IV в. Тем более что эти монеты синхронны «Скифским» войнам (Ременников, 1954).

Совершенно особняком стоит находка медной римской монеты (тетрасария) из заполнения постройки 5 поселения Головино-1. Монета могла быть отчеканена в Тире в период между 238 и 253 гг. (Обломский, 2001—2002, с. 32). Учитывая то, что в Днепро-Донецком междуречье это единственный случай находки монеты в заполнении комплекса, наряду с синхронными датирующими вещами (амфоры типа D, фибула группы Альмгрен VII), и то, что монета относится к провинциальной чеканке, — тетрасарий представляет большой интерес. Принимая во внимание двухслойность поселения (горизонт Боромля и классическая черняховская культура), вариантов попадания монеты в заполнение два: либо же монета была оставлена в середине—второй половине III в. населением горизонта Боромля, либо же она случайно попала в заполнение из более позднего слоя. По-видимому, тетрасарий был занесен все же в середине—второй половине III в. На это указывают прежде всего условия ее залегания: стратиграфически материалы середины—второй половины III в. из заполнения постройки 5 (фибула группы Альмгрен VII) находились выше монеты (Обломский, 2001—2002, с. 32), что уже само по себе исключает более позднее время попадания тетрасария. Да и немаловажен факт синхронности монеты и датирующих материалов заполнения постройки 5.

По мнению некоторых исследователей (Бейдин, Григорьянц, 2003, с. 193; Гейко, Ткаченко, 2006, с. 101), на раннюю дату возникновения черняховской культуры в регионе могут указывать находки боспорских монет. Для днепродонецкой лесостепи они — явление достаточно характерное, тогда как в других регионах они фактически не известны. На сегодняшний день мы располагаем информацией о 13 случаях находок боспорских монет на территории днепро-донецкой лесостепи (рис. 4). Появление этих монет в регионе исследователи справедливо связывают с той частью местных варварских племен, которая участвовала в третьей четверти III в. в походах примеотийских племен против Римской империи (Бейдин, Григорьянц, Любичев, 2006, с. 125). Но это еще совсем не означает, что монеты появились в регионе сразу

после окончания этих походов. В любом случае эта тема достойна более тщательного и всестороннего изучения.

Картографирование кладов и единичных находок римских монет на территории Днепро-Донецкого междуречья позволяет выделить четыре основные зоны их концентрации: 1) бассейн среднего течения Северского Донца и его притоков; 2) территория вдоль р. Сулы и ее притоков; 3) водораздел Псла и Ворсклы и 4) территория вдоль течения р. Днепр (рис. 2). По всей видимости, эти зоны концентрации являются прямым отражением древних торговых путей. Еще В. Е. Данилевич в 1905 году выделил днепровский и донской торговые пути, по последнему из которых, по мнению ученого, велись торговые отношения с Римской империей (Данилевич, 1905, с. 380—381). О торговых путях, по которым велась торговля с помощью монеты, писали К. Маевский (Маевский, 1958, с. 159), В. В. Кропоткин (Кропоткин, 1961, с. 33) и другие. В последнее время, основываясь на материалах Западного Подолья, этот тезис поддерживает Б. С. Строцень (Строцень, 2006, с. 11—12). Традиционно торговые пути проходили с учетом минимального соприкосновения с водными препятствиями, то есть по водоразделам рек. О сухопутных путях Днепровского Левобережья нам известно, прежде всего, по этнографическим данным. Так, Д. И. Багалий говорил о существовании в XVI—XVII вв. на территории Слободской Украины нескольких торговых путей (так называемых «шляхов»): Бакаев шлях, Муравский шлях, от которого шли ответвления — Изюмский и Калмиусский шляхи (Багалій, 1993, с. 19—20). По мнению ученых, Муравский шлях, связывавший Черное море с лесной зоной Восточной Европы и проходивший по границе днепровского и донецкого речных бассейнов, существовал еще в середине I тысячелетия до н. э. (Rolle, Murzin, Šramko, 1991, P. 58, Abb. 1). Вполне вероятно, что его существование продолжалось и в черняховское время. По крайней мере на это указывает не только концентрация находок римских монет вдоль Муравского шляха, но и концентрация здесь черняховских памятников. К ним относятся такие поселения, как Бараново, Огульцы, Халимоновка, Хворостово, Шлях-2, Высокополье, Тимченки, Колесники, Соколово-1, 2, Войтенки-1. Последнее могло занимать контролирующую функцию по отношению к этому пути (Любичев, 2005а, с. 6). Кроме того, на этом памятнике обнаружено относительно большое количество римских монет (58 экземпляров). Не исключено, что второй торговый путь проходил по Северскому Донцу. Об этом могут свидетельствовать находки римских монет вдоль его течения, в стороне от Муравского шляха. В. В. Кропоткин, ссылаясь на К. Маевского и Б. Билинского, указывает на наличие торгового сухопутного пути вдоль Ворсклы (Кропоткин, 1961, с. 33, рис. 9). Не противоречит этому и концентрация находок римских монет на территории между Пслом и Ворсклой. Распространение монет на обоих берегах этих рек может также указывать на существование речных торговых путей, проходивших непосредственно по этим рекам. По-видимому, таким же образом ситуация обстоит и с территорией вдоль течения р. Сулы и ее притоков, а также с территорией вдоль Днепра, где также отмечены концентрации находок римских монет. Не исключено, что в будущем будет возможно выделить и другие направления древних торговых путей. Важно отметить, что зоны концентраций черняховских памятников в целом совпадают с зонами концентраций находок римских монет. На наш взгляд, большое количество находок римских монет вдоль древних торговых путей говорит об интенсивной внутриплеменной торговле, в которую было втянуто большое количество местного населения. Это, в свою очередь, опровергает тезис о том, что римские монеты участвовали исключительно в торговых операциях между представителями верхушки местного населения, как это всегда традиционно считалось (Кропоткин, 1961, с. 35; Магомедов, 2006). В любом случае, справедливость того или иного предположения могут показать только дальнейшие археологические исследования.

Перейдем к рассмотрению важного вопроса: какими же функциями обладали римские монеты в среде местного черняховского населения? Традиционно их выделяют три: средство накопления, сырье для ювелирного производства и средство денежного обращения. Определимся с ролью каждой из этих функций.

Сосредотачиваясь в руках племенной знати, римские монеты выполняли одну из важных функций — функцию средства накопления. Это подтверждают, прежде всего, находки кладов римских монет в регионе. На сегодняшний день на территории днепро-донецкой лесосте-

пи известно 17 кладов римских монет (в Полтавской области: Головач, Гурбинцы, Ковтуны, Кременчуг, Крячковка, Лихачевка, Лукищино, Нехвороща, Рублевка, Трухановка; в Сумской области: Белополье, Жигайловка, Коровинцы, Подлесновка, Рогинцы; в Харьковской области: Перекоп, Старые Валки) (рис. 3). О полном или почти полном составе кладов известно в шести случаях (Ковтуны — 104 экз., монеты от Траяна до Септимия Севера; Лукищино — 953 экз., монеты от Нерона до Коммода и Юлии Домны; Нехвороща — 300 экз., монеты от Траяна до Манлии Скантиллы; Трухановка — 30 экз., монеты от Веспасиана до Коммода; Рублевка — 201 экз., монеты от Валентиниана II до Феодосия II; Жигайловка — 1460 экз., монеты от Юлия Цезаря до Коммода). Неполным списком монет представлены клады из Подлесновки (35 из 200 экз., монеты от Траяна до Коммода), Рогинцев (112 из 150 экз., монеты от Траяна до Септимия Севера), Старых Валок (известно только 10 экз., среди которых монеты Августа, Тиберия, Нерона, Антонина Пия, Коммода и греческая монета Лисимаха). О составе клада из Лихачевки известно, что в нем содержались монеты II—начала III вв. О составах кладов из Головача, Гурбинцев, Кременчуга, Крячковки, Белополья, Коровинцев и Перекопа мы, к сожалению, никакой информацией не обладаем.

Практически все клады, о составе которых нам известно, содержат серебряные монеты I—первой половины III вв. При этом монеты I в. представлены в единичных случаях, а основная масса монет приходится на середину II—первую половину III вв. Исключением является только клад из Рублевки, в составе которого содержались золотые солиды IV—V вв. (на нем мы остановимся позже). На сегодняшний день мы пока не можем говорить ни о времени начала накопления этих кладов, ни о причинах и времени их зарытия. Сегодня уже достоверно известно, что младшая монета в подобных кладах не может определять даже приблизительную дату его зарытия (это обычно практиковалось советскими исследователями (Фенин, 1951; Брайчевский, 1959; Кропоткин, 1961; 1967 и др.)), так как между датой младшей монеты (как правило, это начало—середина III в.) и появлением культуры в регионе (вторая четверть IV в.) — почти столетие. Возможно, зарытие кладов следует все же связывать с нашествием гуннов в 375 г. и последовавшим в это время оттоком основной массы черняховского населения на запад (Казанский, 1997, с. 182). Огромная разница между количеством известных кладов и количеством единичных находок римских монет в регионе показывает, что накопление монет в руках знати было далеко не основной и не самой важной их функцией, а напротив, во внутренней жизни местного черняховского общества они играли довольно активную роль, и лишь какая-то их часть оседала в руках племенной верхушки.

В последнее время принято считать, что эту активную роль римские монеты могли выполнять как источник серебра для производства ювелирных изделий (Магомедов, 2001, с. 111; Магомедов, в печати). Факт использования черняховцами римских серебряных монет в качестве сырья для ювелирного производства исследователями не отрицался никогда, поразному только оценивались масштабы подобного использования. Так, М. Ю. Брайчевский и В. В. Кропоткин говорили о минимальной роли монет как сырья (Брайчевский, 1959, с. 28; Кропоткин, 1961, с. 21), а Б. В. Магомедов, напротив, считает, что основная масса монет шла именно на ювелирные изделия (Магомедов, 2001, с. 111). Возможно, ответ на этот вопрос может дать оценка общего количества серебряных изделий в регионе и сравнение его с данными о количестве римских монет.

На территории между Днепром и Северским Донцом известно о 9 пунктах находок серебряных вещей. Серебряная поясная пряжка была обнаружена на поверхности черняховского поселения Волошиновка (Барышевский район, Киевская область) (Любичев, 2000, с. 164). В составе инвентаря богатого погребения 5 могильника Переяслав-Хмельницкий (Киевская область) обнаружены остатки шкатулки, среди которых была серебряная дужка (Гончаров, Махно, 1957, с. 134). На поверхности поселения Халимоновка (Валковский р-н, Харьковская область) обнаружен фрагмент серебряной двупластинчатой фибулы (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, с. 67). В разграбленном погребении могильника Соколово-2, наряду с другим инвентарем, обнаружена серебряная пряжка (Петренко, 1991, с. 24). По две парные серебряные фибулы находились в составе погребального инвентаря в погребениях 5 и 8 могильника Сумы-Сад (Некрасова, 1994, с. 77, 79). На поверхности и в

культурном слое поселения Войтенки-1 обнаружены серебряная подпрямоугольная подвеска с петлей (Любичев, 2005а, с. 38), серебряная лунница (Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, с. 14). Из верхнего слоя сооружения 2 участка А этого же поселения происходит серебряная трапециевидная визиготская подвеска (неопубликованные материалы). Из погребения 41 могильника Войтенки происходят серебряная подвязная фибула небольших размеров и бронзовая цилиндрическая подвеска, покрытая серебряной фольгой (неопубликованные материалы). В погребении 4 могильника Боромля, помимо прочего инвентаря, обнаружены две парные серебряные фибулы (Некрасова, 2006, с. 88), а в погребении 24 этого же могильника обнаружена серебряная пряжка (Некрасова, 2006, с. 91). В составе погребений 137 и 1647 могильника Успенка обнаружено по две парные двупластинчатые фибулы, а в погребении 366 найдена серебряная проволочная серьга (Некрасова, 2006, с. 101, 102, 104). В могильнике Компанийцы в погребении 1 обнаружена серебряная подвязная фибула, капли серебра имелись на поверхности умбона из погребения 86 (Некрасова, 2006, с. 106, 112).

Таким образом, с территории днепродонецкого водораздела нам известно о 23 случаях находок серебряных вещей с черняховских памятников. Соотношение известных нам находок римских монет региона (около 3800 экз.) и находок серебряных вещей составляет приблизительно 165:1. Если количество находок серебряных вещей и занижено, то увеличение их числа в два или в три раза даже приблизительно не будет равно и четверти находок римских денариев в регионе. При этом все находки серебряных вещей мы отнесли к сделанным из монетного металла, хотя далеко не все они являются таковыми.

Следует особо остановиться на датировке имеющихся в нашем распоряжении серебряных вещей и комплексов, в которых они были обнаружены. Поселение у с. Халимоновка датируется второй половиной IV в. (Любичев, 2005, с. 286), однако находка части серебряной двупластинчатой фибулы на этом поселении позволяет говорить о существовании поселения и в начале V в. Ко второй половине IV в. относятся материалы погребения 5 могильника Переяслав-Хмельницкий (Гороховский, 1988, с. 44). Погребение 1 могильника Соколово-2 с серебряной пряжкой относится к середине IV—началу V вв. (Петренко, 1991, с. 25). Традиционно к рубежу периодов C_3—D_1 относятся также серебряные двупластинчатые фибулы, находки которых происходят из погребения 8 могильника Сумы-Сад, погребений 137 и 1647 могильника Успенка. Этим же временем датируются серебряные пряжка и парные двупластинчатые фибулы из погребения 4 могильника Боромля (Некрасова, 2006, с. 88, 91, 101—102; Гороховский, 1988, с. 45). К рубежу C_3—D_1 относятся серебряные вещи из культурного слоя поселения Войтенки-1 (Любичев, 2005а, с. 38; Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, с. 14) и погребения 41 могильника Войтенки (Любичев, Мызгин, Варачева, 2007). Периодом D_1 датируются парные серебряные фибулы из погребения 5 могильника Сумы-Сад, а также умбон с каплями серебра из погребения 86 могильника Компанийцы (Казанский, 1997, с. 183). Определить датировку вещей из Яременек и Волошиновки нам не представляется возможным, однако вряд ли их бытование приходится на период ранее C_3. Таким образом, из 19 датируемых серебряных изделий региона рубежом ступней C_3—D_1 датируются 16 изделий и исключительно периодом D_1—3 серебряных изделия. Как видим, большинство серебряных изделий нашего региона имеют позднюю дату, соответствующую последним фазам развития черняховской культуры. Отсюда возникает закономерный вопрос: если все эти вещи были сделаны из монетного серебра, то почему спрос на них возник в черняховском обществе так поздно? Ведь в массовом количестве серебряные римские денарии появились в регионе уже во второй четверти IV в.! Если предполагать, что монеты активно использовались ювелирами как сырье, то вполне логично было бы в больших количествах находить серебряные вещи в погребениях, совершенных на всем протяжении существования культуры в регионе. Однако, как видим, это полностью противоречит имеющимся археологическим данным. Основная масса серебряных вещей, по-видимому, имела импортный, а не местный характер. Это прежде всего относится к двупластинчатым фибулам и частям шкатулок, имеющим наиболее поздние датировки. Местным мастерам, возможно, могли принадлежать серебряные пряжки и подвязные фибулы (по крайней мере, изготовление бронзовых пряжек и подвязных фибул местными мастерами было освоено неплохо, о чем свидетельствуют многократные находки их заготовок (Бакуменко,

Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, с. 93—94)). Правда, не факт, что они были сделаны именно из монетного серебра. С местными серебряными изделиями из монет мы также можем предположительно связать пластинчатые подвески: подвески-лунницы, прямоугольные подвески и подвески в виде топорика («молот Тора») (рис. 5:1—3). Подобные украшения выполнены из одного небольшого серебряного бруска, на роль которого лучше всего подходит монета. Окончательно этот вопрос могут решить только специальные металлографические исследования черняховских серебряных вещей, необходимость которых давно назрела.

С остатками местного ювелирного производства следует также связывать находки в регионе ряда фрагментированных римских монет, имеющих следы рубки или обламывания, производившиеся еще в древности. Размеры монетного кружка слишком невелики (от 1,5 до 2 см в диаметре), чтобы предполагать, что монеты были испорчены в новейшее время, например при вспашке. Речь идет о целенаправленном обламывании или обрубке римских монет, которая могла производиться только тогда, когда ими пользовались, то есть в черняховское время. На сегодняшний день известно по крайней мере о десяти находках подобных монет (рис. 3). В Войтенках обнаружены четыре такие монеты: медный денарий Коммода (отсутствует 7 % монеты), серебряный денарий Коммода (нет 58 %), две монеты Фаустины Старшей (отсутствует соответственно 69 и 38 %) (Любичев, 2005а, рис. 131, 134; Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис. 94:4, 6) (рис. 5:4, 6, 8, 9). На денарии Септимия Севера из Лихачевки обломано около 50 % поверхности (Брайчевский, 1959, с. 160 (№ 483)) (рис. 5:7). У серебряного денария Юлии Домны из Новых Санжар отсутствует 51 % поверхности (Супруненко, Шалобудов, 1995, с. 195, рис. 1) (рис. 5:5). Фрагменты монет происходят также из Огульцов (денарии Коммода и Луция Вера, обломано соответственно 20 и 50 %) и Халимоновки (денарий Марка Аврелия, отсутствует около 20 %) (Бейдин, Григорьянц, Любичев, 2006, с. 133 (№ 35), 137 (№ 46), 138 (№ 63)). Наконец, фрагмент римского денария из Анисова, количество обломанной площади которого, к сожалению, не известно (Брайчевский, 1959, с. 202 (№ 1058)). Таким образом, из девяти доступных нам фрагментов монет восемь имеют следы обламывания (имеется неровный край скола) (денарии из Войтенков, Лихачевки, Огульцов и Халимоновки) и один — следы обрубки, вероятно, заостренным железным предметом (характерные следы на сколе монеты) (денарий из Новых Санжар). Характерно, что в ареале черняховской культуры концентрация подобных монет приходится именно на Днепровское Левобережье (на что в свое время указывал еще М. Ю. Брайчевский) (Брайчевский, 1959, с. 28), хотя их иногда находят и в других областях культуры. Например, на Верхнем Днестре, в культурном слое поселения Демьянов II, обнаружен серебряный денарий Траяна, у которого отсутствовало 15 % площади монетного кружка (рис. 5:10) (Баран, Гопкало, 2005, с. 120, табл. 26). Важно отметить, что на территории днепродонецкого водораздела отсутствуют монеты, обрезанные по гурту, тогда как они встречаются в Среднем Поднепровье (Брайчевский, 1959, с. 146 (№ 329)) и широко распространены в западных областях черняховской культуры (Строцень, 2006, с. 12).

Монеты, имеющие следы обламывания или обрубки, обнаруженные на территории Днепровского Левобережья, свидетельствуют — римские денарии воспринимались местным населением прежде всего как слиток металла, а не как денежный знак. Сомнительно также, что отрубленные или обломанные у монет части являлись эквивалентом мелочи, необходимой в условиях денежного обращения, так как они не имеют какого-либо унифицированного размера (иначе монета рубилась бы строго на определенные части — на две или на четыре, однако в нашем случае подобная закономерность отсутствует). Практически все фрагментированные денарии выполнены из серебра достаточно высокой пробы, но среди находок оказался и один обломанный в древности медный денарий, следовательно, и он рассматривался в качестве своеобразного слитка металла. О предназначении обрубков монет мы можем только гадать. Возможно, их использовали ювелиры для изготовления или починки своей продукции (дело в том, что монета была наиболее мобильным источником драгоценного или необходимого металла, то есть сырья для ювелирного производства), например, тех же пластинчатых подвесок.

Итак, как мы убедились, использование монеты в качестве сырья для ювелирного производства в черняховской среде, несомненно, имело место, но распространенным явлением не было.

И причиной этого, по-видимому, являлось отсутствие большого спроса среди местного населения на серебряные изделия. На наш взгляд, было бы ошибочным утверждать, что одной из важнейших причин поступления к варварам римской серебряной монеты было восполнение монетами нехватки сырья для изготовления серебряных изделий. Ситуация обстояла скорее наоборот. Наличие в руках варваров относительно большого количества серебряной монеты порождало возможность изготавливать из нее украшения, основными потребителями которых была племенная знать. Основная же масса населения вполне обходилась изделиями из железа и бронзы.

Таким образом, из возможных вариантов использования римской монеты населением днепро-донецкой лесостепи остается только один — использование ее как средства денежного обращения. Однако можем ли мы в полной мере говорить о его существовании?

Основным аргументом сторонников существования денежного обращения является большое количество находок римских монет в ареале черняховской культуры (Брайчевський, 1959, с. 33; Кропоткин, 1961, с. 33; Магомедов, 2001, с. 110—111). Если учесть, что обнаруженные денарии являются потерянными еще в древности, то их количество действительно достаточно велико даже для нашего региона. Однако все это еще далеко не является доказательством денежного обращения, а еще раз указывает лишь на активное участие римских монет во внутренней жизни местного населения.

В свое время Г. А. Небиеридзе отметил важность проблемы терминологии, которой должны пользоваться исследователи при решении вопроса о денежном обращении в среде черняховского общества (Небієрідзе, 1984, с. 12). Рядом советских историков 1940—1950-х гг., среди которых наиболее видное место занимал М. Ю. Брайчевский, было положено начало традиции считать находки римских монет свидетельством их тотального, повсеместного обращения в черняховском обществе (Брайчевський, 1959, с. 27—34). Работами В. В. Кропоткина (Кропоткин, 1961; 1967; 1970 и др.) подобная роль римской монеты отрицалась. По мнению ученого, денежное обращение находилось только на первоначальной стадии своего развития, когда функция средства обращения еще не имела необходимых предпосылок для своего развития (Кропоткин, 1961, с. 35). Наконец, М. А. Тиханова (Тиханова, 1973) и Г. А. Небиеридзе (Небієрідзе, 1984) полностью отрицали денежную функцию римского денария в черняховском обществе, говоря об исключительно меновом характере внешней и внутренней торговли. Некоторое время с этим тезисом соглашался Б. В. Магомедов (Магомедов, 2001, с. 111), однако в последнее время он не отрицает денежную функцию римских монет в среде населения черняховской культуры в качестве денег (Магомедов, 2006).

На наш взгляд, вопросы функций римских денариев вообще и вопрос денежного обращения в частности необходимо рассматривать для каждого региона отдельно, учитывая особенности развития культуры в каждом из них. На сегодняшний день у нас нет никаких оснований говорить о том, что римские монеты, например, в последней четверти IV в. выполняли одинаковую функцию у черняховского населения Подунавья или Северного Причерноморья и у населения днепро-донецкой лесостепи. Причина этому — различные условия развития культуры в каждом из этих регионов. Так, если отдаленность территории днепро-донецкой лесостепи от зоны римского экономического влияния (от римского лимеса), невозможность постоянного пополнения монетного фонда и относительно кратковременное существование культуры в этом регионе тормозили возникновение здесь денежных отношений, то для черняховского населения западных и юго-западных областей культуры возможность активных торговых отношений с Римской империей привела к постепенному их привыканию к римской денежной системе. В частности, в конце III—IV в. здесь получили широкое распространение бронзовые монеты (которые могли выполнять роль разменных). То есть в монете ценился уже непосредственно ее номинал, и она выполняла свою непосредственную функцию — денег. Напротив, на территории днепро-донецкой лесостепи бронзовых монет этого времени встречено крайне мало (известно всего две: в Полтаве обнаружена монета Константина I, в Белашах — монета Константа). Еще В. В. Кропоткин обратил внимание, что «в районах, которые непосредственно граничили с Римской империей, денежное обращение было более интенсивным», чем в восточных (Кропоткин, 1961, с. 35). На наш взгляд, для территории днепро-донецкой лесостепи характерна меновая торговля, при которой

деньги уже выполняли роль товара-посредника. По терминологии В. В. Кропоткина, это и есть «первоначальная стадия зарождения денежного обращения». Ниже мы приводим свои доводы в пользу этого предположения.

Как известно, денежное обращение — это движение денег при выполнении ими своих функций: средства платежа и средства обращения. Если обращение денег (то есть их переход от одного владельца к другому) еще представляется гипотетически возможным, то выполнение ими средства платежа возможно исключительно при понимании владельцами их реальной стоимости. Однако у нас нет никаких гарантий утверждать, что находящиеся в руках варваров монеты воспринимались ими так же, как они воспринимались жителями Римской империи. Да и могло ли возникнуть такое важное явление, как денежное обращение, фактически с нуля, не имея под собой никаких исторических, социальных и экономических предпосылок? Например, в среде дакийских племен принятие римской денежной системы произошло достаточно быстро и безболезненно, так как зарождение товарно-денежных отношений в их среде прошло еще задолго до прихода римлян и связано сначала с поступлениями монет гето-дакийской чеканки, а потом — с внедрением носителей латенской культуры, с распространением других денежных систем. Кроме того, в основе введения в денежное обращение денария в Дакии лежали экономические и социальные предпосылки, вызвавшие к жизни первое дакийское государство Буребисты (Котигорошко, 2001, с. 146—147). Как известно, у германских племен ничего подобного не было, и само понятие денег было для них, по большому счету, незнакомым. Кроме того, нельзя забывать, что существование черняховской культуры приходится на эпоху преобладания меновой торговли на внутреннем рынке (Магомедов, 2001, с. 111), общей натурализации экономической жизни Римской империи и возрастания менового, натурального характера ее торговли с варварами (Кропоткин, 1961, с. 30). В условиях, когда товар приобретался путем обмена на товар, римские денарии, по-видимому, играли роль такого же товара, выполняя, в силу своей мобильности, посреднические функции. В этом случае римская монета еще не исполняет функций денег, так как она принимается не по фактическому номиналу, а на счет. Это, в частности, доказывается отсутствием разменной монеты — обязательного условия при существовании денежного обращения. Таким образом, для нашего региона следует говорить не о денежном обращении как таковом, а только о неких его зачатках.

Весьма характерной особенностью нумизматических находок днепро-донецкой лесостепи черняховского времени является отсутствие среди них силикв, в то время как они довольно широко распространены в приграничных с Римской империей территориях (Кропоткин, 1961, с. 50—93). По предположению М. Б. Щукина, около 324 г. н. э. Константин I стал чеканить силикву специально для расплаты с варварами-федератами (Щукин, 1999, с. 95; 2005, с. 202). Если это так, то отсутствие силикв к востоку от Днепра вполне логично, так как на службу в римскую армию не привлекались воины из отдаленных областей, что опять же свидетельствует в пользу более тесных контактов западного черняховского населения с римским миром и скорейшей возможности возникновения там денежного обращения.

Отметим также, что на сегодняшний день на территории днепро-донецкой лесостепи нам практически не известны находки «варварских» подражаний римским денариям, так широко распространенным на территории соседнего Среднего Поднепровья (Кропоткин, 1967, с. 33—37). Из культурного слоя поселения Боромля-2 известен только «фальшивый денарий» Фаустины Младшей (Некрасова, 2006, с. 94).

К сожалению, нумизматические данные не дают нам возможности проследить развитие событий в регионе периода гуннского нашествия 375 г. Можем только предполагать, что большая часть населения покинула наш регион, возможно, унеся с собой часть серебряных римских денариев, осевших впоследствии окончательно в районе Подунавья или Поднестровья, а часть оставив в регионе в виде кладов. В последнее время ряд ученых считает, что финальный этап черняховской культуры в регионе иллюстрируют находки римских монет, относящихся к началу—середине V в., то есть датируемых собственно гуннским временем. На территории днепро-донецкой лесостепи это, в частности, золотой солид Феодосия II из Полтавы, а также клад из Рублевки, в составе которого, помимо двух золотых браслетов с расширяющимися концами,

находились золотые солиды Валента II, Аркадия Гонория, Валента III, Феодосия II, Пульхерии и Евдокии. М. М. Казанский связывает их с населением королевства Винитария и его наследников, с центром в Днепровском Левобережье (Казанский, 1997, с. 183). Речь идет о так называемой обратной миграции германского населения, оставшегося верным гуннским правителям и вернувшегося на места своего прежнего пребывания (Обломский, 2002, с. 90). Клад в Рублевке, считает М. М. Казанский, видимо, связан с поспешным уходом местного населения под давлением вернувшихся с Дуная гуннов (Казанский, 1997, с. 185). С этой точкой зрения частично согласен И. О. Гавритухин, по мнению которого находки золотых монет днепро-донецкой лесостепи соответствуют островкам, где сохранились носители восточногерманских традиций, прямо или косвенно связанные с черняховцами, а с другой стороны — фиксируют последние денежные поступления, то есть «финал военно-политической значимости населения, с которым эти монеты связаны» (Гавритухин, 2005, с. 236). В любом случае, пока что все эти предположения достаточно гипотетичны и требуют своего подтверждения конкретным археологическим материалом.

Литература

Багалій Д. І. Історія Слобідської України. — Харків, 1993.

Бакуменко К. И., Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Дидык В. В. Фибулы римского времени верховьев Ворсклы и Северского Донца // Древности римского времени на Слобожанщине. — Харьков, 2006.

Баран В. Д., Гопкало О. В. Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. — Київ, 2005.

Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н. Находки боспорских монет на памятниках черняховской культуры Харьковской области // АЛЛУ. — 2002—2003. — № 2; № 1.

Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Любичев М. В. Находки монет римского времени на территории Харьковской области // Древности римского времени на Слобожанщине. — Харьков, 2006.

Брайчевський М. Ю. Римська монета та території України. — Київ, 1959.

Гавритухин И. О. Некоторые перспективы изучения финала черняховской культуры // Труды ГИМ. — 2005. — Вып. 145.

Гейко А. В., Ткаченко О. М. Знахідка боспорського статера на селищі Сердюки-1 у Поворсклі // АЛЛУ. — 2006. — № 2.

Гончаров В. К., Махно Є. В. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького // Археологія. — 1957. — Т. 11.

Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. — Киев, 1988.

Данилевич В. Е. Карта монетных кладов и находок единичных монет Харьковской губернии // Труды 12-го Археологического съезда. Т.1. — М.

Казанский М. М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum plus + Петербургский археологический вестник. — Кишинев, 1997.

Котигорошко В. Г. Роль монет в системе взаимосвязей Римской империи и населния северо-восточной окраины Карпатского ареала // Карпатика. — 2001. — Вып. 13.

Кропоткин В. В. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры в III—IV вв. н. э. // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. — М., 1970.

Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. — 1961. — Г4—4.

Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. — М., 1967.

Лавров В. В. Готские войны III в. н. э.: римское культурное влияние на восточногерманские племена Северного Причерноморья // Проблемы античной истории. — СПб., 2003.

Любичев М. В. К вопросу о времени появления памятников черняховской культуры на днепродонецком водоразделе // РА. — 2003. — № 3.

Любичев М. В. Отчет об исследованиях Германо-Славянской археологической экспедиции ХНУ им. В. Н. Каразина в 2004 году // Архив ИА НАНУ, 2005а.

Любичев М. В. Поселения черняховской культуры Шлях-2 и Халимоновка на Мже // Древности. — Харьков., 2005.

Любичев М. В. «Скифские войны» III в. и появление элементов черняховской культуры восточнее Днепра // ВХУ. № 594. Історія. — 2004. — Вип. 35.

Любичев М. В. Черняховская культура днепродонецкой лесостепи: история исследования и основные проблемы изучения. — Харьков, 2000.

Любичев М. В. (в печати). Этнокультурный подтекст распространения фибул группы Альмгрен VII восточнее Днепра // Древности. — Харьков.

Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г. Отчет об исследованиях Германо-Славянской археологической экспедиции ХНУ им. В. Н. Каразина в 2005 году // Архив ИА НАНУ, 2006.

Магомедов Б. В. Монети як джерело вивчення історії племен черняхівської культури // Археологія. — 2006. — № 4.

Магомедов Б. В. Черняховская культура: Проблема этноса. — Lublin, 2001.

Магомедов Б. В., Кароєва Л. Р. Скарб денаріїв поблизу с. Глинськ, Вінницької обл. // Археологія. — 1988. — № 62.

Маевский К. Западнославянские земли в древности и Римская империя // ВДИ. — 1958. — № 1.

Мызгин К. В. (в печати). Римские монеты на черняховских памятниках междуречья Днепра и Северского Донца (к вопросу о времени появления черняховской культуры в регионе) // Верхнее Подонье в системе этнокультурных контактов в эпоху римских влияний. — Тула.

Небієрідзе Г. О. Про поширення римських монет у Східній Європі // Археологія. — 1984. — № 48.

Некрасова А. М. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. — Киев, 2006.

Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. — М., 2002.

Обломский А. М. Новый черняховский памятник на территории России // Stratum plus. — 2001—2002. — № 5.

Обломский А. М. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // 100 лет черняховской культуре. — Киев, 1999.

Петренко Е. Н. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца // Археология славянского юго-востока. — Воронеж, 1991.

Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. — М., 1954.

Строцень Б. С. Черняхівська культура Західного Поділля // Авфтореф.... канд. іст. наук. — Київ, 2006.

Супруненко О. Б., Шалобудов В. М. Римські денарії з Новосанжарщини // ПАЗ. — 1995. — № 3.

Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. — М., 2003.

Терпиловский Р. В. Киевская и черняховская культура: Проблема контактов // Stratum plus. — 2000. — № 4.

Фенін О. В. Знахідки римських монет у Прикарпатті // Археологія. — 1951. — Т. V.

Щукин М. Б. Готский путь. — СПб, 2005.

Щукин М. Б. Феномен черняховской культуры эпохи Константина—Констанция Хлора, или Что такое черняховская культура// Stratum plus. — 1999. — № 4.

Rolle R., Murzin V., Šramko B. Das Burgwallsystem von Belsk (Ukraine)// Hamburger Beiträge zur Archäologie. Bd. 18. — Hamburg, 1991.

Список сокращений

АЛЛУ — Археологічний літопис Лівобережної України (Полтава)

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

САИ — Свод археологических источников

ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины

РА — Российская археология (Москва)

ВХУ — Вестник Харьковского университета

ВДИ — Вестник древней истории

ПАЗ — Полтавський археологічний збірник

K. Myzgin

Some aspects of the political and of the economic history of the population on the territory of Dnepr and Severskiy Donets forest-steppe in the second quarter I thousand CE according to numismatical data

Summary

Article is devoted to problems of political and economic history of the population on the territory of Dnepr and Severskiy Donets forest-steppe in the second quarter I thousand CE. On the basis of the analysis of finds of the Roman coins in region the author comes to following conclusions:

The analysis of numismatical finds from the monuments containing dating material, shows, that the great bulk of the Roman coins occurs from monuments which occurrence concerns to time not earlier IV century. Occurrence in region silver Roman denary I — the beginnings of III century, and is possible, copper coins of the second quarter — the end of III century, reflects arrival here groups of the population participated in «Scythian wars» where these coins have been extracted. It is necessary to connect occurrence with this population in territory to the east of Dnepr of monuments «classical» of the Chernyahov cultures (type Kosanov) to what mass distribution of coins on them testifies, and full absence of the Roman coins on monuments of the middle-second of half III century (horizon Boromlya) (except for copper тетрасария Shooting galleries with settlement Golovino-1).

Mapping burieds and individual finds of the Roman coins population on the territory of Dnepr and Severskiy Donets forest-steppe allows to allocate four zones of their concentration, most likely, reflecting ancient trading ways: water (across Severskiy Donets, Dnepr, Sula, Psel and the Vorskla) and overland (a trading way on watershed Psel and the Vorskla and a trading way on a watershed of Dnepr and Severskiy Donets).

The question on functions of the Roman coins should be examined for each region of the Chernyahov cultures separately, in view of features of development of culture in everyone.

The Small amount burieds (17, from which authentic 10) specifies a small role Roman denary, as means of accumulation. The essential difference between amount burieds and amount of points of individual finds testifies to active participation denary in a life local of the Chernyahov the population, at what about its use in domestic trade in various layers of the population, instead of exclusively its top.

Function of the Roman coins as raw material for jeweler manufacture on the territory of Dnepr and Severskiy Donets forest-steppe also has not received a wide circulation as products from silver were not in great demand at local population (in region it is known only about 23 cases of finds of silver things). To products of the local masters made of monetary raw material, it is possible to carry silver lamellar suspension brackets, and also, presumably, tie-up-fibula and buckles. Silver products, dating of the Hun time, it is necessary to consider, most likely, as import. Finds are connected with use of coins as raw material for jeweler manufacture of the fragmentary of denars. They reflect the relation of the ancient population to silver denary not as to monetary unit, and as to an ingot of metal.

Monetary circulation in territory on the territory of Dnepr and Severskiy Donets forest-steppe in the second quarter I thousand CE has not arisen, to that promoted remoteness of territory from Roman borders, impossibility of constant updating of monetary fund and short duration of existence of culture in region. During too time it is already possible to speak about rudiments of monetary circulation. The basic function of the Roman coins in region — function of the goods-intermediary in trading operations of local population.

For numismatical finds in the second quarter I thousand CE it is possible to allocate a number of

characteristic features for territories of the territory of Dnepr and Severskiy Donets forest-stepp: distribution Bosporian coins II—III centuries; practically full absence of barbarous imitations; presence fragmentary of the coins and absence of the coins which have been cut off on a herd; scanty quantity of coins of the end III—IV centuries, including silikves.

Finds of gold coins of the end IV—middle V centuries can be a source for studying a final period of the Chernyahov antiquities in the region. Probably, they reflect existence on the territory of Dnepr and Severskiy Donets forest-steppe in the Hun time of small group of the population kept East-Germany traditions.

Сведения об авторе

Мызгин Кирилл Валерьевич — аспирант кафедры истории России исторического факультета Харьковского национального университет имени В. Н. Каразина
61077, Украина, Харьков, пл. Свободы, 4, ауд. 5 — 51, кафедра истории России, телефон 8(057) 707-55-43
E-mail: myzgin@mail.ru
gsae@mail.ru

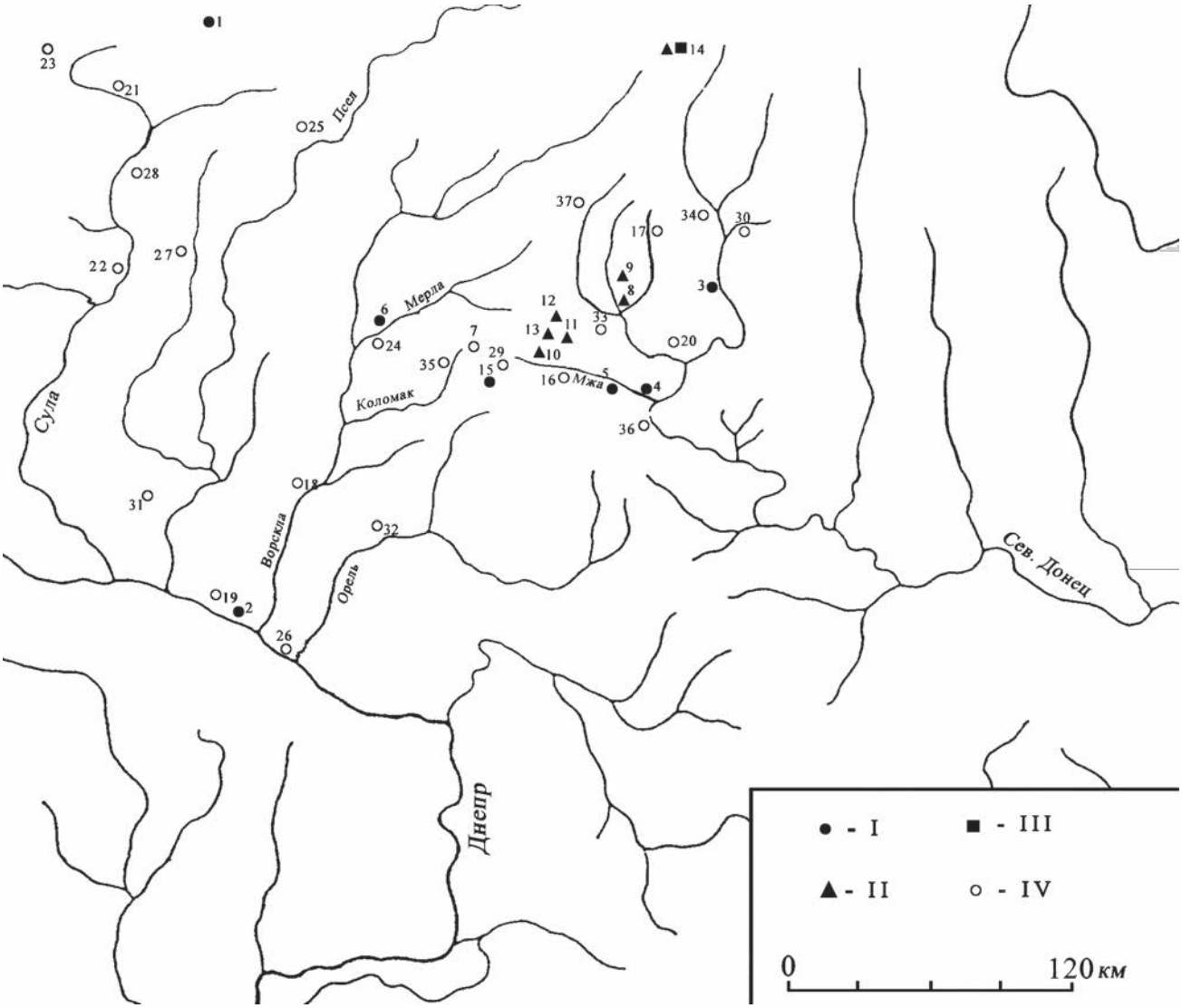


Рис. 1. **Карта распространения находок римских монет на памятниках черняховской культуры днепро-донецкого водораздела:**

I — *находки римских монет на памятниках, имеющих материалы середины—второй половины III и второй четверти* IV*—начала V вв.;* **II** — *находки римских монет на памятниках, имеющих материалы только второй четверти* IV*—начала V вв.;* **III** — *находка провинциально-римских монет;*
IV — *находки римских монет на памятниках с неизвестной датировкой;*
1 — Белополье; 2 — Компанийцы; 3 — Глубокая; 4 — Тимченки;
5 — Соколово-1; 6 — Лихачевка; 7 — Халимоновка; 8 — Саржин Яр; 9 — Малая Даниловка;
10 — Старые Валки; 11 — Огульцы; 12 — Бараново-1; 13 — Войтенки-1; 14 — Головино-1;
15 — Печиевка; 16 — Снежков; 17 — Липцы; 18 — Новые Санжары; 19 — Келеберда; 20 — Чугуев;
21 — Терны; 22 — Лубны; 23 — Пирятин; 24 — Колонтаев; 25 — Шишаки; 26 — Старый Орлик;
27 — Миргород; 28 — Коровинцы; 29 — Перекоп; 30 — Верхний Салтов; 31 — Великая Рублевка;
32 — Нехвороща; 33 — Караван; 34 — Печенеги; 35 — Коломак; 36 — Гайдары; 37 — Одноробовка

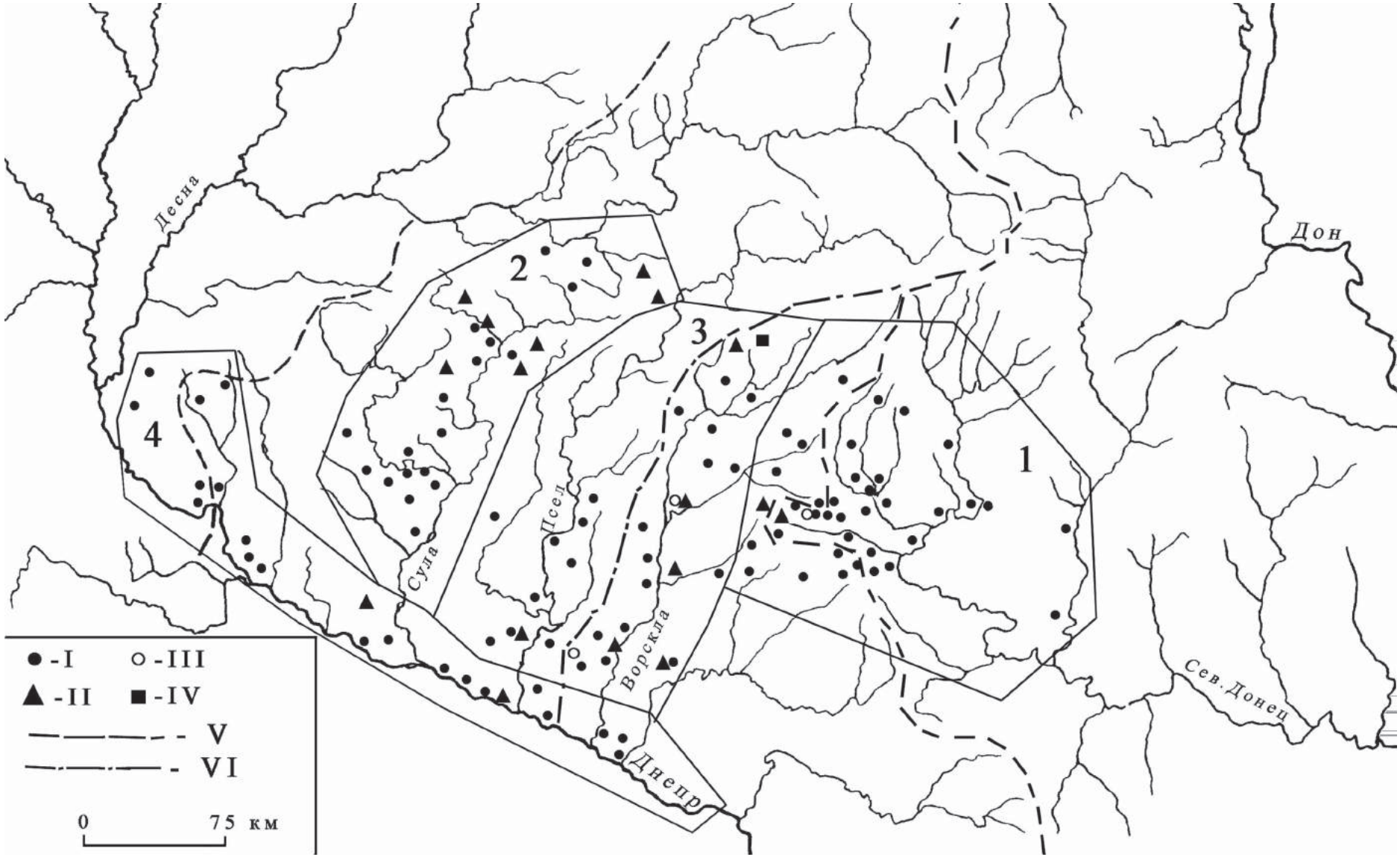


Рис. 2. **Зоны концентрации римских монет на территории днепро-донецкой лесостепи:**

I — *единичные находки римских монет;* **II** — *клады;* **III** — *находки фрагментированных монет;* **IV** — *находки подражаний римским монетам;* **V** — *«Муравский» шлях;* **VI** — *торговый путь, по К. Маевскому и Б. Билинскому.*

1 — бассейн среднего течения Северского Донца и его притоков; 2 — вдоль р. Сула и ее притоков; 3 — водораздел Псла и Ворсклы; 4 — вдоль течения р. Днепр

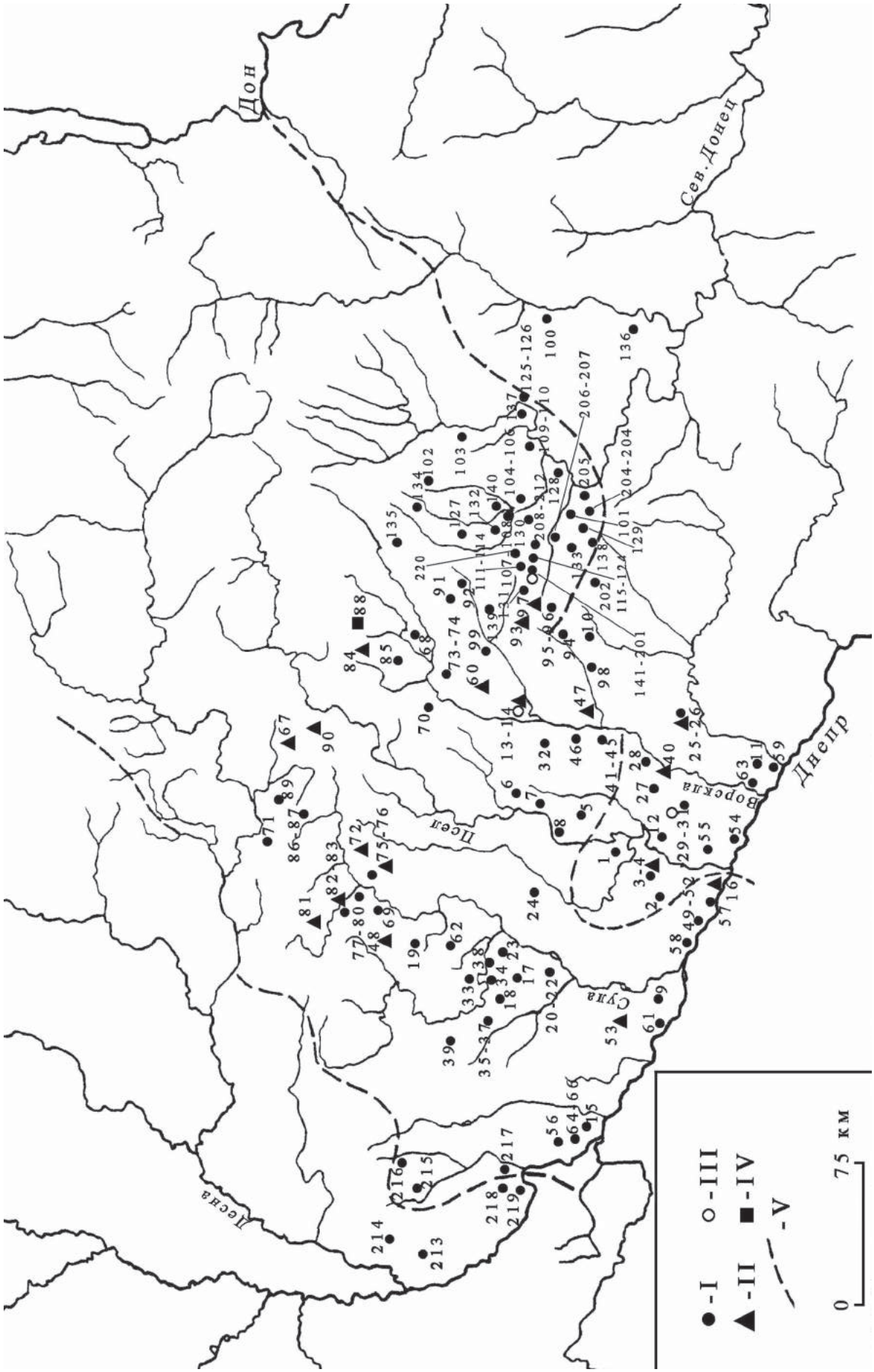

Дон
Сев. Донец
Днепр
Ворскла
Псел
Сула
Десна
● - I
○ - III
▲ - II
■ - IV
- V
0
75 км

Рис. 3. **Карта распространения римских монет на территории днепро-донецкой лесостепи:**

I — *единичные находки римских монет;* **II** — *клады;* **III** — *находки фрагментированных монет;*
IV — *находки подражаний римским монетам;* **V** — *границы лесостепи.*

1 — Остапово; 2 — Глобино; 3—4 — Рублевка; 5 — Федунки; 6 — Харенково; 7 — Шишаки; 8 — Яреськи;
9 — Еремеевка; 10 — Карловка; 11 — Старый Орлик; 12 — Верхняя Мануйловка; 13—14 — Лихачевка;
15 — Келеберда; 16 — Кременчуг; 17 — Лазорки; 18 — Слепородские хутора; 19 — Яхники;
20—22 — Лубны; 23 — Хитцы; 24 — Миргород; 25—26 — Нехвороща; 27 — Лелюховка; 28 — Ладотки;
29—31 — Новые Санжары; 32 — Опошня; 33 — Дейманoвка; 34 — Малая Круча; 35—37 — Пирятин;
38 — Повстин; 39 — Сасиновка; 40 — Лукищино; 41—45 — Полтава; 46 — Брусия; 47 — Головач;
48 — Гурбинцы; 49—52 — Градижск; 53 — Ковтуны; 54 — Компанийцы; 55 — Недогарки; 56 — Лепляво;
57 — Максимовка; 58 — Радуцковка; 59 — Советское; 60 — Трухановка; 61 — Чеховка; 62 — Чернухи;
63 — Шевченки; 64—66 — Прохоровка; 67 — Белополье; 68 — Колки; 69 — Глинск; 70 — Грунь;
71 — Выровка; 72 — Коровинцы; 73—74 — Ахтырка; 75—76 — Волковцы; 77—80 — Ромны;
81 — Межвежье; 82—83 — Рогинцы; 84 — Жигайловка; 85 — Семереньки; 86—87 — Терны;
88 — Боромля; 89 — Гирявка; 90 — Подлесновка; 91 — Богодухов; 92 — Сенное; 93 — Перекоп;
94 — Скетново; 95—96 — Снежков; 97 — Старые Валки; 98 — Резуненково; 99 — Колонтаев;
100 — Купянск; 101 — Соколово; 102 — Липцы; 103 — Верхний Салтов; 104—106 — Жихорь;
107—108 — Харьков; 109—110 — Чугуев; 111—114 — Бараново; 115 — 124 — Огульцы; 125—126 — Базалеевка;
127 — Белаши; 128 — Гайдары; 129 — Глубокая; 130 — Затишье; 131 — Золочевское; 132 — Малая Даниловка;
133 — Новая Водолага; 134 — Одноробовка; 135 — Пархомовка; 136 — Пески-Радьковские; 137 — Печенеги; 138 — Печиевка;
139 — Шаровка; 140 — Саржин Яр; 141—201 — Войтенки; 202 — Конради; 203—204 — Лазуковка; 205 — Тарановка;
206—207 — Тимченки; 208—212 — Халимоновка; 213 — Семиполки; 214 — Заря; 215 — Селище; 216 — Великий Крупиль;
217 — Переяслав-Хмельницкий; 218 — Трубайловка; 219 — Андруши; 220 — Старый Мерчик

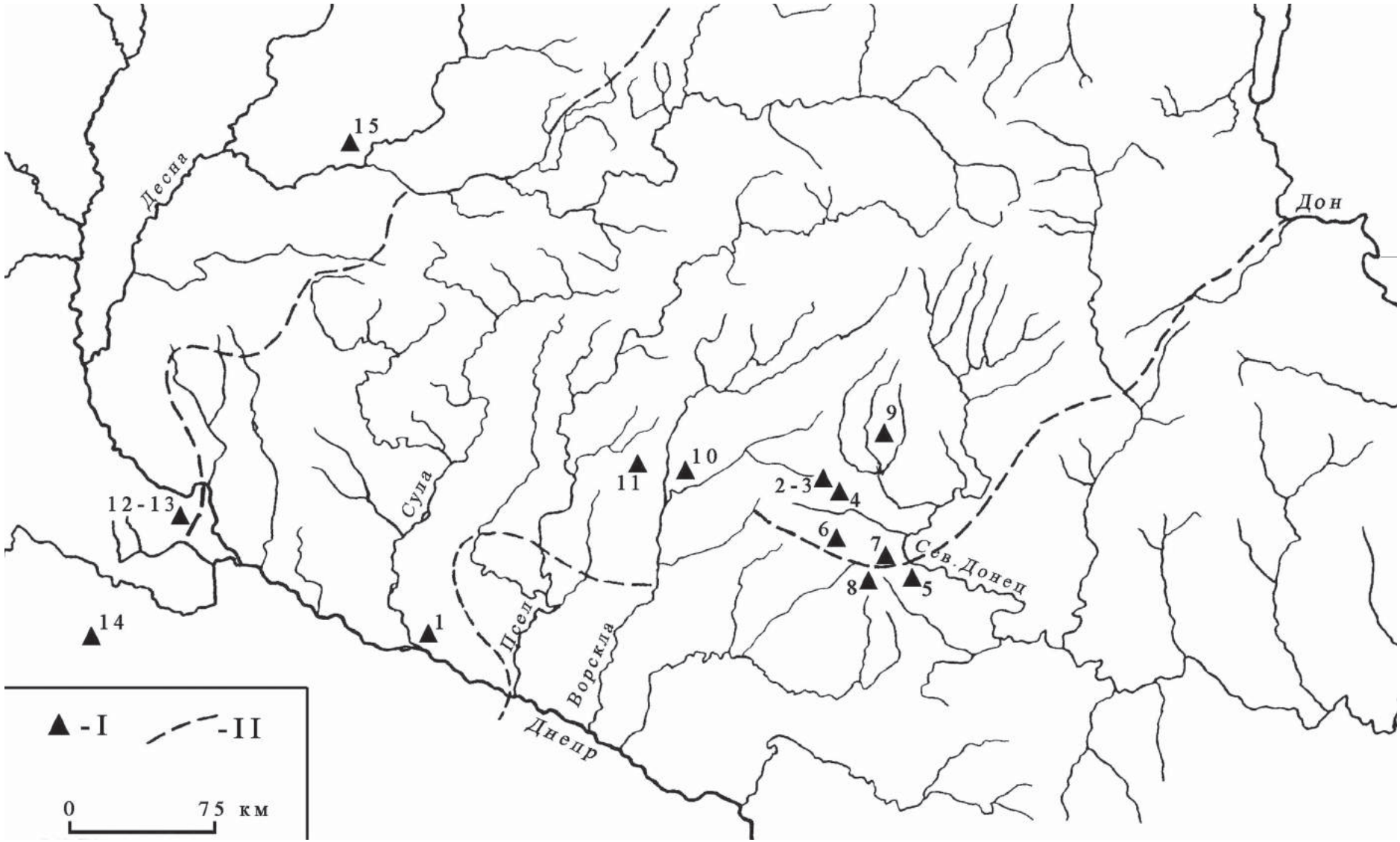


Рис. 4. **Карта распространения боспорских монет на территории днепро-донецкой лесостепи и Среднего Поднепровья:**

I — *находки боспорских монет;* **II** — *границы лесостепи*:
1 — Градижск; 2—3 — Бараново; 4 — Огульцы; 5— Верхний Бишкин; 6 — Знаменка; 7 — Пасеки; 8 — Рябухино; 9 — Циркуны; 10 — Котельва; 11 — Сердюки; 12—13 — Пищальники; 14 — Томашевка; 15 — Сосница

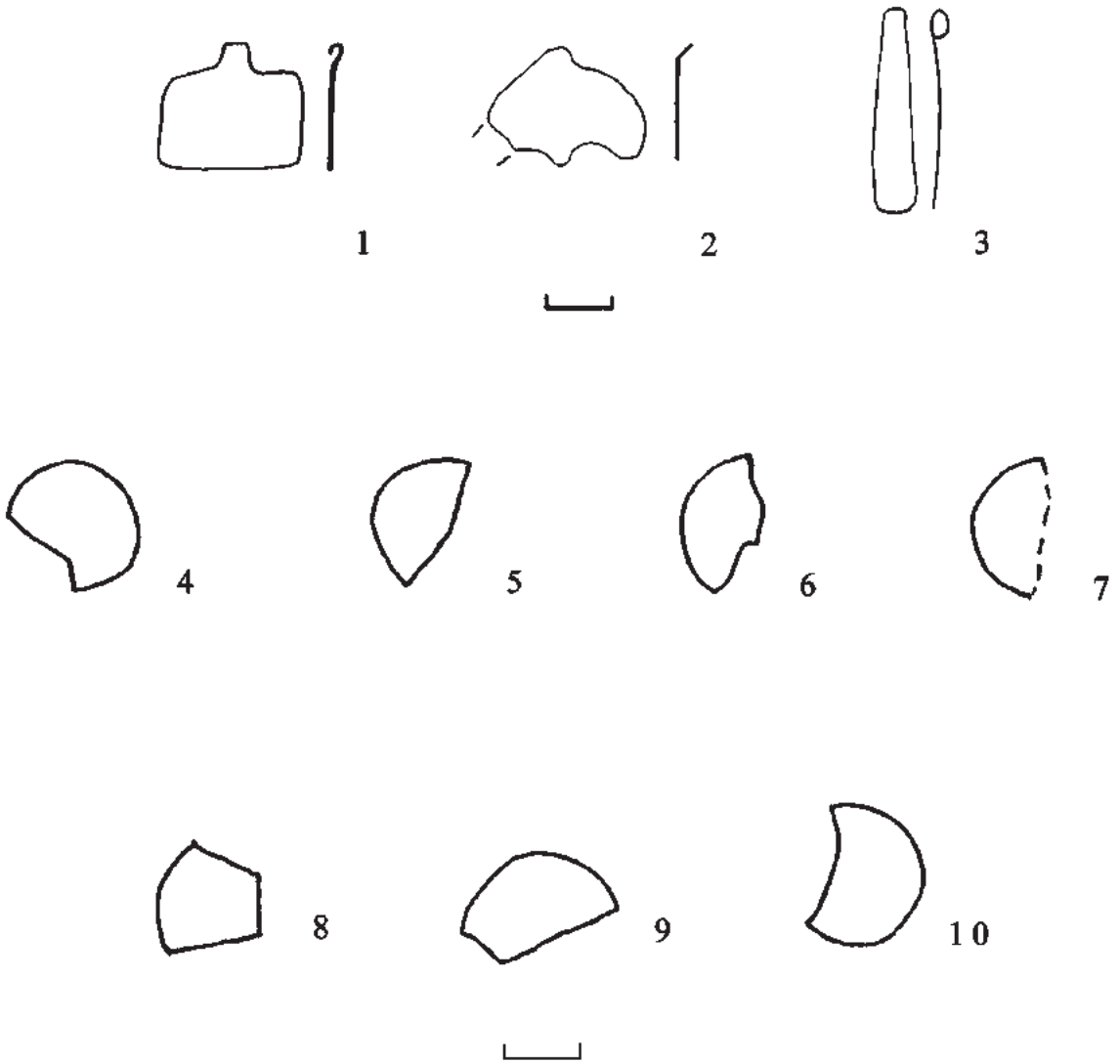


Рис. 5. **Серебряные подвески с поселения Войтенки (1—3) и площади фрагментированных денариев:**

4, 6, 8, 9 — Войтенки; 5 — Новые Санжары; 7 — Лихачевка; 10 — Демьянов II

Петраускас О. В.

Хронология некоторых типов гончарных кувшинов черняховской культуры лесостепной Украины

Кувшины в общей массе гончарной посуды черняховской культуры составляют весьма незначительную долю — около 5 %. Тем не менее благодаря особенностям формы и орнаментации, они образуют яркую и индивидуальную группу в керамическом комплексе культуры, которая хорошо вычленяется от других категорий сосудов[1]. Вариабельность элементов, из которых состоит кувшин, а именно корпуса, горловины, ручки, позволяет создавать четкие морфологические типы (Петров, 1964, с. 100). В основе такого разнообразия кувшинов могут лежать различные причины — технологические, функциональные, территориальные, а также и хронологические. Предыдущие исследования показывают, что некоторые типы кувшинов имели определенный период существования (Ionita, 1971; Он же, 1986, s. 295—351; Кропоткин, 1973, с. 240—243 и др.). Этот факт позволяет предполагать, что форма кувшинов не являлась постоянной и менялась с течением времени. Более подробному изучению именно этой характеристики кувшинов и посвящена данная статья.

В литературе предложено несколько типологий кувшинов, которые построены на разных по объему источниковедческих базах и различных критериях деления материала. Наибольшее распространение получила классификация и типология кувшинов черняховской культуры, разработанная Б. В. Магомедовым. В категорию «гончарные кувшины» автор включил сосуды только с одной ручкой. В качестве типообразующих признаков рассматривались форма профиля корпуса и метрические показатели горловины. Таким образом, всего было выделено 16 типов кувшинов. По мнению автора, типы 1 (левобережный), 3 (косановский) и 4 (черняховский) имели локальное распространение. Происхождение большинства типов кувшинов связывалось в основном с дакийскими и, в меньшей степени, с провинциально-римскими (тип 12), позднеантичными (типы 7, 14) и сарматскими центрами (Магомедов, 1973, с. 80—87). В последних работах автор внес существенные коррективы в содержание и оформление этой разработки. Например, изменилась номенклатура типов, введен дополнительный критерий деления кувшинов в зависимости от числа ручек и пр. Всего, таким образом, предлагается выделять 20 типов (Магомедов, 2001, с. 51—53). Касаясь проблемы происхождения черняховских кувшинов к перечисленным ранее центрам, которые могли повлиять на формирование этой группы посуды, автор в том числе указывает и на северо-западные прототипы — вельбарские (типы 9, 10 и одноручные тип 1) и пшеворские (типы 14 и 16).

К сожалению, разработанная типология кувшинов не анализировалась с хронологических позиций для большинства выделенных типов. Лишь некоторые из них, а именно типы 12а и 13а, на основании сходства с металлическими сосудами византийского производства Б. В. Магомедов вслед за В. В. Кропоткиным предложил датировать концом IV—началом V вв. (Магомедов 2001, с. 53). Некоторые формы кувшинов в исследованиях других авторов также рассматривались в качестве хронологических индикаторов. Например, кувшины с округлым туловом плавно переходящим в горло, кувшины с высоким расширяющимся горлом и биконическим корпусом и др. (Ionita, 1986, s. 300; Шаров, 1992, с. 171; Шаров, Бажан, 1999, с. 19—66).

В работе, посвященной сравнительному анализу могильников Косаново и Гавриловка, мною также была предложена типология кувшинов и их возможная относительная хронология (Петраускас, 1999, с. 27—31). В основу типологического деления гончарных кувшинов положен принцип, который предложил В. П. Петров для

[1] Определенные трудности возникают только для некоторых одноручных форм, которые близки к кружкам.

материалов могильника в Черняхове. Гончарные кувшины автор разделил на типы в зависимости от наличия и количества ручек (Петров, 1964, с. 100—103). Позже этот же принцип деления черняховских кувшинов использовал и Э. А. Сымонович (1983, с. 26—42). Для кувшинов Косаново и Гавриловки мною также было выделено три типа: кувшины без ручек, с одной и двумя ручками. Кроме этого, в зависимости от формы горловины внутри типа кувшинов с одной ручкой выделено несколько вариантов (Petrauskas, 2003, s. 254—255, taf. 1b). В настоящей работе использованы именно эти принципы деления гончарных кувшинов с учетом новых материалов и целей настоящей работы.

Таким образом, типология кувшинов, которая использована в этой работе, выглядит следующим образом (рис. 1).

Тип 1. Гончарные кувшины без ручек. Имеют шарообразное или биконическое тулово. Горловины, как правило, узкие и высокие, реже короткие. Значительно меньше в датированных комплексах представлены кувшины с широкой или короткой горловиной.

Тип 2. Гончарные кувшины с одной ручкой. По форме тулово и горловины предлагается различать следующие варианта. *Вариант 1* — сосуды с биконической или округлой нижней частью и широкой конусовидной горловиной[1]. *Вариант 2* — сосуды с биконической или округлой нижней частью и воронкообразной горловиной. *Вариант 3* — кувшины античного производства или их подражания. *Вариант 4* — сосуды с вытянутым округлым корпусом (т. н. грушевидной формы) и короткой воронкообразной горловиной.

Тип 3. Гончарные кувшины с двумя ручками. Сосуды этого типа в большинстве случаев имеют шаровидный, реже — биконический корпус и высокие или небольшие петельчатые ручки.

Периодизация кувшинов рассматривается на основе схемы относительной хронологии черняховской культуры, которая разработана Е. Л. Гороховским, с учетом данных других исследователей (Гороховский, 1988, с. 34—46; Eggers, 1955, s. 196—238; Godlowski, 1970; Rau, 1972, s. 109—214; Tejral, 1997, s. 321—362; Petrauskas, 2003, s. 224—351). Источниковедческой базой работы послужили закрытые археологические комплексы с гончарными кувшинами и предметами, относительная хронология которых разработана достаточно детально. Среди таких хронологических диагностов — фибулы, пряжки, гребни и стеклянные кубки. Рамки настоящей работы ограничены территориально. Опыт работы с керамикой черняховской культуры показывает, что, при всей многочисленности и кажущейся монолитности этой категории материальной культуры, она обладает значимыми признаками регионального характера. Это обстоятельство оказывает влияние на хронологические, типологические и пр. разработки (Петраускас А., Петраускас О., в печати). Таким образом, в основу работы положены комплексы погребений и лишь в некоторых случаях жилищ черняховской культуры лесостепной зоны Украины, которые содержали гончарные кувшины и перечисленные выше хронологические индикаторы. Всего использовано около 50 комплексов. Размещение гончарных кувшинов в системе относительной хронологии черняховской культуры выглядит следующим образом (рис. 2).

Ступень C_1, «ружичанская» фаза

Тип 2, вариант 1. Кувшин с одной ручкой, биконическим корпусом и широкой конусовидной горловиной происходит из Чернелива-Русского/п. 130. Вместе с ним найдены фибула с высоким приемником Альмгрен VII и подвязная фибула с гладким корпусом (Герета, 1989, с. 285—286, рис. 3, п. 130.). Фибула с гладким корпусом позволяет синхронизировать данный комплекс ближе к концу этого периода (рис. 4:29—31).

Ступень C_2, «бережанская» фаза, фаза 1 в Косаново

Тип 1. В ранних комплексах культуры кувшины данного типа единичны, и к таким возможно отнести кувшин без ручек с биконическим корпусом из Великой Бугаевки/п. 111 (рис. 3: 28—29). Здесь найдена пряжка с кованой тонкой рамкой, которая по аналогиям в комплексах горизонта княжеских погребений может быть синхронизирована с этим временем (Schulz, 1933, taf. 10: 8, 12, 13; Он же, 1953, taf. XVIII).

[1] По формальным признакам кувшины такой формы практически не имеют горловины, т. к. верхний конус корпуса плавно переходит в венчик сосуда. Тем не менее в большинстве случаев в качестве такой границы может служить валик или уступ в верхней части конуса. Поэтому далее предлагается называть эту форму — «кувшины с конусовидной горловиной».

Тип 2, вариант 1. К этому же периоду следует отнести одноручные кувшины с конусовидной горловиной из комплексов в Раковце/п. 4, Привольном/п. 10, Завадовке/п. 5, Романковцах/п. 105, возможно, в Рудке и др. (Винокур, Островский, 1967, с. 145—146, рис. 5:2; Кухаренко, 1955, с. 125—152; Он же, 1980, с. 83—86, табл. XXXI, 7; Кравченко, 1973, с. 99—108; Никитина, 1996, с. 96—98, табл. 47:10). В состав этих погребений входят гребни с низкой овальной спинкой; стеклянные кубки типа Ведервиль и Хемлингое; биовальные, омегообразные и тонкорамчатые пряжки и др. предметы, характерные для этого периода (рис. 4:14—16; 20—23; 27—28; 32—34).

Тип 2, вариант 3. Кувшины античного производства на черняховских памятниках лесостепи найдены в Каменке-Днепровской/п. 83, Раковце/п. 4, Гавриловке/п. 68, возможно, в Черняхове и Ромашках (Сымонович, 1955, с. 282—316; Он же, 1960, с. 211, табл. IX, 15; Винокур, Островский, 1967, с. 145—146, рис. 5:1; Петров, 1964, с. 102, рис. 7:10, 10:5; Брайчевский, 1960, с. 132—133, табл. III, 1). Даты этих изделий в упомянутых публикациях определяются достаточно широко, в пределах III—IV вв. Исключением является кувшин из Раковцев, который М. Б. Щукин по аналогиям из Аквинкума датирует первой половиной III в. (Щукин, Щербакова, 1986, с. 188).

Хочу обратить внимание на время появления античных кувшинов в системе внутренней хронологии могильников черняховской культуры. Вероятнее всего, комплексы с кувшинами античного производства не следует однозначно связывать с началом формирования культуры. Например, могильники Каменка-Днепровская и Гавриловка не содержат вещей, которые возможно синхронизировать с фазой C_1. Начало функционирования этих могильников приходится на конец ступени C_2, а вероятнее всего, на C_3. Во всяком случае погребение 68 в Гавриловке следует связывать с этим периодом (Petrauskas, 2003, s. 291—293). Погребение 4 в Раковце, которое содержало гребень типа Томас I и биовальную пряжку, более уверенно можно датировать ступенью C_2, что хорошо согласуется с формой второго гончарного кувшина (рис. 4:32—34). Гребень с дуговидной спинкой уже не обладает наиболее ранними признаками этого типа — меньшие размеры, более высокая спинка, «расклешенные ножки» зубьев (Шишкин, 2002, с. 244—246). Добавим также, что в пользу этого времени свидетельствует и «горизонтальная» стратиграфия могильника в Раковце[1]. Би-овальные пряжки в черняховских комплексах с прочими коррелирующими вещами также указывают на время фазы C_2. Например, погребение 116 из Чернелива-Русского содержало гребень с высокой трапециевидной спинкой и прогнутыми плечами, которые характерны для фаз C_2 и C_3.

Среди черняховских кувшинов есть группа сосудов, которые являются прямыми копиями античных образцов: Чыстылив/п. 3, Жовнин—Биленковы Бурты, Косаново/п. 17—61 и др. (Кропоткин, 1973, с. 240—243; Петраускас, Цындровская, 2002, с. 28, рис. 4:6, 6:4). Все эти сосуды достаточно индивидуальны и являются копиями конкретных форм античных сосудов. Датировки этих подражаний определяются датами образцов. Кувшин с Чыстылива и его прототипы подробно проанализированы В. В. Кропоткиным. Кувшин из Жовнина—Биленковы Бурты является подражанием кувшинам типа ойнахоя. Оба экземпляра безусловно относятся к поздним фазам культуры — D_1, а если принять последнюю версию даты клада из Петроаселе, то и D_2 (Harhoiu, 1999). К более раннему времени, фазе C_3, следует отнести кувшин с горизонтальными канелюрами по корпусу из Косаново/п. 17—1961 (Petrauskas, 2003, s. 255).

Ступень C_3, «косановская и масловская» фазы, фаза 2 Косаново

Тип 1. Кувшины без ручек с высоким и коротким горлом происходят из Косаново/п. 21—61 и Великой Бугаевки/п. 20. Возможно, к этому времени следует отнести два кувшина из Великого Самбора и Великой Бугаевки/ п. 126 (рис. 3:17—27). В этих комплексах найдены трапециевидные гребни; стеклянные кубки типа Вербковиц и Ганцков; фибула со сплошным приемником и щитком на головке; пряжка овальной формы из кованого стержня (Petrauskas, 2003, s. 316, Abb. 8; Моргунов, 1978, с. 10—11; Петраускас, 2000, с. 125—128; Петраускас, Шишкін и др., 2003, с. 221—224, рис. 2:9).

Тип 2, вариант 1. Несколько экземпляров кувшинов с конусовидной горловиной пред-

[1] Сравните инвентарь территориально обособленных групп погребений 1—4, 11, 14, 15 (Винокур, Островский, 1967, рис. 1).

ставлено в материалах могильника Косаново/п. 21—61, 22—61, 5—63 (Petrauskas, 2003, s. 316—318, 333, abb. 43c:4, 6; 44:5; 64:8). К этой же серии сосудов следует относить кувшины из погребений в Компанийцах/п. 1, Журавке/п. 34, Привольном/п. 10 и Самборе (Некрасова, 2006, рис. 57:8; Сымонович, 1961, табл. II, 3; Кухаренко, 1955, с. 136—138, табл. II, 37; Моргунов, 1978).

В состав этих комплексов входят гребни с трапециевидной и округлой спинкой с короткими плечами; овальные пряжки с гранеными рамками; фибулы со сплошным приемником с узкой ножкой и щитком на головке; стеклянные кубки типа Ганцков и Ковалк (рис. 4:1—16; 18—19).

Тип 2, вариант 2. Возможно, в самом конце этого периода появляются кувшины с хорошо выраженной воронковидной горловиной. Некоторые комплексы с кувшинами такой формы содержали предметы, которые синхронизируются с этим периодом: стеклянные кубки типа Ковалк, а также близкие к сосудам типа Грабов—Черняхов/п. 88; овальные пряжки с короткими язычками без уступов; гребни с полукруглой высокой спинкой (рис. 5:25—27; 31—39). Среди таких комплексов Бережанка/п. 5, Соснова/п. 230 и Оселивка/ п. 15 (Воляник, 1974, с. 72—73, рис. 7:9; Сикорский, Махно, Бузян, 1979, 12:11; Никитина, 1988, с. 21—23, табл. 8:2).

Тип 3. Двуручные кувшины с широким горлом и высокими ручками происходят из погребений в Боромле/п. 33 и Великой Бугаевке/п. 100 и 148 (Некрасова, 1990, с. 64—68, табл. IX, 3; Петраускас, Пастернак, 2003, с. 66—67; Петраускас, Шишкін, 2005, с. 247—249, рис. 3:9). В этих комплексах найдены: гребни с полукруглой спинкой средней высоты без плечиков и с короткими плечиками; стеклянный кубок типа Ганцков; овальная пряжка с утолщенной передней частью; шпора с крючком для крепления; подвязные фибулы больших размеров с остаточными торцевыми площадками (рис. 6:26—38).

Ступень D_1, «масловская и журавская» фазы, фаза 3 Косаново

Тип 1. Кувшины без ручек происходят из Родного Края/п. 3 и Сум/п. 1 (Рис. 3:12—16). Вместе с ними найдены: стеклянный кубок типа Ковалк; гребень с короткими плечиками и пластинчатая фибула (Петренко, 1991, с. 10—26, рис. 3:7; Некрасова, 1985, с. 75—80, рис. 2:2). Учитывая некоторые признаки хронологических диагностов, возможно, что указанные кувшины наиболее ранние в этой фазе. К более поздним формам относятся кувшины небольших размеров с высокой и узкой горловиной из Косаново/п. 1—1961, Заячивки/п. 3 и кувшин с широким горлом из Боромли/п. 24 (Petrauskas, 2003, s. 306, abb. 29b:1; Хавлюк, 1974, с. 64, рис. 4:3; Некрасова, 1990, с. 64—68, табл. XI, 20) (рис. 3:1—11).

Тип 2, вариант 2. Кувшины с одной ручкой и воронковидной горловиной найдены в погребениях могильников Косаново/ п. 14—61, 60—62, 12—63, 13—63, Гавриловка/ п. 5, 12, Журавка/ п. 14, 36, Жовнин—Пристань/ п. 26, Сумы/ п. 1, Великая Бугаевка/ п. 91 и др. (Petrauskas, 2003, s. 312, 328, 338—339, abb. 39:7; 58:1; 70:4; 71b:6; Сымонович, 1955, с. 282—316, рис. 12:2; 11:11; Он же, 1959, табл. IV, 5; Он же, 1960а, табл. VI, 3; Рутковская, 1979, s. 326, рис. 10:2, 3, 13; Петраускас, Цындровская, 2002, рис. 15:5; Некрасова, 1985, рис. 2:4; Петраускас, Шишкін и др. 2002, с. 214—216). Среди предметов, которые диагностируют этот период, можно указать следующие: гребни с полукруглой спинкой и длинными плечами; подвязные фасетированные фибулы больших размеров с пластинчатым корпусом, двухпластинчатые фибулы; пряжки с овальной и круглой рамкой с сильно утолщенной передней частью; стеклянные кубки — толстостенные с овалами, тонкостенные конические и сферические с напаянными нитями и каплями (рис. 5:1—24, 28—30).

Тип 2, вариант 4. Кувшины с вытянутым округлым корпусом (т. н. грушевидной формы) и короткой воронкообразной горловиной происходят из погребений в Черняхове/п. 264, Великой Бугаевке/п. 93 и др. (Сымонович, 1967, с. 20, рис. 11:5; Петраускас, Шишкін и др. 2002, с. 214—216). В этих погребениях найдены гребни с полукруглой спинкой и длинными плечами; подвязные фасетированные фибулы больших размеров с пластинчатым корпусом; тонкостенные стеклянные кубки конической формы.

Тип 3. Двуручные кувшины с широким или узким горлом, с высокими или петлевидными ручками происходят из погребений в Сумах/п. 5, Боромле/п. 11, Чернеливе-Русском/п. 61, Журавке/п. 1, Косаново/ п. 4—61, 13—63, а также объекта № 27 на поселении Обухов-1 и др. (Некрасова, 1985, рис. 4:19; Она же, 1990, с. 64—

68, табл. XI, 7; Герета, 1989, с. 286—287, рис. 3, погр. 61; Сымонович, 1959, табл. XVI, 12; Petrauskas, 2003, s. 309, 338—339, abb. 32:1; 71b:4; Кравченко, Петраускас О. и др. , в печати). Предметы, которые входят в эти комплексы, безусловно, относятся к заключительным этапам черняховской культуры (рис. 6:1—10, 14—25).

Таким образом, распределение типов гончарных кувшинов в схемах относительной археологии позволяет сделать некоторые выводы.

Так, появление гончарных кувшинов связано с начальными фазами развития черняховской культуры и может быть синхронизировано со ступенью C_1 центральноевропейской системы относительной хронологии. Наиболее ранние формы кувшинов имеют одну высокую ручку, биконический корпус и широкую конусовидную горловину (тип 2, вариант 1; Чернелив-Русский/ п. 130). Следует обратить внимание на то, что появление кувшинов в гончарном керамическом комплексе культуры происходит ближе к концу этого периода. Попадание кувшинов в погребения практически начинается на следующей ступени C_2. В это время существуют кувшины без ручек (тип 1; Великая Бугаевка/п. 111), с одной ручкой и конусовидной горловиной (тип 2, вариант 1; Раковец/п. 4, Завадовка/п. 5, Привольное/п. 10, Романковцы/п. 105 и др.) (рис. 2)[1].

Практически начиная со ступени C_2 сквозное существование имеют кувшины без ручек (тип 1). Выделение на имеющемся материале каких-либо более дробных убедительных хронологических признаков пока не удается. Возможно, следует обратить внимание на то, что все кувшины позднего этапа имеют миниатюрные размеры и большинство этих погребений принадлежит детям — Косаново/ п. 1—61, Заячивка/п. 3, Боромля/ п. 24 и др. Более выраженную позицию в относительной хронологии имеют кувшины с двумя ручками (тип 3). Они появляются на фазе C_3 и существуют до конца культуры. В качестве признаков, отражающих хронологические особенности этой формы кувшинов, обратим внимание на высоту ручек и ширину горла. Кувшины ранних периодов (фаза C_3) имеют широкое горло и высокие ручки. Только для ступени D известны кувшины с небольшими петельчатыми ручками и узкой горловиной. Учитывая эти признаки, в дальнейшем возможно выделение отдельных хронологических вариантов внутри этого типа (рис. 2).

Хорошо выраженную позицию в относительной периодизации имеют гончарные одноручные кувшины с конусовидной и воронковидной горловиной и кувшины с грушевидным корпусом (тип 2, варианты 1, 2 и 4 соответственно). Так, кувшины 2-го типа варианта 1 являются наиболее ранней формой черняховских кувшинов и наибольшее распространение получают на ступенях C_2 и C_3. В более позднее время на данной территории они практически не известны. Исключение составляют отдельные комплексы, где сосуды не имеют четких типологических признаков и датировка которых не всегда устойчива в пределах фаз культуры[2]. Наиболее поздними формами для черняховских памятников лесостепи Украины являются кувшины с воронковидной горловиной (тип 2, вариант 2) и с грушевидным корпусом (тип 2, вариант 4). Подавляющее большинство из них соотносится с периодом D_1 и лишь некоторые специфические формы (Бережанка — Оселивка — Соснова) могут быть датированы более ранним временем, т. е. ступенью C_3. Кувшины типа 2 варианта 2 имеют биконические корпуса, реже округлые формы, некоторые из них декорированы лощеным или врезным орнаментом, каннелюрами, пластическими деталями на ручках или корпусах. Разновидности кувшинов с каннелюрами были выделены Б. В. Магомедовым в «левобережный» тип кувшинов и датированы финальной стадией развития черняховской культуры (Магомедов, 2001, с. 53).

Предложенная периодизация гончарных кувшинов позволит в дальнейшем более корректно подходить к рассмотрению вопроса о генезисе этой группы сосудов в черняховской культуре.

[1] С этой же фазой можно было бы синхронизировать и двуручный кувшин из погребения 131 в Чернеливе-Русском, который И. П. Герета определил как гончарный (1989, с. 290—291, рис. 6, погр. 131). Однако при проверке оказалось, что кувшин является лепным. В связи с этим выражаю свою признательность сотруднику отдела археологии ранних славян ИА НАН Украины В. С. Телищаку, который в настоящее время готовит полную публикацию материалов этого могильника.

[2] Например, кувшин из погребения 4 в Боромле. Оформление верхней части сосуда сочетает в себе признаки первого и второго вариантов, а прочие датирующие предметы сочетают в себе признаки ступеней C_3 и D_1 (*ср.*: Некрасова, 1990, табл. X, 13—15, 17 и Гороховский, 1988, с. 44, «масловская фаза»).

Уже сейчас очевидно, что попытки сравнения на уровне общекультурных модулей: «черняховские кувшины» — «сарматские кувшины» — «вельбарские кувшины» и пр. не корректны. Каждая из этих культурно-исторических общностей имела свои внутренние этапы развития, в том числе и материальной культуры. В современных археологических исследованиях более корректным может выглядеть сравнение на уровне хотя бы «современных»/«синхронных» срезов археологического материала.

Литература

Бажан И. А., Гей О. А. Относительная хронология могильников черняховской культуры / / Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. — СПб., 1992. — С. 122—157.

Брайчевский М. Ю. Ромашки // МИА. — 1960. — № 82. — С. 100—147.

Винокур И. С., Островский М. И. Раковецкий могильник // МИА. — 1967. — № 139. — С. 144—159.

Воляник В. К. Могильник черняхівської культури в верхів'ях р. Горинь // Археологія. — 1974. — Вип. 13. — С. 65—79.

Герета И. П. Новые могильники Черняховской культуры в Западной Подолии и вельбарская культура // Kultura wielbarska w mlodszym okresie rzymskim, 1989. T. II. — S. 283—313.

Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. — Киев, 1988. — С. 34—46

Кравченко Н. М. Пам'ятки черняхівської культури на Пороссі // Археологія. — 1973. — Вип. 8. — С. 99—108.

Кравченко Н. М., Петраускас О. В., Шишкин Р. Г., Петраускас А. В. (в печати). Памятники археологии позднеримского времени Правобережной Киевщины.

Кропоткин В. В. О датировке кувшина из Чистиловского могильника (Тернопольская обл.) // СА. — 1973. — № 3. — С. 240—243.

Кухаренко Ю. В. Поселение и могильник полей погребений в с. Привольном // СА. — 1955. — Т. XXII. — С. 125—152.

Кухаренко Ю. В. Могильник Брест—Тришин. — М., 1980.

Магомедов Б. В. До вивчення черняхівського гончарного посуду // Археологія. — 1973. — Вип. 12. — С. 80—87.

Магомедов Б. В. Черняховская культура: Проблема этноса. — Lublin, 2001.

Моргунов Ю. Ю. Отчет о работе Посульской разведочной экспедиции ИА АН СССР в 1978 г. на территории Сумской и Полтавской областей УССР // НА ИА НАНУ. — 1978. — № 1978/31.

Некрасова А. Н. Могильник черняховской культуры у с. Боромля на Сумщине // Питання археології Сумщини. Мат. наук.-практ. конференції «Проблеми вивчення і охорони пам'яток археології Сумщини». — Суми, 1990. — С. 64—68.

Некрасова Г. М. Охоронні розкопки черняхівського могильника поблизу м. Суми // Археологія. — 1985. — № 50. — С. 75—80.

Некрасова А. Н. Памятник черняховской культуры Днепровского Левобережья // Бібліотека Vita Antiqua (Готы и Рим). — К., 2006. — С. 87—200.

Никитина Г. Ф. Могильник у с. Оселивка, Кельменецкого района, Черновицкой обл. / Могильники черняховской культуры, 1988. — С. 5—97.

Никитина Г. Ф. Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. — М., 1996.

Петраускас О. В. Могильники черняховской культуры Косаново и Гавриловка. Сравнительная характеристика // Сто років вивчення культур полів поховань на України (Тези доп. семінару, Київ, 14—16 грудня 1999 р.). — К., 1999. — С. 27—31.

Петраускас О. В. Розкопки могильника черняхівської культури біля с. Велика Бугаївка на Київщині у 1996 р. // АДУ в 1994—1996 рр. — 2000. — С. 125—128.

Петраускас О. В., Пастернак В. В. Скляні посудини могильника черняхівської культури Велика Бугаївка в Середньому Подніпров'ї // Археологія. — 2003. — Вип. 4. — С. 66—67.

Петраускас А. В., Петраускас О. В. (в печати). Кухонний гончарний посуд черняхівських пам'яток Постугняння (УКЖ).

Петраускас О. В., Цындровская Л. А. Находки черняховской культуры вблизи с. Жовнино (коллекция фондов Института археологии, г. Киев). — К., 2002.

Петраускас О. В., Шишкін Р. Г. Дослідження могильника черняхівської культури Велика Бугаївка на Київщині у 2004 р. // АДУ 2003—2004 рр. — Запоріжжя, 2005. — С. 247—249.

Петраускас О. В., Шишкін Р. Г., Пастернак В. В. Розкопки могильника черняхівської культури біля с. Велика Бугаївка на Київщині у 2002 р. // АВУ 2001—2002р. — К., 2003. — С. 221—224.

Петренко Е. Н. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца // Археология славянского Юго-Востока. — Воронеж, 1991. — С. 10—26.

Петров В. П. Черняховский могильник (По материалам раскопок В. В. Хвойко в 1900 —1901 гг.) // МИА. — 1964. — № 116. — С. 53—117.

Рутковская Л. М. Археологические памятники IV — V вв. в районе Кременчугского моря (Украина) // Slovenska archeologia. — 1979. — T. XXVII/2. — S. 317 —364.

Сикорский М. И., Махно Е. В., Бузян Г. Н. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции в 1979 г. // НА ИА НАНУ. — 1979. — № 1979/119.

Сымонович Э. А. Новые работы в Черняхове // МИА. — 1967. — № 139. — С. 5—27.

Сымонович Э. А. Отчет о работах Средне-Днепровской экспедиции в 1959 г. // НА ИА НАНУ. — 1959. — № 1959/7а.

Сымонович Э. А. Отчет о работах Средне-Днеп-

ровской экспедиции за 1960 г. // НА ИА НАНУ. — 1960а. — № 1960/26а.

Сымонович Э. А. Памятники черняховской культуры Степного Поднепровья // СА. — 1955. — № XXIV. — С. 282—316.

Сымонович Э. А. Раскопки могильника у Овчарни совхоза «Приднепровского» на Нижнем Днепре // МИА. — 1960. — № 82. — С. 192—238.

Симонович Е. О. Черняхівська кераміка Подніпров'я // Археологія. — 1983. — Вип. 43. — С. 26—42.

Хавлюк П. І. Заячівський могильник на Вінниччині // Археологія. — 1974. — Вип. 14. — С. 62—72.

Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. — СПб., 1992. — С. 158—207.

Шаров О. В., Бажан И. А. Черняховские этюды // Stratum+, СПб. — Кишинев—Одесса. — 1999. — № 4. С. 19—66.

Шишкин Р. Г. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археології. — Киев, 2002. — С. 244—246.

Щукин М. Б., Щербакова Т. А. К хронологии могильника Данчены // Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III — IV вв. н. э. — Кишинев, 1986. — С. 177—219.

Eggers H.-J. Zur absoluten Chronologie der roemischen Keiserzeit im Freien Germanien // Jahrbuch des roemisch-germanischen Zentralmuseums Meinz. — Meinz (2. Jahrgang), 1955. — S. 196—238.

Godlowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. — Krakyw, 1970.

Harhoiu R. Die fruehe Voelkerwanderungszeit in Rumaenien. — Bukarest, 1999.

Ionita I. Das Graeberfeld von Independenta (Walachei). — Bonn, 1971.

Ionita I. Chronologie der Sintana-de-Mures-Cernjachov-Kultur // Peregrinatio gothica (VII). — 1986. — S. 295—351.

Petrauskas O. V. Die Graeberfelder der Cernjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka-eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturellen Besonderheiten // BRGK. — 2003 — Bd. 83. — S. 224—351.

Rau G. Koerpergraeber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // Acta praehistorica et archaeologica (3). — 1972. — S. 109—214.

Schulz W. Das Fuerstengrab von Hassleben // Roemisch-Germanisch Forschungen (7). — Berlin-Leipzig, 1933.

Schulz W. Leuna. Ein germanischer Bestattungsplatz der spaetroemischen Keiserzeit. — Berlin, 1953.

Tejral J. Neue Aspekte der fruehvoelkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beitraege zur Erforschung der Spaetantike im mittleren Donauraum. — Brno, 1997. — S. 321—362.

Список сокращений

АВУ — Археологічні відкриття в Україні

АДУ — Археологічні дослідження в Україні

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии НАН Украины

СА — Советская археология

УКЖ — Український керамологічний журнал

BRGK — Berichte der Roemische-Germanischen Kommission

Petrauskas O. V.

Chronologie einiger Typen der Dreheschеibenkrüge der Černjachov-Kultur in der Waldsteppenzone der Ukraine

Summary

Die Drehscheibenkrüge der Černjachov-Kultur bilden aufgrund ihrer Eigenschaften in Form und Verzierung eine Sondergruppe unter den Gefäßen. Frühere Untersuchungen haben gezeigt, dass einige der Krugformen nur in einer bestimmten Zeitphase existiert haben. Diese Beobachtung lässt vermuten, dass die Form der Krüge nicht konstant blieb und sich im Laufe der Zeit geändert hat. Dieser Beitrag ist der Untersuchung dieser Frage gewidmet.

Es wird vorgeschlagen die Drehscheibenkrüge nach der Zahl der Henkel einem der 3 Typen zuzuordnen: henkellose, einhenklige sowie zweihenklige Krüge. Darüber hinaus lassen sich anhand der Form des Gefäßhalses bei dem Typ der Krüge mit einem Henkel mehrere Varianten identifizieren.

Die in der vorliegenden Publikation vorgeschlagene Typologie der Krüge kann folgendermaßen dargestellt werden (Abb.1):

Typ 1. Henkellose Krüge.

Typ 2. Einhenklige Krüge.

Variante 1. Gefäße mit einem bikonischen oder abgerundeten Fußteil und einem breiten konischen Hals. Variante 2. Gefäße mit einem bikonischen oder abgerundeten Fußteil und einem trichterförmigen Hals. Variante 3. Gefäße aus antiken Töpfereien oder deren Nachahmungen. Variante 4. Gefäße mit einem ausgezogenen rundlichen Gefäßkörper (die s.g. Birnenform) und einem kurzen trichterförmigen Hals.

Typ 3. Zweihenklige Krüge.

In Rahmen der Arbeit wurden insgesamt ca. 50 Fundkomplexe betrachtet, die Drehscheibengefäße sowie andere Gegenstände beinhalten, deren relative Chronologie ziemlich detailiert erarbeitet ist. Unter diesen Gegenständen finden sich Fibeln, Schnallen, Kämme und Glasbecher. Als Grundlage für die Datierung der Krüge dient die von E.L. Gorohchovskij entwickelte Chronologie der Černjachov-Kultur, wobei die von den anderen Forschern gemachten Beobachtungen berücksichtigt worden sind.

Die Drehscheibenkrüge können den chronologischen Stufen der Černjachov-Kultur folgendermaßen zugeordnet werden (Abb. 2).

Stufe C_1.

Typ 2, Variante 1. Krüge mit einem Henkel, einem bikonischen Gefäßkörper und einem breiten konischen Hals: Černeliv-Russkij, Gr. 130 (Abb. 4: 29—31).

Stufe C_2.

Typ 1. Henkellose Krüge mit einem bikonischen Gefäßkörper: Velikaja Bugaevka, Gr, 111 (Abb. 3: 28—29).

Typ. 2, Variante 1. Henkellose Krüge mit einem konischen Hals: Rakovec, Gr. 4; Privol'noe, Gr. 10; Zavadovka, Gr. 5; Romankovcy, Gr. 105 u. a. (Abb. 4: 14—16; 20—23; 27—28; 32—34).

Typ 2, Variante 3. Krüge aus antiken Töpfereien: Kamenka-Dneprovskaja, Gr. 83; Rakovec, Gr. 4; Gavrilovka, Gr. 68; eventl. Černjachov und Romaški. Die Krüge dieses Typs kommen in den Gräbern der Černjachov-Kultur ab Ende der Stufe C_2, höchstwahrscheinlich in C_3 vor. Krüge der Černjachov-Kultur, die eine genaue Nachahmung der antiken Vorbildern darstellen, kommen u.a. aus den Grabkomlexen von Čystyliv, Gr. 3, Žovnin/ Bilenkovy Buryi, Kosanovo, Gr. 17—61 und gehören in die Stufen C_3 und D_1.

Stufe C_3.

Typ 1. Henkellose Krüge mit einem hohen Hals wurden in folgenden Gräbern gefunden: Kosanovo, Gr. 21—61; Velikaja Bugavka, Gr. 20, 126; Velikij Sambor (Abb. 3: 17—27).

Typ 2, Variante 1. Krüge mit einem konischen Hals stammen aus den Grabkomlexen: Kosanovo, Gr. 21—61, 22—61, 5—64; Kompanijcah, Gr. 1; Žuravka-Ol'šanskaja, Gr. 34, Privol'noe, Gr. 10, Sambor (Abb. 4: 1—16, 18—19).

Typ 2, Variante 2. Das Vorkommen der Krüge mit einem trichterförmigen Hals kann mit Ende der Stufe C_3 datiert werden. Es sollen u.a. folgende Grabkomplexe genannt werden: Berežanka, Gr. 5; Sosnova, Gr. 230 und Oselivka, Gr. 15 (Abb. 5: 25—27; 31—39).

Typ 3. Zweihenklige Krüge mit einem breiten Hals und höhen Henkeln wurden in folgenden Gräbern gefunden: Boromlja, Gr. 33 und Velikaja Bugaëvka, Gr. 100 und 148 (Abb. 6: 26—38).

Stufe D_1.

Typ 1. Henkellose Krüge stammen aus den Grabkomplexen: Rodnoj Kraj, Gr. 3 und Sumy, Gr.1, Kosanovo, Gr. 1—1961, Zajačivki, Gr. 3 und Boromlja, Gr. 24 (Abb. 3:1—11).

Typ 2, Variante 2. Einhenklige Krüge mit einem trichterförmigen Hals wurden u.a. in folgenden Gräbern gefunden: Kosanovo, Gr. 14—61, 60—62, 12—63, 13—63; Gavrilovka/Gr. 5, 12, Žuravka/ Gr. 14, 36, Žovnino—Pristan'/Gr. 26, Sum/Gr. 1, Velikaja Bugaevka/Gr. 91 u.a (Abb. 5: 1—24, 28—30).

Typ 2. Variante 4. Krüge mit einem ausgezogenen abgerundeten Gefäßkörper (s.g. birnenförmiger Gefäßkörper) und einem kurzen trichterförmigen Hals kommen u. a. aus den Bestattungen in Černjahov, Gr. 264, Velikaja Bugaevka, Gr. 93.

Typ 3. Zweihenklige Krüge mit einem breiten oder engen Hals, mit hohen oder schleifenförmigen Henkeln kommen von den Gräberfeldern: Sumi, Gr. 5, Boromlja, Gr. 11, Čereliv-Russkij, Gr. 61, Žuravka, Gr. 1, Kosanovo,Gr. 4—61, 13—63, sowie aus dem Objekt №27, Siedlung Obuchov-1 (Abb. 6: 1—10, 14—25).

Anhand der Beobachtungen über die relativ—chronologischen Verteilung der Drehscheibenkrugtypen der Černjachov Kultur lassen sich folgende Schlüsse ziehen.

Das Aufkommen der Drehscheibenkrüge der Černjachov Kultur, die durch die Krüge mit einem Henkel, einem bikonischen Gefäßkörper und breitem konischem Hals (Typ 2, Variante 1; Černeliv—Russkij, Gr. 130) repräsentiert sind, wird mit der Stufe C_1 verbunden. Häufiges Auftreten der Krüge unter den Grabbeigaben fängt in der Stufe C_2 an. In dieser Zeit kommen die Krüge ohne Henkeln (Typ 1, Velikaja Bugaevka, Gr. 111) sowie mit einem Henkel und einem konischen Hals (Typ 2, Variante 1; Rakovec, Gr. 4; Zavadovka, Gr. 5 und andere) auf (Abb. 2).

Bereits ab der Stufe C_2 treten die henkellose Krüge (Typ 1) in allen späteren Stufen auf. Anhand des vorhandenen Materials lassen sich keine überzeugenden chronologischen Parameter identifizieren. Besondere Berücksichtigung verdient eventuell die Tatsache, dass die Krüge der späteren Zeitphase sehr klein sind, wobei die meisten von ihnen aus den Kinderbestattungen kommen – u.a. Kosanovo, Gr. 1—61; Zajačivka, Gr. 3; Boromlja, Gr. 24. Für die Krüge mit zwei Henkeln (Typ 3) können die Höhe der Henkel sowie die Breite des Halses als chronologische Indikatoren dienen. Für die Krüge der Stufe C_3 ist ein breiter Hals sowie hohe Henkeln charakteristisch. Für die Stufe D sind Krüge mit relativ kleinen schleifenförmigen Henkeln sowie entweder einem breiten oder einem engen Hals typisch (Abb. 2).

Eine Sonderposition in der relativen Chronologie haben die Drehscheibenkrüge mit einem Henkel und einem konischen oder trichterförmigen Hals sowie Krüge mit einem birnenförmigen Gefäßkörper (Typ 2, Variante 1, 2 und 4 dementsprechend). Die Krüge der Varianten 1 vom Typ 2 stellen die älteste Form der Černjachov-Krüge dar und genießen ihre größte Verbreitung in den Stufen C_2 und C_3. Die jüngsten Formen sind die Krüge vom Typ 2, Varianten 2 und 4. Die absolute Mehrheit dieser Funde kann in die Stufe D1 und nur wenige von ihnen in die Stufe C_3 datiert werden.

(перевод Я. Прасолова)

Сведения об авторе

Петраускас О. В. — Киев, институт археологии НАН Украины, к. и. н., с. н. с. отдела археологии славян
E-mail: petrauskas2@yandex.ru

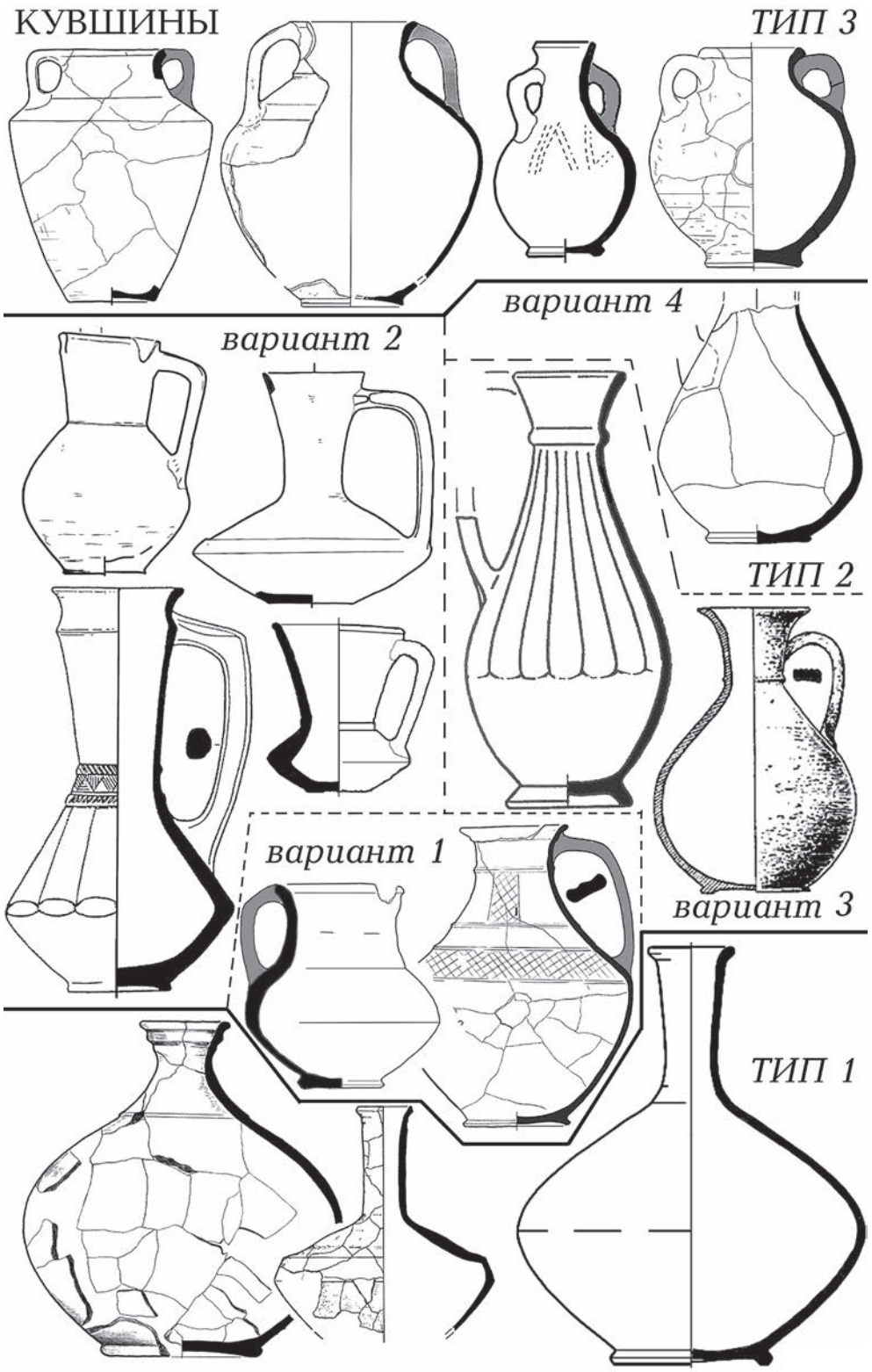


Рис. 1. **Типы и варианты гончарных кувшинов черняховской культуры**

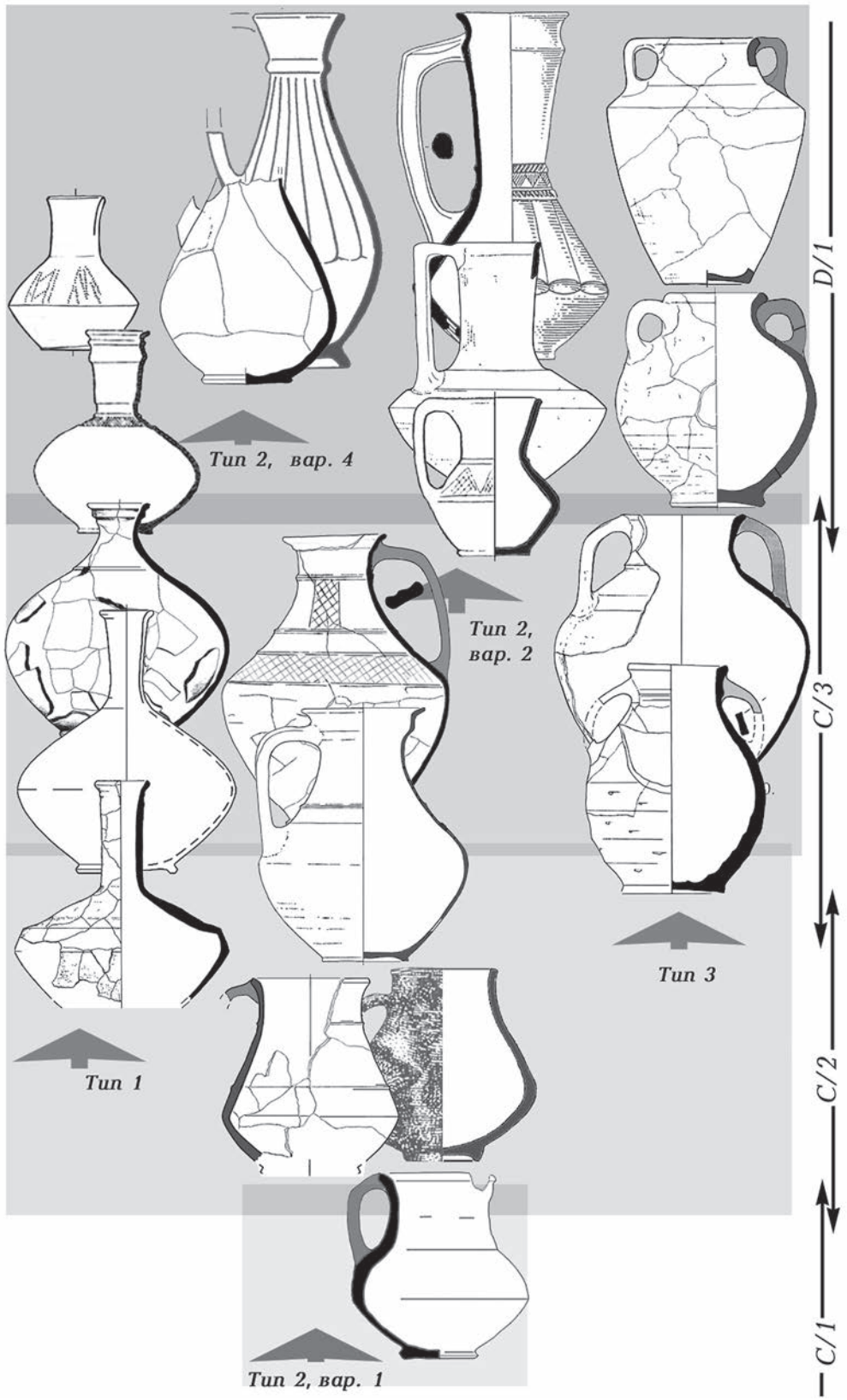


Рис. 2. **Схема относительной хронологии некоторых типов и вариантов гончарных кувшинов черняховской культуры**

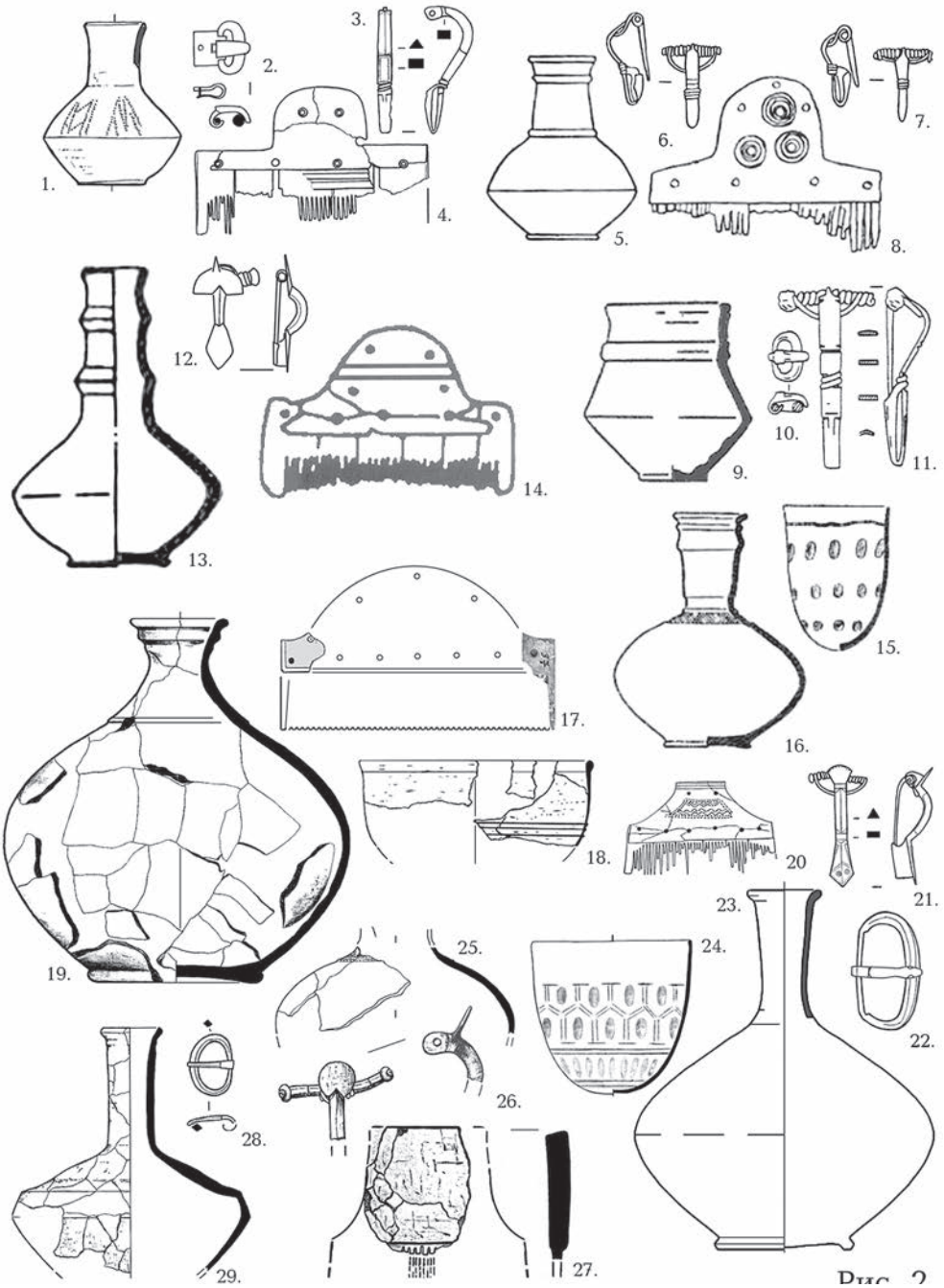


Рис. 3. **Комплексы с кувшинами типа 1**:

1—4 — Косаново, п. 1—1961; 5—8 — Заячивка, п. 3; 9—11 — Боромля, п. 24;
12—14 — Родной Край, п. 3; 15—16 — Сумы-Сад, п. 1;
17—19 — Великая Бугаевка, п. 20; 20—24 — Косаново, п. 21—1961;
25—27 — Великая Бугаевка; 28—29 — Великая Бугаевка, п. 111

Рис. 4. **Комплексы с кувшинами типа 2, варианта 1**:

1—2 — Косаново, п. 5—1963, 3—5 — п. 22—1963, 6—11 — п. 21—1961;
12—13 — Журавка-Ольшанская, п. 34; 14—16 — Привольное, п. 10;
18—19 — Компанийцы, п. 1; 20—23 — Романковцы, п. 105;
24—26 — Бережанка, п. 1; 27—28 — Завадовка, п. 5;
29—31 — Чернелив-Русский, п. 130; 32—34 Раковец, п. 4

Рис. 5. **Комплексы с кувшинами типа 2, варианта 2**:

Косаново, п. 60—1962 (1—3), п. 13—1963 (13—14), п. 14—1961 (22—24);
Журавка-Ольшанская, п. 14 (4—7); Гавриловка, п. 5 (8—12);
Журавка-Ольшанская, п. 36 (15—16);
Сумы-Сад, п. 1 (17—18); Великая Бугаевка, п. 91 (19—21);
Оселивка, п. 15 (25—27); Жовнин-Пристань, п. 26 (28—30);
Соснова, п. 230 (31—34); Бережанка, п. 5 (35—39)

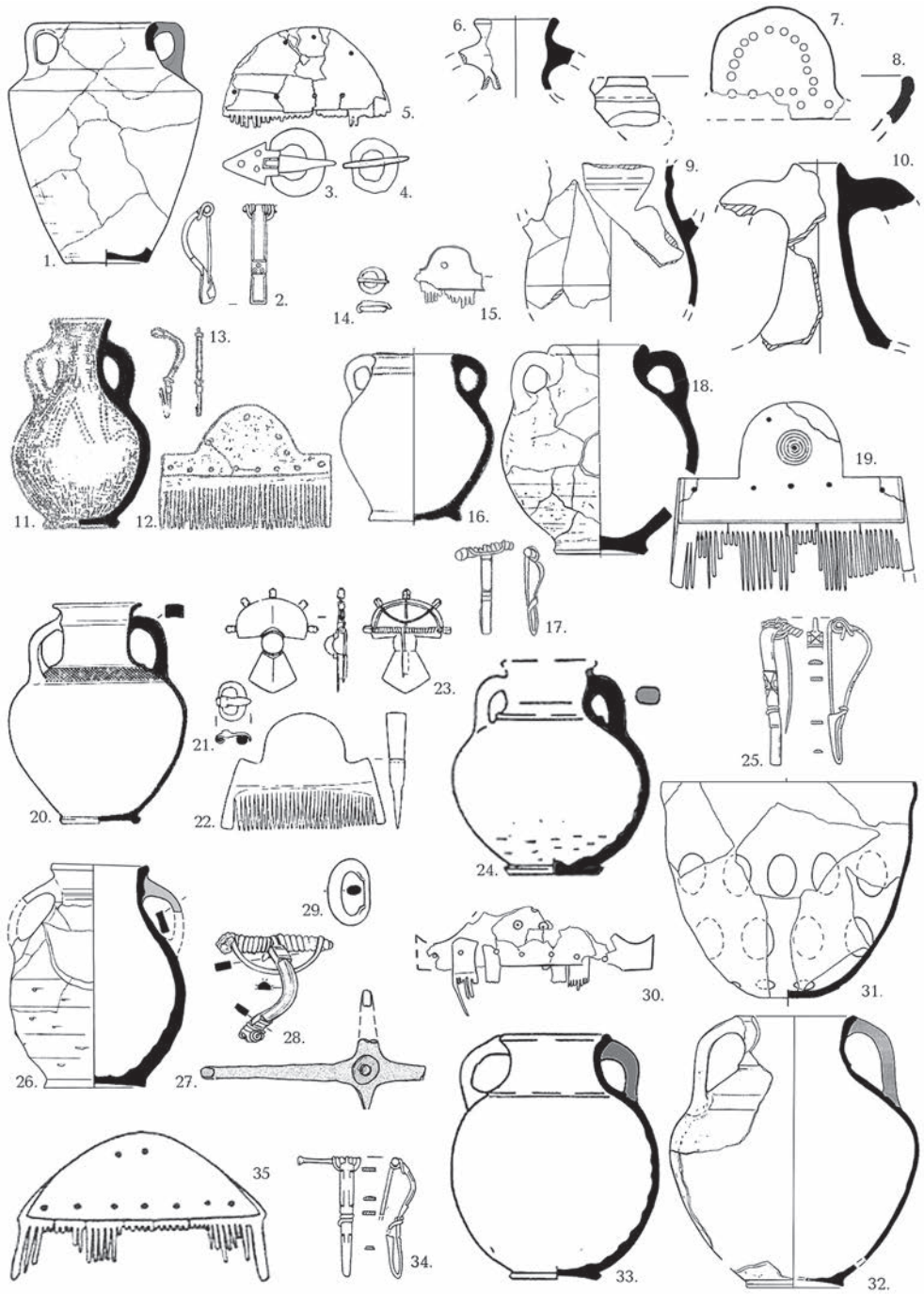


Рис. 6. **Комплексы с кувшинами типа 3**:

Косаново, п. 4—1961 (1—5); Обухов-1, объект 27 (6—10);
Чернелив-Русский, п. 61 (11—13);
Журавка-Ольшанская, п. 1 (14—17);
Косаново, п. 13—1963 (18—19); Сумы-Сад, п. 5 (20—23);
Боромля, п. 11 (24—25); Великая Бугаевка, п. 148 (26—29),
п. 100 (30—32); Боромля, п. 33 (33—35)

Rasa Banytė-Rowell

Metallene Trachtzierate aus einem westlitauischen Gräberfeld der römischen Kaiserzeit im «germanischen» und «sarmatischen» Kontext

Einführung

Das wahrscheinlich berühmteste Beispiel für metallenen Trachtzierat an der litauischen Küste zur römischen Kaiserzeit ist eine Haube, die auf dem früheren Schernen-Gräberfeld im Grab 10 (heute Šernai, Klaipėda Rajonas) gefunden und von A. Bezzenberger 1892 publiziert wurde (Bezzenberger, 1892, S. 147—157, Taf. XIII). Der Schernen-Erforscher weist in seiner Publikation auf den Fakt hin, dass Überreste von Hauben oder anderen Trachtverzierungen solchen Typs auch in anderen Gräbern gefunden wurden (Bezzenberger, 1892, S. 168). Eine Haube aus Šernai wurde auch in den Beschreibungen von C. Engel und W. Gaerte zum berühmtesten Beispiel für die Hervorbringungen der «Memelkultur» der römischen Kaiserzeit. Die Schernener Haube war Anfang des 20. Jh. ein außergewöhnlicher Fund für den Typus eines konstruierten Kopfschmucks, war aber nicht so einzigartig in ihren Details. W. Gaerte und C. Engel bemerkten die Ähnlichkeit metallener Dekorativelemente von Stirnbändern in mehreren Gebieten: auf den Gräberfeldern der frühen römischen Kaiserzeit in den Gebieten Sambias und Natangas, ähnliche Zierate auf dem Gräberfeld Neustädter Feld bei Elbing und die Ähnlichkeit der «memelländischen Haube» mit aus Gotland bekanntem Kopfschmuck (Gaerte, 1929, S. 182, 195, 240, Abb. 146, 188; Engel, 1931, S. 30—35; Engel, 1935, S. 74, 81—82; Engel, La Baume, 1937, S. 149). Diese These wurde auch näher in den Artikeln von Gronau (1939) und D. Waetzold (1939) erläutert.

Während der archäologischen Ausgrabungen im 20. Jh. wurden weitere Überreste von mit Bronzeteilen verziertem Kopfschmuck auf Gräberfeldern Westlitauens der römischen Kaiserzeit entdeckt. In einigen Frauengräbern des Kurmaičiai-Gräberfeldes, das zum gleichen Kulturkreis der westlitauischen Steinkreisgräber zählt wie das Šernai-Gräberfeld, wurden Bronzebuckelchen gefunden, die entweder mit Lederriemen befestigte Stirnbänder bildeten — wahrscheinlich hielten die Riemene auch einen stoffflichen Kopfschmuck fest (Grab 5,8), oder Überreste von Hauben waren (Grab 22). Diese Funde regten eine Rekonstruktion des Kurmaičiai-Kopfschmucks an (Volkaitė-Kulikauskienė, 1959, Abb. 19).

In den 80er Jahren des letzten Jahrhunderts erschien eine wichtige Studie von Z. Blumbergs (1982) zu bronzenen Trachtzieraten. Die Autorin stellte verschiedene in Gotland gefundene Bronzebuckelchen der frühen römischen Kaiserzeit in einen breiteren zeitlichen und europäischen Kontext und unternahm damit ein neues Herangehen an Terminologie, Klassifikation und Verbreitung dieser Gegenstände in verschiedenen Regionen. Z. Blumbergs passte die aus den Gräbern vom unteren Nemunas und der litauischen Küste bekannten Hauben mit Bronzebuckelchen in das System analoger Funde ein. 1990 wurde bei den Ausgrabungen im Dauglaukis-Gräberfeld von E. Jovaiša eine weitere Haube, die denen aus Šernai ähnlich war, gefunden (Grab 66). Die Verzierung der Haube aus Dauglaukis war noch ausgearbeiteter und ihre Komposition bestand aus drei verschiedenen Formen von Bronzedetails. E. Jovaiša datierte das Grab 66 in Dauglaukis auf das Ende des 2. Jh. oder die erste Hälfte des 3. Jh. n. Chr. und beschrieb diesen Fund kurz im Zusammenhang mit den in der Studie von Z. Blumbergs vorgegebenen Analogien (Jovaiša, 1992, S. 97—98; Jovaiša, 1998, S. 14). Die Diskussion der neuen Funde und die Durchsicht der älteren Daten aus litauischen Grabungen führten zu unterschiedlichen Verzierungsarten für weiblichen Kopfschmuck im 1. bis 4. Jh. n. Chr., wie sie in den Artikeln von Rūta Kačkutė (1995) präsentiert werden. Dort wurden alle bekannten Kopfschmucküberreste und Bronzezier-

ate aus Westlitauen untersucht, um zu bestimmen, welche Überreste zu einer Haube und welche zu einem Stirnband gehörten. R. Kačkutė diskutiert Probleme der Terminologie in litauischer Sprache, der Chronologie, der regionalen Verbreitung und der symbolischen Bedeutung der Verzierung von Frauenkopfschmuck.

Es soll nun ein Überblick über die Details von Metallverzierungen bei Trachten gegeben werden, die auf dem westlitauischen Gräberfeld von Baitai (bekannt in der älteren deutschen Archäologie als *Baiten*) gefunden wurden, das ungefähr 5 km die Minija stromaufwärts vom Šernai-Gräberfeld entfernt liegt (Abb. 1). Die meisten der freigelegten Gräber von Baitai zählen bis jetzt zur spät-römischen Kaiserzeit, einzelne jedoch zur frühen Völkerwanderungszeit (Bezzenberger, 1900; Banytė-Rowell, 2005). Die metallenen Trachtzierate aus Baitai wurden bereits früher diskutiert (Banytė, 1999, S. 64, 67; Banytė-Rowell, 2000, S. 37, 39, Abb. 3,5; Banytė, 2001), aber die Verschiedenheit der Formen und Erscheinungen von kleinen Details bei den Funden auf westlitauischen Gräberfeldern der römischen Kaiserzeit erfordern einen genaueren Blick und weitere Untersuchungen. Das Ziel dieses Artikels ist die Darstellung der Gräberfeldfunde aus Baitai und analoger Gegenstände aus anderen westlitauischen Gräberfeldern im Vergleich mit anderen Funden von Trachtzieraten aus den sogenannten Gebieten «Germania» und «Sarmatia».

Trachtzierate aus den Gräberfeldern von Baitai nach der Typologie von Z. Blumbergs und deren Variationen

Variationen von Buckelchen aus der Blumbergs-Gruppe III D, die ein Hauptelement der Verzierung von Hauben aus Šernai, Kurmaičiai and Dauglaukis waren, sind bekannt für die Gräber 2, 18, 24 in Baitai (Abb. 1). In Grab 2 lagen ein paar bronzene Buckelchen, Überreste von Zähnen Jugendlicher und andere Verzierungsteile wie Perlen und Gewebereste verstreut (Banytė-Rowell, 2001, Abb. 3). Es ist unmöglich, die Verzierungsmuster der Trachten zu rekonstruieren, aber es ist sehr gut zu erkennen, dass Bronzedrähte, kleine Spiralröhrchen, Silberhülsen[1], Bronzeketten und Brillenspiralen zur Verzierung von Stoff benutzt wurden. Wahrscheinlich waren fünf Perlen und ein Bernsteinanhänger ebenfalls Trachtverzierungen, obwohl sie weit verstreut unter anderen Metallteilchen gefunden wurden. Überreste einr ähnlichen, aber besser erhaltenen und in ihren Details zahlreicheren Trachtverzierung wurden im Baitai-Grab 24 gefunden (Abb. 2, 3). Hier waren die Buckelchen zahlreicher (Abb. 3:1, 2). Bei der Präparation der Grabgrube wurden in den oberen Schichten die Buckelchen mit ihren Spitzlaschen nach unten gefunden; in den unteren Schichten, näher zum Boden der Grube, zeigten die Spitzlaschen nach oben. Dieser Fakt lässt den Schluss zu, dass die Bronzebuckelchen an Vorder- und Rückseite der Tracht der toten Frau bzw. des Mädchens befestigt waren. An ein paar Stellen waren sie direkt neben einander oder in einer Reihe am Stoff befestigt, wie es typisch für die Anordnung an Hauben war. Die Mehrzahl der Buckelchen wurde jedoch als Einzelstück gefunden. Unter den Buckelchen lagen im gleichen Gebiet der Grabgrube auch noch andere Verzierungsdetails von Trachten verstreut: Brillenspiralanhänger, Drähte, kleine Buckelstäbchen, kleine Hülsen, kleine Spiralen und Buckelscheiben. Wir können annehmen, dass diese Teile Trachten größer als eine Haube schmückten, wenigstens von der Größe eines Schleiers. Dagegen wurden die Buckelchen im Baitai-Grab 18 kreisförmig an der Stelle des vermuteten Kopfes der Toten gefunden und bildeten mit Glas- und Bernsteinperlen sowie Brillenspiralanhängern einen Halbkreis (Abb. 2). Es scheint, dass dieser Fund als Überrest eines Stoffstirnbandes oder als Rest der Verzierung des Vordersaums eines anderen Kopfschmuckes interpretiert werden kann (siehe die Gesamtübersicht der Funde im Baitai-Grab 18 bei Banytė, 1999, Abb. 2). Das Muster dieses Schmucks war im gleichen Stil wie bei der Haube aus dem Šernai-Grab 10. Es enthält eine Komposition von Dreiecksmustern, dargestellt durch die Anordnung der Buckelchen oder durch das Freilassen von blankem Stoff in Dreiecksform. Die Konstruktion des Kopfschmucks aus Baitai 18

[1] Anmerkung: die hier vorgestellten Funde wurden nach dem Aussehen als bronzene oder silberne bewertet, nicht nach chemischer Analyse. Gegenstände aus weißem Metall, die hier silbern genannt werden könnten auch aus einer Silber- und Zinn-Legierung bestehen, wie eine chemische Analyse für die Hülsen aus dem Baitai-Grab 24 nachwies.

ist dem Stirnband aus dem Dauglaukis-Grab 39 ähnlich, bei dem die Buckelchen auf dem Gewebe mit Brillenspiralanhängern befestigt waren und nur das Vorderteil des Kopfschmucks verziert war. Auf dem Scheitelpunkt des Dauglaukis-Kopfschmucks wurde eine Bernsteinperle gefunden (Kačkutė, 1995, Nr. 4(7), S. 15). Die Perlen aus dem Baitai-Grab 18 hatten die gleiche Fundstelle. Bei allen Anordnungen der Baitai-Funde waren die Buckelchen von Brillenspiralanhängern umgeben, die einfach oder doppelt waren. Anhänger solchen Typs können ebenfalls die Tatsache einer Kleidungsverzierung anzeigen.

Brillenspiralanhänger waren typisch für die früere Gruppe der Baitai-Gräber, die als Phase C_2 und Übergang zu Phase C_3 angenommen wird (Abb. 1, 3:3). Zwei Fragmente von Bronzebrillenspiralen wurden neben anderen verschiedenen, meist silbernen Teilen von Trachtzierat in dem außergewöhnlich reichen Grab 31 gefunden (siehe Banytė-Rowell, 2000, Abb. 7:14; Banytė-Rowell, 2007, im Druck). Im Baitai-Grab 37 wurden drei fast verfallene Brillenspiralen freigelegt, die nahe den Überresten des Kieferknochens der Toten lagen. An dem gleichen Ort wurden mehrere bronzene und ein silbernes Spiralröhrchen freigelegt. Eine der Brillenspiralen war mit vier Spiralröhrchen verklebt. Beide Spiralformen enthielten Spuren von Wollgewebe. Eine silberne Spirale enthielt immer noch einen Wollfaden in sich. Der größere Teil der Baitai-Grabgrube 37 bestand aus durch die Anlage von Gruben im 19. Jh. zerstörten Schichten, dennoch haben wir Informationen über die Reste von metallenen Trachtzieraten, die in der vermuteten Kopfgegend der Verstorbenen gefunden wurden. Die losen Funde von Brillenspiralteilen in der Schicht der früheren Oberfläche des Baitai-Gräberfeldes bestätigen zusätzlich die Häufigkeit des Auftretens dieses Typs (siehe Abb.1).

Spiralröhrchen aus dünnem gewickeltem Bronzedraht wurden von Z. Blumbergs der Gruppe IV B für metallene Trachtzierate zugeordnet (Abb. 4:9). Im Falle der Baitai-Funde wurden kleine und kurze Spiralröhrchen als Trachtzierate in dem oben erwähnten zerstörten Grab 37 gefunden. Diese Spiralen waren hauptsächlich aus dünnem Bronzedraht hergestellt: 12—13 Stücke aus dünnerem Draht und 4 Stücke aus breiterem Draht, eine auch aus Silberdraht. Diese Statistik hat nur vergleichende Bedeutung. Die Zerstörung eines großen Teils des Grabes hat es unmöglich gemacht noch zu sagen, ob die Metallverzierungsteile für Bekleidung die angenommene Brustgegend des oder der Toten erreicht hat. Ähnliche Spiralröhrchen (8 Stücke) wurden im südlichen Teil des Grabes 38 freigelegt. Hier wurden sie verstreut zwischen den Überresten von zwei auseinander liegenden menschlichen Zähnen gefunden. Einzelne Spiralröhrchen wurden in den Baitai-Gräbern 2 und 21 gefunden (Abb.1). Das Fehlen von menschlichen Skelettüberresten in Baitai erlaubt uns allerdings nicht, jedes einzelne Spiralröhrchen zweifelsfrei der Gruppe von Stoffverzierungen zuzuordnen. Es könnten auch Teile von Perlenketten oder einzelne Schmuckanhänger sein.

Aus stilistischer Sicht passen die bronzenen und silbernen Drähte in Baitai auch zur Blumbergs-Gruppe IV B als eine Variation von längeren und schmäleren Spiralröhrchen. Technisch gesehen sind diese Drähte keine Spiralen, sondern Stäbchen aus zwei geflochtenen Drähten oder einem geperlten Draht (Abb. 3:6, 4:1—5). Die Länge der Drähte war 3,3 cm, 3,5 cm (Grab 2), circa 2,5 cm (7 Stücke aus Grab 24), 2,3—3,8 cm (Grab 31), der Durchmesser betrug 1—1,5 mm. Einige der Drähte im Baitai-Grab 31 wurden auf den Überresten von Gewebe gefunden. Es ist nicht klar, wie diese Metallverzierungen an der Kleidung befestigt waren. Wahrscheinlich waren die Drähte am Stoff angenäht. Geperlte Drähte hatten eine abgeflachte Seite, die sich aus den Überresten einer möglichen Befestigungsform ergab. Ein paar Drähte in Grab 31 wurden zusammen mit Spuren von Kleidung gefunden (Abb. 4:4). Verschieden verzierte Drähte wurden für die Zusammenstellung von Verzierungsmustern benutzt. Die Funde aus dem Baitai-Grab geben uns Beispiele für Kombinationen von zwei kurzen Drähten: ein geflochtener Draht mit einem geperlten Draht oder zwei geflochtene Drähte (siehe Abb. 4:5 oben). Die zwei Drähte waren durch irgendeinen Klebstoff miteinander verbunden. Diese Verzierungskombination hatte die gleiche ästhetische und wahrscheinlich funktionale Aufgabe wie vier silberne Plättchen von gleicher Länge, die unter anderem vermuteten Trachtzierat im Baitai-Grab 31 gefunden wurden (siehe Abb. 4:5 unten). Anscheinend können auch zwei bronzene Buckelstäbchen aus dem Baitai-Grab 24 (siehe Abb. 3:5, 4:6) der letzten Gruppe von Dekorationen zugeordnet werden. Diese Verzierungen hatten an ihrer Oberseite Buckelchen, die gut zu den Buckelchen aus der Blumbergs-Gruppe III D passen.

Es ist viel leichter, die Art der Befestigung von

kleinen Silberhülsen aus dünnem zusammengebogenem Silberblech zu bestimmen, die in den Baitai-Gräbern 2 und 24 gefunden wurden (siehe Abb. 3:7, 4:7, 8). Diese Teile von Stoffverzierung sind den bronzenen aus der Blumbergs-Gruppe IV A ähnlich. Die Hülsen könnten mit Hilfe ihrer länglichen Öffnungen an der Bekleidung angebracht worden sein. Meistens verzierten diese Hülsen den Saum eines Kleides.

Es fand sich außerdem eine große Anzahl von silbernen gewölbten Buckelchen im Baitai-Grab 31, die ebenfalls zu Trachtzieraten zählten (siehe Abb. 5:1b). Diese Gegenstände waren aus 0,1—0,2 mm dünnen Silberplättchen hergestellt. Der Durchmesser der Buckelchen beträgt 0,7—0,8 cm, was etwas größer ist als der Durchmesser der Silberkopfnieten, die zur Verzierung von Lederteilen an der Bekleidung verwendet wurden (Abb. 5:1a). Die Art der Befestigung der Buckelchen auf dem Stoff ist unklar, da es keine sichtbaren Zeichen für Laschen oder Löcher daran gibt. Auf der unteren Seite der Buckelchen wurden einige Spuren einer unbekannten Substanz, evtl. Leim, bemerkt. Hier wurden Spuren von Stoff in der Nähe vieler Buckelchen entdeckt, leider zu klein für die Rekonstruktion von Verzierungsmustern. Die Nieten zur Dekoration von Ledergürteln oder Zaumzeugstücken im Baitai-Grab 31 bestanden aus zwei Teilen. Der obere Teil, ein silberner gewölbter Kopf, ähnlich den Buckelchen für Stoffe, hatte eine dekorative Funktion. Ein bronzener Bolzen bildete das Gegenstück zum Nietenkopf, um die ganze Niete an dem Lederstück festzuhalten. Während der Freilegungsarbeiten am Baitai-Grab 31 wurde offensichtlich, dass die im Leder verbliebenen Bolzen der Nieten sehr viel stärker am Leder befestigt waren als die gewölbten Köpfe an den Bolzen, da viele der Bolzen von ihren silbernen Köpfen getrennt im Leder gefunden wurden. Die Art der Verbindung zwischen Köpfen und Bolzen ist ebenfalls unklar. Zwar gab es Spuren einer Substanz auf der unteren Seite der Silber-köpfe — wahrscheinlich half diese Substanz dabei, die Köpfe und Bolzen zur Niete zusammenzuhalten — aber für die Bestätigung dieser Annahme bedarf es einer chemischen Analyse, die leider zum heutigen Zeitpunkt noch nicht erfolgt ist.

Außergewöhnliche Verzierungselemente von Trachtzierat stellen die kleinen Rosetten dar, die aus geperltem Draht mit Einlagen oder Buckelchen gefertigt wurden. Ein paar dieser Rosetten hatten Einlagen aus Glas, viele andere hatten bronzene oder silberne Buckelchen (siehe Abb. 1, 3:4, 5:2—6). Der Durchmesser der Rosetten beträgt 0,7—0,9 cm. Drei der Rosettenfunde in Baitai fanden sich lose in der Schicht der früheren alten Oberfläche des Gräberfeldes oder in der oberen Schicht von Stein-Einschließungen. Zwölf Rosetten sind bekannt aus dem Baitai-Grab 24, 16—17 ähnliche Stücke aus dem Baitai-Grab 31. Beide Gräber umfassen viele verschiedene Metallverzierungen und ihre Kombinationen. Die Art der Befestigung der Rosetten ist auch hier unbekannt.

Bestimmte Rosettenmuster sind auch an Teilen anderer Verzierungsgegenstände in Baitai wiederzufinden (siehe Abb. 3:10, 5:7—9). Die Mitte der Rosetten wird von zwei oder drei geperlten oder geflochtenen Drähten eingefasst. Die eine Rosette aus dem Baitai-Grab 1 hatte eine Einlage aus blauem Glas (Abb. 5:7). Technisch gesehen sind die Einlagen der größten Rosetten auf die gleiche Art befestigt wie die Glas-Einlagen in den verschiedenen Typen des lokalen Schmucks aus den Phasen C_{1b}—C_3 (siehe von Carnap-Bornheim 2000). Eine ähnliche Rosette wie aus Grab 1 könnte der mittlere Teil der Tutuli-Verzierung einer Scheibenkopfnadel oder eines Fingerringes sein, wie er aus dem Baitai-Grab 8 bekannt ist (Banytė, 1999, Abb. 1:1, 26; Banytė-Rowell, 2000, Abb. 5:1, 26). Dennoch war wahrscheinlich die Rosette im Baitai-Grab 1 ein Teil der Lederverzierung, weil sie zusammen mit Lederresten und verstreuten Bronzenieten gefunden wurde. Die Unterschiedlichkeit der metallenen Trachtzierate, die im Baitai-Grab 24 gefunden wurden, führt zu der Annahme, dass die größere Rosette ebenfalls zur Dekoration von Stoffen verwendet wurde (siehe Abb. 3:10, 5:9).

Im südwestlichen Teil der Grube vom Baitai-Grab 31 wurden unter kleinen eisernen Schnallen Lederfragmente, Nieten und sechs dünne Silberscheiben gefunden. Die Komposition aus einer dünnen Silberscheibe mit silberköpfigen Nieten wurde an einem Lederüberrest sicher gestellt (siehe Abb. 5:10). Diese Funde wurden in der vermuteten Fußgegend des Toten freigelegt. Wahrscheinlich handelt es sich dabei um Fußbekleidung. Wie im oben beschriebenen Fall verschiedener Buckelchen für Stoffe ist unklar, auf welche Weise die Silberscheiben am Leder befestigt waren. Das außergewöhnlich reiche Baitai-Grab 31 bietet, abgesehen vom möglichen Raub einiger Grabinhalte in früheren Zeiten, eine weite Bandbreite an meist silbernen Nieten und Drähten zur Verzierung, die auf Phase C_2 datiert werden können.

Metallene Trachtzierat im Ostbaltikum

Als Teile von Kopfschmuck wurden Buckelchen der Blumbergs-Gruppe III in den Gräbern der Dollkeim-Kovrovo Kultur gefunden, datiert auf die frühe Phase der römischen Kaiserzeit (Tischler & Kemke, 1902, Taf. X:6—8; Nowakowski, 1996, S. 17, 55; Taf. 6:14; 9:9; 97:10). Für kurze Zeit waren Haubenbesatz und Stirnbandbeschläge dieses Typs zur Bekleidungsverzierung nicht nur in Sambia verbreitet, sondern auch in entlegeneren Gebieten des westbaltischen Kulturkreises und hier besonders in Gräberfeldern der verwandten Gebiete der westlitauischen Gruppe und der Untermemelgruppe. Buckelchen und Hülsen wurden ebenso in den masurischen Gebieten der Bogaczewo-Kultur verzeichnet (Masurisches Seenland) (Gaerte, 1929, S. 182, Abb. 146; Gronau W., 1939; Waetzold, 1939, S. 118—119; Bitner-Wróblewska, Iwanicki, 2002, S. 126—127). Bronzebuckelchen und Brillenspiralanhänger, die sich am unteren Nemunas und der litauischen Küste fanden, wurden von den Forschern üblicherweise den Häubchen und Stirnbändern aus Stoff oder Leder zugeordnet. Aber die Funde aus dem Baitai-Gräberfeld lassen uns auch annehmen, dass diese Zierate möglicherweise an anderen Teilen der Bekleidung angebracht waren. Diese Vermutung wird auch durch eine Bemerkung von H. Moora unterstützt: «Brillenanhänger treten ...als Anhänger an Ketten, sowie auch als Besatz von Kleidungsstücken auf... können also auch als Kleider- oder anderer Schmuck in Gebrauch gewesen sein» (Moora, 1938, S. 256). Gemäß den Daten seiner Zeit konnte H. Moora drei Fundorte von Brillenanhängern in Lettland und vier in Estland angeben. Er betonte, dass die Gräberfelder Rucava und Kapsēda, die im Südwesten Lettlands liegen, dem gleichen Kulturkreis zugeordnet werden sollten wie die Gräberfelder in Westlitauen («Memelland»). Der Salenieki-Fund kam vom finnischen Steingräberfeld im Nordosten Lettlands. Die von H. Moora erwähnten estnischen Gräberfelder waren am nördlichen Küstenstreifen gelegen, in der Umgebung von Tallinn (Kurna, Lagedi, Nurmsi, Saha). Sehen wir auf die Verbreitungskarte für Bronzebuckelchen und Brillenspiralanhänger in Litauen, erkennen wir Fundorte in Westlitauen bzw. dem Untermemelgebiet (Palanga, Rūdaičiai-II, Šernai, Dauglaukis), einige Gräberfelder im Kulturkreis der Mittellitauischen Gruppe und an der südwestlichen Grenze des Litauisch-südlettischen Kreises der Hügelgräber (Veliuona, Lauksvydai, Sargėnai, Veršvai; Paragaudis, Visdergiai) (siehe Kačkutė 1995, Nr. 3(6), S. 16, Abb. 1; Kačkutė 1995, Nr. 4(7), S. 17). Dieser Liste sollten die Bronzehülsen aus dem Pažarstis-Hügelgrab 49 zugefügt werden (Michelbertas, 1989, S. 10,18). Dieses Hügelgräberfeld ist auf der linken Seite des Nemunas gelegen, in dem Gebiet zwischen den Gräberfeldern der Mittellitauischen Gruppe und denen Südlitauens. Die bis jetzt erforschten Hügelgräber in Pažarstis werden von M. Michelbertas auf das Ende der Phase B_1 bis zum Beginn der Phase B_2/C_1 datiert (Michelbertas, 1989, S. 21). Die frühesten bis jetzt vom heutigen litauischen Territorium bekannten und auf den Beginn der vorrömischen Eisenzeit (frühe Eisenzeit) datierten Buckelchen der Gruppe I A wurden in einem Hort in Baudijai/Baudėjos, nicht weit von Pažarstis in südöstlicher Richtung auf der rechten Seite des Nemunas gefunden (LAB, 1961, S. 139, Abb. 87:3, 5, 6; Blumbergs 1982, S. 21). Die Bronzehülsen aus Pažarstis entstammen nahezu der gleichen Zeit wie die aus dem Rūdaičiai-II—Gräberfeld-Grab 1. Funde dieser Form aus Rūdaičiai-II wurden der Phase B_2 zugeordnet und waren als früheste Gegenstände dieser Form in Westlitauen bekannt. Außerdem wurden zwei Buckelchen mit Laschen aus der Blumbergs-Gruppe III in demselben Grab nahe den Bronzehülsen gefunden (Michelbertas, 1968, S. 64—65, 70; Michelbertas, 1986, S. 152; Kačkutė, 1995, Nr. 4(7), S. 17).

Die auf dem Baitai-Gräberfeld gefundene Hülse (Abb. 4:7, 8) kann mit den in ost- und südlitauischen Gräberfeldern der späten römischen Kaiserzeit gefundenen verglichen werden (Kairėnai, Miežionys, Medžionys, Seiliūnai) (Michelbertas 1986: 152—153; Volkaitė-Kulikauskienė, 1997, S. 47—48). Die mit Stoffüberresten im Miežionys-Hügelgräberfeld gefundenen Trachtzierate sind einige der besten Illustrationen für Quantität und Stil ihres Gebrauchs. Hier waren viele Bronzehülsen in das Gewebe eingewoben und mit den Bronzebuckelchen zweier Typen, Blumbergs-Gruppe I A und — Gruppe III A, kombiniert (Покровский, 1897, С. 173—174; Таб. XI: 21—24, Kaczynski, 1963, S. 123—124; Abb. 18c, d, 19, 20). Die Zusammenstellung von geperltem Draht mit Bronzebuckelchen und Hülse mit Bronzebuckelchen der Gruppe III A tauchte in den Brandgräbern 30, 36C des Podliszewo-Gräberfeldes an der östlichen Grenze der Bogaczewo-Kultur

auf (Bitner-Wróblewska, Iwanicki, 2002, S. 117, 119—120, 127; Taf. XXVIII, XXXIV). Die Bestattungsform in Podliszewo erlaubt kaum, den Befestigungsort dieser Zierate an der Bekleidung zu bestimmen, insbesondere in Bezug auf den geperlten Draht, der auch lediglich das Fragment eines anderen Schmuckteiles sein könnte. Interessant ist, dass alle diese Deteils den bereits bekannten aus dem Baitai-Grab 24 ähnlich sind. A. Bitner-Wróblewska und P. Iwanicki datieren das Podliszewo-Grab 36 C auf die Phase B_2/C_1—C_2.

Die Überreste von wollenem Kopfschmuck, verziert am Saum mit Bronzebuckelchen (Blumbergs-Gruppe I A) aus dem Pajuostis-Hügelgrab VI Grab 1 bezeugt das Auftreten solcher Metallteile auf dem heutigen litauischen Territorium in Phase B_2 (Michelbertas, 2004, S. 29,31,90; Abb. 29). Das Pajuostis-Hügelgräberfeld liegt im oberen Flusslauf des Nevežis und ist weiter entfernt von den west-, südwest- und mittellitauischen Gebieten, die in engerem Kontakt mit der Kultur der Westbalten standen. Schon in der frühen römischen Kaiserzeit Teile der Bevölkerung — meistens Frauen — aus verschiedenen Regionen des heutigen litauischen Territoriums mit Bronzedetails verzierte Kleidung trugen. In dem oben genannten Nevežis-Gebiet belegen Funde aus dem Pakalniškiai-Hügelgrab 11 den Gebrauch sechseckiger Buckelchen ähnlich denen aus der Blumbergs-Gruppe III C (Majewski, 1900, S. 93, 95—96; Taf. XIV:13—25). L. Savicka diskutiert in ihrer aktuellen Studie über Spiralscheiben das reiche Vorkommen von Verzierungen im Pakalniškiai-Hügelgrab 11 und datiert diese Funde auf die späte Phase B_2 (Savicka, 2006, S. 40). Die Funde von Hauben aus den Gräberfeldern der litauischen Küstenregion und des unteren Nemunas-Gebietes die raffiniertesten Beispiele für den Gebrauch von Buckelchen in der späten römischen Kaiserzeit und den Fortbestand des in der vorherigen Zeitstufe entstandenen Stils.

Die Funde der *Tarand*-Gräberfelder im Nordosten Estlands enthielten weitere Analogien zu den hier bereits diskutierten. Nach M. Schmiedehelm wurden Bronzebuckelchen aus den Blumbergs-*Gruppen I A, III* und kleine Rosetten mit blauer Glaseinlage (wie Abb. 5:2—6) in den Tarand-Grabkammern IV, VII, VIII auf dem Jäbara-B-Gräberfeld gefunden, lediglich *Buckelchen* der *Gruppen I A, III* sind aus dem Pada-Gräberfeld bzw. den *Tarand*-Gräbern V, VII bekannt und Bronzehülsen und Buckelchen der Gruppe III fanden sich in den Kohtla-Jarve-Gräberfeldern I und II. (Шмидехельм, 1955, с. 81, 83, 84, 86, 121, 131, 138, 215; рис. 19:1, 6, 7; 29:1, 2; 31:1, 2; 34:7, 8). Alle diese Funde sind denen aus den Baitai-Gräbern ähnlich. Die Autorin richtete ihre Aufmerksamkeit auf die Funde kleiner Rosetten mit blauen Glaseinlagen in Estland. Sie wies darauf hin, dass solche Zierate ein charakteristischer Teil verschiedener Schmuckstücke im Ostbaltikum während der späten römischen Kaiserzeit waren. In Estland wurden diese Rosetten im Südosten der Tallinner Umgebung (Kurna-, Saha-, Lagedi-, Rootsi-Gräberfeld) und leicht östlich davon gefunden (Ojaveski-Gräberfeld und Jäbara-Gräberfeld) (Шмидехельм, 1955, с. 86). Obwohl es unmöglich ist festzustellen, wie viele dieser «estnischen» Rosetten mit blauem Glas Einzelstücke waren wie die ähnlichen Funde in den Baitai-Gräbern 24 und 31, so bestätigt doch das Auftreten dieser Form wie auch von Trachtzieraten im finnischen Kulturkreis die These über stilistische Ähnlichkeiten bei der Tracht der Bewohner verschiedener Regionen des Ostbaltikums (Nowakowski, 1998; Banytė-Rowell & Bitner-Wróblewska, 2005, S. 110—116; Banytė-Rowell, 2007, im Druck).

Trachtzierate des Baitai-Gräberfeldes und «sarmatische» und «germanische» Beispiele

Der Kleidungsstil der Sarmaten umfasste Elemente, die von skythischem Erbe beeinflusst waren. Männliche und weibliche Kleidung wurde mit verschiedenen Perlen und bronzenem und silbernem Trachtzierat geschmückt. Skythischer und sarmatischer Zierat bestand normalerweise aus eigenständigen Kunstwerken mit Pflanzen- und Tiermustern, die mit einfachen Plättchen am Kleid kombiniert wurden. Die Quantität und Qualität der Verzierung hing vom sozialen Status des Einzelnen ab. Perlen waren der beliebteste stilistische Kunstgriff, um alle Kleidungsstücke vom Kopf bis zu den Füßen zu schmücken, inklusive der Schuhe. Metalldetails zur Verzierung der Kleidung, besonders goldene, waren den höheren sozialen Klassen vorbehalten. Luxuriöse Gewänder wurden auch von öffentlichen Personen getragen, die als Priester agierten oder Rituale anleiteten (Рикман, 1986, с. 18—21). Desweiteren

wurden Goldplättchen zur Verzierung weiblicher Kleidung verwendet, wie die Funde aus Sokolova Mogila (Ukraine, Oblast und Rajon Nikolaev) belegen, wo eine sarmatische «Priesterin» des 1. Jh. n. Chr. begraben wurde (Kovpanenko, 1991).

Sarmatische Frauen trugen Stirnbänder, die mit Stoff- oder Leder unterlegt waren und einem Schleier kombiniert wurden. Eine Rekonstruktion des möglichen aussehens eines solchen Stirnbandes wurde aus den Funden des Kurmaičiai-Gräberfeldes (weibliches Grab 8 aus dem 3. Jh. n. Chr.) erstellt (Volkaitė-Kulikauskienė, 1959, Abb.19; Volkaitė-Kulikauskienė, 1997, S. 31; Blumbergs, 1982, Abb.7). Natürlich gibt es keine direkte Verbindung zwischen den sarmatischen und den baltischen Stirnbändern für Frauen in den ersten Jahrhunderten n. Chr. Desweiteren kann der weibliche Kopfschmuck des 3. bis 4. Jh. n. Chr. aus der D'iakovo-Kultur (obere Volga-Oka-Region), der als Haube mit Schleier vermutet wird, mit dem sarmatischen Kopfschmuck verglichen werden (Рикман, 1986, с. 27—28; рис. 7:2) und mit dem baltischen ebenso. Das Muster mit Dreiecken auf der am Kopf anliegenden Haube stimmt stilistisch mit dem Kopfschmuck aus der D'iakovo-Kultur und demjenigen aus westlitauischen Gräberfeldern überein (Kurmaičiai, Šernai). Die Bewohner der Volga-Oka-Region schmückten auch andere Bekleidungsteile mit Bronzedetails. Diese entfernten Analogien können als ein Phänomen stilistischer Ähnlichkeit erklärt werden, wie erst kürzlich am Beispiel eines Hortes aus Uzlissia (Ukraine, im Gebiet südlich von Pripjatj) von N. Boroffka and B. A. Prishchepa (2003) diskutiert wurde. Die Autoren fanden die typologische Verbindung von Bronzeschmuck aus Uzlissia mit Frauenschmuck aus der mittleren Volga-Ural-Region. Sie betonten auch die starken stilistischen Übereinstimmungen zwischen den Gegenständen in dem Uzilissia-Hort und dem Trachten-Set, das von Frauen im Ostbaltikum, besonders im heutigen Litauen, während der römischen Kaiserzeit getragen wurde. Nichtsdestotrotz haben diese stilistischen Übereinstimmungen keine typologischen Analogien (Boroffka & Prishchepa, 2003, S. 12).

Während der späten römischen Kaiserzeit beeinflussten sich sarmatische und germanische Tracht im Gebiet der Nordküste des Schwarzen Meeres gegenseitig. Das Gräberfeld Drusznoje (Дружное) (3. — 4. Jh. n. Chr.), das auf der Zentral-Krim verortet wird, enthielt archäologisches Material, das die gleichzeitige Anwesenheit der Traditionen der Sarmaten vor Ort und der Neuankömmlingen der Alans belegt, aber auch den Einfluss aus den Beziehungen mit den antiken Städten und aus der Anwesenheit germanischer Kulturelemente wiederspiegelt. Es wurden unterschiedliche Typen von Trachtzieraten in diesem Gräberfeld gefunden. Die Bronzebuckelchen aus dem Drusznoje-Grab 18 enthielten den einfachsten Typ, ähnlich demjenigen, den wir bereits aus dem Baitai-Grab 31 kennen (Abb. 5:1b). Die Buckelchen aus dem Drusznoje-Grab 64 hatten zwei kleine Löcher in ihrem Rand und ein aus Goldblech gepresstes Strahlenmuster auf dem Buckelchen (Храпунов, 2002, 39—40, 75—77, 80; рис. 92:12, 155:24—26). Diese sarmatische Form kann stilistisch verglichen werden mit den kleinen runden Rosetten mit Glas- oder Buckelcheneinlage, die in Baitai gefunden wurden (Abb. 5:2—6), auch wenn sich die Typen der Drusznoje- und Baitai-Funde unterscheiden. Außerdem können wir erkennen, dass einige Typen der im Krim-Gräberfeld gefundenen Schmuckstücke, die den germanischen — oder gotischen — zugeordnet werden, den in westlitauischen Gräberfeldern der späten römischen Kaiserzeit gefundenen sehr ähnlich sind (acht- und axtförmige Bernsteinanhänger, Kolbenarmringe, Fingerringe mit Spiralen aus gewundenen Drähten). Die entfernte Verwandtschaft der Buckelchenformen aus Baitai und Drusznoje kann aus dem starken Austausch zwischen Westbalten und dem gotischen Kulturkreis bzw. der «gotischen Einflusszone» erklärt werden (dieser Terminus wurde von Kokowski festgelegt 1995: 45). In gewisser Weise bestärken die Daten damit die These von W. Nowakowski, dass «alle gegenseitigen Kontakte [zwischen Balten und Sarmaten] (...) über "germanische Vermittlung" hergestellt [wurden]» (Nowakowski, 2003, S. 338).

Unzweifelhaft waren die mit Buckelchen der Gruppen I A und III verzierten Hauben und Stirnbänder der frühen römischen Kaiserzeit in der ostbaltischen Region ein synchrones Phänomen der Mode, das in Gotland in der Zeit 50 — 150 n. Chr. weit verbreitet war. Wahrscheinlich wurden sie wegen der starken Verbindungen zu Gotland von den Balten übernommen (Blumbergs, 1982, S. 99, 101, 103, 105—109; auch siehe V. Žulkus, 1995). In Gotland war die Mode der mit Buckelchen dekorierten Tracht relativ kurzlebig. Dagegen begann sie sich in vielen Regionen der Balten erst recht ab der späten römischen Kaiserzeit auszubreiten. Während der Völkerwanderungszeit bewegte sich die Tradition der metallenen Trachtverzierung in nord-nor-

döstlicher Richtung ins «Hinterland» des Baltikums und bestand in den Gebieten des heutigen Lettlands bis zum Mittelalter (Zarina, 1999). Es scheint, dass die Einwohner der litauischen Küste während der späten römischen Kaiserzeit begannen, mehr Elemente einheimischer Erfindung zu verwenden wie die rosettenförmigen Buckelchen und die geperlten Drähte. Diese neuen Formen können nicht direkt auf den in der frühen römischen Kaiserzeit entstandenen Stil zurückgeführt werden, sondern zählen zu einer Serie anderer wohl bekannter, von Balten getragener Typen von Schmuck. Diese Verzierungen wurden in der heimischen Filigrantechnik der späten römischen Kaiserzeit hergestellt. Die Filigrantechnik belegt die «archaische» Produktionsweise des baltischen Schmucks verglichen mit den Veränderungen des Handwerks im germanischen Barbaricum, das in der B_2/C_1-Phase stattfand, als germanische Goldschmiede begannen, Silber oder vergoldete Silberfolien zu pressen (von Carnap-Bornheim, 2001, S. 272—274).

Die Årslev-Gräberfunde (Fünen, Dänemark) des 4. Jh. n. Chr. belegen, wie weit nördlich vom schwarzen Meer die luxuriösen an Kleidung genähten Zierate sarmatischen Stils «wandern» konnten (Storgaard, 2003, S. 121—123, Abb. 16). Diese Trachtzierate aus Gold mit gefassten Almadinen und Karneolen haben nur sehr wenig mit den einfach geformten auf dem Baitai-Gräberfeld gefundenen Rosetten mit Buckelcheneinlage gemeinsam.

Direktere stilistische Beziehungen können wir unter den Trachtzieraten der ostgermanischen Gräber «späten gotischen Ursprungs» aus den Gräbern der Völkerwanderungszeit finden. Die berühmten Frauen- und Kindergräber in Untersiebenbrunn, Niederösterreich, die auf die erste Hälfte des 5. Jh. datiert werden, enthielten «mehrere kleine Goldflitter, also dünne Blechstreifen zum Annähen auf das Kleid» (Mączyńska, 1998, S. 97—98). Nach M. Mączyńska gehörten diese Gräber Personen aus der Fürstenschicht ostgermanischen Ursprungs, die Untergebene des Attila-Reichs waren. Nomadische Formen von Trachtzieraten mit Einflüssen von der Nordküste des Schwarzen Meeres oder sogar noch östlicher davon waren im mittleren Donauraum am Ende des 4. bis zur ersten Hälfte des 5. Jh. n. Chr. nicht selten. Ostgermanische Einflüsse mit nomadischem Stil erreichten sogar die Gebiete von Gallien. Ein Frauengrab der D-Phase aus dem Airan-Grabfeld in Gallien enthielt ein sehr ähnliches Set an rosettenförmigen, mehreckigen und länglichen Trachtzieraten wie aus dem Untersiebenbrunn-Grab. Die Tracht aus dem reichen Frau von Hochfelden-Grab im Elsass (um 400 n. Chr) war mit Goldtrachtzierat des gleichen Stils verziert (Kazanski, 1997, S. 289, Fig. 7:7—14; 8:8—10; Schmauder, 2005, S. 42—43). Unter den germanischen Trachtzieraten waren die rosettenförmigen denen aus Baitai sehr ähnlich, abgesehen davon, dass sie nicht in der Filigrantechnik hergestellt wurden, sondern aus gepressten Folien.

Trotzdem sind die Daten aus der frühen Völkerwanderungszeit aus zu später Zeit für einen Vergleich mit den Baitai-Funden oder ähnlichen aus der ostbaltischen Region bekannten. Das Baitai-Grab 31 enthielt eine silberne, gepresste Rosette als vermutlicher Teil einer Fibel der Almgren-Typen 216, 217, 234, 235 sowie einen Silberspiralring mit verbreiterten und abgeflachten Enden als eine vereinfachte Form des Schlangenkopffingerrings von Beckmanns Typ 40 (für eine genauere Detailanalyse zu diesen Funden siehe Banytė-Rowell im Druck 2007). Nach der chronologischen Analyse dieser Typen und anderer Funde zählen die Trachtzierate aus dem Baitai-Gräberfeld zur Phase C_2, in Übergang zur C_3—Phase (Banytė-Rowell, 2001). Wenn wir nach germanischen Beispielen für Parallelen zu den Baitai-Funden suchen, sollten wir unsere Aufmerksamkeit auf die Grabfunde aus Dienstedt bei Remda (Grossh. Sachsen-Weimar) wenden, welche zu der thüringischen Körpergräbergruppe der spätrömischen Kaiserzeit gehören. Dort gab es ein mit einem Eimer und einer Schüssel aus Bronze und mehreren meist silbernen Schmuckstücken ausgestattetes Frauengrab: ein Halsring aus Silberdraht mit Haken-und Ösenverschluss, zwei Scheibenfibeln mit Tutulus aus vergoldetem Silber, eine Armbrustfibel, verschiedene Perlen und Anhänger aus Bernstein, Glas und Silber, zwei Armringe aus Silberdraht, eine Knochen- und eine Silbernadel, ein Messer mit Knochengriff und vergoldeter Silberblechplatte an dessen Abschluss, mehrere kleine Silberplättchen und geriefelte Drahtringe (Eichhorn, 1908). Unter diesen kleinen Zieraten waren auch zwei kreisrunde, platte, sehr dünne Silberscheiben und eine dritte Silberscheibe in Form eines achtstrahligen Sterns mit abgerundeten Rändern (Eichhorn, 1908, Fig. 16—18), die den Silberplättchen für Leder (-schuhe?) aus dem Baitai-Grab 31 ähnlich waren (Abb. 5:10). Nach S. Thomas sollte die Scheibenfibel von Dienstedt auf das Ende des 3. Jh. datiert werden. (Thomas, 1967, S. 35—36).

Es gibt eine stilistische Verbindung zwischen

den in Litauen gefundenen Formen westbaltischen Schmucks der späten römischen Kaiserzeit, die mit blauen Glassaugen dekoriert waren (Nadeln der Beckmann-Gruppe O, Halsringe mit Kapselverschluss), und dem von im Süden des Ostseeraums lebenden ostgermanischen Stämmen hergestellten Schmuck, auf die C. von Carnap-Bornheim hinwies (von Carnap-Bornheim, 2000). In diesen Zusammenhang gehören auch die stilistischen Ähnlichkeiten zwischen den Verzierungen in den Frauengräbern von Diensted und Baitai 8,18; auch die kreisrunde Silberscheibe aus dem Baitai-Grab 31 (Abb. 5:10) kann mit den germanischen Analogien verglichen werden.

Zusammenfassung

Die Funde aus den Gräbern des westlitauischen Gräberfeldes von Baitai enthielten eine Bandbreite an Zieraten, die zur Kleidungsverzierung in der späten römischen Kaiserzeit genutzt wurden. Viele dieser Formen (Buckelchen der Blumbergs-Gruppen I A, III, Hülsen und Spiralröhrchen der Gruppe IV) begannen sich in der frühen römischen Kaiserzeit über verschiedene ostbaltische Gebiete zu verteilen. Dieser Prozess wurde wahrscheinlich durch den Einfluss aus Gotland angeregt. Diese Mode wurde nicht nur von den Bewohnern der Dollkeim-Kovrovo-Kultur, der litauischen Küstenregion und dem oberen Nemunas-Gebiet übernommen, sondern in gewisserweise auch in den Gebieten weiter im baltischen «Hinterland». Die Ähnlichkeit der Muster für metallene Trachtzierate im Ostbaltikum wird von den im Kulturkreis der Tarand-Gräber in Nordestland gefundenen Buckelchen bezeugt. Kleine Rosetten mit Buckelchen- oder Glaseinlage, die auf dem Baitai-Gräberfeldern gefunden wurden, sehen wie die Funde aus den Gräbern der späten römischen Kaiserzeit in Estland aus. Diese Rosetten und geperlten Drähte waren eine eigene lokale Entwicklung an der westlitauischen Küste, nachdem die Buckelchen in Gotland bereits ein Jahrhundert früher aus der Mode gekommen waren.

Die «nomadische» Andersartigkeit der Trachtzierate aus dem Baitai-Gräberfeld könnte an eine sehr entfernte Ähnlichkeit mit Vorkommen sarmatischer Kleidungsverzierung erinnern, aber echte sarmatischen Gegenstände dieser Funktion wurden bisher nie im Ostbaltikum gefunden, wie es dagegen in nordgermanischen Gebieten für die späte römische Kaiserzeit der Fall war. Man kann die Hypothese aufstellen, dass sarmatische ästhetische Einflüsse irgendwie über die weiten Gebiete zwischen Dnepr und unterer und mittlerer Donau, die in der späten römischen Kaiserzeit eine Zone des Austausches zwischen ostgermanischer, dakischer und sarmatischer Kultur waren, das Ostbaltikum erreichten.

Das Aussehen der Menschen, die an der westlitauischen Küste metallene Trachtzierate trugen, wie wir es aus Baitai kennen, dürfte weder die zeitweiligen sarmatischen, noch die germanischen Nachbarn überrascht haben. Dafür waren sie im europäischen Barbaricum nicht außergewöhnlich genug. Der vermischte Stil der Trachten im Land der Aestiorum gentes passte auch zu den Stereotypen der klassischen Schriftsteller, die für gewöhnlich sehr unpräzise waren, wenn sie über das Grenzgebiet zwischen Germanien und Sarmatien schrieben.

(Übersetzung von Monika Stobbe)

Literatur

Волкайте-Куликаускене Р. К. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. // Древняя одежда народов Восточной Европы. — М., 1986. — С. 146—171.

Покровский Ф. В. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы // Труды Девятого Археологического съезда в Вильне 1893. — М., 1897. — С. 138—196, табл. IX—XIII.

Рикман Э. А. Одежда народов Восточной Европы в раннем железном веке. Скифы, сарматы и гетодаки (середина I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.) // Древняя одежда народов Восточной Европы. — М., 1986. — С. 7—29.

Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III—IV вв. нашей эры). The cemetery of Droozhnoye (3rd—4 th centuries) // Monumenta Studia Gothica II. — Lublin, 2002.

Banytė R. Baitų kapinyno dviejų kapų chronologijos klausimu // Archaeologia Lituana. Bd.1. — Vilnius, 1999. — S. 63—71.

Banytė-Rowell R. Characteristics of the end of the Roman Period according to material from Baitai grave site (near Klaipėda) // Archaeologia Baltica. Bd. 4. — Vilnius, 2000. — S. 27—44.

Banytė-Rowell R. Vakarų Lietuvos kapinynų su akmenų vainikais kultūrinė sritis IIIa.—Va. Pradžioje (The West Lithuanian Stone-circle graves Cultural Area between the Third and the Early Fifth Centuries). Unpublished doctoral dissertation, Vilnius University, 2001.

Banytė-Rowell R. (2007 im Druck). Vėlyvojo romėniškojo laikotarpio žiedas iš Baitų kapinyno. Pavidalo kilmė Baltijos regiono kultūrinių ryšių plotmėje // Lietuvos archeologija. Bd. 30. — Vilnius.

Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A. From Aestii to Esti. Connections between West Lithuanian Group and the area of distribution of Tarand-graves // Culture and Material Culture. Papers from the first theoretical seminar of the Baltic archaeologists (BASE) held at the University of Tartu, Estonia, October 17th—19th, 2003 (=Interarchaeologia, 1). —Tartu—Riga—Vilnius, 2005. — S. 105—120.

Beckmann B. Die baltischen Metallnadeln der römischen Kaiserzeit // Saalburg Jahrbuch. Bd. XXVI. — Berlin, 1969. — S. 107—119.

Boroffka N., Prishchepa B. A. A bronze hoard from Uzlissia, Ukraine // Dacia. N.S. Bd. XLVI—XLVII. — Bucharest, 2002—2003. — S. 173—184.

Bezzenberger A. Das Gräberfeld bei Schernen // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia. Heft 17. — Königsberg, 1892. — S. 141—168.

Bezzenberger A. Gräberfeld bei Baiten, Kr. Memel // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia. Heft 21. — Königsberg, 1900. — S. 133—135, Tafel XVI:3.

Bitner-Wróblewska A., Iwanicki P. Cmentarzysko w Podliszewie, woj. Podlaskie. Między kulturą bogaczewską a sudowską // Varia Barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina. Bd. I. — Warszawa—Lublin, 2002. — S. 105—184.

Blumbergs Z. Bronzebuckelchen als Trachtzier. Zu den Kontakten Gotlands mit dem Kontinent in der Älteren Römischen Eisenzeit (Theses and papers in northeuropean archeology, 12). — Stockholm, 1982.

von Carnap-Bornheim C. Einige jüngerkaiserzeitliche Beispiele überregionaler Trachtbeziehungen zwischen dem baltischen und germanischen Kulturbereich // Archaeologia Baltica, Vol. 4. — Vilnius, 2000. — S. 45—61.

von Carnap-Bornheim C. The Social Position of the Germanic Goldsmith A. D. 0—500 // Roman Gold and the Development of the Early Germanic Kingdoms. KVHAA Konferenser 51. — Stockholm, 2001. — S. 263—278.

Eichhorn G. Der Grabfund zu Dienstedt bei Remda (Grossh. Sachsen-Weimar.) // Zeitschrift für Ethnologie. Vierzigster Jahrgang. — Berlin, 1908. — S. 907—914.

Engel C. Einführung in die vorgeschichtliche Kultur des Memellandes. — Königsberg, 1931.

Engel C. Aus ostpreussischer Vorzeit. — Königsberg, 1935.

Engel C., La Baume W. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande. — Königsberg, 1937.

Gaerte W. Urgeschichte Ostpreußens. — Königsberg, 1929.

Gronau W. Altpreussischer Kopfschmuck // Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg. Heft 22, 1939. — S. 45—46.

Grünewald M. Die Kleinfunde des Legionslagers von Carnuntum (mit Ausnahme der Gefäßkeramik) (Grabungen 1986—1974). — Wien, 1981.

Jovaiša E. Dauglaukio plokštinis kapinynas // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1990 ir 1991 metais. Bd. I. — Vilnius, 1992. — S. 95—99.

Jovaiša E. Dauglaukis // Lithuanian archeology: investigations and findings. — Vilnius, 1998. — S. 13—14.

Kaczynski M. Materiały z cmentarzyska kurhanowego badanego w 1934 r. W miejscowości Mieżany, pow. Święciany, na Wileńszczyźnie (LSRR) // Wiadomości Archeologiczne. Bd. XXIX, H. 2. — Warszawa, 1963. — S. 119—135.

Kačkutė R. Lietuvos moterų galvos dangos papuošalai I—IV amžiais // Baltų archeologija. Nr. 3(6), S. 16—19; Nr. 4(7), S. 14—24. — Vilnius, 1995.

Kazanski M. La Gaule et le Danube a l'époque des Grandes Migrations // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im Mittleren Donauraum. — Brno, 1997. — S. 285—219.

Kokowski A. Grupa masłomęcka. Z badań nad przemianami kultury gotów w młodszym okresie rzymskim. — Lublin, 1995.

Kovpanenko G. T. Die sarmatische «Priesterin» aus

der Sokolova Mogila // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine, Neumünster, 1991. — S. 221—226.

Mączyńska M. Die Völkerwanderung. Geschichte einer ruhelosen Epoche im 4. und 5. Jahrhundert. — Düsseldorf, Zürich, 1998.

Majewski E. Kurhany w Pakalniszkach w pow. Poniewieskim // Swiatowit. Bd. II. — Warszawa, 1900. — S. 92—103.

Michelbertas M. Rūdaičių II kapinynas // Lietuvos archeologiniai paminklai. Lietuvos pajūrio I—VII a. kapinynai. — Vilnius, 1968. — S. 56—73.

Michelbertas M. Senasis geležies amžius Lietuvoje. — Vilnius, 1986.

Michelbertas M. Pažarsčio pilkapiai // Istorija. H. 30. — Vilnius, 1989. — S. 3—23.

Michelbertas M. Pajuosčio pilkapynas. — Vilnius, 2004.

Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. — Marburg—Warszawa, 1996.

Nowakowski W. Die Nebenformen Almgren 133 und 137 aus heutigen Sicht // Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Bd.5, 1998. — S. 197—201.

Nowakowski W. Kontakte zwischen Sarmaten und Balten — wissenschftlicher Mythos oder historische Wahrheit? // Kontakt—Kooperation—Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhunderts nach Christus. — Neumünster, 2003. — S. 333—343

Sawicka L. Lithuanian spiral disks from the Polish perspective // Archaeologia Lituana. T. 7. — Vilnius, 2006. — S. 31—42.

Schmauder M. Im Brennpunkt des Geschehens: Germanische Völker an der Donau // Die Völkerwanderung. Europa zwischen Antike und Mittelalter, hrsgb. von M. Knaut und D. Quast. — Stuttgart, 2005.

Storgaard B. Cosmopolitan aristocrats // The spoils of victory. The North in the shadow of the Roman Empire. — Copenhagen, 2003.

Thomas S. Die germanischen Scheibenfibeln der römischen Kaiserzeit // Berliner Jahrbuch für vor- und Frühgeschichte, Bd. 7. — Berlin, 1967. — S. 1—188, Taf. I—X.

Tischler O. & Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. — Königsberg, 1902.

Volkaitė-Kulikauskienė R. Senovės lietuvių moterų galvos danga ir jos papuošalai // Iš lietuvių kultūros istorijos. Bd. 2. — Vilnius, 1959. — S. 30—54, 342—344.

Volkaitė-Kulikauskienė R. Senovės lietuvių drabužiai ir jų papuošalai (I—XVI a.). — Vilnius, 1997.

Waetzold D. Zur Tracht der Bewohner des Memelgebietes in der Eisenzeit // Alt-Preussen, Jahrg. 3, H. 4, 1939. — S. 116—120.

Zarina A. Apģērbs Latvijā 7.—17. gs. — Rīga, 1999.

Žulkus V. Vakarų baltai gotų-gepidų migracijoje (I—IV a.) // Lietuvininkų kraštas. — Vilnius, 1995. — S. 65—107.

R. Banyte-Rowell

Dress-ornamentation with metal decorative elements in the Western Lithuanian cemetery at Baitai (Roman Iron Age) in the «Germanic» and «Sarmatian» context

Summary

The author of the present article reviews details of metal ornamentation for clothing found in the Western Lithuanian cemetery at Baitai (known in Prussian archaeology as *Baiten*) (see Fig.1). Studs of Z. Blumbergs Group III D, which were main decorative elements on hoods from Šernai, Kurmaičiai and Dauglaukis cemeteries, are known from Baitai Graves 2, 18, 24 (Fig. 1, Fig. 3:1,2). In Baitai Grave 24 other details of dress ornamentation (flat spirals-pendants, wires-rods, small cilinders, small spirals, circular decoration-details) were scattered among the studs in the same area of the grave pit (Fig.1, 2, 3). We can suggest that these details decorated clothing of a greater size than a hood; it may have decorated a large veil. The studs from Baitai Grave 18 could be interpreted differently as those of a textile headband or as the remains of ornamentation from the front hem of a headdress. The pattern of this ornament was in the same style that of the hood in Šernai (formerly Schernen) Grave 10. In all cases of Baitai findings the studs were accompanied by flat spiral-pendants which were single or dubious finds (Fig. 1, 3:3).

Cylindrical spirals (Blumbergs Group IV B) were found in Baitai also; they are made of bronze or silver (Fig. 4:9). From the stylistic point of view the bronze and silver wires-rods found in Baitai fit Blumbergs Group IV B as a variation of longer and slender small spirals. Technically these wire-rods are not spirals, but «sticks» of two plaited wires or wires decorated with hacks. Probably the wire-rods were sewn into the textile. Finds from Baitai Grave 31 provide us with an example of a combination of two short wires (see Fig. 4:5). This ornamentic combination had the same aesthetic and probably functional task as four silver plate-bands of the same length (see Fig. 4:5 below). Two bronze plate-rods from Baitai Grave 24 (see Fig. 3:5, 4:6) also can be attributed to the latter group of decorations. Small cylinders made of silver folia found in Baitai Graves 2,24 (Fig. 3:7, 4:8, 9) are similar to bronze ones from Blumbergs Group IVA.

There was a great number of silver convex studs found in Baitai Grave 31, which also belonged to dress ornamentation (Fig. 5:1b). Exceptionally decorative elements of cloth-ornamentations comprise small «rosettes». A few of these «rosette» studs had an inlay of glass and many others had bronze or silver «eyes» (Fig. 1, 3:4, 5:2—6). The same «rosette» style is represented by several similar items from Baitai (Fig. 5:7—9). These details contained glass-eye inlays similar to various types of local Eastern Baltic jewelry from phases C_{1b}—C_3. The various dress ornamentation details from Baitai Grave 31 (Fig. 4:4, 5, 9, Fig. 5:1, 6, 10) should be attributed to the C_2 Phase.

As details of headdress studs from Blumbergs Group III were found in the graves of Dollkeim-Kovrovo culture dated to the early phase of the Early Roman Period. Studs and small cylinders made of folia also were recorded in Bogaczewo culture sites. This fashion was adopted not only in the Lithuanian coastland and Upper Nemunas area, but to some degree in areas deeper in Baltic Hinterland. A close look at the archaeological data from burial sites in what is now Lithuania provided a few examples of the use of studs and cylinders for dress ornamentation by the B2 period. In Gotland the fashion of decorating clothing with studs was relatively short-lived (during the period AD 50—150). Unlike in many regions of Balts and Baltic Finns it continued to flourish even more from the Late Roman Period. So called Tarand-graves sites in North-Eastern Estonia provides us with further analogies for the small details discussed here.

Sarmatian women wore diadems with a padding of textile or leather which were combined with a veil-wrap. A reconstruction of the possible way the head-

band found in the Kurmaičiai cemetery may have been worn reflects the same style. Of course there is no direct connection between Sarmatian diadems and the headdress of Baltic women in the first centuries AD, nevertheless we can see some stylistic similarities. During the Late Roman Period the Sarmatian and Germanic features of clothing influenced one another strongly in the northern Black Sea coastal areas. There were several sequin studs found in Droozhnoje Cemetery (3th—4th cent. AD) which could be compared stylistically with the «rosettes» found in Baitai (Fig. 5:2—6), despite typological differences.

It is interesting that we can detect some stylistic relationship between the details of dress ornamentation found in Baitai and those from Migration-period graves of «late Gothic origin» known in various parts of Europe. Contemporary analogies for the silver plates from Baitai Grave 31 (Fig. 5:10) can be found in the ones from the Thuringian cemetery at Dienstedt, which dates from the Late Roman Period.

Сведения об авторе

Rasa Banytė-Rowell, Dr. — Lietuvos istorijos institutas=Institut für Geschichte Litauens, Kražių g. 5, LT-01108, Vilnius, Lietuva/Litauen. rrowell@takas.lt
Tel. (+370 5 2338477)

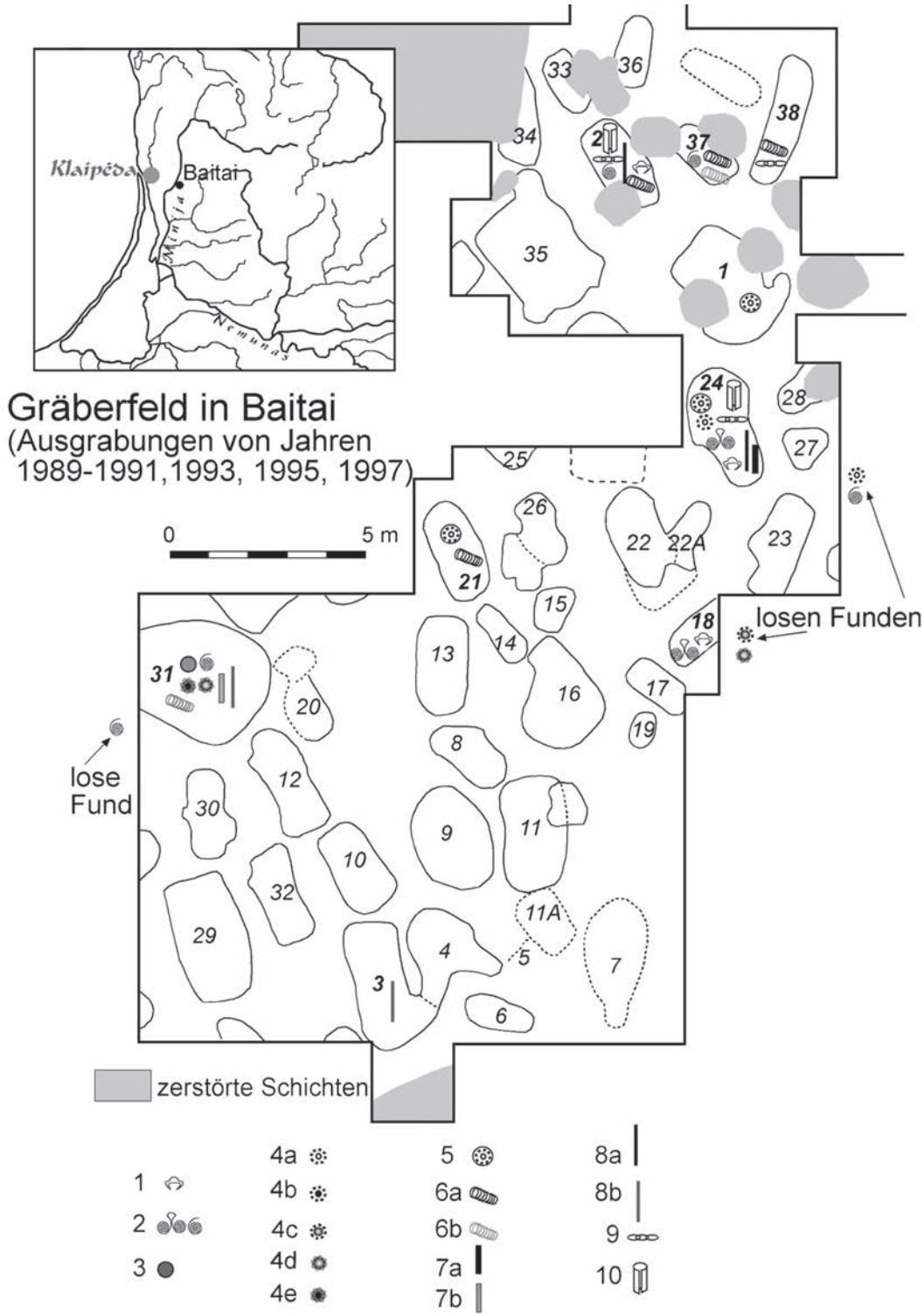


Abb. 1. **Verteilung von verschiedenen Typen von Trachtzieraten in den Gräbern des Baitai-Gräberfeldes:**

1 — Bronzebuckelchen von Blumbergs-Gruppe III; 2 — zweigliedrige und eingliedrige bronzene Brillenspiralanhänger; 3 — silberne [oder aus Weissmetallegierung gemachte] Buckelchen ähnliche Blumbergs-Gruppe I A; 4 — rosettenförmige Buckelchen: a) bronzene mit bronzener Buckelcheneinlage, b) bronzene mit Glas-Einlage, c) bronzene mit silberner Buckelcheneinlage, d) silberne mit silberner Buckelcheneinlage, e) silberne mit Glas-Enlage in der Mitte; 5 — rosettenförmige Zierate für Tracht oder Fragmente von anderem Schmuck; 6 — Spiralchen als vermutete Trachtzierate (Blumbergs-Gruppe IV B): a) bronzene, b) silberne; 7 — «Stäbchen» aus zwei Drähten oder «Stäbchen»-Plättchen: a) bronzene, b) silberne; 8 — geflochtene oder geperlte Drähte: a) bronzene, b) silberne; 9 — Fragmente von Kettchen aus bronzenen Gliedern; 10 — silberne Hülsen (Blumbergs-Gruppe IV A)

Abb. 2. **Plan der Funde in der Grabgrube des Baitai-Grabes 24:**

Die Nummerierung der Symbole stimmt mit
der Nummerierung der Fund-Typen in der Zeichnung überein

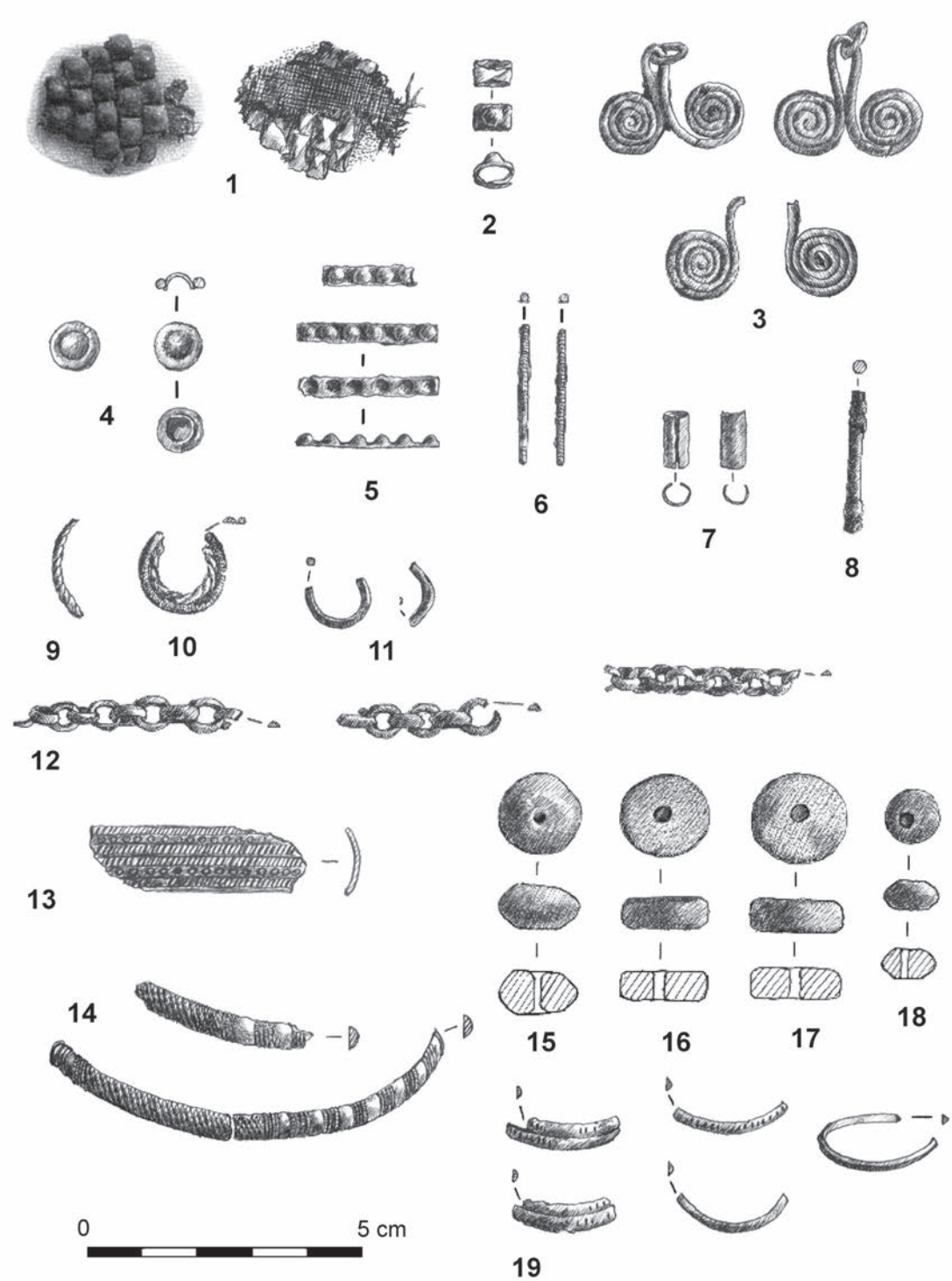


Abb. 3. **Funde aus dem Baitai-Gräberfeld, Grab 24:**

1 — beide Seiten der größten Fragmente von Gewebe mit Reihen von spitzlaschigen Buckelchen (Blumbergs-Gruppe III) besetzt [verziert]; 2 — ein bronzenes Buckelchen (Blumbergs-Gruppe III); 3 — bronzene Brillenspiralanhänger: 2 Stück und 2 Fragmente; 4 — bronzene rosettenförmige Buckelchen (insgesamt 12 Stück); 5 — bronzene «Stäbchen»-Plättchen (2 Stück); 6 — bronzene geperlte Drähte (insgesamt 7 Stück und Fragmenten); 7 — silberne Hülse (insgesamt 4 Stück); 8 — unbestimmter bronzener Draht; 9 — unbestimmter gebogener bronzener Draht; 10 — Fragmente von rosettenförmigem Zierat; 11 — 2 Fragmente von bronzenen Gliedern; 12 — Fragmente von bronzenen Ketten (alle Fragmente umfassen insgesamt die Länge von 52 cm); 13, 14 — Fragmente von zwei bronzenen Armringen; 15 — 18 — Bernsteinperlen; 19 — Fragmente von Fingerring?

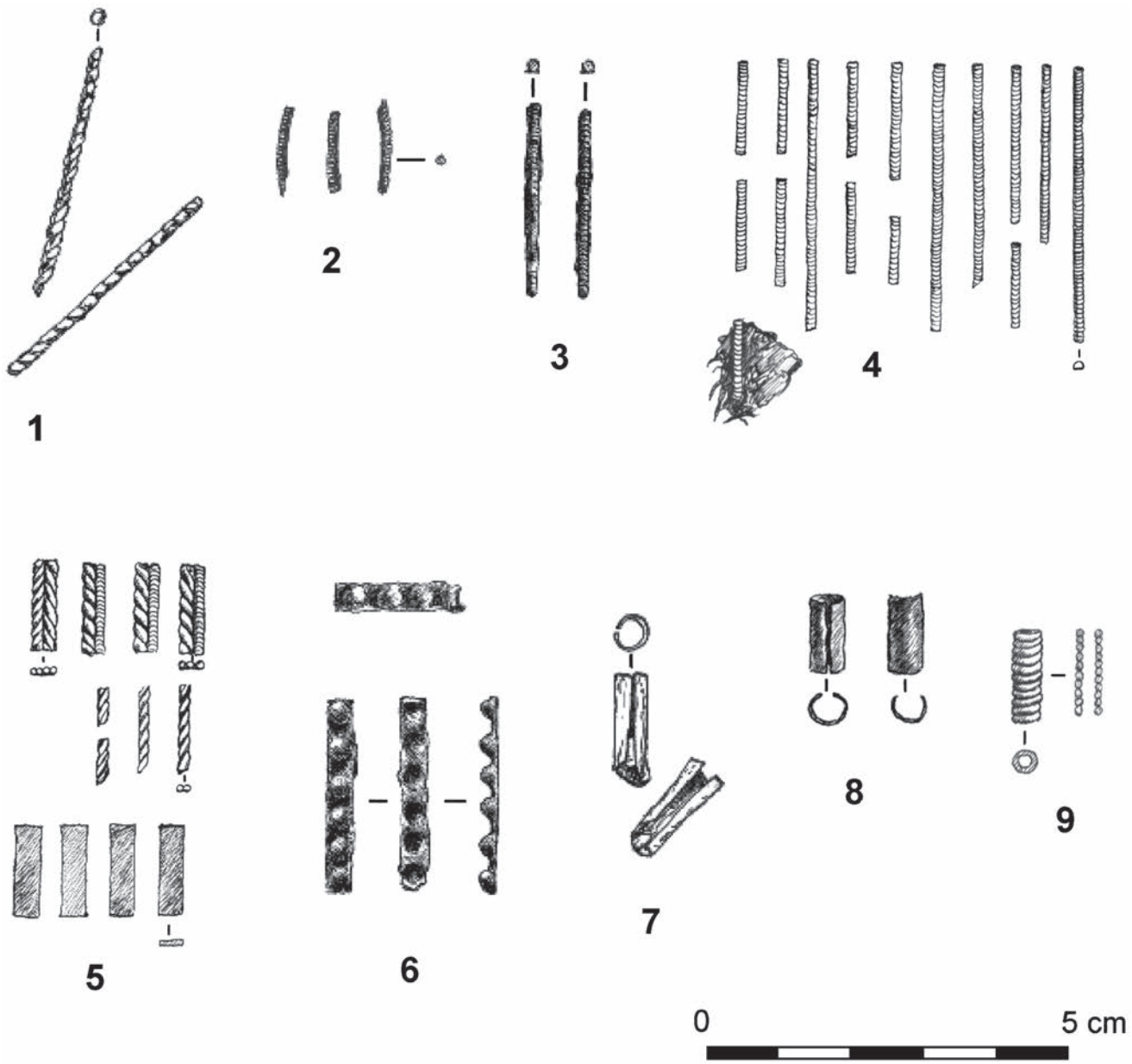


Abb. 4. **Drähte, längliche Plättchen, Hülsen, Spiralen als Zierate aus dem Baitai-Gräberfeld:**

1—4 geflochtene und geperlte Drähte aus den Gräben 1, 3, 24, 31 (1, 3 — bronzene, 2, 4 — silberne);
5 — silberne «Stäbchen» aus zwei Drähten und längliche Plättchen aus Grab 31;
6 — bronzene «Stäbchen»-Plättchen aus Grab 24; 7—8 — silberne Hülsen (Blumbergs-Gruppe IV A)
aus den Gräben 2,24 (7 — etwa 8 defragmentierte Stücke, 8 — insgesamt 4 Stücke);
9 — silberne Spiralchen (Blumbergs-Gruppe IV B)

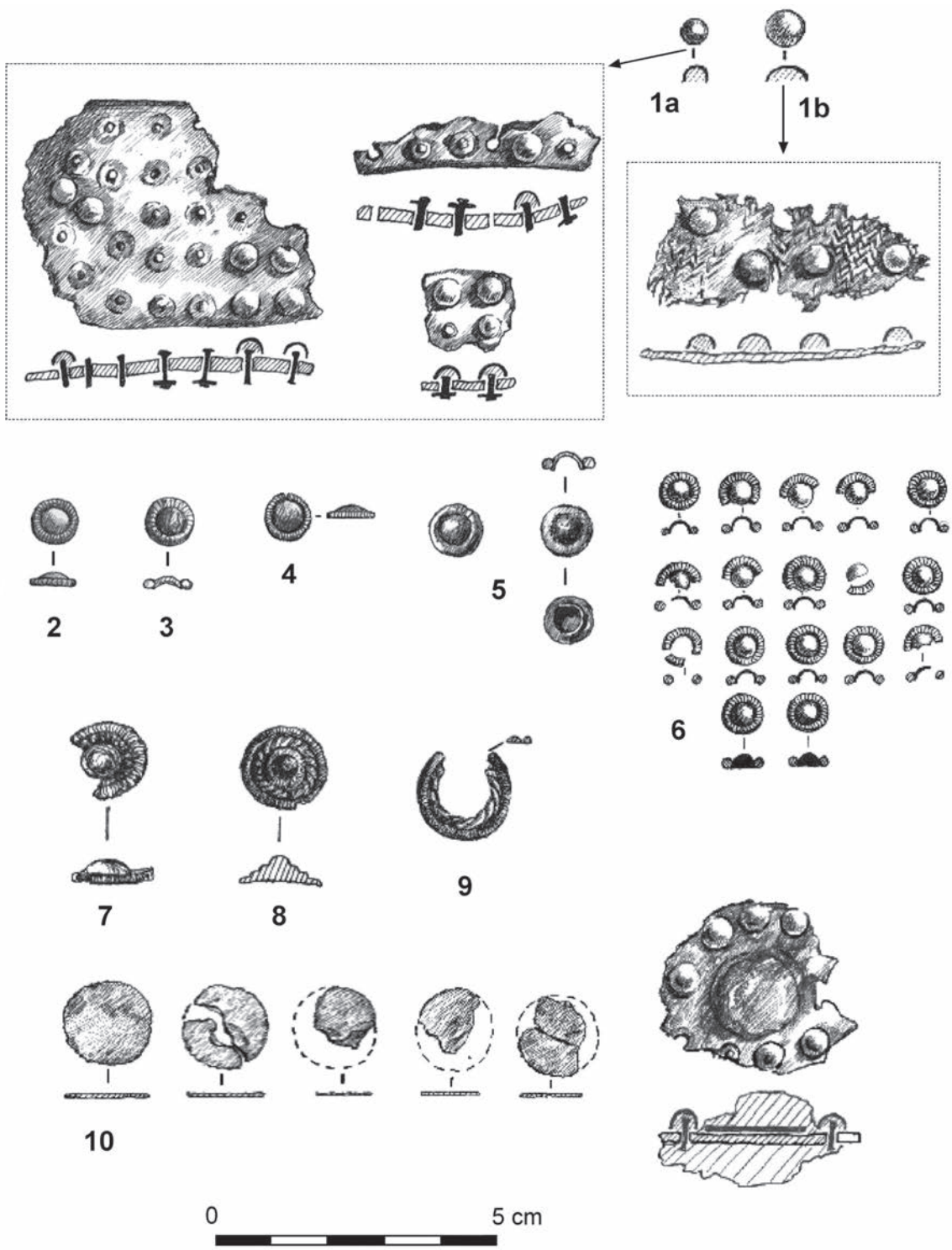


Abb. 5. **Verschiedene runde Trachtzierate aus dem Baitai-Gräberfeld:**

1 left — Lederreste verziert mit Nieten mit silbernen Köpfen (Grab 31);
1 rechts — Textilreste verziert mit Buckelchen ähnlich wie Blumbergs-Gruppe I A;
2—6 — rosettenförmige Buckelchen (2, 3 — bronzene, lose Funde; 4 — bronzene mit silberner Buckelcheneinlage Auge, ein loser Fund; 5 — bronzene vom Grab 24; 6 — 16 oder 17 silberne Stücke, von denen zwei blaue Glaseinlagen haben aus Grab 31); 7—10 — vermutete rosettenförmige Trachtzierate oder Fragmente von anderem Schmuck aus den Gräben 1, 21, 24 (7 — bronzene mit blauer Glaseinlage ; 8—9 bronzene); 10 — runde silberne Plättchen als Zierate vermutlich für Schuhe aus Grab 31

Радюш О. А., Скворцов К. Н.

Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры

> Но никто не осмеливается, наперекор обычаю, носить оружие, пока не будет признан общиной созревшим для этого. Тогда тут же в народном собрании кто-нибудь из старейшин, или отец, или родичи вручают юноше щит и фрамею: это их тога...
>
> *Тацит К.,*
> *О происхождении германцев*
> *и о местоположении Германии*

В современной археологии, изучающей древности римского времени на территории Калининградской области, давно назрела необходимость подробной систематизации и каталогизации различных категорий вещей. Как известно, на момент прекращения своей работы Музей «Пруссия», располагавшийся в Королевском замке г. Кёнигсберга, насчитывал около 350 000 экспонатов, значительную часть из которых составляли археологические коллекции. В последние месяцы войны и в последующие годы погибли или пропали почти 90 % его фондов. Повторное возвращение древностей началось с обращения к архивам исследователей Пруссии Герберта Янкуна, Мартина Яна, сохранившихся в Варшаве и Стокгольме (Jaskanis, 1977; Raddatz, 1992/1993; Nowakowski, 1996). В 1992 г. в Музее до и ранней истории в замке Шарлотенбург (Берлин) открылись для научной работы сохранившиеся архивы и фонды Музея «Пруссия», включающие порядка 30 000 вещей. В 2000 г. в форте № 3, на окраине г. Калининграда, были обнаружены и возвращены в музейное хранение около 5000 находок (Walujew, Skworzow, Kulakow, 2003). На рубеже веков открывается доступ к богатейшему архиву Рудольфа Гренца, немецкого историка, в 1950-е гг. обрабатывавшего материалы Карла Энгеля. Кроме того, с начала 1990-х гг. набирают темпы современные исследования могильников: так, продолжились исследования на ранее известных и раскопанных большими площадями некрополях Lauth/Большое Исаково, Dollkeim/Коврово, Eisliethen/Геройское-5, Gross Otenhagen/Березовка, Hunenberg/Гора Великанов; исследовались и новые памятники — Jaugehnen/Алейка-3, Шоссейное. Несмотря на существенный прогресс и увеличение источниковедческой базы, количество введенных в научный оборот находок крайне мало, с учетом того что в предвоенное время были раскопаны десятки могильников и тысячи погребений. Относительно полно опубликованы только могильник Dollkeim/Коврово и несколько десятков погребений из Lauth/Большое Исаково (Кулаков, 2004, 2007; Skvorcov, 2007). Это вызвано рядом объективных причин, но в настоящее время, как нам представляется, появилась реальная возможность восполнить данный пробел и восстановить хотя бы частично сведения о довоенных работах.

Щит, являясь важным элементом воинской культуры, на стадии военной демократии, наряду с другими предметами вооружения, отличал полноправного члена социума — свободного, обладающего оружием человека. В данной публикации мы обратились к этой — одной из наиболее распространенных — категории находок в воинских погребениях самбийско-натангийской культуры.

В погребальном обряде могильников эпохи римского влияния на Самбии уже в раннеримское время складывается горизонт погребений с оружием. Он является одним из характеризующих признаков для нового этнокультурного образования, существовавшего на рассматриваемой территории в I—V вв. н. э. В большинстве случаев для изучения доступны лишь металлические детали — умбон, рукоять и в редких случаях оковки. Важное значение имеют хронологические признаки деталей щитов, которые иногда становятся единственным хроноиндикатором для по-

гребальных комплексов (как показывает практика, топоры и копья менее выразительны в этом качестве, поскольку их формы более унифицированы и бытуют более длительное время). Для военной археологии и оружиеведения интерес к щитам европейского Барбарикума обусловлен тем, что в данном регионе именно щит являлся основным или единственным оборонительным вооружением. Изменения в конструкции деталей щитов, вместе с изменением состава наступательного вооружения, позволяют предполагать смену форм и способов ведения военных действий в различные хронологические периоды.

К сожалению, до последнего десятилетия изучение вооружения и воинского дела древнего населения Самбии и Натангии на современном уровне практически не велось, несмотря на очевидное обилие материала для исследования. В то же время активно ведутся исследования воинской культуры соседних культурных общностей — оксывской (Wołagiewiczowie, 1963), пшеворской — на разных ее этапах от позднего Латена до переселения народов (Godłowski, 1981; Biborski, 1978; Kontny, 2002a, 2002b, 2003; Luczkiewicz, 2000, 2002, 2004, 2006), древнего населения современной Литвы (Казакявичус, 1988).

Первая обобщающая монография по германскому вооружению, в которой были учтены многие известные на то время находки из региона юго-восточной Балтики, была опубликована в 1916 г. Мартином Яном (Jahn, 1916). Типологическая схема развития форм умбонов и рукоятей раннеримского времени до сих пор остается актуальной и продолжает иногда использоваться исследователями наряду с более современными разработками. Единственной работой, посвященной непосредственно находкам щитов в Восточной Пруссии, остается небольшая статья В. Ла Бома 1941 г., в которой автор сделал попытку реконструкции форм щитов I—II вв., основанной на материалах 8 воинских погребений могильников Dollkeim, Eisliethen, Gross Otenhagen, Kirpihnen, Konschor, Mertinsdorf (La Baume, 1941).

Опубликованные Я. Ясканисом обобщенные данные по могильникам римского времени на территории бывшей Восточной Пруссии содержат важные данные по многим памятникам, выраженные чаще всего в процентном соотношении категорий находок относительно хронологических этапов, что несколько затрудняет работу, но позволяет их использовать в качестве вспомогательных сведений для оценки количества находок (Jaskanis, 1977). На момент создания свода погребальных памятников польскому исследователю не были доступны архивные материалы, и свою работу он основывал исключительно на довоенных публикациях.

В 1989 г. немецким исследователем Норбертом Цилингом была опубликована первая фундаментальная работа, посвященная щитам Барбарикума в римское время (Zieling, 1989). Она представляет собой наиболее полную сводку деталей щитов, охватывающую территорию от Северного моря до Черного. В каталог вошли почти 2500 находок, из которых на юго-восточную Прибалтику приходится только 9 мест (в основном из работы Мартина Яна), а на соседние Литву, Латвию, Эстонию — всего 2. Работа Н. Цилинга, несмотря на некоторую спорность в ряде хронологических оценок и точности типологических конструкций, обусловленные огромным объемом материала, тем не менее остается одной из базовых при изучении оборонительного вооружения римского периода.

Большой интерес для изучаемой темы представляет объемная статья Клауса Раддатца, посвященная находкам вооружения из жертвенного места Волька Зее (Wolka-See) в Восточной Пруссии, в которой были введены в научный оборот материалы двух десятков воинских комплексов с территории Самбии. Известный немецкий археолог использовал в работе большое количество рисунков из архивов Мартина Яна и Герберта Янкуна (Raddatz, 1993). В монографии Войцеха Новаковского, посвященной периоду римского влияния на Самбии, среди хроноиндикаторов использовались в том числе находки деталей щитов (Nowakowski, 1996). В качестве одного из источников польским ученым были привлечены ранее не опубликованные архивы Мартина Яна, хранившиеся в Варшавском университете, что позволило восстановить комплектность многих погребений могильников на Самбии, ранее опубликованных лишь частично.

Фундаментальное исследование щитов в балтийском регионе было проведено датским археологом Йоргеном Илькьером в рамках проекта по исследованию находок с жертвенного места позднеримского времени в Иллерупе (Illkær, 2001). На основании богатой выборки инвентаря из жертвенников и находок из погребений в Скандинавии и западной Балтике была разрабо-

тана подробная типологическая и хронологическая схемы развития умбонов, рукоятей и оковок в северной Европе. Схожую работу, но в более узких региональных рамках, проделали Я. Бемман и Г. Хане для воинских погребений в Норвегии (Bemmann, Hahne, 1995).

Регион юго-восточной Балтики в целом редко привлекался для работ советскими, а позднее российскими исследователями. В работах послевоенного периода тема оборонительного вооружения в юго-восточной Прибалтике нашла отражение в статье В. А. Уртана о находках в Латвии (Уртан, 1961) и монографии В. К. Казакявичуса, посвященной вооружению племен древней Литвы (Казакявичус, 1988). К сожалению, датировки, предложенные авторами для ряда находок, зачастую чрезмерно расплывчаты, в связи с чем их точность для оценки находок недостаточна. Находки из региона бывшей Восточной Пруссии упоминались в них в качестве аналогий, но привлекались только единичные из них, известные по довоенным немецким и послевоенным польским публикациям. Поверхностное упоминание о местных находках имеется в статье С. Ю. Каргопольцева и И. А. Бажана, посвященной умбонам и топорам римского времени в Восточной Европе (Каргопольцев, Бажан, 1992).

В работах плодовитого советского и российского автора В. И. Кулакова были введены в оборот ряд находок умбонов и рукоятей, происходящих из раскопанных им нескольких десятков погребений римского времени на могильниках Dollkeim/Коврово, Hunenberg/Гора Великанов (Кулаков, 1994, 2004, 2007). К сожалению, в первой, и пока единственной, крупной монографической работе на русском языке, посвященной в том числе проблемам археологии периода римского влияния на Самбии, приведены только небольшие таблицы с грубыми рисунками основных типов вооружений, в том числе и умбонами (Кулаков, 2003). Какая-либо точная информация по комплексам, распространению типов находок и современному состоянию источниковедческой базы в ней отсутствует.

В рамках настоящей работы было каталогизировано большинство известных деталей щитов по публикациям, архивным данным, музейным хранениям, случайным находкам, а также раскопкам 1990—2007 гг. (полный каталог приведен в прил. 1). Для натурного изучения доступны только находки раскопок послевоенного времени В. И. Кулакова (Hunnenberg/Гора Великанов, Dollkeim/Коврово), К. Н. Скворцова (Lauth/Большое Исаково, Jaugehnen/Алейка-3, Gross Otenhagen/Березовка), Н. В. Зубарева (Eisliethen/Геройское-3), кроме того, в музеях Калининграда и Багратионовска хранятся несколько случайных находок, происходящих из различных районов области. Что касается огромного массива довоенных исследований, то лишь незначительная часть этих материалов была в свое время опубликована, сами артефакты в большинстве своем безвозвратно утрачены. В коллекции Музея «Пруссия» в Шарлотенбурге также находится ряд целых комплексов и отдельных умбонов; среди нескольких тысяч вещей, спасенных в форте № 3 на окраине Калининграда имеется как минимум один целый умбон и несколько в обломках. Но, как уже упоминалось ранее, информация о многих комплексах и находках восстанавливается на основе архивов Музея «Пруссия», М. Яна, Г. Янкуна, Р. Гренца[1]. Несмотря на схематичность рисунков полевой документации, они позволяют достаточно точно определить типы находок.

В данной работе для унификации использовалась типология Н. Цилинга (Zieling, 1989), датировки были скорректированы с уточнениями, сделанными для Балтийского региона Й. Илькьером (Illkær, 2001) (рис. 2). Распространение остатков щитов на территории современной Калининградской области показано на рис. 1. Всего нами были учтены 56 пунктов, где имеются свидетельства о более чем 160 находках умбонов, рукоятей и оковок щитов. Естественно, что реальное количество было гораздо большим, многие находки довоенного периода в виде случайных сборов из распахиваемых могильников были лишены связи с комплексами уже в момент их передачи в музейное хранение.

Картирование находок показывает, что большинство из них связано с основным массивом памятников, расположенным на эпонимном для культуры римского времени Самбийском полуострове. Плотность населения здесь уже в

[1] Авторы статьи выражают искреннюю благодарность директору объединенных музеев земли Шлезвиг-Гольштейн Клаусу фон Карнап-Борнхейму за возможность работы с материалами Янкун-архива и Гренц-архива в замке Готторф, а также Вильфриду Менгину, директору Музея до и ранней истории в Берлине (Шарлотенбург), предоставившему возможность обработать коллекции и архивы Музея «Пруссия», хранящиеся в его фондах. Без их любезной помощи написание данной работы было бы невозможно.

раннеримское время становится очень высокой (Jaskanis, 1977, s. 348, mapa II). Далее на юг и восток количество могильников в целом уменьшается, но следует отметить гораздо меньшую исследованность данной территории. В нижнем течении Немана известна группа могильников, большая часть которых выявлена на территории Литвы, близкая по погребальным обрядам и набору вооружения самбийско-натангийской. К этой группе, возможно, относится единственная на крайнем востоке области известная находка в Альтхоф-Рагнит (совр. г. Неман). На юго-западе области фиксируется группа могильников, связанная с контактной зоной вельбарской культуры на побережье Вислинского залива.

За годы исследования известнейшего могильника Dollkeim/Коврово на севере Самбийского полуострова немецкими и российскими учеными были изучены более 375 комплексов, от I в. н. э. до позднеязыческого периода. Из них к римскому времени отнесены 122 погребения, оружие находилось в 40; в том числе детали щитов представлены в 19 погребениях, четыре происходят из раскопок В. И. Кулакова 1992—2002 гг., еще три умбона найдены случайно, в том числе два из них известны в составе комплексов. Ряд датировок и типологических определений у автора публикации материалов Долькайма оказались весьма приблизительными или ошибочными (погребения 15, 253, 362). Статистические наблюдения, с учетом того что раскопана лишь часть могильника, хотя и значительная, конечно, не могут быть абсолютными, но тем не менее они достаточно показательны:

Раннеримский период, I—II вв. (погребения 1, 7, 15, 39);

Постмаркоманский период, конец II—III вв. (погребения 43, 46a, 46b, 49, 51a, 51b, 1к);

Период «Скифских» войн, конец III — третья четверть IV вв. (погребения 253);

Начало переселения народов, вторая половина IV—начало V вв. (погребение 259, 362);

Переселение народов, третья—четвертая четверть V в. (погребение 165).

Распределение погребений с оружием по хронологическим этапам показывает, что наибольший их процент относится к фазам C_1—C_2 и D_2—D_3. В раннеримское время (I—II вв.) из 30 погребений 10 сопровождались предметами вооружения, в том числе в пяти были детали щитов; позднеримское время — фазы C_1—D_1 (III—IV вв.) — представлено 39 комплексами, среди которых 17 отнесены к «воинским», из них в 11 были найдены фрагменты щитов; наиболее поздний из интересующих нас этапов существования могильника относится уже к раннему этапу эпохи Великого переселения народов — фазы D_2—D_3 (вторая—четвертая четверть V в.) — 46 погребений, с 14 воинскими, из которых только в одном был найден умбон.

Наиболее ранние находки относятся к архаичному типу умбона с низким куполом и высоким шпилем, отличающимся от бытовавших в предримское время, меньшими размерами шляпок заклепок, их расположением и количеством (рис. 3:3). Заметно, что наибольший процент воинских погребений связан с событиями после Маркоманских войн и эпохой «Готских» войн, в которых, как известно, принимали участие в том числе и выходцы с Балтийского побережья. Здесь следует отметить, что в слоях разрушения в Танаисе, которые в настоящее время датируются серединой 50-х гг. III в., найдены умбоны весьма характерных для пшеворской культуры и Самбийско-Натангийского региона типов Цилинг S-«Хорула», Цилинг D-«Конин», Цилинг R1 (Васильев, 2005). Наиболее распространенными типами на могильнике Dollkeim/Коврово являются умбоны типа Цилинг L-«Коржень» (рис. 4:1, 2) и S2-«Хорула». Наиболее поздние представлены разновидностями типа K1-«Малаешты» (рис. 4:21).

Один из случайно найденных в середине 1990-х гг. и ранее неопубликованных комплексов с могильника имел типичный для данной группы погребений набор: умбон типа Цилинг L-«Коржень» с рукоятью (рис. 11:1), небольшое копье ромбической формы с выраженным ребром жесткости (рис. 11:4), косу (рис. 11:12), массивный нож (рис. 11:11), оселок (рис. 11:9), две двучленные прогнутые подвязные фибулы типа A161/162 — железная и бронзовая (рис. 11:6, 7), пинцет и капоушка железные (рис. 11:2, 3), перстень бронзовый, сестерций Траяна(?) (рис. 11:8), сосуд-приставка типа Долькайм (рис. 11:10). Датировка погребения возможна в пределах фаз C_2—C_3.

На могильнике Hunenberg/Гора Великанов в 1985—1993 гг. изучался участок, датированный позднеримским временем — ранним этапом переселения народов. Всего исследовано более 80 комплексов, из них только в одном были за-

документированы остатки щита (Кулаков, 1994, с. 33, рис. 17:7, 9), кроме того, один умбон был найден случайно. Обе находки датируются ранним этапом переселения народов. Железный умбон, обнаруженный А. Тереховым, относится к типу Цилинг K1-«Малаешты/Компанийцы» (рис. 4:22). По скандинавским материалам Й. Илькьер датирует подобный вариант фазами C_2—C_3, но на памятниках черняховской культуры их датировка более поздняя, они встречаются вместе с двупластинчатыми фибулами с ромбической ножкой (Компанийцы, погребение 86 (Некрасова, 2006, с. 188, рис. 71:5), таким образом, они могли существовать и захватывая фазу D_1 (350—410 гг.).

На могильнике Lauth/Большое Исаково, находящемся на северо-востоке современного г. Калининграда, при первых раскопках К. Энгелем в 1929—1930 гг. были открыты два погребения с умбонами, датированные фазой C_2. Раскопками К. Н. Скворцова в 1998—2004 гг. были исследованы более 230 погребений, из них подавляющая часть относилась к римскому времени. «Воинских» среди них насчитывалось 58, в том числе 11 погребений с умбонами и рукоятями щитов (рис. 5). Все погребения, содержавшие остатки щитов, были совершены по обряду кремации, за исключением одного. К наиболее ранним на данном некрополе относится ингумация 64, сопровождаемая обильным инвентарем, включающим, помимо умбона типа Цилинг F-1, полную конскую сбрую, две железные шпоры типа Гинальский E, два копья, нож, втульчатый топор, оселок, пинцет, бронзовую фибулу типа Альмгрен 96/98, железную пряжку типа A96/98, скобель, пружинные ножницы. Датировать комплекс можно в пределах фазы B_{2b}—C_{1a} (рис. 8).

Большая часть остальных находок относится к фазам C_{1b} — C_3. Это погребения 65, 152, 155, 233 с умбонами типа Цилинг L (Zieling, S. 123, Taf. 14—3, S. 137—138, Taf. 16. 3—4). Погребение 88 — с умбоном типа Цилинг D2-«Конин», обычно датируется достаточно узко, в пределах фазы C_{1b}. Близкий по типу экземпляр был обнаружен в погребении 176, тип D2-«Конин» или, возможно, I 4. В погребении 26 находился умбон с выпуклым куполом — тип Цилинг O/P (Zieling, 1989, S. 135—138, Taf. 16, 1—1; Taf. 16.3—4). Погребение 28 содержало умбон типа Цилинг N (Zieling, 1989, S.131—134, Taf.15— 4).

Все умбоны на могильнике железные, цельнокованые, только в одном случае зафиксирована составная конструкция (в погребении 88); умбон был изготовлен из трех склепанных между собой частей — купола, цилиндрического тулова с полями и верхней части, очевидно, в древности имевшей шпиль (рис. 5:2). Схожая конструкция отмечена и на могильнике Меденау (случайная находка, рис. 4:11). В большинстве случаев на могильнике Лаут умбоны и рукояти щитов позднеримского периода несли следы повреждений (изломы, сильные вмятины, сквозные отверстия), тогда как в более ранний период подобные черты не отмечались. На известных нам находках из могильников Dollkeim/Коврово и Jaugehnen/Алейка-3 этого же периода такие следы также присутствуют.

В 2005—2007 гг. проводились масштабные охранные раскопки на могильнике Jaugehnen/Алейка-3, расположенном в 7 км к западу от Dollkeim/Коврово. Датировка могильника достаточно широкая — от II в. н. э. до XII в. н. э., причем могильник был значительно разграблен в Средние века. Из 470 исследованных погребений к римскому периоду отнесены более 400 комплексов. Несмотря на значительное количество могил, разрушенных при добыче цветного металла в Средние века, количество интересующих нас комплексов достаточно велико. Погребений с оружием обнаружено более 40, в том числе не менее 16 с остатками щитов (полностью реконструируются 6 умбонов, остальные представлены фрагментами умбонов и их рукоятей и оковками). Один из двух сохранившихся полностью относится к наиболее распространенному на Самбии варианту Цилинг K2/L-«Коржень», датируемому фазой C_2 римского времени (рис. 4:3). Погребение сопровождалось щитом, от которого сохранились умбон и рукоять, ритуально согнутыми наконечником копья и боевым ножом, двумя железными двучленными прогнутыми подвязными фибулами A162 и A167, одна из которых с серебряной кольцевой гарнитурой, железной шпорой и янтарной бусиной. Второй — к типу Цилинг D-«Конин» (рис. 10:1). Погребение 297, в котором он был найден, — безурновая кремация, сопровождалась двумя наконечниками копий, ножом, пинцетом, двумя римскими бронзовыми монетами и обломками фибулы типа A168. Датируется комплекс фазами C_1—C_2.

В 2003—2004 гг. в 1 км от памятника Алейка-3 Деснинской экспедицией были проведены раскопки могильника Геройское-5, известного в не-

мецких источниках как Eisliethen. Точных данных о соотношении современных раскопов и довоенных получить не удалось, ввиду отсутствия подробной информации. В довоенный период были раскопаны более 400 погребений на участках I и II, российскими исследователями изучены более 130 погребений на южной окраине некрополя, большинство из которых относились к раннему Средневековью. Я. Ясканис в своей работе приводит следующие данные, характеризующие погребальный обряд могильника: 40 % из погребений фазы B_2—C_1, 18 % из погребений фазы C_2—D содержат детали щитов (Jaskanis, 1977, s. 268). Датировка могильника в целом от I в. н. э. до XII в. н. э. Из двух погребений, датированных римским временем, в одном (разрушенной ингумации) были найдены фрагменты центральной части щита in situ. Для реконструкции формы и технологии изготовления щитов представляет особый интерес погребение 32, исследованное в 2004 г. Деснинской экспедицией (раскопки Н. В. Зубарева) на могильнике Eisliethen/ Геройское-5, к сожалению, значительно разрушенное более поздними объектами. В могиле с останками трупоположения среди остального инвентаря были обнаружены остатки щита с умбоном (рис. 7). Удалось проследить элементы конструкции щита, которая включала в себя деревянную дощатую основу и кожаную обтяжку внешней поверхности щита. Погребение можно датировать на основании сопровождающего инвентаря фазой B_{1b} (фибулы типа A61 и A42, умбон типа Ян-5 — Цилинг F-1).

В 2003—2004 гг. К. Н. Скворцовым совместно с немецкими коллегами продолжено изучение могильника в 20 км к востоку от Калининграда, в районе населенного пункта Березовка, в Гвардейском районе (бывший Gross Otenhagen). Данные по довоенным раскопкам и их результатам были обработаны Тимо Ибсеном в магистерской работе, новейшие исследования обобщены в совместной публикации (Ibsen, Skvorcov, 2004). Большинство исследованных погребений относились к эпохе викингов, но были получены и материалы II в. н. э., в том числе остатки одного щита в кургане 110, одном из наиболее крупных по размерам погребальных сооружений подобного рода, исследованных на территории Самбии и Натангии. Под каменным панцирем диаметром 9 м были найдены скелеты двух коней. Среди сопровождающего инвентаря находились фрагменты наконечников копий, ножа, обоймица, украшенная серебром, фрагменты не менее 6 сосудов. Датируется комплекс рубежом фаз B_{2b}—C_{1a}, судя по фибулам A63. О наличии в захоронении щита свидетельствуют железные заклепки и фрагменты поля железного умбона. К сожалению, большая часть инвентаря была разграблена в новое или новейшее время. Из довоенных раскопок с могильника известны еще три погребения раннеримского времени B_{2b}—C_{1a} с остатками щитов, все они содержали обильный сопровождающий инвентарь (Nowakowski, 1996).

Две находки связаны с трофеями, добытыми в результате дальних походов или полученными от каких-либо соседей, участвующих в набегах на территорию Римской империи. Одна из них обнаружена в районе Куликово, на севере Самбийского полуострова (бывш. Elchdorf), очевидно, что этот полусферический умбон (рис. 4:18) связан с погребением, поскольку с ним упоминается нож крупного размера. Обломок второго, с широкими полями и куполом, близким по форме типу Цилинг N, был найден в составе клада с 32 римскими медными монетами в районе современного Озерска (рис. 4:19). Данная территория одна из наименее изученных в археологическом отношении частей области. Возможно, данный клад является свидетельством передвижения какого-то населения или военных отрядов между восточной частью Мазурского поозерья и Самбийско-Натангийским регионом. Оба экземпляра — это типичные для римской армии во II—III вв. полусферические умбоны (James, 2004; Thomas, 1971, s. 31, 42), изготовленные из бронзы и украшенные циркульным орнаментом. Исследовавший распространение римских военных импортов в Барбарикуме польский археолог П. Качановский предполагает, что наибольшее количество находок умбонов римского производства относится к позднеримскому времени (Kaczanowski, 1992, s. 63). Эти умбоны из Эльхдорфа, Шакумелена и погребения 309 в Махарах (бывш. Ольштынское воеводство) принято датировать в пределах фазы C_1.

Учет находок в целом показал, что на территории Самбии использовались практически все типы умбонов, которые характерны для территории Свободной Германии в римское время. Некоторые из них представлены единичными находками, некоторые достаточно регулярно

встречаются на разных могильниках. Из наиболее ранних типов в раннеримское время (фаза B_1—B_{2a}) известно всего несколько находок (Dollkeim, погребение 15; Eisliethen, погребение 6; Wiekau, погребение 14). Все они представлены поздними вариациями умбона с крупными кнопками и шипом с утолщением на конце (рис. 3:1—3). В группе ранних погребений детали щитов отмечены только в богатых инвентарем погребениях (рис. 6:9). Среди массива находок выделяется хронологическая группа, которая датируется в пределах достаточно узкого промежутка времени — фаза C_{1b} (38 экз.), что в абсолютных датах соответствует 220—260 гг. н. э., период наиболее интенсивных походов эпохи «Готских» войн и событий, происходивших в Балтийском регионе (рис. 4:1—17). К данной группе примыкают, с одной стороны, находки, относящиеся к фазе C_{1a}, маркирующие события после Маркоманских войн (8 экз.), и, с другой стороны, умбоны типа Цилинг К и L, датируемые фазами C_2 и C_3 (18 экз.) (рис. 4:20—22). В целом эти находки составляют больше половины типологически определяемых вещей в каталоге. Таким образом, наибольший процент щитов в погребениях, известных на данный момент, связан с промежутком от конца II в. н. э. до первой половины IV в. н. э., что вполне соответствует историческим реалиям бурной эпохи III в. н. э. Количество находок во второй половине IV в. н. э. значительно сокращается, и, как уже было отмечено ранее, находки деталей щитов V в. единичны, при том что набор вооружения значительно изменился, скорее всего, в сторону его облегчения, хотя и наиболее поздние комплексы фазы D все еще содержат полный набор вооружения, характерный для предшествующих веков. Одним из наиболее известных примеров является погребение 43 из раскопок Й. Хайдека (рис. 12) в Гребитене. Связывать эти события следует с серьезной культурной трансформацией, происходившей в Самбийско-Натангийском регионе. Ранее доминировавшие вельбарская и пшеворская группировки практически полностью оставляют территории, занимаемые ими на протяжении римского периода. Значительное количество населения Барбарикума, в первую очередь мужского, было вовлечено в войны, развернувшиеся уже на территории самой Римской империи. Оставшиеся на полуострове общины подвергались значительному влиянию соседних балтских группировок с востока, что проявилось и в военном деле. Существовавшие ранее связи с ремесленными центрами, производившими в массовом количестве продукцию, насыщавшую рынок вооружений в Центральноевропейском ареале Барбарикума, скорее всего, были нарушены. Начиная с V в. комплекс вооружения самбийской группы трансформируется и включает в себя, судя по археологическим данным, только ножи-кинжалы и копья, лошадь становится постоянным спутником каждого воина, что определило облик материальной культуры «пруссов» на все раннее Средневековье. В то же время на соседних территориях — в Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии, находки умбонов фиксируются и в VI—VIII вв. (Казакявичус, 1988, с. 121; Kivikoski, 1973, Taf. 59). По всей видимости, этот факт следует связать с трансформацией общества Самбии, серьезным изменением способов ведения боевых действий в конце эпохи Великого переселения народов. И вплоть до IX в., когда на севере Самбийского полуострова появляется могильник, связанный со скандинавскими переселенцами, в регионе неизвестны находки остатков щитов, что, как уже отмечалось, отличает территорию даже от соседних балтских земель.

Наибольшее количество умбонов, найденных в достоверных закрытых комплексах, относится к типам, бытовавшим в фазе C_2, к этому же периоду относится и большинство воинских погребений, не содержащих остатки щитов. По всей видимости, к этому времени использование щитов с металлическими деталями становится массовым. Нельзя исключить, что в момент, когда археологически фиксируется наибольшее количество находок остатков щитов в погребениях на Самбии, то есть на протяжении фазы C_2, военная активность на полуострове была намного более высокой, чем в предыдущее и последующее время. К этому же времени относится большинство мест жертвоприношений с оружием на Ютланде, так что, возможно, это явления одного порядка и связаны они с переселением, крупными военными набегами германцев из Скандинавии на территорию южного побережья Балтики. О безусловных контактах со Скандинавией, прежде всего с Данией, южной Швецией и островами Балтийского моря, свидетельствуют также многочисленные аналогии, как в погребальном обряде, так и в инвентаре, что в целом можно трактовать как неоспоримое присутствие германского этнического элемента в составе местного населения.

Обобщая эволюцию щитов от эпохи Латена до переселения народов в Европе, можно отметить, что изменение конструкции происходит от цельнодеревянного с центральным умбоном веретеновидной и коконовидной формы к щиту, набранному из дощечек, с металлической оковкой краев, поля щита и металлическим же умбоном, изменение формы проходило от вытянутой прямоугольной, шестиугольной и подпрямоугольной к овальной и круглой, которая становится господствующей начиная с III в. н. э. и остается таковой вплоть до конца I тысячелетия. Необходимо отметить, что процесс эволюции щитов в I—V вв. н. э. скорее всего был связан со взаимными проникновениями воинских традиций из Барбарикума в Империю. Н. И. Сокольский в свое время, на материалах Боспора, где также прослеживалось подобное изменение форм, предположил связь с изменением способа ведения боя в римской армии, от манипулярного построения к фаланге в III— IV вв. н. э. (Сокольский, 1954).

На основании известных находок и изображений эволюция щита прослеживается от вытянутой подовальной формы, появившейся еще в Латене (IV—III вв. до н. э.) (рис. 12:1; рис. 13:1) и известной по ряду находок в озере Ла-Тен, в Швеции, Дании. На рубеже эр и в I в. используется уже подпрямоугольный щит (рис. 12:2). В то же время известно, что готы выделялись Тацитом среди других племен, так как использовали круглые щиты (Tac., Germ, 44). В I — II вв. известны прямоугольные, бочонковидные, шестиугольные формы (рис. 12:3), во вспомогательных частях римской армии начинает употребляться овальный щит. В III в. происходят значительные изменения в римской армии: исчезает тяжелый штурмовой щит «scutum», последние изображения и находки которого относятся к концу II — началу III вв. (James, 2004, s. 182; Coulston, 1988, s. 1). В то же время в Барбарикуме в местах массовых жертвоприношений (Nydam, Illerup, Thorsberg) найдены только щиты круглой формы (рис. 12:7—9), а начиная с III в. в Европе повсеместно господствует круглый или овальный щит (рис. 13:3, 5) диаметром, судя по известным находкам, 70—80 см, но в ряде случаев, если судить по изображениям телохранителей, мог достигать 1 м (Bishop, Coulston, 2006, Fig. 138). Щиты шестиугольной формы позднеримского времени известны только в Керченском некрополе, датированном рубежом IV—V вв. (Засецкая, 1979, рис. 4:12), в могильниках Цебельдинской долины (Воронов, Шенкао, 1982, рис. 5:3) и по изображениям из синагоги в Дура-Европос (Bishop, Coulston, 2006, fig. 112).

В подавляющем большинстве случаев археологически фиксируются только щиты с металлическими деталями, тогда как цельнодеревянные конструкции, как и конструкции с деталями из кожи, могли сохраняться только в определенных почвенных условиях (торфяники, озера). Учитывая высокую ценность железных изделий у населения Барбарикума, можно предположить, что широкое применение находили и щиты подобной конструкции. В римской крепости Дура-Европос найдены щиты, датируемые началом III в. н. э., в которых материалом для обтяжки канта являлась кожа (James, 2004, s. 180). Щиты римского времени, изготовленные целиком из органических материалов, известные по сообщениям Тацита, в нашем регионе не известны.

Форма самбийских щитов восстанавливается по археологическим источникам только для раннеримского периода, позднее щиты с оковками неизвестны. Реконструкция форм щитов по материалам могильников в Восточной Пруссии из погребений I—II вв. н. э. была предложена В. Ла Бомом (La Baume, 1941) (рис. 13:4, 5, 6). Все три щита имеют подпрямоугольную форму со скругленными краями, центральный умбон и окованы железными полосами по краям. Ближайшая находка целой формы щита была зафиксирована на юго-западе Латвии в куршском могильнике, где были прослежены остатки деревянного тлена от щита. В публикации В. А. Уртана было сделано предположение, что он имеет овоидную форму, но, судя по рисунку, форма изначально была подпрямоугольной со скругленными концами (часть поля могла быть просто разрушена и не прослежена в процессе раскопок Э. Штурма в 1942 г.), что для III в., вероятнее всего, было архаичным признаком и сохранялось только на периферийных территориях. Высота поля щита — 145 см, ширина — 65 см. Железные детали на данном щите не упоминаются (Уртан, 1961). В погребении 32 из раскопок могильника Eisliethen/ Геройское-5 в 2004 г. форма щита также была прямоугольной, но точные размеры в высоту не прослежены из-за позднейших перекопов, обрубивших верхний и нижний края щита, ширина же поля достигала 50 см (рис. 7 а, б).

В настоящий момент очевидно, что населяв-

шие территорию Самбии и Натангена племена входили в условно выделяемую зону использования комплекса вооружения «кельто-германского» типа, одним из основных признаков которого являлся дощатый щит с умбоном и металлической арматурой. Периферия этой зоны заходит на территорию Литвы (где известны более 100 находок) (Казакявичус, 1988), Латвии и Эстонии (в обоих случаях находки единичны (Уртан, 1961). Скорее всего, изменения в конструкциях и формах щитов на Самбии происходили синхронно с процессами, проходившими на севере Европы в целом.

Набор вооружения населения Самбии весьма схож с родственной группировкой, занимавшей Мазурское поозерье (богачевская культура), и обе явно заимствовали его у пшеворских соседей. Это прослеживается как в типах вооружения, так и в погребальных обрядах, связанных с отправлением в мир иной мужчин-воинов: применяется ритуальное повреждение оружия, забивание его в дно могильной ямы. Вельбарская культура отличалась от соседних полным отсутствием оружия в погребальном обряде. Как описывают античные источники, готы имели более развитую социальную организацию, управлялись королями, и что особенно следует отметить, оружие хранилось организованно в специальных оружейных складах. Однако, судя по результатам их деятельности, очевидно, что качества и количества оружия, умения его применять хватало, чтобы победить или подчинить себе несколько крупных варварских племен. Появление в устье Вислы первых вельбарских памятников относится к рубежу эр, то есть к концу позднего предримского времени и началу раннеримского (фазы A_3—B_1) (Щукин, 2005, с. 38). В это же время происходит резкая трансформация культуры западнобалтских курганов на Самбии, где, очевидно, и появляется часть населения оксывской и пшеворской культуры, вытесненного из устья Вислы. Именно эти германские культуры имели ярко выраженную милитаризацию в погребальном обряде (Wołagiewicz, 1963) еще с III в. до н. э. (Łuzkiewicz, 2006, s. 250). При этом значительную роль играли мечи — однолезвийные в оксывской культуре и двулезвийные в пшеворской. Крайняя редкость находок мечей среди комплекса вооружений, отмеченная исследователями (Nowakowski, 1994, s. 386; Кулаков, 2004, с. 84), связана, скорее всего, с периферийным положением региона в Барбарикуме. Дорогие импортные изделия, к которым и относятся мечи, редко достигали территории Самбии, поэтому считать это какой-то специфической чертой воинского дела местного населения вряд ли стоит. Единичные находки клинкового оружия в регионе есть (однолезвийный меч из Мориттен; кинжал-пугио в погребении из Alt-Ilishken; обломок спаты из погребения 34 в Wiekau; спата из Gaffken (архив Р. Гренца); обломок спаты из Плауэн (архив Р. Гренца); обломок спаты из Bahnau (Мамоновский р-н) (архив Р. Гренца); короткий двулезвийный меч из Grunaiken (Озерский р-н); короткий меч из Viehof (Полесский р-н), большинство из них датируются раннеримским временем (Nowakowski, 2007, s. 85).

Учитывая небольшое число людей, одновременно проживавших в общине, оставившей могильники (20—30 человек), существовавшие на протяжении более чем тысячи лет, очевидно, что оружие сопровождало практически всех взрослых мужчин. Щит, вероятно, как и принято было в германской среде, мог символизировать переход в разряд полноправных членов рода. Отсутствие серьезной социальной дифференциации известных погребений, отсутствие категорий Rex и Dux по классификации, разработанной У. Лундт-Хансен (Lund-Hansen, 1987), указывает на довольно архаичную организацию общества. В описании Тацита все мужчины у германцев вооружены и попеременно участвуют в дальних набегах, в то время как часть племени остается охранять свои земли. Именно такую организацию, по всей видимости, сохраняло население Самбии и Натангии на протяжении всего римского времени. Типичный для варварского общества Самбии набор вооружения включал в себя щит, одно-два копья, два-четыре дротика, втульчатый топор (в редких случаях проушной), в ряде случаев в погребениях есть шпоры или конь и конская упряжь (в табл. 1 приведены сочетания сопровождающего инвентаря для 57 комплексов). Подобный набор сформировался еще в позднелатенский период и с различными вариациями просуществовал до эпохи переселения народов. Несомненно, что дальнейшее более пристальное изучение древностей Пруссии позволит детализовать или уточнить многие предположения, высказанные в данной публикации.

Литература

Бажан И. А., Каргопольцев С. Ю. Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (К вопросу о хронологии и исторической интерпретации) // ПАВ. — 1992. — № 2. — С. 113—124.

Васильев А. А. О некоторых особенностях хронологии предметов вооружения германцев в Северном Причерноморье (этапы B_2 и C_1) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. — Керчь, 2005.

Воронов Ю. Н., Шенкао Р. К. Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков. — М., 1982.

Казакявичус В. К. Оружие балтских племен II—VIII вв. на территории Литвы. — Вильнюс, 1988.

Кулаков В. И. Долькайм—Коврово. Исследования 1879 г. // Prussia antiqua, t. 2, Monumenta. — Минск, 2004.

Кулаков В. И. Долькайм—Коврово. Исследования 1992—2002 гг. // Prussia antiqua, t. 4, Monumenta. — Минск, 2007.

Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года // Prussia Antiqua, t. 1. — М., 2003.

Кулаков В. И. Пруссы (5—13 вв.). — М., 1994.

Кулаков В. И. Эстии, венеды и германцы на Самбии // Восточная Европа в Средневековье. — М., 2004.

Сокольский Н. И. О боспорских щитах // КСИИМК. — 1955. — Вып. 58.

Тацит К. Анналы. Малые произведения // О происхождении германцев и о местоположении Германии. — М., 1993.

Уртан В. А. Древние щиты на территории Латвийской ССР // СА. — 1961. — № 1.

Щукин М. Б. Готский путь. — СПб., 2005.

Almgren O. Studien uber nordeuropaische Fibelformen der ersten nachristlische Jahrhunderts mit Berucksichtigung der provinzialromischen und sudrussischen Formen // Mannus-bibliothek, Nr. 23. — Leipzig, 1923.

Bemmann J., Hahne G. Waffenführende Grabinventare der römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Skandinavien. Studie zur zeitlichen Ordnung anhand der norwegischen Funde // BRGZK, Band 75, 1995.

Berendt G. Zwei Gräberfelder in Natangen I. Das Gräberfeld von Tengen, SPŐG. XIV, 1873a.

Berendt G. Zwei Gräberfelder in Natangen II. Das Gräberfeld von Rosenau bei Königsberg, SPŐG. — XIV S. 95—101, tabl IV—VIII, 1873b.

Biborski M. — Miecze z okresu wplzwow rzymskich na obzare kultury przeworskiej // Materily archeologicyne XVIII. — Krakow, 1978.

Bolin S. Die funde romischer und byzantinischer Munzen in Ostpreussen // Prussia, H.26., 1926. — S. 209.

Bujack G. Das Gräberfeld zu Grebieten (nordliche Hälfte) oraz Hejdeck J. Der südliche Teil des Gräberfeldes von Grebieten, Kreis Fischhausen. PB, XIII, 1888. — S. 174—183.

Engel C. Vorgeschichte der altpreußischen stämme. Band 2. — Königsberg, 1935.

Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussens. — Königsberg, 1929.

Godłowski K. Uzbrojenie. Przeworska kultura // PZP. T. V., 1981.

Godłowski K. Zmiany w uzbrojeniu ludności kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich // Arma et ollae. — Łódz, 1992. — S. 71—86.

Coulston J. C. Three legionaries at Croy Hill (Strathclyde) // BAR International Series 394. — Oxford, 1988.

Engelhardt C. Thorsbjerg Mosefund. Sønderjydske Mosefund. I Thorsbjerg fundet. — Kjöbenhavn, 1863.

Hansen, Lund U. Römischer Import im Norden. Nordiske Fortidsminder Ser. B, Bd. 10. — København, 1987.

Heydeck J. Der südlische Teil des Gräberfeldes v. Grebieten, Kr. Fischhausen // Prussia, XXXIII. — Königsberg, 1888.

Ibsen T., Skvorzov K. N. Das Gräberfeld von Berezovka. Ein wierderentdeckter Bestattungsplatz des 1. Jahrtausends n. Chr. im Kaliningrad Gebiet / Groß Ottenhagen // BRGK 85, 2004.

Illkær J. Illerup Adal // Jutland Arch. Soc. Publ. 25. — Aarhus, 1990.

Illkær J. Illerup Adal. Bd. 9 Die Shielde // Jutland Arch. Soc. Publ. 25. — Aarhus, 2001.

Jahn M. Die Bewaffnung der Germanen in der alteren Eisenzeit etwa von 700 v. Chr. bis 200 n. Chr. // Mannus bibliotek. T. XVI. — Würzburg, 1916.

James S. The excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928—1937. Final report VII. The arms and armour and other Military Equipment. — London, 2004.

Jaskanis J. Cmentarzyska kultury zachodniobaltyjskiej z okresu rzymskiego. Materialy do badan nad obrzadkiem pogrebowym // Materialy starozytne i wszesnosredniowieczne t. IV. — Warszawa, 1977. — P. 239—349.

Jentzch A. Bericht über die Verwaltung des Ostpreußischen Provinzialmuseums in den Jahren 1893—1895, nebst Beiträgen zur Geologie und Urgeschichte Ost- und Westpreußens, SPŐG, Bd. XXXVII, 1896. — S. 49—138.

Kaczanowski P. Importy broni rzimskiej na obszarze Europejskiego Barbaricum. — Krakow, 1992.

Kivikoski E. Die eisenzeit Finnlands. — Helsinki, 1973.

Kokowski A. Pierwszy miecz z terrytorium kultury wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. — Lublin, 1988. — S. 73—79.

Kontny B. Wojna oczami archeologa. Uwagi na temat sposobow walki ludnosci kultury przeworskiej w okresie wplywow rzymskich w swietle zrodel archeologicznych // Swiatowit. T. III/XLIV (2001) fasc B. 91—119, 2002.

Kontny B. Diversification of burials with Weapons in the przeworsk Culture in the Late Roman Period // Die Bewaffnung der Germanen und ihrer Nachbarn in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt. Akten der Internationalen Tagung in Nałęczów, 23. bis 25. September 1999. — Lublin, 2002a.

Kontny B. Broń jako wyraz zmian w obrządku pogrzebowym. analiza zestawów uzbrojenia w kulturze przeworskiej od młodszego okresu wpływów rzymskich do początków okresu wędrówek ludów // Światowit Vol. IV (XLV) Fascicle B, 2002b.

Kontny B. Z motyka na Slonce? Mozliwosci odzwierciedlenia instytucji druzyny w materiale archeologicznym // Antyk i barbarzyncy: Ksiega dedykowana Prof. J. Kolendzie. Ksiega jubileuszowa prof. Dr. hab. Jerzego Kolendo. — Warszawa, 2003. — S. 253—267.

Kontny B. Time of war or well-being? Changes in weapon sets in the Przeworsk culture burials from the late stage of phase B2 // Cwierc wieku archeologii w Maslomeczu. — Lublin, 2003.

Krierer K. R. Antike Germanenbilder. — Wien, 2004.

Kulakov V. I. Dollkeim: neue ausgrabungen des spatkaiserzeitlischen graberfeldes im Samland (russland) // Archaeologisches korrespondenzblatt 30, 2000.

La Baume. Der altpreußische Schild Alt-Preußen Vier-teljahresschrift für vorgeschichte und Volkskunde. 6 Jahrgang. Heft 1. April 1941. Abb. 5, 1941.

Łuczkiewicz P. W kwestii genezy i rozprzestrzenienia umb z kolcem z mlodszego okresu predrzymskiego // Przeglad archeologiczny. T. 48, 2000. — S. 83—114.

Łuczkiewicz P. Zur spateisenzeitliche Bewaffnung in Polen — Stand der Forschung // Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz. T. 47:2000. 355—437 (оружие, предримское время, латен), 2002.

Łuczkiewicz P. Uzbrojenie ludności kultury przeworskiej w młodszym okresie przedrymskim // Wandalowie. Straznicy bursztynowego szlaku. — Lublin—Warszawa, 2004. — S. 128—141

Łuczkiewicz P. Uzbrojenie Ludności ziem Polski w młodszym okresie przedrzymskim. — Lublin, 2006.

Fortidsminder Ser. B, Bd. 10. — Kopenhagen.

Nowakowski W. Krieger ohne Schwerter — die Bewaffnung der Aestii in der römischen Kaiserzeit // C. von Carnap-Bornheim (dir.), Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburger Kolloquium 1994. — Lublin—Marburg, 1994. — S. 335—356.

Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt // Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. — Marburg—Warszawa, 1996.

Nowakowski W. AESTIORUM GLADII. Swords in the west Balt cirle in the roman period // Weapons, weaponry and man. Archaeologia Baltica, 8. — Klaipeda, 2007.

Raddatz K. Der Wolka—See, ein Opferplatz der Romischen Kaiserzeit in Ostpreußen // Offa. Band 49/50, 1993.

Raddatz K. Der Dowesee bei Braunschweig, ein Opferplatz der frühen Völkerwanderungszeit in Niedersachsen // Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen. B. 21 Neumünster, 1999. — P. 169—230.

Skvorzov K. Das Graberfeld der romischen kaiserzeit von Bol`soe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Konigsberg) Katalog der funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // Offa 61—62 (2004/2005), 2007.

Thomas B. Helm. Schilde, dolche. Studien über römisch pannonische waffenfunde. — Budapest, 1971.

Tishler O., Kemke H. Ostpreussische Altertumer aus der Zeit der grossen Graberfelder nach Christi Geburt. — Konigsberg, 1902.

Walujew A. A., Skworzow K. N., Kulakow W. I. Ein <Phonix> des Prussia- Museums. st. 127 // Zur Kulturgeschte Ost- und Westpreussens. — Husum, 2003.

Wołagiewiczowie M. D. i R. Uzbrojenie ludnosci Pomorza Zachodniego u progu naszei ery // Materialy Zachodniopomorskie. T. IX. 1963. — S. 9—166.

Zieling N. Studien zu germanischen Shilden der Spatlatene und der romischen Kaiserzeit im Freien Germanien // BAR. International series, 505 (III). — Oxford, 1989.

Список сокращений

КОИХМ — Калининградский областной историко-художественный музей

BAR — British Archeological Report

BRGK — Berichte der Römisch-Germanischen Kommission. Mainz am Rhein

PB — «Sitzungsberichtedes Altertumsgesellschaft Prussia». Königsberg

SPŐG — «Schriften der königlichen Physikalisch-Őkonomischen Gesselschaft zu Königsberg i Pr.». Königsberg

Приложение 1

Перечень памятников

с находками деталей щитов на территории Самбии и Натангии

1. Alkehnen / Пограничное (Багратионовский р-н)

Фрагмент умбона, тип неизвестен (Jaskanis, 1977, s. 252)

2. Althof-Insterburg / Черняховск

Погр. II. Кремация. Железный умбон типа Цилинг B2 (шпиль обломан) (архив Р. Гренца)

Погр. 42. Кремация. Железный умбон со шпилем (Jaskanis, 1977, s. 252; архив Р. Гренца)

3. Althof-Ragnit / Мичуринский (Неманский р-н)

Погр. ? Кремация. Фрагмент железного умбона, тип неопределим, по инвентарю датируется B_2—C_1 (архив Р. Гренца)

4. Bahnau / Щукино (Багратионовский р-н)

Умбон типа Цилинг N (?) (архив Р. Гренца)

Рукоять типа Цилинг U1 (архив Р. Гренца)

Рукоять типа Цилинг M (архив Р. Гренца)

5. Brandenburg-3 / Ушаково (Гурьевский р-н)

Погр. 1. Кремация. Железный умбон типа Цилинг D1.

(разведки Э. Б. Зальцмана 2007 г., информация автора)

6. Caymen / Заречье (Полесский р-н)

Железный умбон типа Цилинг B2 (архив Р. Гренца)

Железный умбон типа Цилинг C1 (архив Р. Гренца)

7. Cojehnen / не был переименован (Зеленоградский р-н)

Части щитов (Jaskanis, 1977, s. 264)

Погр. 4. Кремация. Рукоять щита типа Цилинг V1, обломок умбона полусферической формы (архив Р. Гренца)

Погр. VIII. Кремация. Умбон типа Цилинг K1 (Nowakowski, 1996, taf. 87, 2)

8. Corjieten / Путилово (Зеленоградский р-н)

Погр. 8. Кремация. Умбон типа Цилинг I1 (Hollack, 1908, 22; Nowakowski, 1996, taf. 61, 2)

9. Craam / Грачевка (Зеленоградский р-н)

Железный умбон типа Цилинг D (Raddatz, 1993, s. 147, abb. 10, C 3 (архив Г. Янкуна))

10. Dollkeim / Коврово (Зеленоградский р-н)

1) Погр. 1. Ингумация. Железный умбон типа Цилинг I1 (Nowakowski, 1996, taf. 6, 5 (архив М. Яна))

2) Погр. 7. Ингумация. Железный умбон типа Цилинг G1, рукоять щита близка типу Цилинг F6 (Nowakowski, 1996, taf. 1, 10 (архив М. Яна))

3) Погр. 15. Кремация. Железный умбон типа Цилинг A1b (Raddatz, 1993, s. 148, abb. 11, 4 (архив Г. Янкуна))

4) Погр. 39. Кремация. Железный умбон с коротким шипом, рукоять щита (Tishler, 1902, s. 19)

5) Погр. 43. Кремация. Железный умбон с коротким и широким шипом (возможно, типа Цилинг D) (Tishler, 1902, s. 19)

6) Погр. 46b. Кремация. Железный умбон типа Цилинг S2 (Nowakowski, 1996, taf. 12, 5 (архив М. Яна))

7) Погр. 49. Кремация. Железный умбон типа Цилинг S2 (Tishler, 1902, s. 19)

8) Погр. 51a. Кремация. Железный умбон типа Цилинг S2, рукоять типа V1 (Nowakowski, 1996, taf. 12, 8, 9 (архив М. Яна))

9) Погр. 51b. Кремация. Железный умбон типа Цилинг R1 (Кулаков, 2004, с. 19)

10) Погр. 59. Кремация. Железный умбон типа Цилинг T (Tishler, 1902, s. 20)

11) Погр. 165. Кремация. Железный умбон, по инвентарю комплекс датирован фазой D_3 (Tishler, 1902, s. 24; Кулаков, 2004, с. 25)

(раскопки В. И. Кулакова 1992—1998 гг.)

12) Погр. 253. Кремация. Железный умбон типа Цилинг L, рукоять типа Цилинг V1 (Кулаков, 2007, 10, рис. 9:7, 8)

13) Погр. 259. Кремация. Фрагмент железного умбона, возможно, типа Цилинг K2 (Кулаков, 2007, с. 12, рис. 22:1)

14) Погр. 306. Кремация. Железный умбон типа Цилинг L (Кулаков, 2007, с. 27—28, рис. 103)

15) Погр. 362. Разрушенная кремация. Железный умбон типа Цилинг K1 (Кулаков, 2007, с. 61, рис. 214:11)

16) Погр. 1k. Разрушенная кремация. Железный умбон, вероятно, типа Цилинг M (Кулаков, 2004, с. 30) (хранится в КОИХМ)

17) Разрушенная кремация. Железный умбон типа Цилинг M (хранится в музее г. Багратионовска)

18) Кремация. Железный умбон типа Цилинг N (хранится в музее г. Багратионовска)

19) Кремация. Железный умбон типа Цилинг L, рукоять типа, оселок, копье, нож, серп, пинцет и капоушка жел., перстень бр., две подвязные арбалетовидные фибулы — бронзовая и железная, сестерций Рим. имп. Траян(?), сосуд-приставка типа Долькайм (рис. 9; хранится в КОИХМ).

11. Ekritten / Ветрово (Зеленоградский р-н)

Обломок умбона типа Цилинг F (архив Р. Гренца; Jaskanis, 1977, s. 339)

12. Elchdorf / Куликово (Зеленоградский р-н)

Бронзовый умбон типа Цилинг R2 (La Baume, 1941, s. 9; Zieling архив (Nowakowski, 1996, taf. 102, 1; Kachanowski, 1992, ryc. 15, 3))

13. Eisliethen / не был переименован (он же могильник Геройское-5) (Зеленоградский р-н)

40 % из погребений фазы B_2—C_1, 18 % из погребений фазы C_2—D содержат детали щитов (Jaskanis, 1977, s. 268)

Eisliethen-I

Погр. 130. Кремация. Железный умбон, вероятно, типа Цилинг N (Jentzch, 1896; Nowakowski, 1996, taf. 54, 12)

Eisliethen-II

Погр. 4. Железный умбон. Тип не известен (Jaskanis, 1977, s. 268)

Погр. 6. Кремация. Железный умбон типа Цилинг A1b (Jentzch, 1896; Nowakowski, 1996, taf. 52, 1; архив Р. Гренца)

Геройское-5 (раскопки Н. В. Зубарева 2004 г.)

Погр. 32. Ингумация. Умбон типа Цилинг G2 (сведения о находке и рисунки предоставлены автором раскопок Н. В. Зубаревым, за что авторы статьи выражают ему отдельную благодарность)

14. Eisselbithen / Сиренево (Зеленоградский р-н)

Погр. 24. Кремация. Железный умбон, вероятно, типа Цилинг R1, рукоять типа Цилинг V1 (Tischler, 1902, s. 26; архив Р. Гренца)

Погр. 50. Кремация. Железный умбон. Тип неизвестен, по инвентарю датируется позднеримским временем (Jaskanis, 1977, s. 322—323)

15. Ernsthof / Владимирово (Багратионовский р-н)

Железная рукоять щита типа Цилинг V1 (архив Р. Гренца)

16. Forst Neudamm / Прегольский (г. Калининград, ул. Новый вал)

Железный умбон с бронзовой плакировкой типа Цилинг B2 (архив Р. Гренца)

20. Gr. Friedrichsberg / Майский (г. Калининград)

Ингумация. Железный умбон типа Цилинг I1 (архив Р. Гренца; Jaskanis, 1977, s. 274)

18. Furstenwalde / Поддубное (Гурьевский р-н)

Депаспартизированная находка из раскопок О. Тишлера 1877 г.

Железная рукоять щита типа Цилинг V1 (архив Р. Гренца)

19. Gaffken / Парусное (Зеленоградский р-н)

Железный умбон типа Цилинг B2d (архив Р. Гренца; Jaskanis, s. 270)

20. Gnadenthal / Богдановка (Багратионовский р-н)

Фрагмент железного умбона, вероятно, типа Цилинг B1a (архив Р. Гренца)

21. Grebieten / не был переименован (Зеленоградский р-н)

30 % мужских погребений содержат детали щитов (Jaskanis, 1977, s. 273)

Погр. 43. Кремация. Железный умбон близок типу I3 (Bujack, 1888; Nowakowski, 1996, taf. 39, 12)

Погр. 54. Кремация. Железный умбон типа R1 (Bujack, 1888; Nowakowski, 1996, taf. 37, 5)

Погр. 92. Кремация. Железный умбон типа T (Bujack, 1888; Nowakowski, 1996, taf. 38, 6)

Железный умбон типа K1 (коллекция «Пруссия», Музей пред- и ранней истории, Берлин)

22. Greibau / не был переименован (Зеленоградский р-н)

38 % погребений содержали детали щитов, 61 % мужских погребений содержали умбоны, 38 % рукояти щитов (Jaskanis, 1977, s. 274)

Погр. 19a. Детали щитов, тип неизвестен (Raddatz, 1993, Abb. 30)

Погр. 137. Детали щитов, тип неизвестен (Raddatz, 1993, Abb. 30)

Погр. 153a. Железный умбон типа Цилинг M, железная рукоять типа Цилинг V1 (архив Р. Гренца)

23. Hoch Schnakainen / Побережье (Багратионовский р-н)

Погр. 3. Детали щитов, тип неизвестен (Raddatz, 1993, Abb. 30)

Погр. 6. Детали щитов, тип неизвестен (Raddatz, 1993, Abb. 30)

24. Hunenberg / Гора Великанов — в черте пос. Пионерский (Зеленоградский р-н)

1) Погр. 31k. Кремация. Железный умбон типа Цилинг L (Кулаков, 1994)

2) Железный умбон, найденный сотрудником музея в г. Пионерском А. Тереховым в 1996 г., типа Цилинг K1 (Кулаков, 199? Отчет НА ИА РАН № рис. 175)

25. Ilischken / Дивное (Гвардейский р-н)

Погр. о. N. Железный умбон, близкий типу Цилинг G2 (комплекс с кинжалом-пугио) (Nowakowski, 1996, taf. 92, 4)

26. Jacknitz / не был переименован (Багратионовский р-н)

Умбон и рукоять от щита, тип неизвестен (Jaskanis, 1977, s. 280)

27. Jaugehnen / не был переименован (могильник Алейка-3 — раскопки 2005—2007 гг.) (Зеленоградский р-н)

Погр. 27. Кремация. Железный умбон типа Цилинг M или R1

Погр. 56. Кремация. Железный умбон типа Цилинг L, железная рукоять, тип не определен

Погр. 97. Кремация. Фрагмент умбона и рукояти, тип не определен

Погр. 144. Кремация. Фрагмент умбона, тип не определен

Погр. 187. Кремация. Железный умбон типа Цилинг R1

Погр. 263. Кремация. Железный умбон типа Цилинг D1, железная рукоять типа Цилинг S1

Погр. 275. Кремация. Железный умбон типа Цилинг M, железная рукоять типа Цилинг S1

Погр. 293. Кремация. Фрагменты железного умбона, близкого типу Цилинг N

Погр. 297. Кремация. Железный умбон типа Цилинг D1

Погр. 312. Кремация. Железный умбон типа Цилинг M. Рукоять и фрагменты оковок

Погр. 319a. Кремация. Фрагменты железного умбона, близкого типу Цилинг L

Погр. 412. Кремация. Фрагменты железного умбона типа Цилинг N

Погр. 423. Кремация. Железный умбон типа Цилинг F1, железная рукоять типа Цилинг S1

Обломок железной рукояти, близкий типу Цилинг S2, в слое

Обломок железной рукояти, близкий типу Цилинг S2, в слое

28. Kadgiehnen / Пруды (Гурьевский р-н)

Железный умбон типа Цилинг B2 (архив Р. Гренца; Raddatz, 1993, s. 152, abb. 15, A 6 (архив М. Яна))

Железный умбон, возможно, типа Цилинг A1d или D2 (архив Р. Гренца)

29. Kirpehnen / Поваровка (Зеленоградский р-н)

Погр. IV. Фрагмент железного умбона, близкий типам Цилинг C2 F1-2, G2 (Nowakowski, 1996, taf. 83, 2 (архив М. Яна))

Погр. V. Железный умбон типа Цилинг B2d (Nowakowski, 1996, taf. 83, 11 (архив М. Яна))

Погр. VI. Рукоять щита, близкая типам Цилинг F5, F6 (Nowakowski, 1996, taf. 80, 10 (архив М. Яна))

Погр. VII. Бронзовая рукоять типа Цилинг T1, оковки края щита (Nowakowski, 1996, taf. 82, 12)

Железный умбон типа Цилинг R1 (Gaerte 1929 Abb. 198a)

30. Klein Blumenau / Кремнево (Зеленоградский р-н)

Погр. 1895 г. Разрушенная кремация. Умбон, тип неизвестен (Jaskanis, 1977, s. 291—292)

31. Klein-Fliss / Изобильное (Полесский р-н)

Курган. Железный умбон типа Цилинг B1 (архив Р. Гренца; Nowakowski, 1996, taf. 99, 4)

32. Kunterstrauch / ур. Дубки (Зеленоградский р-н)

Погр. II. Ингумация. Железный умбон типа Цилинг R1 (Nowakowski, 1996, taf. 85, 7 (архив М. Яна))

Погр. IV. Ингумация. Бронзовая заклепка от умбона? (архив Р. Гренца)

Погр. VIII. Железный умбон типа Цилинг B2b (Nowakowski, 1996, taf. 85, 6 (архив М. Яна))

33. Lauth / Большое Исаково (Гурьевский р-н)

1) Погр. 2. Кремация. Железный умбон, тип неизвестен (раскопки К. Энгеля 1929/30)

2) Погр. 4. Кремация. Железный умбон, вероятно, типа Цилинг L (раскопки К. Энгеля 1929/30)

(раскопки К. Н. Скворцова 1998 — 2004 гг.)

3) Погр. 26. Кремация. Железный умбон типа

Цилинг P, железная рукоять типа Цилинг V1 (Skvorcov, 2007, Taf. 32, 15)

4) Погр. 28. Кремация. Железный умбон типа Цилинг N, железная рукоять типа V1 (Skvorcov, 2007, Taf. 35, 8)

5) Погр. 64. Ингумация. Железный умбон типа Цилинг F1, железная рукоять типа Цилинг S1

6) Погр. 65. Кремация. Железный умбон типа Цилинг L с рукоятью типа V1, железный умбон типа Цилинг L с рукоятью, близкой типу S1

7) Погр. 79A. Кремация. Железная рукоять, близкая типу Цилинг V1

8) Погр. 88. Кремация. Железный умбон типа Цилинг D1

9) Погр. 152. Кремация. Железный умбон типа Цилинг L, железная рукоять, близкая типу M

10) Погр. 155. Кремация. Железный умбон типа Цилинг L, железная рукоять — прямая с ромбическими концами

11) Погр. 176. Кремация. Железный умбон, близкий типу Цилинг D2, железная рукоять, близкая типу W

12) Погр. 223. Кремация. Железный умбон типа Цилинг L

13) Погр. 314. Кремация. Железный умбон типа Цилинг N

34. Lobbitten / Луговское (Зеленоградский р-н)

Железный умбон типа Цилинг I1 (Jahn, 1916, taf. III, 4c; Zieling, 1989, s. 982; Jaskanis, 1977, s. 299)

35. Margen / Жуковское (Гурьевский р-н)

Погр. 2. Железная рукоять щита типа Цилинг V1(архив Р. Гренца; Jaskanis, 1977, s. 345)

Фрагмент железного умбона типа Цилинг B2 (архив Р. Гренца)

Железный умбон, близкий типу Цилинг B1 (архив Р. Гренца)

Железный умбон, близкий типу Цилинг H1 (архив Р. Гренца)

Железный умбон, близкий типу Цилинг G1 (архив Р. Гренца)

Железная рукоять щита, плоская, с узкими лопастями на концах (архив Р. Гренца)

36. Medenau / Логвиново (Зеленоградский р-н)

Железный умбон, близкий типам Цилинг B1b, D2 (архив Р. Гренца)

Железный умбон, близкий типу Цилинг G1, H1 (архив Р. Гренца)

Железный умбон, близкий типу Цилинг E1 (архив Р. Гренца)

37. Gr. Ottenhagen/Березовка (Гвардейский р-н)

Погр. 19. Ингумация. Железный умбон типа Цилинг G2 (La Baume, 1941; Nowakowski, 1996, taf. 93, 6; Zieling, 1989, s. 984)

Погр. 23. Ингумация. Железный умбон типа Цилинг C2 (Nowakowski, 1996, taf. 94, 12; Zieling, 1989, s. 985)

Погр. 65. Ингумация. Железный умбон, тип не определим, нож, два копья, кольцо типа B2, две бронзовые бусины TM520, два сосуда-приставки и бронзовая фибула A64, по фибуле B_{2b}—B_2/C_1(Ibsen, Skvorzov, 2004, s. 408, Abb. 17)

Курган 110 (2004 г.). Заклепки от щита, мелкие фрагменты шита, тип не определим, мелкие фрагменты наконечников копий и ножей и пара бронзовых фибул A63, по материалам датируется B_{2b}—B_2/C_1концом II в. (Ibsen, Skvorzov, 2004, s. 404—405)

38. Ringels / Искрово (Зеленоградский р-н)

Среди находок три умбона, один из которых с рукоятью (Jaskanis, 1977, s. 318—319)

Погр. 1c. Кремация. Железный умбон типа Цилинг I1 (архив Р. Гренца; Raddatz, 1993, Abb. 30)

Железный умбон типа Цилинг E2 (архив Р. Гренца)

Железный умбон типа Цилинг G1 (архив Р. Гренца)

39. Regehnen / Дубровка (Зеленоградский р-н)

Курган XIIc. Железный умбон, близкий типу Цилинг B1b (архив Р. Гренца)

Курган XIX. Железный умбон, тип не известен (архив Р. Гренца)

Погр. 28. Железный умбон, близкий типу Цилинг D2, железная рукоять щита (Gaerte, 1929, Abb. 198f; Raddatz, 1993, s. 160, abb. 17, 4 (архив Г. Янкуна))

Погр. 81. Детали щитов, тип неизвестен (Raddatz, 1993, Abb. 30)

Погр. 85. Железная рукоять щита типа Цилинг S1 (архив Р. Гренца)

40. Rosenau / юго-запад Калининграда

Находки умбонов полусферической формы и со шпилем (Jaskanis, 1977, s. 319)

Железный умбон типа Цилинг R1 (Berendt, 1873b)

Железный умбон типа Цилинг R1 (Berendt, 1873b)

Железный умбон, близкий типу Цилинг F2 (Berendt, 1873b)

41. Siegesdicken / не был переименован (Зеленоградский р-н)

Железный умбон типа S2 (Gaerte, 1929, Abb. 198c, Zieling, 1989, s. 986; Jaskanis, 1977, s. 321—322)

42. Schlakalken / Ярославское (Зеленоградский р-н)

Среди находок упоминаются умбоны (Jaskanis, 1977, s. 280—281)

Погр. 13. Железный умбон, тип неизвестен (архив Р. Гренца)

Погр. 14. Железный умбон, близкий типу Цилинг A1 (Nowakowski, 1996, taf. 91, 14 (архив Г. Янкуна))

Погр. 22. Обломок поля умбона, рукоять щита (архив Р. Гренца)

43. Schakumehlen / не был переименован (Озерский р-н)

Бронзовый умбон с циркульным орнаментом. Клад с 32 римскими медными монетами (Bolin, 1926, s. 209; Raddatz, 1993, s. 141, abb. 8)

44. Schakaulack / Малая Липовка (Полесский р-н)

Умбон, тип неизвестен (Jaskanis, 1977, s. 301)

45. Schreitlacken / Моршанское (Гурьевский р-н)

Погр. (?) Кремация. Железный умбон типа Цилинг H1, железная рукоять типа Цилинг M (архив Р. Гренца; Jaskanis, 1977, s. 304)

46. Tengen / Ушаково (Багратионовский р-н)

Погр. 4. Кремация. Железный умбон, тип неизвестен (Berendt, 1873a, s. 89)

Погр. 25. Кремация. Железный умбон, вероятно, типа Цилинг B1 или D1 (Nowakowski, 1996, taf. 65, 8; Raddatz, 1993, Abb. 30)

47. Transsau /Озерово (Зеленоградский р-н)

Погр. II. Железный умбон типа Цилинг S (архив Р. Гренца)

Железный умбон, близкий типу Цилинг G1 (архив Р. Гренца)

48. Trausitten / в черте г. Гурьевска

Погр. 10. Кремация. Железный умбон полусферической формы (архив Р. Гренца)

49. Trutenau / Медведевка (Гурьевский р-н)

Железный умбон, вероятно, типа Цилинг D2 (архив Р. Гренца)

50. Wackern / Елановка (Багратионовский р-н)

Погр. 17. Кремация. Железный умбон «сильно выпуклый», рукоять щита, тип неизвестен (архив Р. Гренца)

Погр. 19. Железный умбон типа Цилинг L, рукоять типа M (Nowakowski, 1996, taf. 56, 10—11 (архив М. Яна))

Погр. 20. Железный умбон типа Цилинг M, рукоять типа V1 (архив Р. Гренца)

Погр. 23a. Кремация. Железный умбон типа Цилинг L, рукоять типа V1 (архив Р. Гренца; Nowakowski, 1996, taf. 57, 7—8)

Погр. 30. Кремация. Железный умбон, широкий, с усеченно-конической тульей (архив Р. Гренца; Raddatz, 1993, Abb. 30)

Погр. 38. Железный умбон типа Цилинг D1, рукоять, близкая типу V3 (архив Р. Гренца; Nowakowski, 1996, taf. 56, 7 (архив М. Яна))

51. Warengen / Котельниково (Зеленоградский р-н)

Погр. 3. Железный умбон типа Цилинг M (Nowakowski, 1996, taf. 68, 9)

Погр. 4. Оковка края щита (архив Р. Гренца)

Погр. 12. Железный умбон типа Цилинг S3 (Zieling, 1989, s.; Nowakowski, 1996, taf. 68, 6; Raddatz, 1993, Abb. 30)

Погр. 31/32. Два умбона, тип неизвестен (Jaskanis, 1977, s. 288—289; Raddatz, 1993, Abb. 30)

Погр. 39. Железный умбон типа Цилинг D (архив Р. Гренца)

52. Warnickam / Первомайское (Багратионовский р-н)

Погр. 8. Железный умбон типа Цилинг B или C (шпиль обломан), рукоять типа T1 (Nowakowski, 1996, taf. 75, 7—8)

53. Wiekau / Хрустальное (Зеленоградский р-н)

Gr. 4. Кремация. Обломок умбона типа Цилинг F(?) (архив Г. Янкуна, Hollack, 1908, 179; Raddatz, 1993, s. 162, abb. 19, 2)

Gr. 8. Кремация. Умбон типа Цилинг B2 (?) (архив Г. Янкуна; Hollack, 1908, 179; Raddatz, 1993, s. 163, abb. 20, 4)

Gr. 14. Трупоположение, умбон типа Цилинг I1 (Heydeck, 1900—1904b, taf. XXXVIII; Engel, 1935, taf. 37)

Gr. 23. Трупоположение, умбон типа Цилинг

C 2a (архив Г. Янкуна, Hollack, 1908, 179; Raddatz, 1993, s. 166, abb. 23, 4)

Gr. 24. Кремация, рукоять типа Цилинг V1 (архив Р. Гренца)

Gr 29. Кремация, умбон типа Цилинг B2 (архив Р. Гренца; Hollack, 1908, 179; Raddatz, 1993, s. 167, abb. 24, 4)

Gr. 34. Трупоположение (с обломком спаты), умбон типа Цилинг I1 (архив Р. Гренца; Raddatz,1992/1993, abb. 3, 4)

54. Wargenau / не был переименован

Погр. XII. Детали щита, тип неизвестен (Raddatz, 1993, Abb. 30)

55. Viehof / Тюленино (Полесский р-н)

Железный умбон, близкий типу Цилинг B2 (архив Р. Гренца)

56. Wogau / Лермонтово (Багратионовский р-н)

Умбоны, тип неизвестен (Jaskanis, 1977, s. 340)

O. Skvorzov K.

Die Funde der Schildelemente im Areal Sambisch-natangischer Kultur

Summary

Der Beitrag berichtet über die Funde der Schildelemente auf dem Territorium des Kaliningrader Gebiets. Für mehr als 100-jährige Geschichte der Forschung von diesem Territorium wurden im Katalog die Angaben über 56 Fundstellen der Schildelemente gesammelt. Der Katalog ist nach den Archivquellen aus den Vorkriegszeiten und den Ausgrabungen 1990 — 1997 zusammengestellt. Dabei geht es um 160 unbeschädigten und fragmentarischen Schildbuckel, Stiele und Beschläge.

An den Grabstätten, wo die bedeutende Zahl der Gräberfelder erforscht sind (Lath, Dollkeim, Eislithen, Grebiethen, Jaugehnen), konnten bis zu 50 % der männlichen «militärischen» Bestattungen in den I — V Jahrhunderten n. Chr. mit den Schilden versehen werden.

Den archäologischen Angaben nach hat man Bretterschild mit den eisernen Verstärkern der Konstruktion im Arial Sambisch-natangischer Gruppe von Phase B_1 bis Phasen D_2 — D_3 der Kaiserzeit verwendet. Unter den allerfrühesten Einzelfunden sind die Exemplare der spätlatenischen Schildbuckel mit den abgeflachten Kuppeln und den hohen Spitzen zu finden. Der gröste Teil der Funde ist mit den Horizonten der jüngeren Kaiserzeit verbunden. Genau um diese Periode haben sich die Typenschildbuckel Zieling L, D, R in Sambien stark verbreitet. In der späteren Kaiserzeit sind die Schildbuckelfunde vereinzelt. Sie gehören nur zu den an Ausrüstung reichsten Bestattungen, die meistens auch die Pferde enthielten. In der jüngeren Kaiserzeit ist die Zahl der mit den Schilden versehenen Bestattungen viel größer, dabei haben viele davon die einfache Begleitausrüstung. Zu der spätersten Periode — Phasen D1 — D3 der Epoche Völkerwanderung gehören nur Einzelfunde. Um diese Zeit geschieht die Transformierung der Ausrüstungskomplexe und der Kultur im ganzen. Die Militärkultur wird völlig «reiterisch».

Das Verzeichnis der Ausrüstung in der Sambisch-natangischen Region war in der Kaiserzeit dem Oksywie-przeworisken am nahesten. Die Entwicklung der Schilde in Sambien weist auf die enge Verbindung mit gesamteuropäischen Tendenzen. Ab Ende des V. Jahrhunderts und bis zu dem IX. Jahrhundert werden die Funde der Schildelemente im Gegensatz zu den benachbarten Territorien nicht festgestellt.

Сведения об авторе

Скворцов К. Н. — сотрудник Калининградского Областного Историко-художественного музея
e-mail: sn_arch_exp@mail.ru
Радюш О. А. – сотрудник отдела охранных раскопок ИА РАН (Москва)
e-mail: radegost@rambler.ru

Наименование	№ п/п	тип обряда погребения	умбон	оковки	рукоять щита	меч	топор	кельт	нож-кинжал	наконечники копий	нож	шпоры	монеты	фибулы
Dollkeim / Коврово Погр. 1	1	И	+											4 (A42)
Погр. 7	2	И	+		+			+		2				2 (A61)
Погр. 15	3	ТС-У	+	+	+			2		2	+			3 (A61, 72, 57)
Погр. 39	4	ТС-У	+		+					1				1 (A137)
Погр. 43	5	ТС-У	+							2+1	+		+	
Погр. 46b	6	ТС-У	+		1						+	1		2 (A161-162, 167)
Погр. 49	7	ТС-У	+		+					+	+			2 (GABF (A167)
Погр. 51a	8	ТС-У	+		+					1				
Погр. 59	9	ТС-У	+							1+1			1	1 (A161-162)
Погр.165	10	ТС-У	+						1					1
Погр. 253	11	ТС-У	+		+					1				2 (A169)
Погр. 259	12	ТС-У	+											
Погр. 306	13	ТС-У	+	+	+					1	+	+		2 (A161, 168)
Погр. 362	14	ТС-У	+							1	1			1 (арбалетовид. Тип неопред.
Погр. 1к	15	ТС-У	+							2	1			
Погр. (№ 18 в каталоге)	16	ТС-У	+							1	+			1 (BW 2 тип)
Погр. (№ 19 в каталоге)	17	ТС-У	+							+	+		1	2 (A161, 162)
Jaugehnen / Алейка-3 Погр. 27	18	ТС-У	+	+						2	2			
Погр. 56	19	ТС-У	+		+					1	+	1		1 (A161-162)
Погр. 144	20	ТС-У	+											
Погр. 97	21	ТС-У+К	+		+									
Погр. 187	22	ТС-У	+							2	+		1	
Погр. 263	23	ТС-У+К	+		+			+		2	+	2	3	2 (A168)
Погр. 275	24	ТС-У+К	+		+					2	+	2	1	1 (A130)
Погр. 293	25	ТСБ	+							1+1	+			
Погр. 297	26	ТСБ	+							2	+	2	+	1 (A168)
Погр. 312	27	ТС-У	+	+	+			+		2	+		1	2 (A161/162)
Погр. 319	28	ТС-У	+	+										
Lauth / Б. Исаково Погр. 2 (1929)	29	ТС-У	+											
Погр. 4(1929)	30	ТСБ+К	+	+						1		2(жел)		1 (A167)
Погр. 26	31	ТС-У	+		+			+		1	+			2 (A167, фиб. VI группы)
Погр. 28	32	ТС-У	+		+			+		1	+		1	2 (A167/168)
Погр. 64	33	И+К	+		+			+		2	+	2(Жел)		A96/98

№№	пряжки детали пояса	украшения	конское снаряжение	кресало	шило	бритва	оселок	серп-коса	ножницы	пинцет	скобель	гривна	Датировка
1	+	2 браслета											B_1
2	+												B_1
3	+		+			+			+		+		B_{2a}
4							+						B_2
5								+	+	+			C_1-C_2
6								+					C_1-C2
7		2 бубенчика						+					C_3?
8													C_1-C_2
9													C_3-D_1
10													D-3
11	+	янтарная бусина								+			C2
12		желез. бубенчик						+					C_2-C_3
13	+												C_{1b}-C_2
14	+							+					D-1
15							+	+					C_3-D_1
16	+												D-1 D-2
17		перстень бронзов.					+	+		+			C2
18	+	фрагмент серебр. Накладки							+			C1a/C1b	
19		бубенчики											C-2
20													C-2
21							+						C_1-C_2
22				+			+	+		+			C1b
23	+	красная пастовая бусина	+	+			+	+	+	+	+		B2-C-1b
24	+		+		+		+		+	+			C1b
25													C_1-C_2
26										+			C_1-C_2
27					+			+					C1a-C1b
28		золотое кольцо											C2
29													C2
30	1		+										C2
31				+	+	+	+						C1a
32		1 янтарь, 1 перстень		+			+	+					C1a
33	1		+				+		+	+	+		B2b

Погр. 65	34	ТС-У+К	2		2			+		1	2	1(жел)		2 (A162-A167)
Погр. 79а	35	ТС-У+К (коллектив)		+			+		1	+	1		3(A167\168)	
Погр. 88	36	ТС-У (коллектив)	+							1	+		8	2 A98,2 A161/162, 1 A 167
Погр. 152	37	ТС-У	+		+					1	+			1 (A167)
Погр.155	38	ТС-У	+		+					1	+			2 (A161, 162)
Погр. 176	39	ТС-У	+		+					1	1			1 (A161)
Погр. 223	40	ТСБ-+К	+									1		1(A161)
Погр. 242	41	ТСБ	+		+			+		2	2		2	1(группа III по Альмгрену)
Погр. 314	42	ТС-У (разруш)	+		+			+		1				
Gr. Ottenhagen/ Березовка Gr. 19	43	И	+	+	+							2		2 A61, 1 A63
Wiekau/ Хрустальное Погр. 4	44	ТС-У	+							1				2 ("прусская серия" фрагмент.)
Погр. 8	45	ТС-У	+					+		1		1		A161/162
Погр. 14	46	ТС-У	+				+			2	+			2
Погр.23	47	ТС-У	+					+						1
Погр. 24	48	ТС-У	+		+			+		2				1 A61, 1 A62, 1 A72/74
Погр. 29	49	ТС-У	+		+			+						фрагмент A168
Погр. 34	50	И+К	+			1		+		2	+	2		2
Eisliethen/ Геройское-5 Погр. 6	51	ТС-У	+	+	+					1		1		
Погр. 32 (2004)	52	И	+	+	+					2				3
Klein-Fliss/ Изобильное	53	И	+		+			+		1				1
Grebieten Gr. 43	54	ТС-У	+						1	2		2		фибула BW Typ II.
Eisselbitten Погр. 24	55	ТС-У	+		+			+		2+2	+		+	A 161/162
Gr. Friedrichsberg	56	И+К	+					+		1+3	+			1 A137, 1 A161/162, 1 группа A VI
Regehnen Погр. 28	57	ТС-У	+		+			+		1+4	+			1 (A161/162)

И — ингумация
ТСБ — трупосожжение безурновое
ТСУ — трупосожжение урновое
К — конь
BW — Bugeifibeln
GABF — Gross Armbrustfibeln
типы фибул по О. Альмгрену (A42 и т. п.)

34		ожерелье	+				+	+	+		+		C1a
35	3(A167\168)	1	ожере-лье	+							+		1(серебро)
36		2 браслета, 2 перстня, ожерелье									C1a/C1b		
37													C_2
38	1	1 подвеска, 1 перстень, 1 бусина		+			+			C2			
39		1 бусина янтарь			+								C1a
40	1		+										C_2
41		1 бусина янтарь				+				+			B_2/C_1
42							+						C1a
43													B2 C1
44			+										B_2/C_1
45	+		+								+		C1b
46	1												
47			+										
48	+	2 браслета											B2
49							+	+					C1b
50			+				+						
51													B2
52	+												B2
53	+		+				+						B2/C1
54	+							+					D2
55							+						C1b
56	+	кольцо, браслет	+										B2 C1a
57				+			+				+		C1

Рис. 1. **Карта распространения находок деталей щитов на территории Калининградской области** *(нумерация соответствует приложению)*

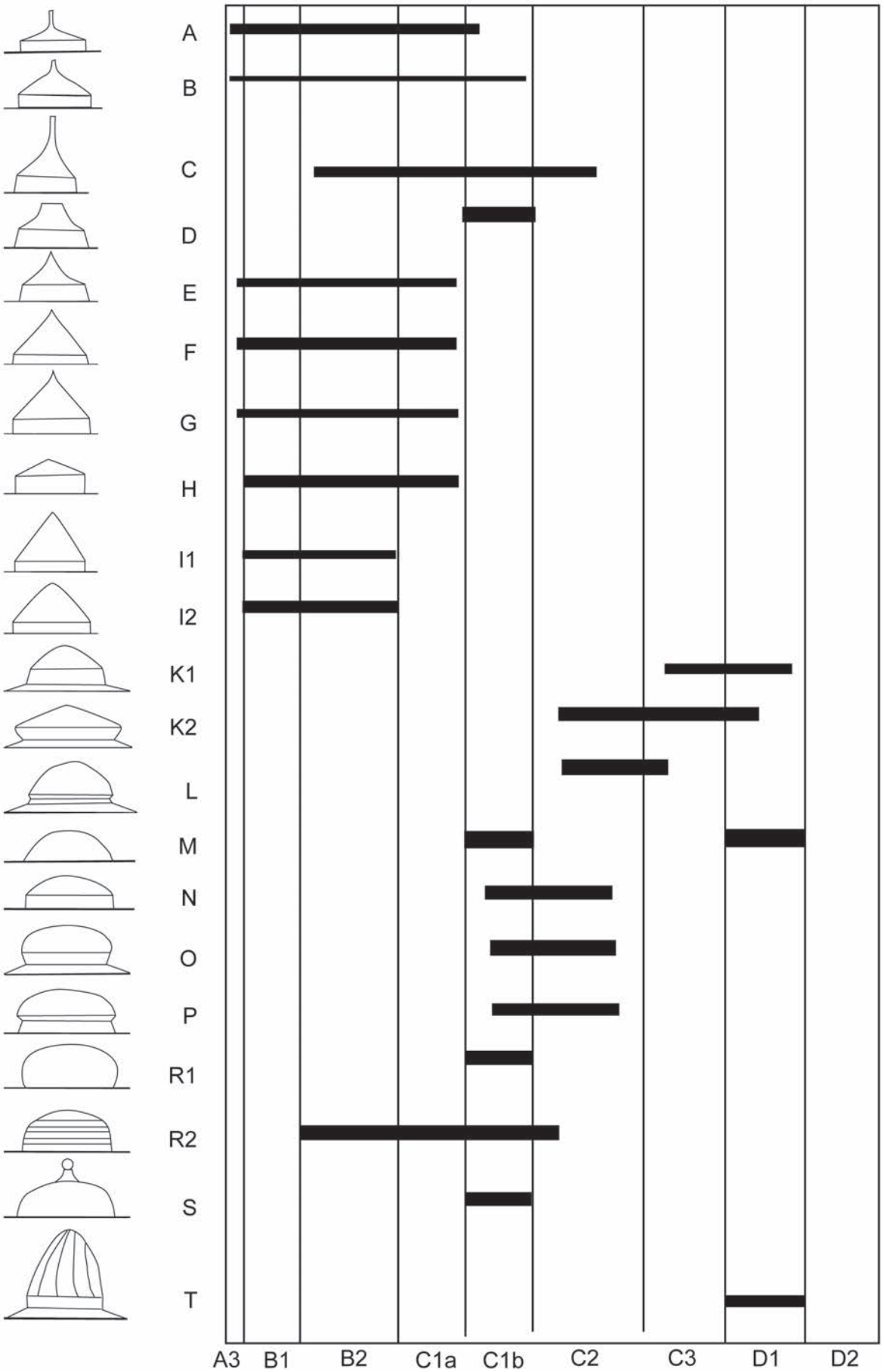


Рис.2. **Типы умбонов и их хронологические позиции** *(по Zieling, 1989; Illkær, 1990)*

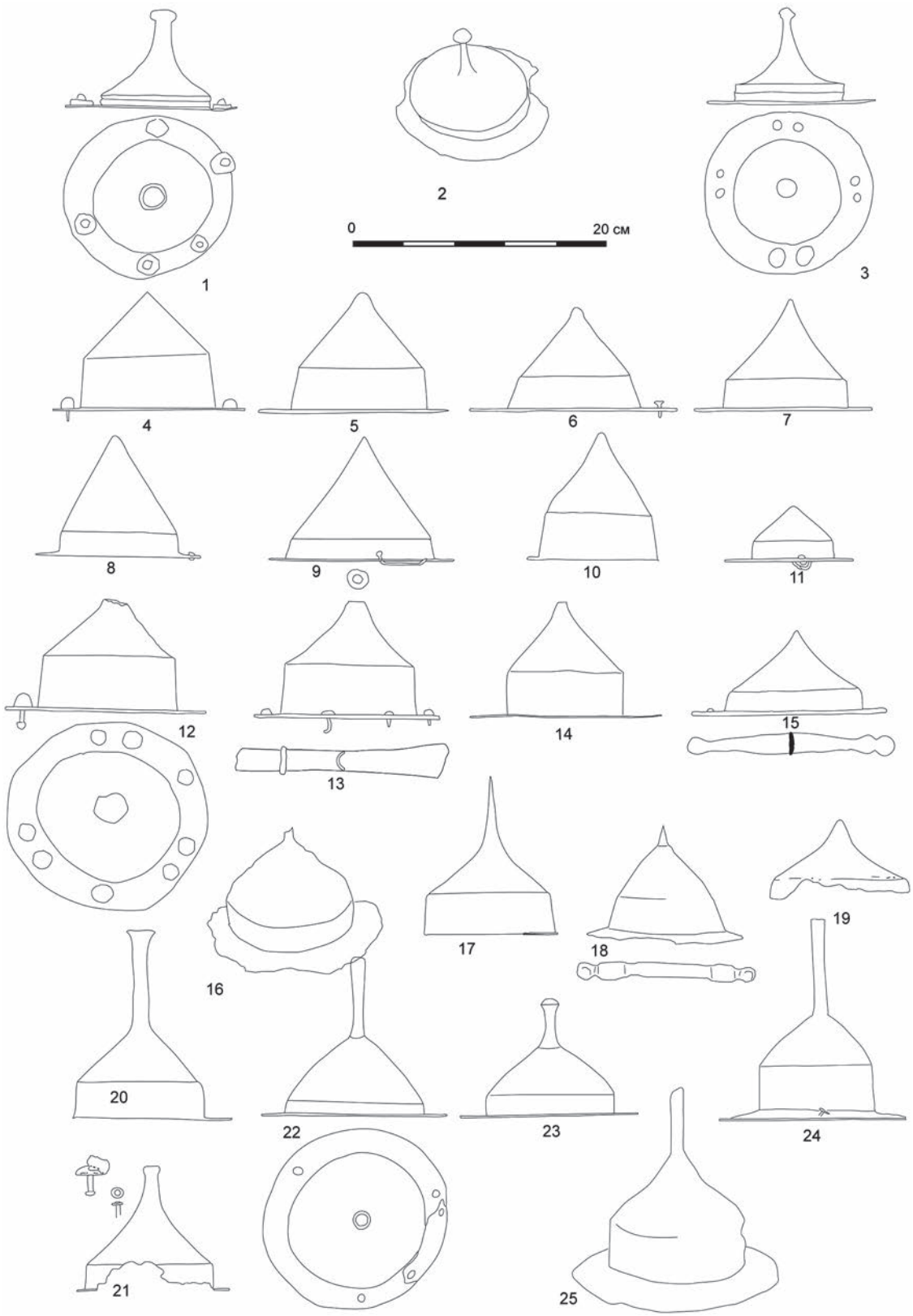


Рис. 3. **Умбоны (фазы B_2—C_1):**

1 — Eisliethen, п. 6; 2 — Wiekau, п. XIV; 3 — Dollkeim, п. 15; 4 — Wiekau; 5 — Medenau; 6 — Transsau; 7 — Ringels; 8 — Ringels; 9 — Margen; 10 — Margen; 11 — Schreitlacken; 12 — Althof-Insterburg; 13 — Regehnen, п. 28; 14 — Wiekau, п. 29; 15 — Dollkeim, п. 7; 16 — Rosenau; 17 — Ringels; 18 — Eisliethen, п. 32 (2004); 19 — Medenau; 20 — Kadgiehnen; 21 — Regehnen, п. XIIIc; 22 — Margen; 23 — Wiekau; 24 — Gaffken; 25 — Caymen

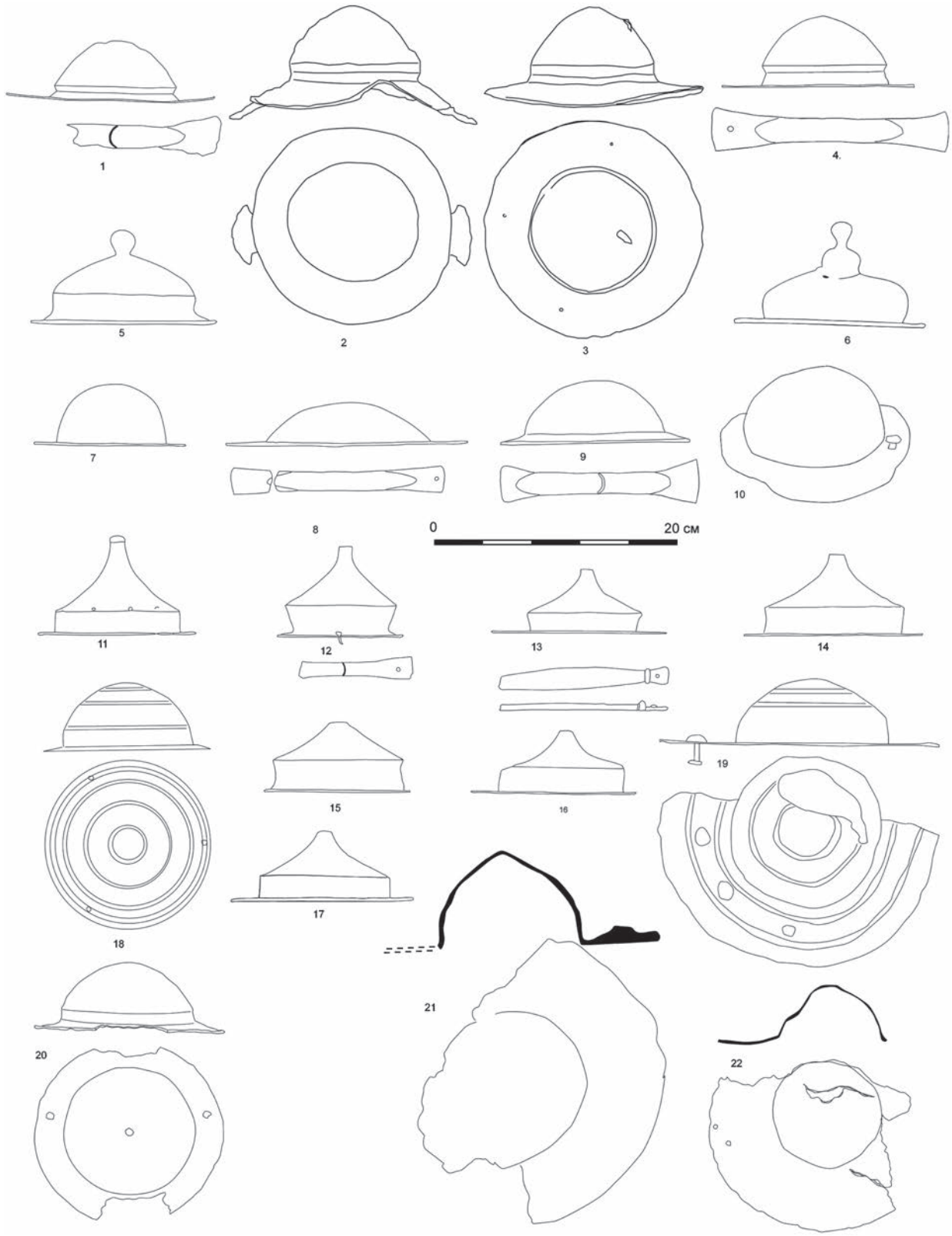


Рис. 4 **Умбоны (фазы C_2—О) и рукояти щитов:**

1 — Dollkeim, п. 253; 2 — Dollkeim-, п. 306; 3 — Aleika / Jaugehnen, п. 56; 4 — Wackern, п. 23; 5 — Transsau; 6 — Warengen, п. 3; 7 — Kunterstrauch; 8 — Wackern, п. 20; 9 — Greibau; 10 — Rosenau (без масшт.); 11 — Medenau; 12 — Regehnen, п. 81; 13 — Wackern, п. 38 (без масшт.); 14 — Craam; 15 — Cadgiehnen; 16 — Trutenau (без масшт.); 17 — Warengen, п. 4 (без масшт.); 18 — Elchdorf (без масшт.); 19 — Schakumehlen; 20 — Dollkeim, случ. находка; 21 — Dollkeim, п. 362; 22 — Hunenberg, случ. находка

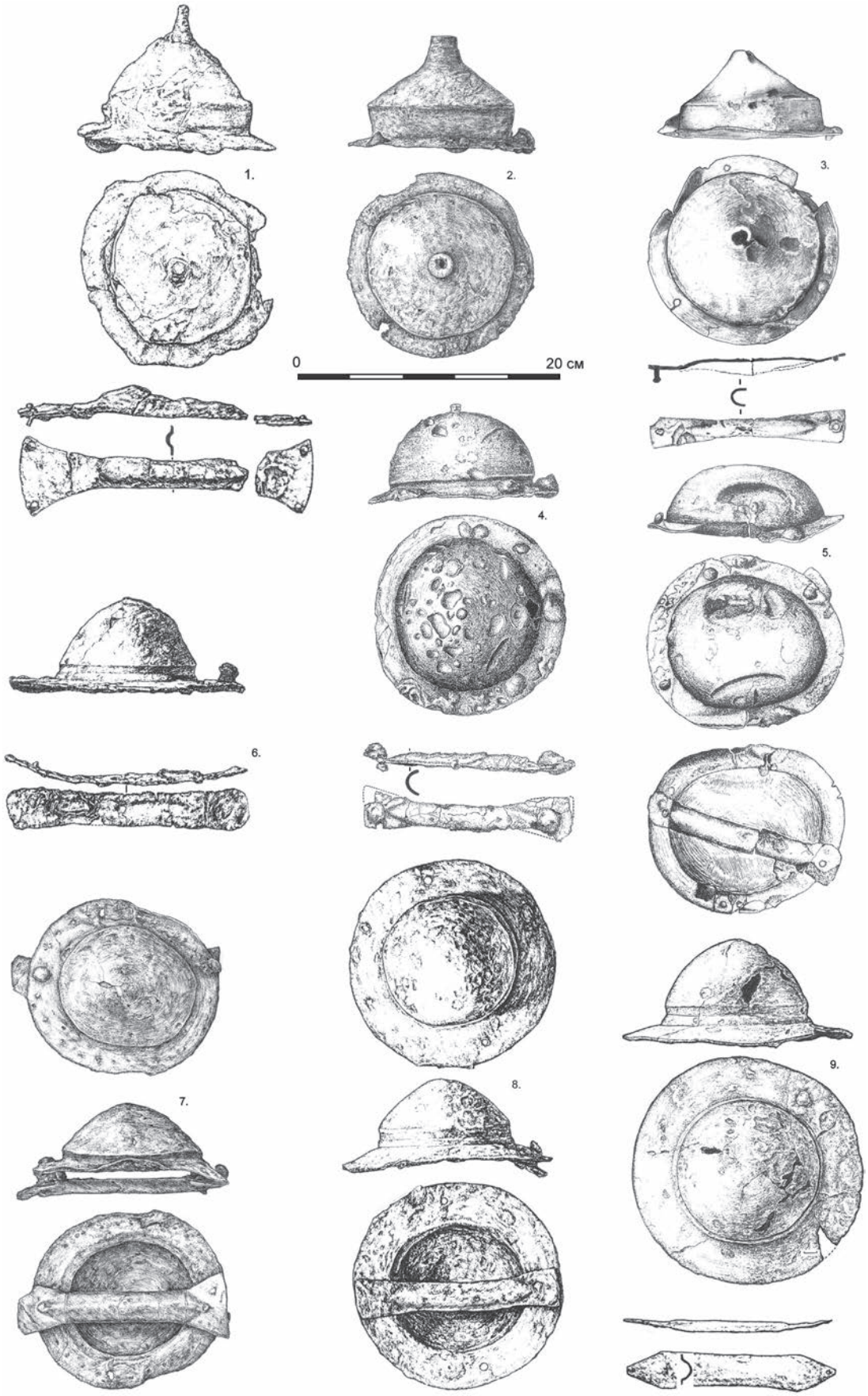


Рис. 5. **Умбоны из погребений могильника Lauth / Большое Исаково**:

1 — п. 64; 2 — п. 88; 3 — п. 176; 4 — п. 26; 5 — п. 28; 6 — п. 152; 7, 8 — п. 65; 9 — п. 155

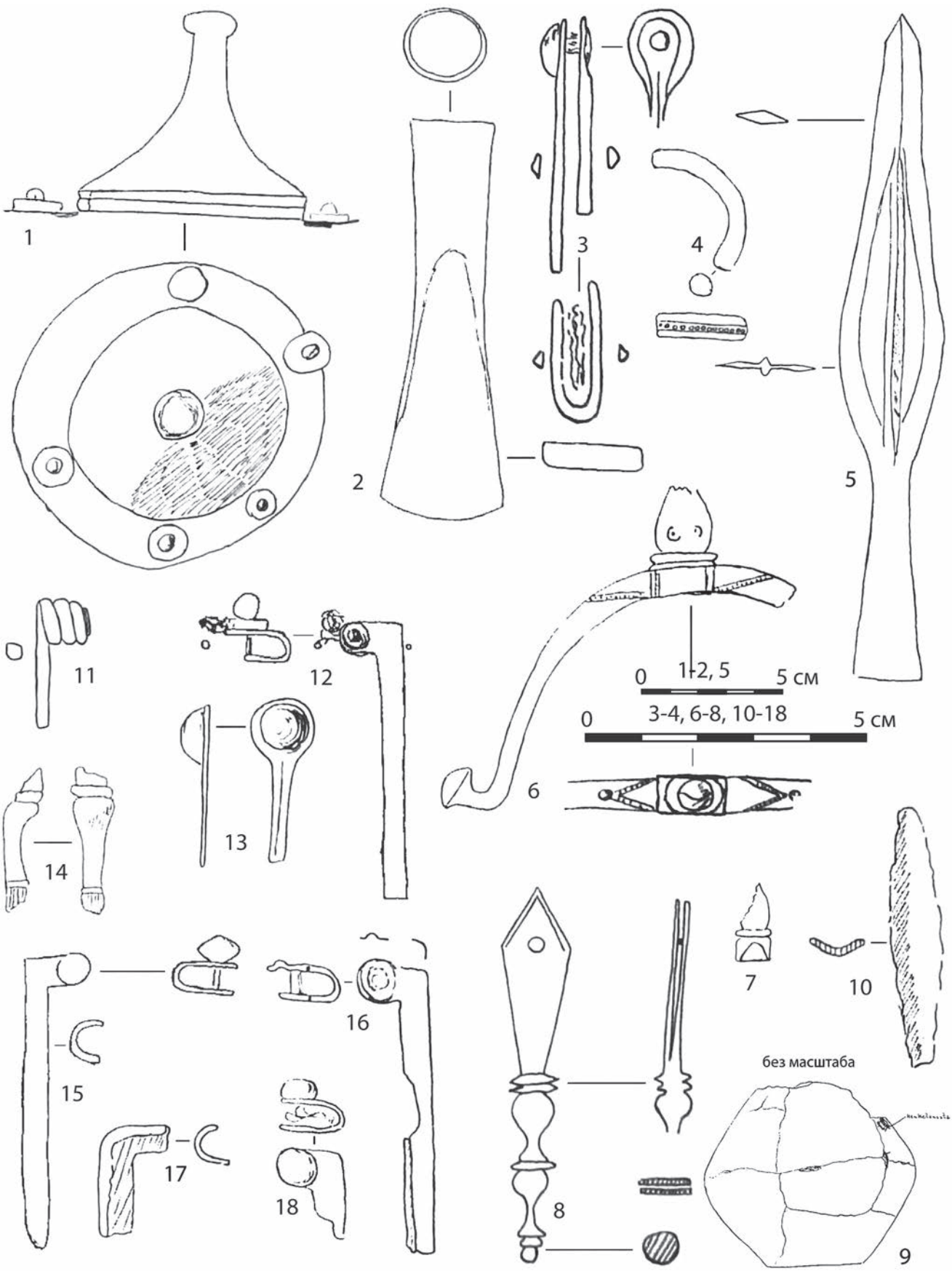


Рис. 6. **Eisliethen / Геройское-5, погр. 6:**

1—3, 5, 12—13, 15—18 — железо; 4, 6—8, 11, 14 — бронза; 13 — железо и бронза; 9 — лепная керамика

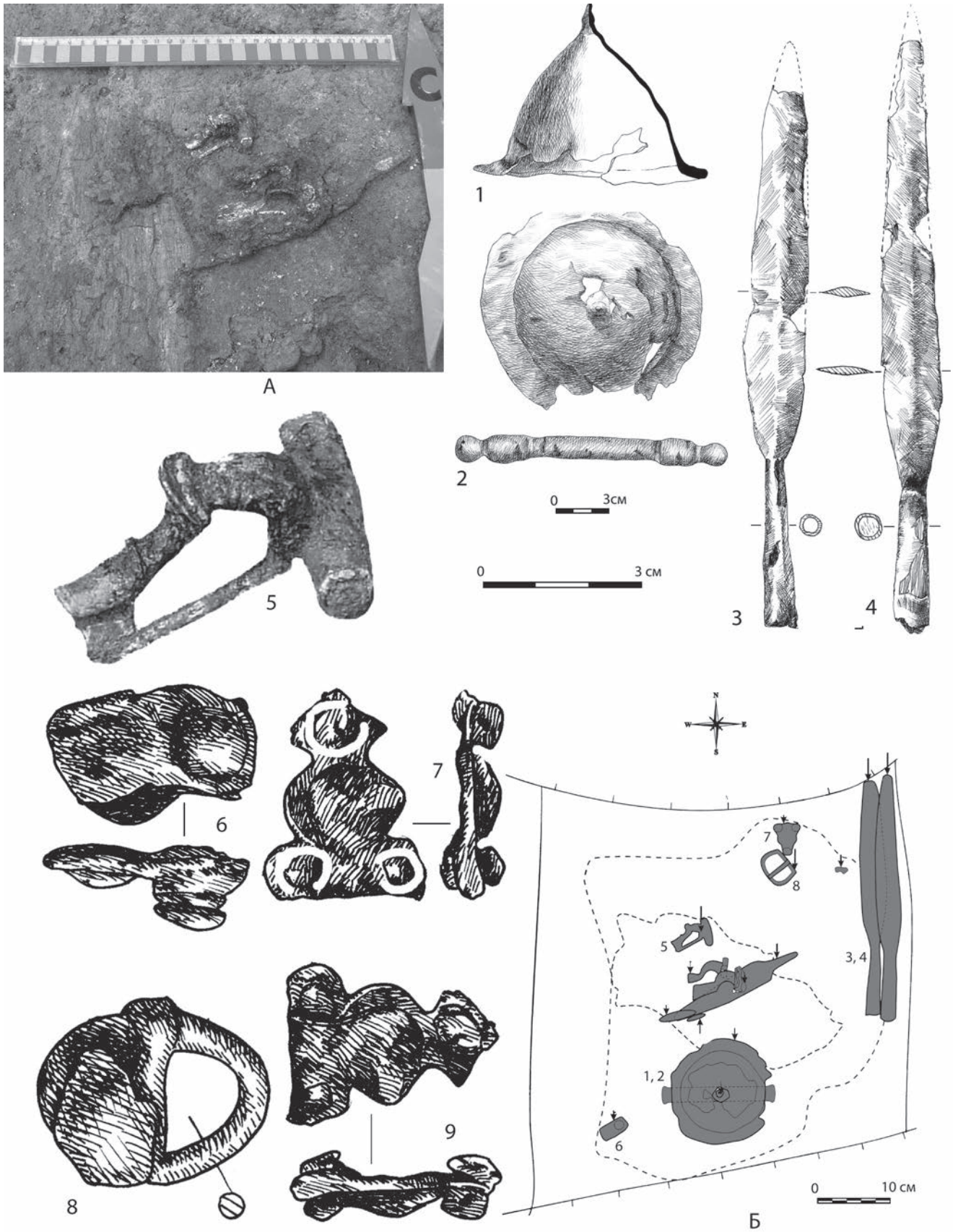


Рис. 7. **Eislithen / Геройское-5, погр. 32:**

А — часть поля щита, покрытого кожей, Б — план погребения; 1—4, 6—9 — железо; 5 — бронза

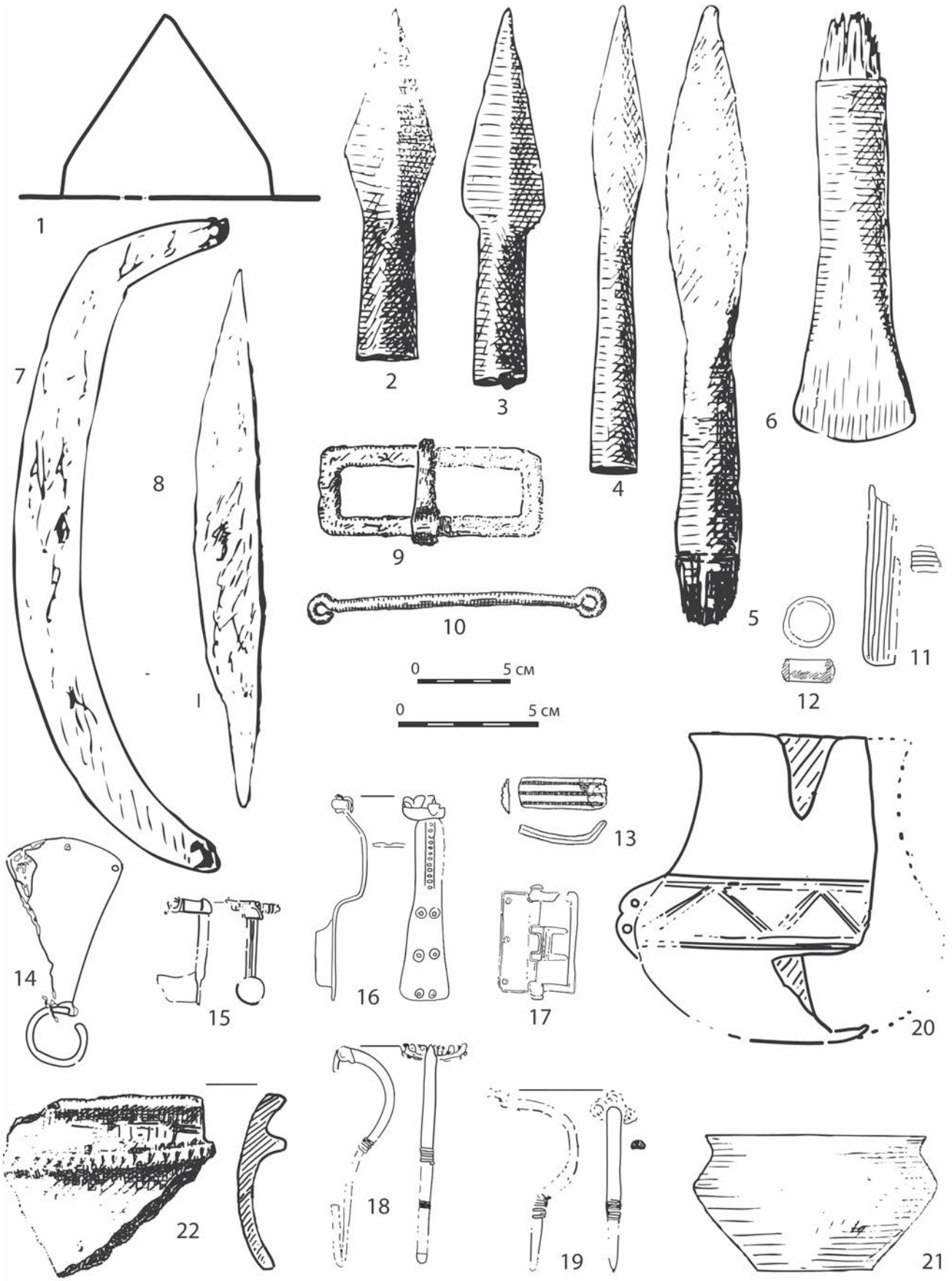


Рис. 8. **Gross-Friedrichsberg / Калининград, погр. 10:**

1—10 — железо; 12—19 — бронза; 11 — дерево; 20—22 — лепная керамика

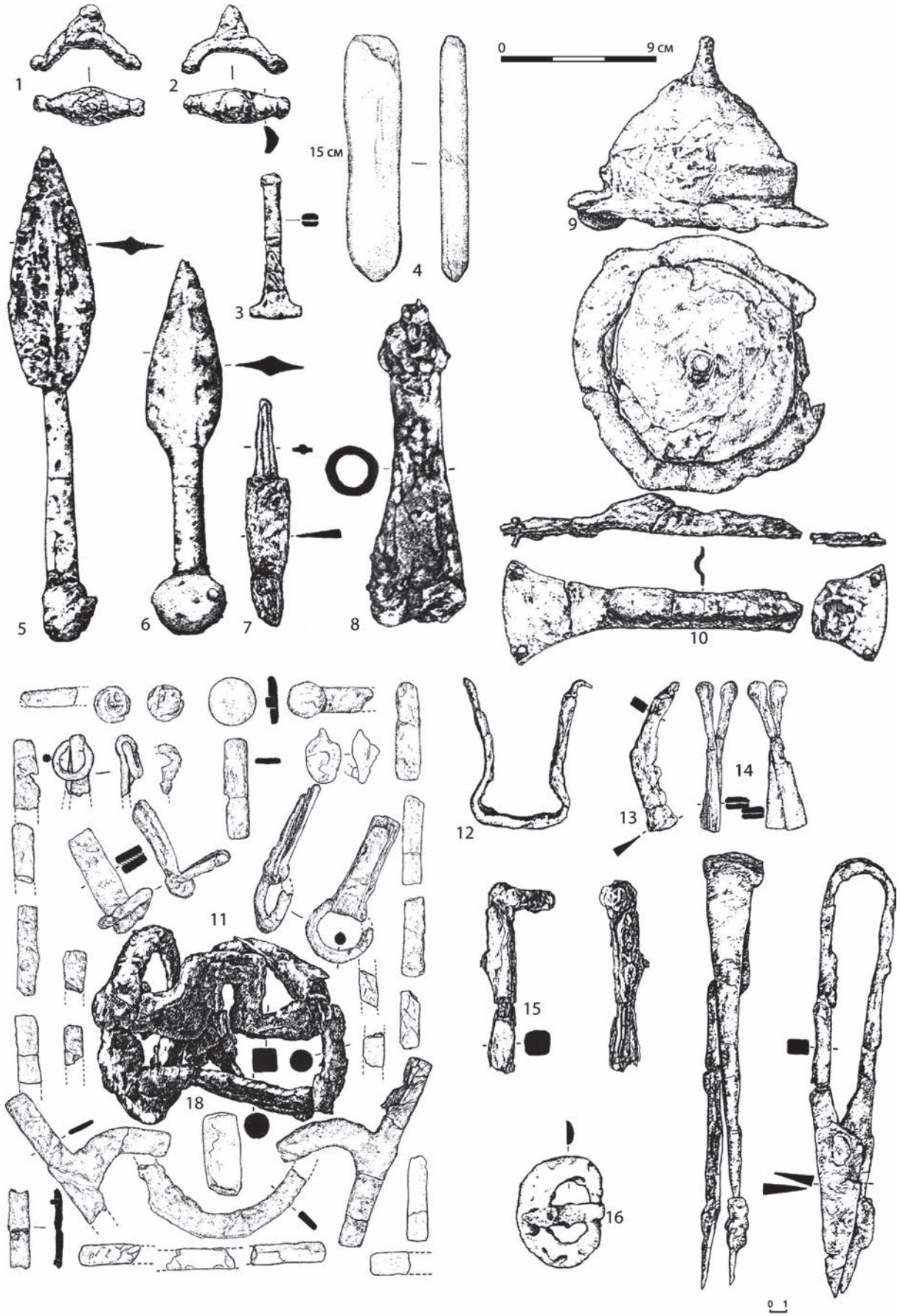


Рис. 9. **Lauth / Большое Исаково, погр. 64:**

1—16 — железо

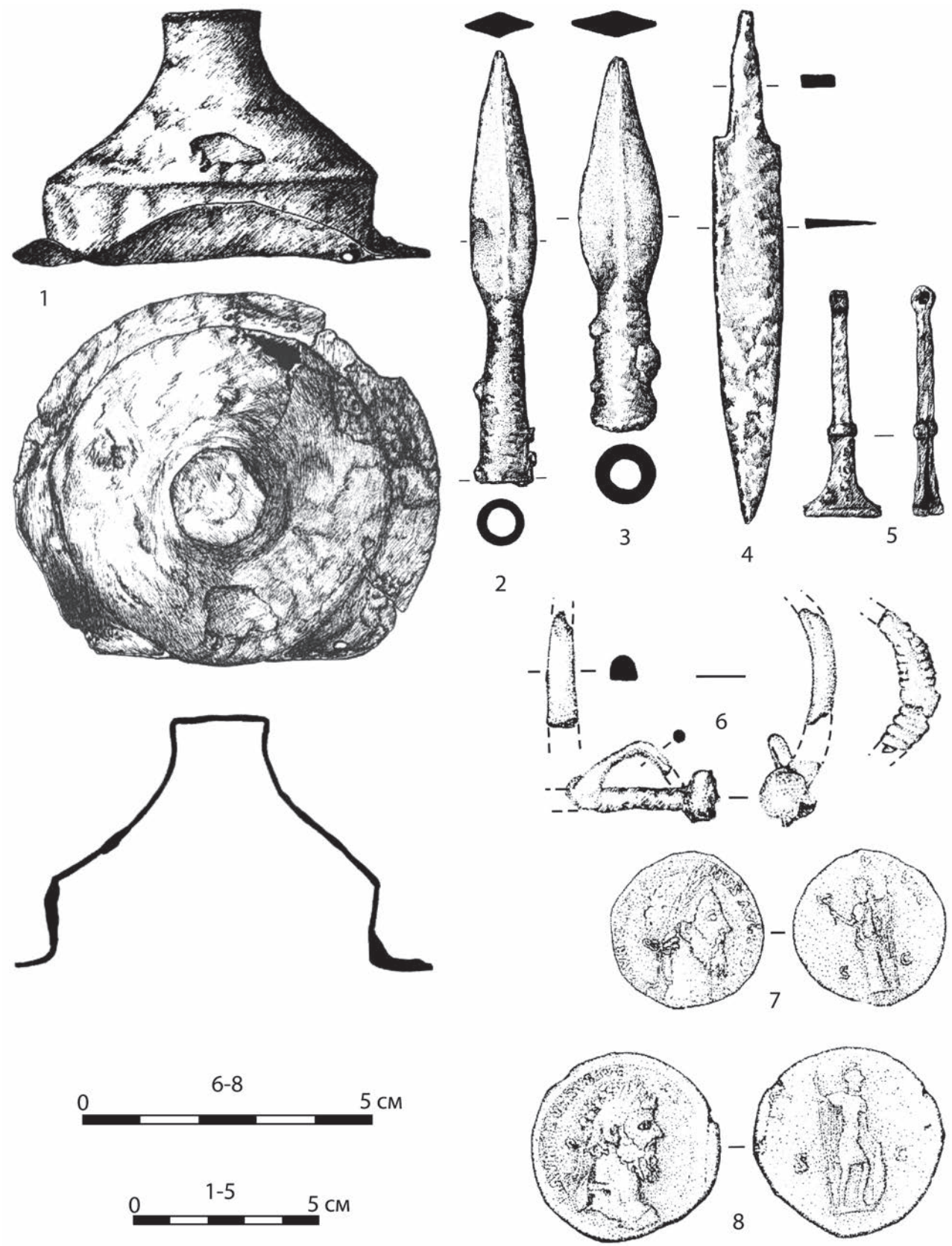


Рис. 10. **Jaugehnen / Алейка-3, погр. 297:**

1—5 — железо, 6—8 — бронза

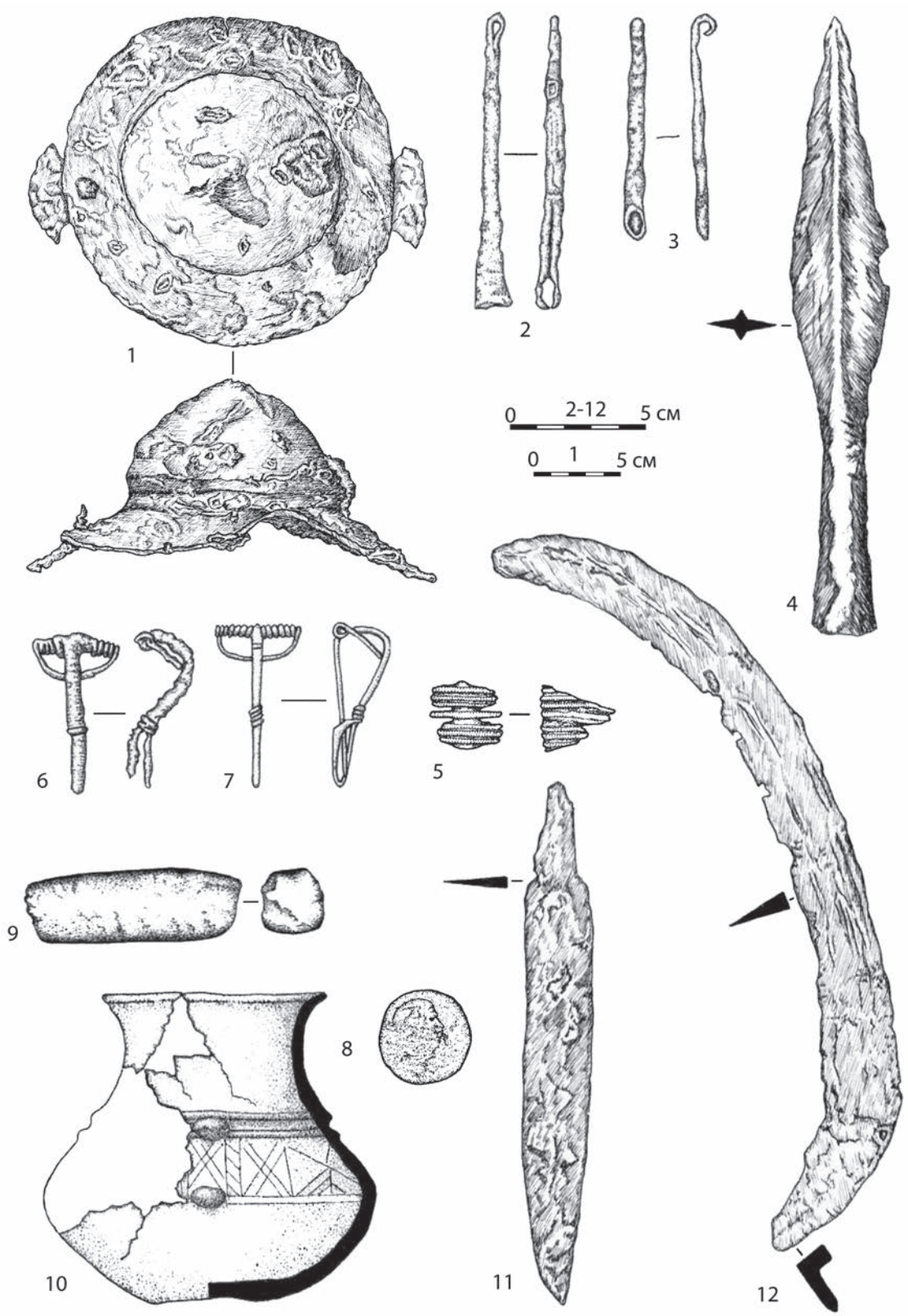


Рис. 11. **Dollkeim / Коврово, случайная находка середины 1990-х гг.:**
1—4, 11—12 — железо; 5—8 — бронза; 9 — камень; 10 — лепная керамика

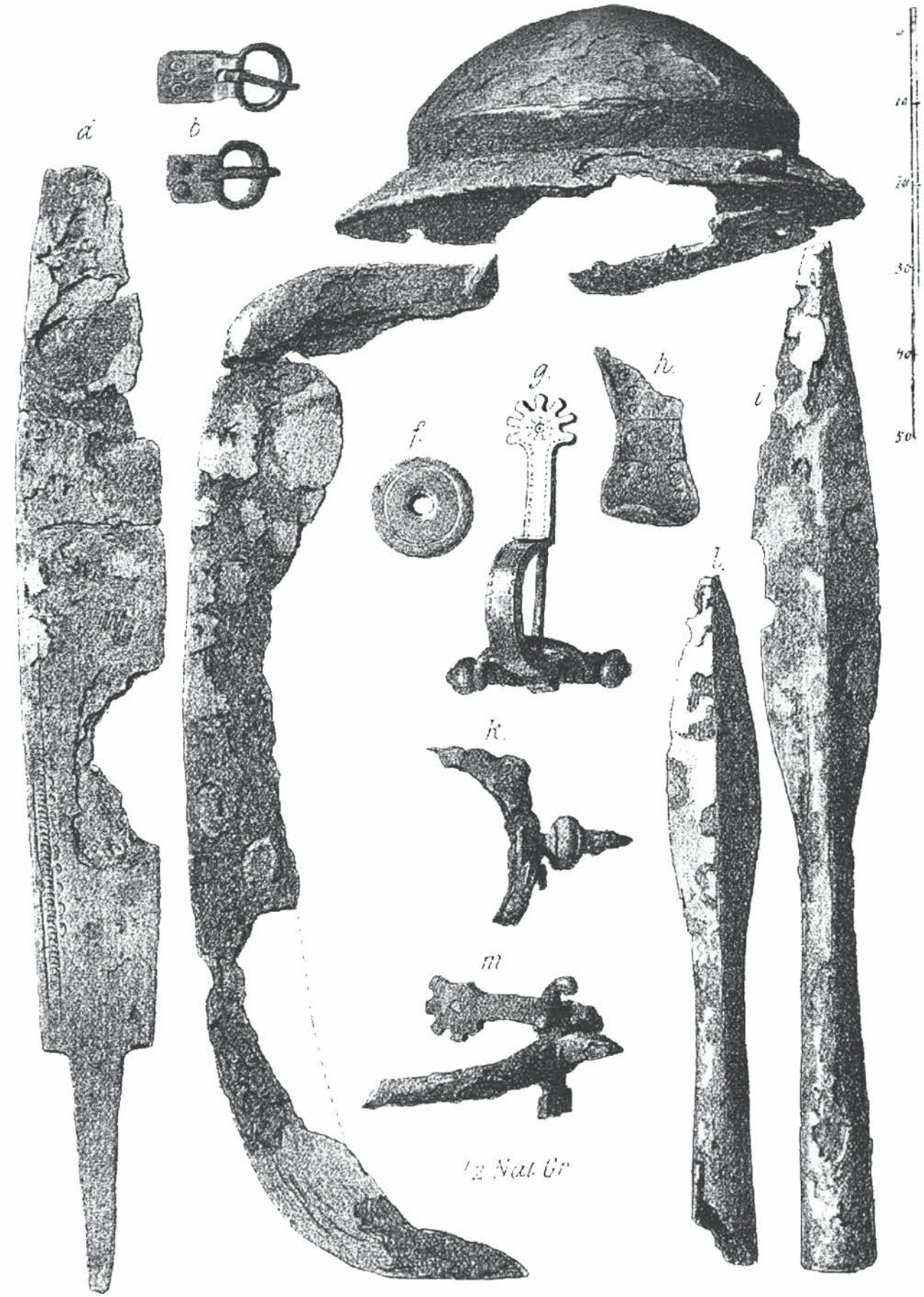


Рис. 12. **Grebiethen, погр. 43 (по Heydeck, 1888)**

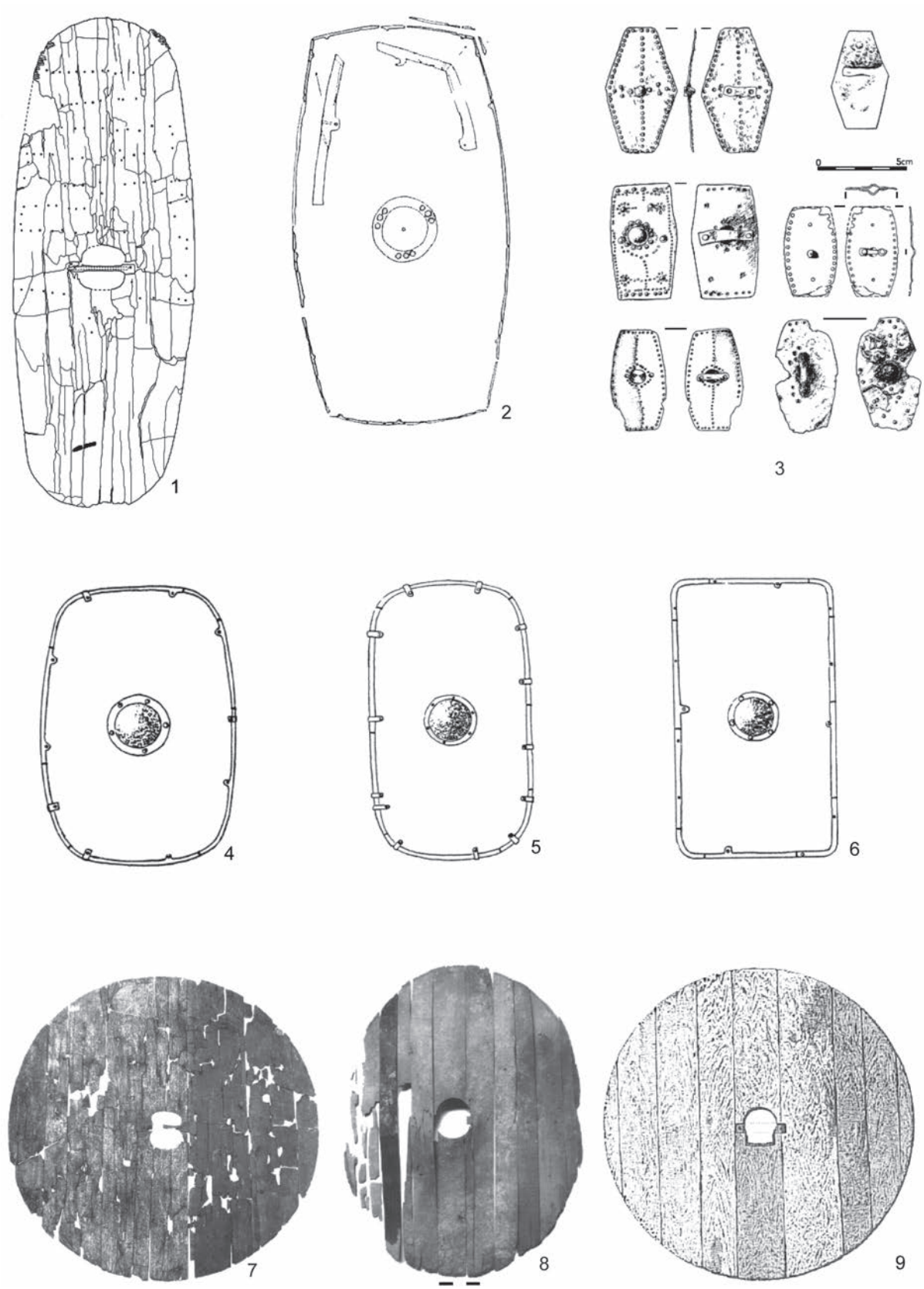


Рис. 13. **Формы щитов предримского и римского времени** *(без масштаба)*:

1 — Vædebro (Illkær, 2001, Abb. 319, 1); 2 — Hunn (Illkær, 1990, Abb. 184); 3 — миниатюрные изображения (по Andrzejowski, 2000, ryc. 2); реконструкция форм щитов (по La Baume, 1941); 4 — Gross Ottenhagen, погр. 19; 5 — Konschor, погр. 212; 6 — Dollkeim, погр. 15; 7 — Illerup SASZ (Illkær, 2001, Abb. 42); 8 — Dura Europos (James, 2004, Fig. 99); 9 — Thorsberg (Engelhardt, 1863, Pl. 8)

1

2

3

4

5

Рис. 14. **Изображения щитов в изобразительном искусстве:**

1 — котел из Гундеструп; 2 — трофей в Адамклисси. Метопа 15; 3 — надгробный камень Лепонтия (Krierer, 2004 , Taf. 45, 2); 4 — колонна Марка Аврелия; 5 — арка Константина

Войцех Новаковский

Польские исследования раннего железного века, римского периода и эпохи Великого переселения народов на территории Вармии и Мазурского Поозерья

В конце XIX в. и в первой половине XX в. особенное место в европейской археологии периода римского влияния занимал Кёнигсберг. Интенсивные полевые исследования, результаты которых почти сразу же публиковались в кёнигсбергских издательствах, старательный учет археологических памятников, чему наилучшим примером может послужить знаменитая карта Эмиля Холлака, хронологическая схема Отто Тишлера или позднейшие работы Макса Эберта, Карла Энгеля и Герберта Янкуна, свидетельствуют о том, что мы можем говорить о «кёнигсбергской школе» в археологии раннего железного века, римского периода и эпохи Великого переселения народов (Новаковски, 2005). После 1945 г. и послевоенного раздела Восточной Пруссии северная часть бывшей немецкой провинции перешла в сферу советской археологии, в южной части, т. е. на Вармии и Мазурском Поозерье, задачи «кёнигсбергской школы» взяли на себя польские ученые. Эта статья будет пробой ответа на вопрос, насколько и как польские археологи справились с новыми обязанностями по отношению к науке.

1. Первые двадцать пять лет (1945—1970)

Для польских археологов основной задачей в первые послевоенные годы было воссоздание научных ресурсов, утерянных во время военных действий, когда пропали почти все архивные материалы, была уничтожена большая часть музейных собраний, а сохранившиеся фрагменты коллекций зачастую не имели даже метрик. Благодаря действиям польских сотрудников музеев, удалось спасти значительную часть бывших собраний Музея «Пруссия» (Prussia-Museum), прежде всего керамику, а также фрагменты коллекций небольших локальных мазурских музеев, в том числе часть собраний Vaterländische Gedankhalle Lötzen, а также материалы из бывших музеев в Шчитне, современном Кёнтшине и Мронгове. Особенно велики заслуги Ежи Антоневича (Antoniewicz, 1946; *ср.*: Okulicz, 1958, с. 676), который не только спасал археологические коллекции, но и стал основоположником польских раскопок на Мазурском Поозерье. В 1949 г. этот археолог проводил исследования — на поселении эпохи римского влияния Вышемборк (Antoniewicz, 1977), а в 1950—1954 гг. — на городище и прилегающем поселении Езиорко около Гижицка (рис. 1) (Antoniewicz, Okulicz, 1958). Следует также отметить, что анализ материалов, собранных во время раскопок в Езиорке, был не только первой в польской археологии попыткой систематизации балтийской керамики раннего железного века, римского периода и эпохи Великого переселения народов, но и учитывал также в то время новаторские природные исследования растительных и животных остатков и человеческих костей (Krysiak, 1958; Miszkiewicz, 1958; Zabłocki, 1958). В кругу Антоневича было проведено также единственное в то время исследование прусских археологических материалов из раскопок, производимых до 1945 г., — монография могильника Богачево (Bogatzewen, Kulla—Brücke) авторства Ежи Окулича (Okulicz, 1958).

С 1955 г. Ежи Антоневич сконцентрировал свое внимание на курганных могильниках в окрестностях Сувалок, восточнее бывшей границы Восточной Пруссии, что приостановило развитие польских исследований на территории Вармии и Мазурского Поозерья. Во второй половине 50-х гг. XX в. раскопки ограничивались короткими спасательными работами, что в свою

очередь, вероятно, возбудило интерес к полевым исследованиям, проводимым в это время в Калининградской области, результаты которых были опубликованы в польских научных журналах (*ср.*: Guriewicz, 1959; Gurina, 1959). Широкомасштабные исследования, в рамках единой научной программы, польские археологи проводили только на юго-западной окраине бывшей Восточной Пруссии (бывшие Kreis Neidenburg и Kreis Soldau), а их результаты позволили выделить и описать так называемую нидзицкую группу, специфическую единицу на территории пшеворской культуры, характеризующуюся наличием отчетливых балтийских влияний (Okulicz, 1968; *ср.*: Odoj, 1962; Okulicz, 1962). Очень важными были также проводимые в 1961—1964 гг. раскопки в Пасыме около Шчитна, результаты которых позволили впервые ввести в научный оборот керамику с поселения так называемой *Masurgermanischekultur* (Odoj).

О широкомасштабных археологических раскопках в «польской части» Пруссии можно говорить только начиная с конца 1960-х гг., когда эта территория стала частью программных исследований, касающихся этногенеза славян (*ср.*: Dąbrowski, 1970). Это позволило провести до 1975 г. многочисленные раскопки, хотя в основном это были небольшие шурфы. Были изучены как курганы (Okulicz, 1970) и городища эпохи раннего железа (*например*: Dąbrowska, Kozłowka 2000), так и открытые поселения периода римского влияния и Великого переселения народов (Babič, Dąbrowska, Kozłowska, 2000; Dąbrowska, Kozłowska, 1976). На этом фоне выделяются исследования, проводимые на комплексе стоянок эпохи Великого переселения народов, охватывающие известный могильник Тумяны (бывшее Daumen) (рис. 2), а также несколько близлежащих поселений (*ср.*: Balke, 1970; Baranowski, Dąbrowski, Kowalczyk 2000; Dąbrowski, 1970, с. 71—73; Dąbrowski, 1970; Dąbrowski, 1975; Heydeck. Особенно важным наблюдением стали конские погребения, зафиксированные в той части могильника, которая была раскопана еще в XIX в. (Baranowski, 1996),— глубокие, засыпанные светлым песком ямы ранее не были замечены немецкими исследователями. Полному использованию найденных материалов препятствовали, однако, большие задержки в публикациях, вызванные непрерывным издательским кризисом, ввиду чего большое число аналитических разработок, а даже отчетов о раскопках с начала 1970-х гг. было опубликовано лишь двадцать лет спустя.

2. Возникновение новых археологических концепций (1970—1989)

С началом 1970-х гг. появились разработки, создающие новую картину археологии Пруссии. В 1970 г. в печати появилась книга Луции Окулич, в которой была выделена культура западнобалтийских курганов раннего железного века (Okulicz, 1970). В 1972 г., на конференции, посвященной археологическим культурам европейского Барбарикума, Ежи Окулич и Мариан Качыньски представили новые концепции культурных делений прусских земель в период римского влияния (Kaczyński, 1976; Okulicz, 1976). Годом позже, в 1973 г., т. е. более тридцати лет назад, была опубликована книга Ежи Окулича — основной синтез польских исследований по теме балтийской археологии (Okulicz, 1973). Эта монография подвела своего рода «конечный итог» достижениям немецкой археологии в Пруссии и одновременно начала новый этап иследований, проводимых уже следующим поколением ученых. Похожую роль сыграли также разработки Яна Ясканиса (Jaskanis; Jaskanis, 1977), упорядочивающие данные, касающиеся погребальных памятников периода римского влияния. Огромное значение имела также «революция» в хронологии периода римского влияния и Великого переселения народов, причиной которой в польской и европейской археологии стали разработки Казимежа Годловкого (Godłowski; Godłowski, 1974). Следует напомнить, что этот ученый в своих работах обращался к хронологической схеме Отто Тишлера, а находки римских монет из погребений, зарегистрированных на Самбии и Мазурском Поозерье, имели ключевое значение при определении абсолютных датировок выделенных фаз.

С приходом нового поколения, начавшего свою научную деятельность в 1970-е гг., постепенно увеличивалось число специалистов, зани-

мающихся балтийской археологией, результатом чего была интенсификация археологических раскопок. Были возобновлены раскопки на поселении Вышемборк, исследованном ранее Е. Антоневичем (Nowakowski, 1994), а также начаты новые работы на очередных балтийских стоянках (Lenarczyk, 1991; Siemaszko, 1991, с. 83). Особое место среди полевых работ заняли верификационные исследования, целью которых стали повторные «открытия» балтийских памятников, изученных до 1945 г. и затем «пропавших» из-за потери документации (Lempka; Nowakowski, 1975; Waluś, Nowakowski, 1973), а также повторные раскопки таких стоянок. Самым лучшим примером такой деятельности являются археологические раскопки могильника Лавки, на котором среди следов раскопанных ранее объектов были зафиксированы нетронутые погребения эпохи римского влияния (Bitner-Wróblewska, 1995).

Огромную роль в популяризации балтийской археологии в конце 1970-х — начале 1980-х гг. сыграла большая выставка «Балты — северные соседи славян» (Jaskanis, Kaczyński, 1991), которая в нескольких версиях была показана в Польше и почти во всей Европе. Среди экспонатов были археологические артефакты, найденные не только во время новых, еще не опубликованных раскопок, но и фрагменты сохранившихся довоенных коллекций музеев. Полной документацией показываемых материалов были обширные каталоги выставки (Biegel, Jaskanis, 1987; Jaskanis, Kaczyński, 1981; Meli, 1992). Открытия этой выставки сопровождались научными сессиями, в течение которых обсуждалась культурная ситуация Вармии и Мазурского Поозерья в эпоху римского влияния и Великого переселения народов (*ср.*: Kaczyński, 1991; Okulicz, 1991).

Пробой подведения итогов исследований балтийской археологии, проводимых во второй половине 1970-х и в 1980-е гг., стал I Семинар Балтийской Археологии, имевший место в 1987 г. в Ольштыне (Okulicz-Kozaryn, 1991). Результатом этого семинара были новые попытки упорядочить культурную и хронологическую картины прусских земель начиная с раннего железного века до окончания периода Великого переселения народов (Kowalski, 1991; Nowakowski, 1991; Waluś, 1991). Похожий эффект имел изданный во второй половине 1980-х гг. «балтийский» том Археологических Известий (Wiadomości Archeologiczne) со статьями, в которых были собраны материалы из довоенных и послевоенных исследований (*ср. например*: Bitner-Wróblewska, 1991; Nowakowski, 1991).

Наряду с балтийской археологией в 80-е гг. XX в. развивались исследования памятников готских племен (вельбарская культура) на территории Вармии. Несмотря на то что полевые раскопки в этом регионе были довольно немногочисленны, богатые материалы, найденные на могильниках Кросно и Веклице около Эльблонга (Okulicz, 1990; Okulicz, Bursche, 1987), а также результаты полевых разведок на Вармии (Okulicz, Jagodziński, 1987) внесли значительный вклад в картину вельбарской культуры на этой территории. Одновременно предпринимались попытки воссоздать довоенные знания на тему вельбарской культуры на Вармии и в части Гданьского Поморья, на восток от Вислы, анализируя сохранившиеся архивные данные (Andrzejowski, Bursche, 1986; 1987).

Тенденции ввода в научный оборот материалов и результатов исследований, проводимых до 1945 г., были в конце 1980-х гг. в польской археологии «Восточной Пруссии» очень отчетливо видны. Символическим концом этого периода следует считать появление в польской научной литературе двух больших статей, касающихся именно таких находок (Schmiedehelm, 1990; Кулаков, 1989). Несмотря на типичные для этого времени издательские недостатки, они являются ценными источниками и одновременно — показателем развития работ над анализом архивных данных, касающихся бывших коллекций, огромный прирост которых произошел в Польше в течение последних пятнадцати лет.

3. Последние пятнадцать лет (1990—2005)

Отсутствие временной перспективы по отношению к последним пятнадцати годам затрудняет описание этого этапа развития польской археологии на территории Вармии и Мазурского Поозерья. В настоящий момент кажется, что после 1989 г. началась новая эра, результатом которой могут стать совершенно новый подход к древностям и одновременно новые формы

изучения, а также возможности сотрудничества между археологами.

Несмотря на то что самые важные открытия, касающиеся археологии бывшей Восточной Пруссии, произошли вне Польши, в Берлине и в Калининграде, где была возвращена науке большая часть коллекции довоенного Музея «Пруссия» (Prussia-Museum) (Reich, 2003; Валуев, 2005), а также его археологического архива (Junker, Wieder, 2003), польские археологи активно подключились к воссозданию и анализу прежних археологических ресурсов (рис. 3) (*ср.*: Hoffmann, Sobieraj, 1999). Это касается прежде всего материалов из научных картотек ученых, работавших в Восточной Пруссии до 1945 г.: в течение последних лет было опубликовано несколько статей на основании материалов из архива Марты Шмидехельм (Juga, Nowakowski, Szymański, 2000; 2003; Juga-Szymańska, Szymański 2004), были предприняты попытки использования в научных целях наследия Феликса Якобсона (Bitner-Wróblewska, 1999), Карла Энгеля (Nowakowski, 2003), а также колоссальных ресурсов данных из архива Герберта Янкуна (Banytė-Rowell, Nowakowski, 2001; Cieśliński, 2001; Nowakowska, 2003). Были опубликованы материалы из до сих пор совершенно неизвестных коллекций локальных музеев Восточной Пруссии (*ср.*: Karczewska, 1999; Wyczółkowski, 1994).

Новое поколение ученых, начавших свою научную деятельность после 1990 г., положило начало интенсивным полевым исследованиям (*ср.*: Karczewska, Karczewski, 2002), причем видны некоторые изменения по сравнению с предыдущими годами. Одним из них является совершенно иное отношение к керамике, ранее почти незамечаемой, а сейчас считающейся основным культурным и хронологическим индикатором. Свидетельством этих перемен являются специальные научные конференции, посвященные балтийской керамике (Karczewska, Karczewski, 2004; Karczewski, 1998), а также детальные разработки, касающиеся этой темы (*например*: Bitner-Wróblewska, 1994; Szymański, 2000).

Очередной переменой, которая произошла в 90-е гг. XX в., были тенденции к концентрации археологических раскопок в пределах поселенческих микрорегионов. Результаты таких раскопок позволяют реконструировать древнюю поселенческую структуру и ее потенциальные изменения. Такие микрорегиональные исследования были проведены вокруг озера Салент, на Мазурском Поозерье (Szymański, 2005), довольно развиты также работы на поселенческом комплексе над бывшим озером Нетлице (Karczewska, Karczewski, 2002). В недалеком будущем похожих результатов следует ожидать также от раскопок на стоянках периода римского влияния и Великого переселения народов в долине реки Голдапы.

Следует подчеркнуть, что поколение польских археологов, которое начало свою научную деятельность в середине 90-х гг. XX в., не обременено ни травмами Второй мировой войны, ни антипатиями, вызванными обязательной «дружбой между народами» в послевоенные годы. Для этого поколения в порядке вещей свободное передвижение между археологическими учреждениями всех стран, имеющих выход к Балтийскому морю, и совместные с коллегами из этих стран проекты по анализу до недавнего времени утерянных материалов. Лучшим примером этих новых перспектив является изданная несколько лет назад книга, посвященная «неизвестным коллекциям и архивным данным» из Пруссии, — совместный проект польских, немецких, литовских и русских археологов (Hoffmann, Sobieraj, 1999). Можно только надеяться, что этот пример даст направление совместным действиям балтийской археологии в XXI в., что в свою очередь позволит польским археологам выполнить свои задачи в исследованиях на территории Вармии и Мазурского Поозерья.

Перевод A. Juga-Szymańska

Литература

Andrzejowski J., Bursche A. Stan i potrzeby badań nad okresem rzymskim na wschód od dolnej Wisły // Godłowski K., Madyda R. — Legutko [ред.], Stan i potrzeby badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich w Polsce — Kraków, 1986. — S. 319—342.

Andrzejowski J., Bursche A. Archeologia biblioteczna. Cmentarzyska kultury wielbarskiej w Krośnie, stanowisko 1 i w Wielbarku, woj. elbląskie // Pawłowski A. [ред.], Badania archeologiczne w woj. elbląskim w latach 1980—1983. — Malbork, 1987. — S. 233—277.

Antoniewicz J. Stan zachowania zbiorów prehistorycznych na Warmii, północnym Mazowszu i na dolnym Powiślu // Z Otchłani Wieków. — 1946. — XV. — S. 92—96.

Antoniewicz J. Wyniki badań na osadzie (stanowisko 1) z okresu wpływów rzymskich w Wyszemborku, woj. olsztyńskie // Wiadomości Archeologiczne. — 1977. — XLII. — S. 213—225.

Antoniewicz J., Okulicz J. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych, przeprowadzonych w latach 1951—1954 w Jeziorku, pow. Giżycko // Materiały Starożytne. — 1958. — III. — S. 7—69.

Babič B., Dąbrowska I., Kozłowska R. Wyniki badań wykopaliskowych we Franknowie, woj. olsztyńskie, w latach 1974—1975 // Barbaricum 6. — Warszawa, 2000. — S. 271—272.

Balke B. Wyniki prac archeologicznych przeprowadzonych w miejscowości Bartołty Wielkie w latach 1969—1970 // Komunikaty Mazursko—Warmińskie. — 1970. — № 4 (110). — S. 651—656.

Banytė-Rowell R., Nowakowski W. Ein kaiserzeitliches Grab mit einer Brustkette aus Adlig—Heydekrug (Šilutės Dvaras) im Lichte der Archivalien aus dem Nachlass von Herbert Jankuhn // Lietuvos Archeologija. — 2001. — № 21. — S. 121—128.

Baranowski T., Dąbrowski K., Kowalczyk D. Badania wykopaliskowe w Tumianach, gmina Barczewo, w latach 1974—1975 // Barbaricum 6. — Warszawa, 2000. — S. 268—270.

Baranowski T., Dąbrowski K., Kowalczyk D., Meyza K. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych w Tumianach, powiat olsztyński, w 1973 roku // Rocznik Olsztyński. — 1976. — XI. — S. 211—216.

Baranowski T. Pochówki koni z Tumian, w woj. olsztyńskim // Archeologia Polski. — 1996. — XLI. — S. 65—130.

Biegel G., Jaskanis J. [ред.] Die Balten. Die nördlichen Nachbarn der Slawen. — Freiburg i. Br., 1987.

Bitner-Wróblewska A. Zapinki z gwiaździstą i łopatkowatą nóżką z południowo-wschodnich wybrzeży Bałtyku // Wiadomości Archeologiczne. — 1986—1990 (1991). — LI/1. — S. 49—80.

Bitner-Wróblewska A. Z badań nad ceramiką zachodniobałtyjską w okresie wędrówek ludów. Problem tzw. kultury sudowskiej // Barbaricum 3. — Warszawa, 1994. — S. 219—241.

Bitner-Wróblewska A. Pochwała archeologii archiwalnej. O lokalizacji zachodniobałtyjskiego cmentarzyska w Ławkach (b. Lawken) koło Rynu. // Nunc de Suebis dicendum est. Studia archaeologica et historica Georgio Kolendo ab amicis et discipulis dicata. Studia dedykowane profesorowi Jerzemu Kolendo w 60-lecie urodzin i 40-lecie pracy naukowej. — Warszawa, 1995. — S. 73—84.

Bitner-Wróblewska A. Archiwum Feliksa Jakobsona w Rydze — nieoczekiwana szansa dla archeologii bałtyjskiej // Hoffman M. J., Sobieraj J. [ред.]. Archeologia ziem pruskich. Nieznane zbiory i materiały archiwalne. — Olsztyn, 1999. — S. 203—212.

Cieśliński A. Materiały z cmentarzyska w Krośnie, powiat pasłęcki, z kartoteki Herberta Jankuhna // Nowakowski W., Szela A. [ред.]. Officina archaeologica optima. Studia ofiarowane Jerzemu Okuliczowi-Kozarynowi w siedemdziesiąta rocznicę urodzin. — Warszawa, 2001. — S. 47—63.

Dąbrowska I., Kozłowska R. Sprawozdanie z badań osady wczesnośredniowiecznek we Franknowie, powiat biskupiecki w 1973 roku // Rocznik Olsztyński. — 1976. — XI. — S. 217—224.

Dąbrowska I., Kozłowska R. Badania sondażowe grodziska wczesnośredniowiecznego w Janowie, gm. Sorkwity // Barbaricum 6. — Warszawa, 2000. — S. 272—275.

Dąbrowski K. Prace wykopaliskowe Zespołu do Badań Etnogenezy Słowian w Polsce Północno—Wschodniej IHKM PAN w 1969 roku // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. — 1970. — № 1(107). — S. 67—78.

Dąbrowski K. Badania wykopaliskowe w Tumianach, pow. olsztyński w 1970 r. // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. — 1970. — № 4(110). — S. 642—650.

Dąbrowski K. Archaeological investigations at Tumiany near Olsztyn // Archaeologia Polona. — 1975. — № 16. — S. 179—197.

Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe, Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego — Prace Archeologiczne 11. — Kraków.

Godłowski K. Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce północno-wschodniej // Rocznik Białostocki. — 1974. — XII. — S. 9—109.

Guriewicz F. D. (Гуревич Ф. Д.) Niektóre dane o osadach i grodziskach Sambii // Rocznik Olsztyński. — 1959. — II. — S. 205—220.

Gurina N. N. (Гурина Н. Н.) Niektóre nowe materiały do pradziejów Mierzei Kurońskiej i Sambii // Rocznik Olsztyński. — 1959. — II. — S. 195—204.

Heydeck J. Das Gräberfeld von Daumen und ein kryte

w miejscowości Bogaczewo, na przysiółku Kula, pow. Giżycko // Rocznik Olsztyński. — 1958. — I. — S. 47—116.

Okulicz J. Niektóre zagadnienia struktury osadnictwa okresów późnolateńskiego i rzymskiego w północnowschodniej Polsce // Studia Z Dziejów Osadnictwa 6. — Warszawa, 1968. — S. 29—47.

Okulicz J. Dr Jerzy Antoniewicz (1919—1970) // Komunikaty Mazursko—Warmińskie. — 1958. — № 4 (110). — S. 675—678.

Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. — Wrocław, 1973.

Okulicz J. Powiązania pobrzeża wschodniego Bałtyku i centrum sambijskiego z południem w podokresie wczesnorzymskim // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego—Prace Archeologiczne 22. — Kraków, 1976. — S. 185—205.

Okulicz J. Das Gräberfeld von Weklice. Zur Besiedlungsgeschichte des Weichseldeltaraums in der römischen Kaiserzeit // Archeologia. — 1989 (1990). — XL. — S. 115—127.

Okulicz J. Problemy pochodzenia Bałtów i Słowian w świetle źródeł archeologicznych i językoznawczych // Rocznik Białostocki. — 1991. — XVI. — S. 109—143.

Okulicz J., Bursche A. Badania birytualnego cmentarzyska kultury wielbarskiej w Krośnie, na stanowisku 1 i w woj. elbląskim // Pawłowski A. [ред.]. Badania archeologiczne w woj. elbląskim w latach 1980—1983. — Malbork, 1987. — S. 207—231.

Okulicz J., Jagodziński M. Dotychczasowe wyniki zdjęcia archeologicznego województwa elbląskiego oraz wnioski badawcze i konserwatorskie z nich płynące // Pawłowski A. [ред.]. Badania archeologiczne w woj. elbląskim w latach 1980—1983. — Malbork, 1987. — S. 7—26.

Okulicz Ł. Prace wykopaliskowe przeprowadzone we wsi Gródki, pow. Działdowo // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. — 1962. — № 4 (78). — S. 815—818.

Okulicz Ł. Sprawozdanie z badań kurhanu w miejscowości Biesowo, pow. biskupiecki w 1970 r. // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. — 1970. — №4 (100). — S. 633—638.

Okulicz Ł. Kultura kurhanów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żelaza. — Wrocław, 1970.

Okulicz-Kozaryn J. [ред.]. Archeologia bałtyjska. — Olsztyn, 1991.

Reich Chr. Archäologie einer vorgeschichtlichen Sammlung. Die Bestände des ehemaligen Prussia-Museum im Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte // Archäologisches Nachrichtenblatt. — 2003. — № 8. — S. 14—23.

Schmiedehelm M. Das Gräberfeld Gąsior // Archaeologia Baltica IX. — Łódź, 1990. — S. 5—126.

Siemaszko J. Archeologiczne badania wykopaliskowe w woj. suwalskim w latach 1981—1989 // Rocznik Suwalsko-Mazurski. — 1991. — 1. — S. 75—89.

Szymański P. Ceramika z cmentarzysk kultury bogaczewskiej. Próba analizy na podstawie wybranych materiałów // Barbaricum 6. — Warszawa, 2000. — S. 109—201.

Szymański P. Mikroregion osadniczy z okresu wpływów rzymskich w rejonie jeziora Salęt, na Pojezierzu Mazurskim. — Warszawa, 2005.

Waluś A. Problemy badawcze wczesnej epoki żelaza na obszarze północno-wschodniej Polski // Okulicz-Kozaryn J. [ред.]. Archeologia bałtyjska. — Olsztyn, 1991. — S. 17—24.

Waluś A., Nowakowski W. Sprawozdanie z weryfikacyjnych badań stanowisk archeologicznych w 1972 roku w południowej części pow. mrągowskiego i w północnej części pow. szczycieńskiego // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. — 1973. — № 3(121). — S. 353—357.

Wyczółkowski M. Nieznane materiały archiwalne do stanowisk archeologicznych w Stawnicy, gm. Korsze (dawne Oberteich, Kr. Rastenburg) z archwium Muzeum im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Kętrzynie // Barbaricum 3. — Warszawa, 1994. — S. 207—218.

Zabłocki J. Wyniki badań nad współczesną roślinnością grodziska i jego otoczenia w Jeziorku, pow. Giżycko // Materiały Starożytne. — 1958. — III. — S. 79—84.

Валуев А. История калининградской части коллекции Музея «Пруссия» / Адлунг Ф., Карнап-Борнгейм К. Ф., Ибсен Т., Валуев А. [ред.]. Коллекции Музея «Пруссия» в фондах Калининградского областного историко-художественного музея. — Шлезвиг, 2005. — С. 28—39.

Кулаков В. И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V—начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878—1938 гг.) // Barbaricum 1. — Warszawa, 1989. — С. 148—272.

Новаковски В. «Кёнигсбергская школа» археологии с ее начала до 1945 года // Адлунг Ф., Карнап-Борнгейм К. Ф., Ибсен Т., Валуев А. [ред.]. Коллекции Музея «Пруссия» в фондах Калининградского областного историко-художественного музея. — Шлезвиг, 2005. — С. 40—46.

Nowakowski W.

Polnische Untersuchungen von Früheisenzeit der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in der Region Ermlands und masurischer Seen

Summary

Der Beitrag hat den historiographischen Charakter und beschäftigt sich mit der Übersicht von den polnischen Untersuchungen der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in der Region Ermlands und masurischer Seen. Man unterscheidet drei Hauptetappen der Untersuchung: erste Stufe von 1945 bis 1970, zweite Stufe von 1970 bis 1989 und gegenwärtige Stufe von 1990 bis 2005.

In diesem Beitrag ist die Übersicht von Hauptmerkmalen jeder von diesen Stufen gegeben. Man charakterisiert die Hauptrichtungen der Tätigkeit von den auf jeder der beschriebenen Stufen arbeitenden Wisseschaftlern.

Сведения об авторах

Новаковский Войцех — профессор, доктор исторических наук, Институт археологии Варшавского университета

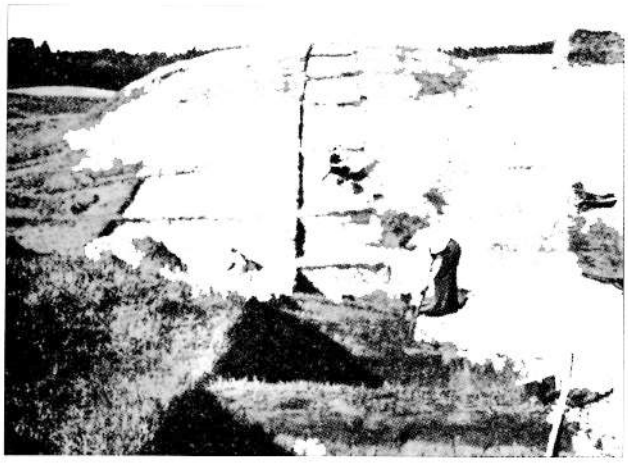


Рис. 1. **Раскопки городища Езиорко Е. Антоневичем, 1951—1952 г. (Antoniewicz, Okulicz, 1958, рис. 8)**

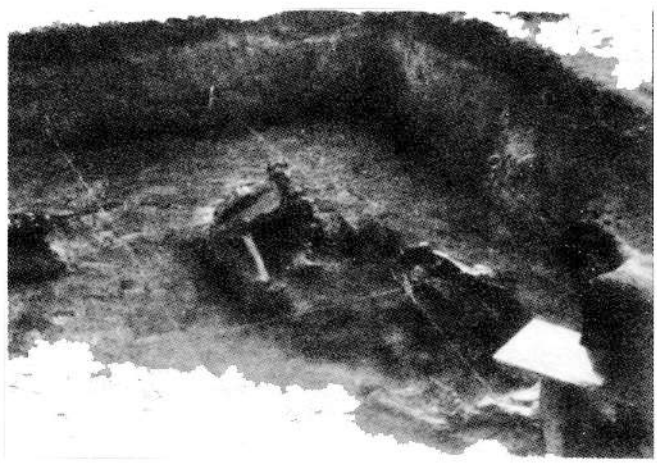
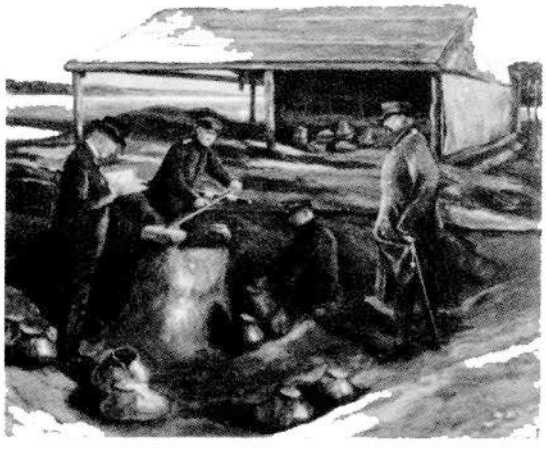


Рис. 2. **Раскопки могильника Тумяны К. Домбровском, 1970 г. (конские погребения 1/70) (Dąbrowski, 1970, рис. 4)**

Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich
Oddział w Olsztynie

ARCHEOLOGIA ZIEM PRUSKICH
NIEZNANE ZBIORY I MATERIAŁY ARCHIWALNE
OSTRÓDA 15-17 X 1998



OLSZTYN 1999

Рис. 3. **Обложка книги, посвященной изучению материалов с раскопок в Восточной Пруссии до 1945 г. (Hoffman, Sobieraj, 1999)**

Павел Шиманский

Курганный могильник судавской культуры в Червоным Дворе возле Голдапа

Итоги исследований 2003—2007 гг.

Стоянка XXI в Червоным Дворе находится в центре Борецкой Пущи, над речкой Чарна Струга. Территория эта пренадлежит надлесничеству Червоны Двур в Червоным Дворе. Стоянка была обнаружена лесничим в 2002 г. Прибывшие на место Ежи Бжозовски и Ежи Семашко из Регионального музея в Сувалках подтвердили существование курганного могильника, который следует связывать с т. н. голдапской группой судавской культуры (рис. I:1; *ср.*: Kaczyński, 1976, с. 269—271).

До сих пор на могильнике было зарегистрировано 52 кургана, однако, возможно, что это не окончательное число, так как часть курганов могла быть не замечена под толстым слоем лесной подстилки, а также среди густого кустарника и деревьев, кроме того, некоторые естественные возвышенности могли быть ошибочно признаны курганами. Курганы расположены в двух соседних скоплениях: северо-западном и юго-восточном (рис. 2:2).

По предварительным подсчетам площадь стоянки — около 60 аров.

Несмотря на то что раскопки на могильнике еще не завершены, по окончании пяти сезонов работ стоит предварительно подытожить и представить результаты исследований. Это особенно важно, потому что до сих пор ни один из могильников голдапской группы не был целостно представлен в литературе, а рассматриваемые археологические исследования в Червоным Дворе являются первыми, проводимыми после Второй мировой войны в этом ареале.

История исследований

Раскопки на могильнике были начаты в 2003 г.[1] под руководством Лешка Годзебы (Служба охраны памятников, отдел в Элке) при сотрудничестве Петра Иваницкого (Государственный археологический музей в Варшаве) и автора настоящей статьи. В следующих сезонах, 2004—2007 гг.[2], исследования проводил Автор при сотрудничестве Л. Годзебы. Разборку погребений на месте консультировала антрополог Беата Балюкевич. В экспедиции принимали участие студенты Института археологии Варшавского университета.

В течение полевых работ были исследованы: один курган северо-западного скопления и четырнадцать курганов из юго-восточного. Кроме того, во втором скоплении была исследована площадь между курганами — грунтовый могильник. В общем было исследовано 9 аров стоянки (рис. 1:2).

По окончании каждого сезона исследованные курганы были реконструированы с соблюдением их первоначального расположения и диаметра, а также предполагаемой высоты и формы, что в будущем позволит создать здесь музей под открытым небом.

Полевые работы сосредоточились главным образом в юго-восточном скоплении, датированном, прежде всего, позднеримским периодом, так как этот период на территории голдапской группы слабо изучен. Единственный исследованный курган северо-западного скопления (времен переселения народов) был уже предварительно представлен в обзорной статье (Шиманski, Годзеба, 2006, с. 50, рис. IV—V). Поэтому в настоящей статье речь пойдет, прежде всего, о юго-восточном скоплении.

[1] К сожалению, в предшествующей публикации (Шиманski, Годзеба, 2006, с. 44) была ошибочно указана дата начала исследований — 2002 г.

[2] Исследования финансировал главным образом Институт археологии Варшавского университета, а в 2007 г. дотировало Министерство культуры и народного наследия в связи с реализацией проекта «*Młodsza epoka żelaza na ziemiach pruskich — badania ratownicze na cmentarzyskach w Czerwonym Dworze (st. XXI), Gołębiewie (st. XIV) i Pieckach (st. I), woj. warmińsko-mazurskie*».

Избранные материалы

По причине узких рамок статьи, а прежде всего, продолжающейся консервации артефактов, ниже будут коротко представлены лишь наиболее важные материалы, за исключением предварительно оговоренных находок, датированных периодом переселения народов из северо-западного скопления (Шимански, Годзеба, 2006, с. 50, рис. IV—V, *ср.*: Szymański, 2006, с. 370—371, 374; Szymański, в печати, табл. IV, V).

Погребения, датируемые поздним периодом римского влияния, как грунтовые, так и в курганах, содержали простой инвентарь, что соответствует тенденции, обозреваемой в целом голдапской группе[1]. Эти наблюдения еще более усугубило плохое состояние артефактов, находившихся на погребальном костре из грунтовых погребений (рис. 4:1), а также разграбление части курганов (рис. 5).

Большинство находок следует связывать с интеррегиональным балтийским стилем. Главным образом это фибулы типа Альмгрен 167 (например, из погребения 1, насыпи кургана 43 — Шимански, Годзеба, 2006, рис. II:4) и Альмгрен 162 (например, из погребения 59, погребения 86 в кургане 52 — рис. 4:4). Были зафиксированы также фрагменты шейных гривен с концами, обмотанными проволокой (погребения 48, 59 и случайная находка — рис. 6:3). Среди элементов пояса преобладают простые железные пряжки типа Madyda-Legutko D1 (1987) (погребения 59, 101 — рис. 6:2), а также железные накладки на пояс: прямоугольные (например, погребения 1, 99 — Шимански, Годзеба, 2006, рис. II:9—16) или ромбовидные (например, погребения 44, 77). Были зафиксированы также пинцеты (погребение 109 в кургане 43, погребение 86 в кургане 52) и фрагменты узких манжетовидных браслетов (погребение 1, насыпь кургана 32 — Шимански, Годзеба, 2006, рис. II:5). Была найдена только одна булавка (погребение 99 — рис. 6:6) смежной формы между групой H, по Б. Бекману (1969), и т. н. типом Швайцария. Следует подчеркнуть, что на территории голдапской группы находки булавок очень редки.

Наиболее интересные находки свидетельствуют о взаимосвязях с Самбийским полуостровом (*ср.*: Szymański, 2006). Это две железные фибулы с двойной тетивой (насыпь кургана 32, погребение 54b в кургане 30 — *ср.*: Szymański, 2006, рис. 2:1), бронзовая фибула типа Альмгрен 167 с прямоугольной тетивой, датируемая концом позднеримского периода (погребение 50 в кургане 28 — рис. 4:2), а также бронзовая оковка пояса с характерным орнаментом кружков и линий, выбитым с нижней стороны (погребение 71), датируемая началом позднеримского периода. Полные аналогии этой оковке имеются в материалах самбийских могильников, в частности, Fürstenwalde (Hensche, 1869, табл. III.1—6).

Среди импортных провинциально-римских предметов следует отметить несколько десятков стеклянных бусин (рис. 6:5), в частности, синию кубооктаэдрическую бусину типа TM 126 (Tempelmann-Mączyńska, 1985, табл. 2) из насыпи кургана 40, цветную бусину, близкую типу TM 300 (погребение 46 в кургане 28a). В погребениях в курганах были зафиксированы два сестерция: поврежденный неопределенный имп. Адриана (погребение 109 в кургане 43, датируемое позднеримским периодом) и имп. Александра Севера[2] (погребение 41 в кургане 33 — Шимански, Годзеба, 2006, рис. III:4). Наиболее интересная находка была, однако, зафиксирована в центральном погребении кургана 30 (объект 54b). Это круглая щитовидная фибула, покрытая красной и бледно-зеленой эмалью, следы которой видны на артефакте. Погребение следует датировать позднеримским периодом, в связи с найденной в объекте вышеупомянутой фибулой с двойной тетивой. Щитовидные фибулы подобной формы встречаются на территории всего европейского Барбарикума (*ср.*: Thomas, 1966, список 3). Ближайшее идентичное украшение было найдено на богачевском могильнике в Махарах, погребение 73 (Hollack, Peiser, 1908, таблица).

Единственным оружием, найденным на стоянке, кроме ножей, является втулка наконечника копья. На могильниках голдапской группы, не считая единичных находок, оружие, как правило, отсутствует. Втулка является исключением — артефакт был найден не в погребении, а в гумусе на окраине памятника.

Довольно интересен также набор керамики, зафиксированной на могильнике. Он был уже представлен вкратце в обзорной статье (*ср.*: Szy-

[1] На эту тему см.: Szymański, 2006.

[2] RIC 596, Rome, 222—231 — на основании информации д-ра Ренаты Чолек (ИАВУ).

mański, в печати), ниже стоит, однако, представить некоторые выводы.

Как правило, все позднеримские сосуды из погребений, как под курганами, так и грунтовых, представляют собой формы соседней, богачевской культуры. Преобладают широкогорлые сосуды, используемые в качестве урн (рис. 4:3). Встречаются также бутылообразные горшки, используемые в качестве урн и приставок, и миски, используемые в качестве приставок и крышек урн. Возможно, что у некоторых сосудов, датируемых концом позднеримского периода, более острая профилировка стенок, таким образом, они постепенно отдаляются от богачевских стандартов.

В свою очередь керамика времен переселения народов, как правило, биконических форм (рис. 7:4, 6), украшена бугорками на ребре (рис. 7:5). Встречаются также горшки с горизонтальным рядом защипов. Такая керамика характерна для прудзиской фазы судавской культуры.

Погребальный обряд

Все погребения на могильнике, как под курганами, так и грунтовые, — кремации (рис. 2).

Все исследованные до сих пор курганы в юго-восточном скоплении (датированном, прежде всего, позднеримским периодом) имели похожую конструкцию (рис. 3, 5). Находились непосредственно на материке, окруженные круглым или овальным венцом валунов диаметром 3,2—6 м. В пределах венцов был зафиксирован регулярный слой более маленьких камней, а на него были довольно беспорядочно набросаны очередные слой-два камней, образующих холмик; таким образом, курганы были сооружены из двух-четырех слоев камней. Вероятнее всего, первоначально курганы были исключительно каменными, песок, в настоящее время прикрывающий насыпи, появился в них в результате природных процессов.

Два позднеримских кургана были сооружены иначе. Курган 30 имел форму двуслойной каменной кладки, на краях которой был венец, состоящий из двух слоев валунов. Второй курган (№ 52) был сооружен только из одного слоя больших камней, поэтому его следует считать скорее кладкой. Только в центральной части, над погребением, кладка была уплотнена более маленькими камнями.

Следует добавить, что конструкция позднеримских курганов отличалась от единственного исследованного кургана времен переселения народов — его земляная насыпь только сверху была покрыта слоем камней (Шимански, Годзеба, 2006, рис. IV). Так, датированные курганы имели к тому же большие размеры, хотя такие наблюдения могут подтвердить только полевые исследования.

В позднеримских курганах была одна центральная могила, находящаяся непосредственно под курганом (рис. 3—5) или — в одном случае — в каменном ящике в насыпи (объект 41 в кургане 33 — Шимански, Годзеба, 2006, рис. III:1). В могилах было от одного до четырех одновременных погребений (рис. 4). Конструкция этих могил очень разнообразна, не было двух одинаковых объектов. Следует, однако, напомнить, что половина из них была разрушена грабителями (рис. 5), а следовательно, их первоначальная конструкция не ясна. Ямы, оставленные грабителями, старые, возможно, древние, воры разрушали целую могилу или ее часть, если были менее прилежными[1]. Кости находились в урне, иногда прикрытой миской, или непосредственно в яме в скоплении. В случае безурновых кремаций кости были, вероятнее всего, вложены в могилы в мешочках, о чем свидетельствуют фрагменты ткани, лежащие на костях при металлических находках в погребении 54b (курган 28). Некоторые могильные ямы были вымощены камнями, в других камни отсутствовали. Некоторые могильные ямы содержали интенсивнозолистую супесь, в иных был чистый песок. Невозможно оценить, являются ли различия между могилами случайностью или нет. Являются ли они результатом отсутствия единых правил захоронения умерших в позднеримском периоде, во время процесса формирования судавской культуры, или мы имеем дело с намеренно разными чертами погребального обряда.

Правилом в центральных могилах курганов являются слабообожженные кости и хорошее состояние находок, не поврежденных на погребальном костре.

По крайней мере в двух курганах были зарегистрированы нетипичные вторичные погребе-

[1] В кургане 30 грабители разрушили только одно из двух погребений в центральной могиле (объект 54a), в кургане 36 — одно из трех погребений в могиле (объект 98a). На стоянке были зарегистрированы также современные ямы, например, в кургане 35.

ния в форме рассыпанных на поверхности кургана кальцинированных костей (курган 32 — три погребения, курган 28а — одно погребение, т. е. объект 45). Эти останки просыпались между камнями до основания кургана, образовывая там скопления. Именно их присутствие подсказывает, что курганы первоначально строили исключительно из камней. Отсутствие находок в этих погребениях не позволяет их датировать.

В юго-восточном скоплении, на площади между курганами и под ними, были зарегистрированы позднеримские грунтовые погребения (рис. 2). Больше всего было небольших ямных погребений с интенсивно-золистой супесью и рассеянными в ней сильно обожженными костями (рис. 6:1; Шимански, Годзеба, 2006, II:3). В ямах находились также сильно поврежденные на погребальном костре артефакты (рис. 6:2—4; Шимански, Годзеба, 2006, II:4—16). Наряду с этими объектами, были зарегистрированы также ямные погребения без остатков погребального костра, со сконцентрированными в скоплении костями, т. н. *Knochenhäufchen*.

Кроме ямных погребений, было зафиксировано небольшое количество урновых кремаций без остатков погребального костра (около 10 % погребений).

Можно предполагать, что большинство грунтовых погребений под курганами предшествовало его сооружению, однако, по крайней мере в одном случае, такое погребение (объект 92 в кургане 40) нарушало центральную могилу (объект 96а), т. е. было вкопано в курган.

Среди грунтовых погребений выделялся датируемый началом позднеримского периода объект 99, в котором могильная яма с интенсивно-золистой супесью была вымощена камнями и дополнительно прикрыта овальной кладкой размером 160×180 см (рис. 6:7). В свою очередь вокруг погребения 94 (*Knochenhäufchen*) было зафиксировано несколько десятков вторично перемещенных камней, вероятно, образующих первоначально круг диаметром 180—200 см.

В позднеримском юго-восточном скоплении были зарегистрированы также объекты, датируемые периодом переселения народов, временем, когда в северо-западном скоплении уже сооружались курганы (рис. 7; Шимански, Годзеба, 2006, рис. II:1). Эту хронологию можно определить исключительно на основании анализа керамики (рис. 7:4—6; Szymański, в печати), а также, косвенно, на основании серии янтарных бусин (рис. 7:3). Так следует датировать несколько урновых погребений, расположенных среди более ранних могил (объекты 10, 12, 34, 65, 90). Объекты, датируемые периодом переселения народов, были зарегистрированы также в насыпях курганов: это вторично разрушенный объект, возможно, урновое погребение, вставленный в насыпь кургана (объект 39b, курган 33), разбитый сосуд на окраине кургана 28 (объект 49), маленький сосуд в венце кургана 47 (объект 73), вставленный после того, как один из камней был отодвинут. Эти объекты свидетельствуют, вероятно, о неизвестных нам обрядах (культовых?), совершаемых на могильнике.

Представленные выше краткие итоги наблюдений, касающихся погребального обряда, являются первыми, проведенными на могильнике голдапской группы. Предшествующие, довоенные исследования в этом районе не содержат данных этого типа — результаты этих исследований были опубликованы коротко и не содержат, как правило, даже общих описаний[1].

Хронология развития могильника

Найденные материалы позволили сделать некоторые выводы, касающиеся хронологии могильника. Юго-восточное скопление можно датировать позднеримским периодом, а начало использования северо-западной части стоянки следует видеть, вероятнее всего, в фазе C_3—D и датировать периодом переселения народов.

Наиболее старые, датируемые фазой C_1 материалы могильника были найдены в грунтовых погребениях в юго-восточном скоплении (погребение 1, возможно, 48, 59, 71, 99 — рис. 6:5—7). Остальные грунтовые могилы можно датировать, в общем, позднеримским периодом, а находки из самых старых курганов, вероятнее всего, лишь от фазы C_2 (рис. 3, 4). На данный момент невозможно оценить, действительно ли курганы начали сооружать так поздно или, что более вероятно, такая датировка является результатом небольшой исследованной площади стоянки и разрушений центральных могил в наиболее старых курганах.

Единственный исследованный курган северо-

[1] Хорошим примером неясностей, появляющихся при солидном анализе погребального обряда, являются статьи А. Жешотарской-Новакевич (2003, 2007), посвященные реконструкции могильника в Грунайках.

западного скопления был возведен на рубеже фаз C и D и использован до начала фазы E. Можно предполагать, что и остальные курганы северо-западной части памятника следует датировать периодом переселения народов. В это же время некоторых умерших также хоронили в грунтовых могилах юго-восточного скопления (рис. 7).

Культурная принадлежность

Территорию, где находится Червоны Двор, в позднеримском периоде следует связывать с т. н. голдапской группой судавской культуры. Такую атрибуцию следует теоретически принять и для нашего могильника (рис. 1:1).

Результаты исследований в Червоным Дворе могут, однако, стать причиной дискуссии на тему культурного характера голдапской группой. Весь позднеримский керамический материал в принципе идентичен богачевскому (рис. 4:3). Это же касается форм грунтовых погребений (рис. 6:1). Только присутствие каменных конструкций и, прежде всего, курганов является элементом, типичным не для Мазурского Поозерья, а для окрестностей Сувалок.

Находки имеют в основном интеррегиональный балтийский характер, схожий с богачевским. Видны, однако, и самобытные черты (например, малое количество булавок и оружия), а также сильновыраженные самбийские влияния, усугубляющиеся в развитом позднеримском периоде (*ср.*: Szymański, 2006). Последние видны как на примере некоторых находок, так и в присутствии некоторых каменных конструкций, особенно кладок.

На основании вышепредставленных данных можно предполагать, что голдапская группа образовалась на северо-восточной периферии богачевской культуры и, будучи ее частью в течение всего позднеримского периода, была с ней тесно связана. Скопление отличало, собственно, только присутствие каменных курганов. Вероятно, немаловажную роль при его образовании сыграли также культурные импульсы из Надровии (*ср.*: Engel, Iwanicki, Rzeszotarska-Nowakiewicz, 2006a; 2006b), хотя более четко выражены здесь позднейшие самбийские влияния.

Однако в Червоным Дворе наиболее старые грунтовые погребения следует датировать фазой C_1, а курганы, являющиеся признаком судавской культуры, появляются лишь в фазе C_2. Напрашивается вопрос, не следует ли связывать первый этап использования могильника непосредственно с богачевской культурой? Проверить подлинность этой гипотезы смогут только дальнейшие археологические исследования.

Менее сложным кажется определение культурной принадлежности могильника во время Великого переселения народов. В это время судавская культура на всей территории становится однородной, несмотря на некоторые локальные черты, отличающие отдельные скопления (*ср.*: Szymański, 2006; в печати), возможно, мы имеем дело с одной культурой, называемой в литературе группой или фазой прудзиской (*ср.:* Bitner-Wróblewska, 1998). Материалы, в частности, могильника Червоны Двор, свидетельствуют о том, что начало этой фазы можно датировать приблизительно рубежом позднеримского периода и эпохи Великого переселения народов.

* * *

Как было сказано выше, археологические исследования в Червоным Дворе являются первыми, проводимыми после Второй мировой войны на могильнике голдапской группы. Особенно важными являются, прежде всего, наблюдения, касающиеся почти не изученного ранее погребального обряда и связей с соседними культурами. Это позволит лучше изучить характер голдапской группы и проверить истинность теории о его принадлежности к судавской культуре. Следует также надеяться, что исследования будут продолжаться до полного изучения могильника.

Литература

Шимански П., Годзеба Л. Могильник судавской культуры в Червоным Дворе — предварительные результаты исследований в 2003—2005 годах // Archaeologia Lithuana. T. 7. — Vilnius, 2006. — С. 43—53.

Beckmann Ch. Metallfingerringe der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Saalburg Jahrbuch. — 1969. — T. XXVI. — С. 5—106.

Bitner-Wróblewska A. Suwalszczyzna w okresie wędrówek ludów // Ceramika zachodniobałtyjska od wczesnej epoki żelaza do początku ery nowożytnej. — Białystok, 1998. — С. 305—311.

Engel M., Iwanicki P., Rzeszotarska-Nowakiewicz A. «Sudovia in gua Sudovitae». The new hypothesis about the origin of Sudovian Culture // Archaeologia Lithuana. T. 7. — С. 184—211.

Engel M., Iwanicki P., Rzeszotarska-Nowakiewicz A. Sudovia in gua Sudovitae. Nowa hipoteza na temat genezy kultury sudowskiej // Światowit t. VI(XLVII)/B. 2006a. 2006b. — С. 23—33.

Hensche A. Der Gräberfund bei Fürstenwalde // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. — 1869. — T. X. — С. 147—158.

Hollack E., Peiser F. E. Das Gräberfeld von Moythienen. — Königsberg, 1904.

Kaczyński M. Problem zróżnicowania wewnętrznego «kultury sudowskiej» w późnym podokresie wpływów rzymskich i okresie wędrówek ludów // Kultury archeologiczne i strefy kulturowe w Europie środkowej w okresie wpływów rzymskich, Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, Prace Archeologiczne. № 22. — Warszawa—Kraków, 1976. — С. 253—289.

Madyda-Legutko R. Die Gurtelschnallen der romischen Kaiserzeit und der fruhen Volkerwanderungszeit im mitteleuropaischen Barbaricum // BAR 360. — Oxford, 1987.

Rzeszotarska-Nowakiewicz A. Möglichkeiten der Ausnutzung von Quellentexten und Archivalien bei der Rekonstruktion des Gräberfeldes in Grunajki // Auf der Suche nach verlorenen Archäologie. — Warszawa, 2003. — С. 115—127.

Rzeszotarska-Nowakiewicz A. …man hätte auf dem Gute Grüneiken Hünnengräber endeckt. Próba rekonstrukcji formy grobów na cmentarzysku w Grunajkach // Kultura bogaczewska w 20 lat później. Materiały z konferencji, Warszawa, 26—27 marca 2003, Seminarium Bałtyjskie. T. I. — Warszawa, 2007. — С. 457—480.

Szymański P. Dwie zapinki z dawnego Rothebude i z Czerwonego Dworu. Kontakty tzw. skupienia gołdapskiego kultury sudowskiej // Pogranicze trzech światów. Kontakty kultur przeworskiej, wielbarskiej i bogaczewskiej w świetle materiałów z badań i poszukiwań archeologicznych, Światowit Supplement Series P:Prehistory and Middle Ages. T. XIV. — Warszawa, 2006. — С. 369—380.

Szymański P. (w druku) Ceramika z cmentarzysk tzw. skupienia gołdapskiego kultury sudowskiej. Wstęp do badań // Ceramika bałtyjska. Tradycje i wpływy. Materiały z konferencji 21—23 września 2005 roku. — Białystok.

Tempelmann-Mączyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // Römisch-Germanische Forschungen. T. 43. — Mainz-Rhein, 1985.

Thomas M. Die provinzialrömischen Scheibenfibeln der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Ber-liner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. T. 6, 1966. — С. 119—178.

Abstract

Cemetaries of Gołdap concentration, traditionally included in Sudovian Culture were explored only before the Second World War. The only cemetary explored after the War is the cremation necropolis in Czerwony Dwór, site XXI, near Gołdap.

There are 52 barrows registered on the cemetery, situated in two concentrations: South-Eastern and North-Western.

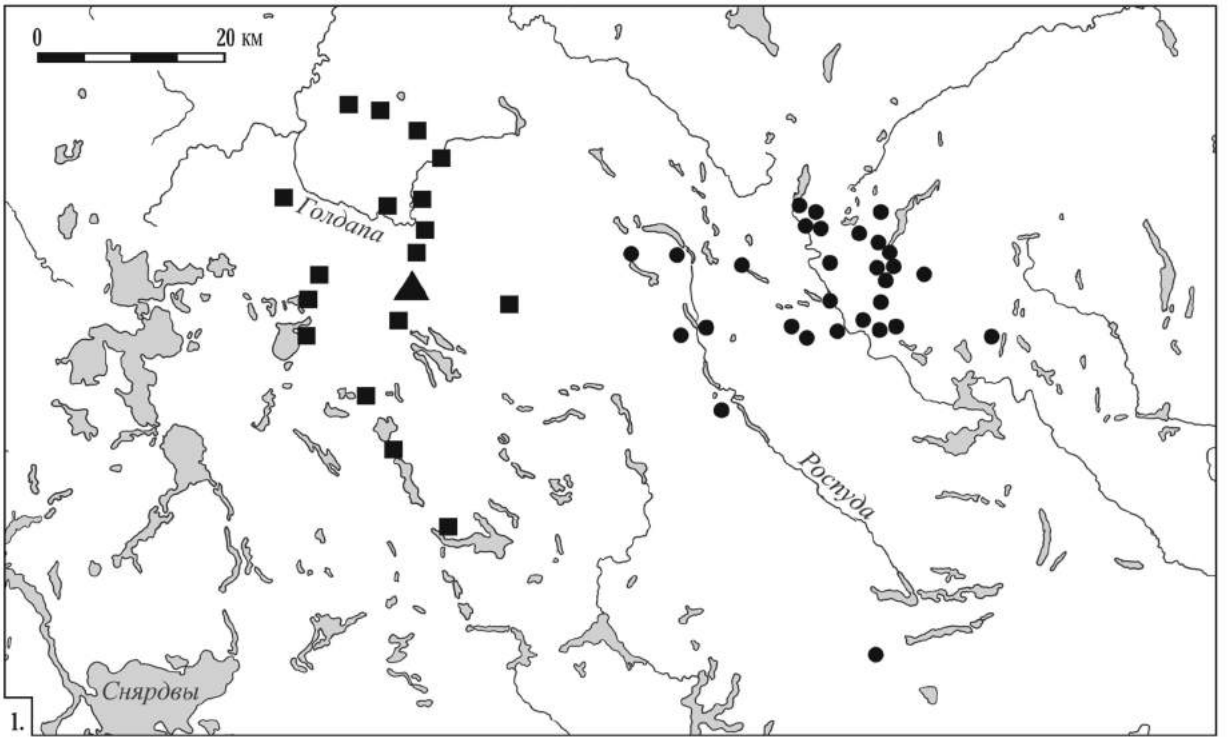
In the years 2003—2007 the cemetary underwent archeological sounding excavation performed by Leszek Godzieba, MA, and Paweł Szymański, PhD. One barrow from the North-Western concentration was explored as well as fourteen barrows from the South-Eastern concentration together with some space between the barrows, where a few dozen of flat graves were found.

The explorations showed that flat graves in the South-Eastern concentration were performed in the Late Roman Period, starting from phase C1 and, moreover some burials from the Migration Period were found. The barrows explored so far can be dated to phase C2 . The barrows in North-Western concentration are already from the Migration Period, starting from phase D, therefore they can be related to Prudziska phase.

All barrows from the Late Roman Period have a stone mound placed directly in the ground bed and usually, under the mound there was the central grave. Round the burrows, mostly urnless graves in pits and only a few of them were registered as urn burials. A barrow from the Migration Period had a ground mound covered only with stones on the top.

Сведения об авторе

Шимански Павел, институт Арзеологии Варшавского Университета



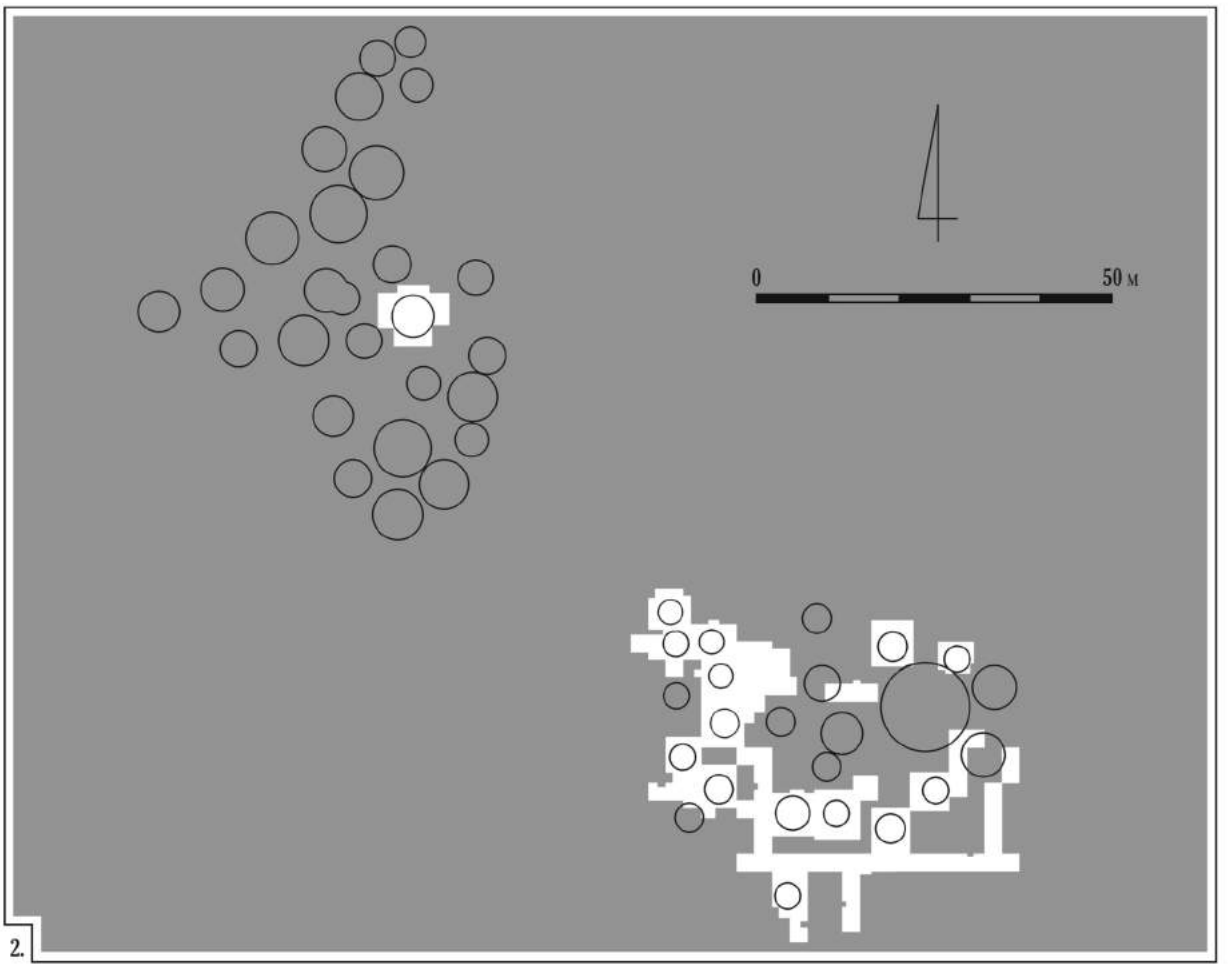


Рис. 1. **1. Могильники судовской культуры в позднеримском периоде и периоде Великого переселения народов** (квадратами обозначены могильники голдапского скопления, треугольником — могильник в Червоным Дворе); **2. Червоны Двур, стоянка XXI. Исследования 2003—2007 гг.**

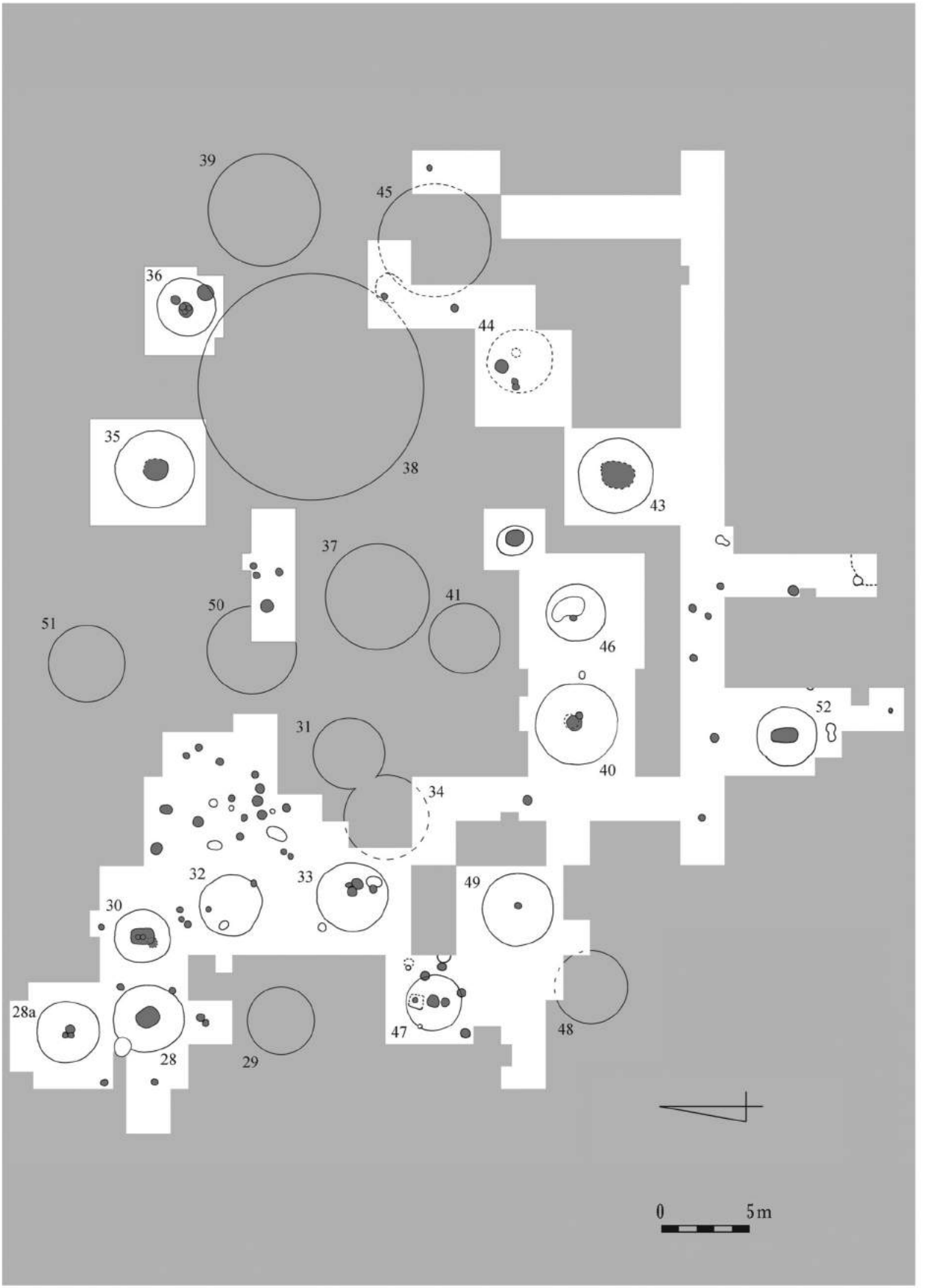


Рис. 2. **Червоны Двор, стоянка XXI. Юго-восточное скопление, исследования 2003—2007 гг.**
(серым цветом обозначены погребения и грабительские ямы, разрушившие захоронения)

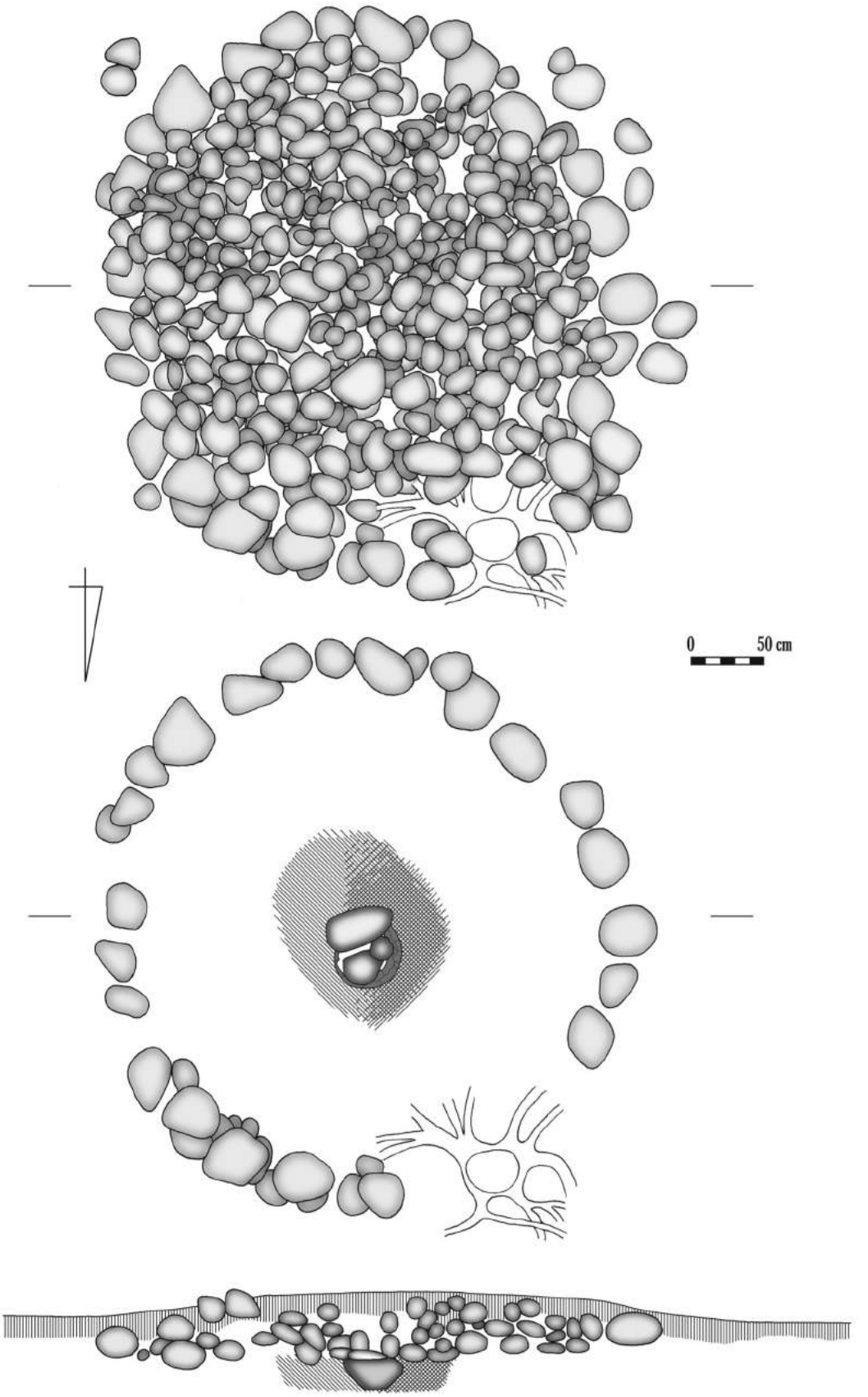


Рис. 3. **Червоны Двор, стоянка XXI. Курган 28 с центральной могилой** (объект 50)
(вид на поверхность каменной насыпи, план каменного венца и профиль)

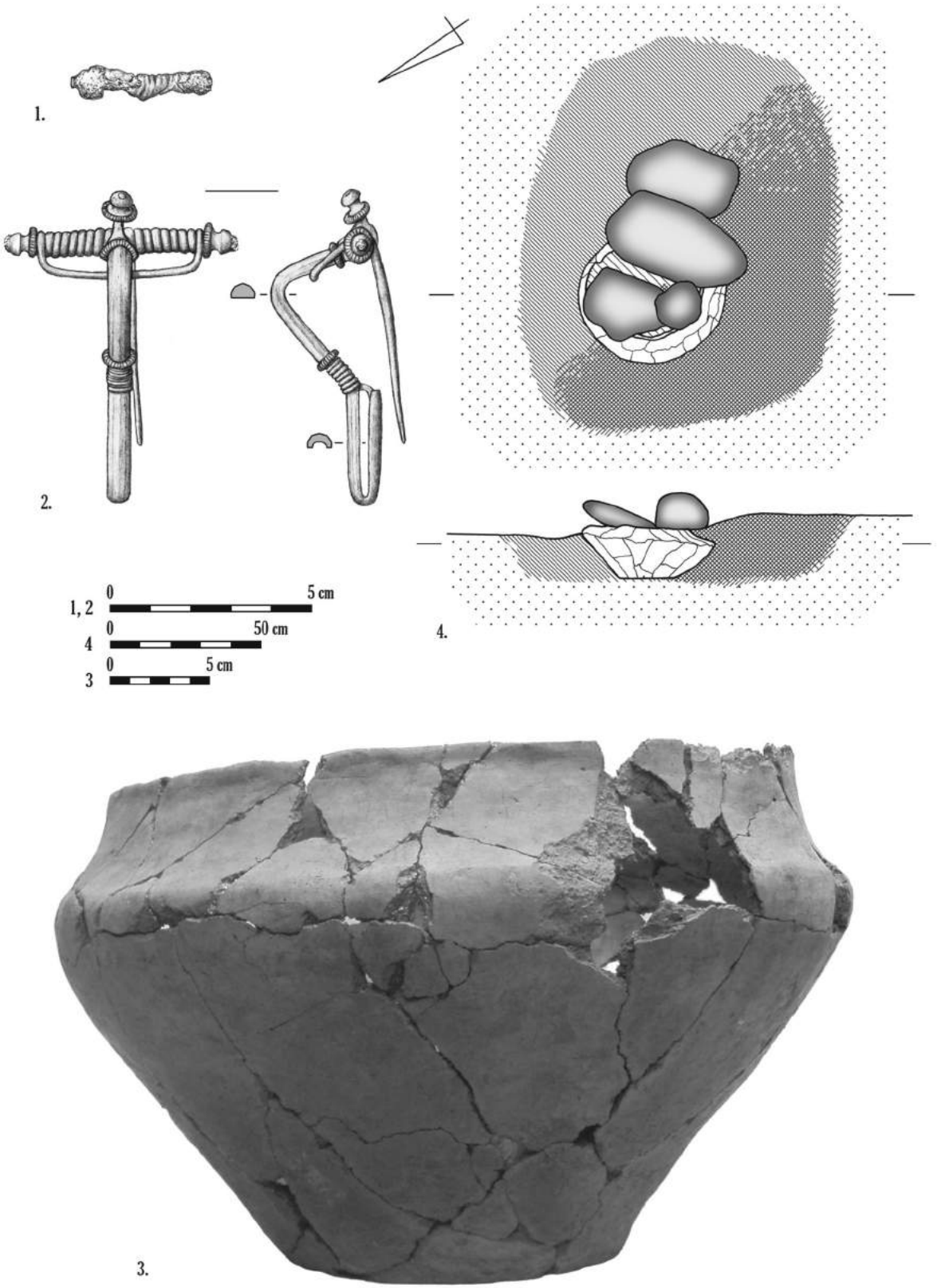


Рис. 4. **Червоны Двор, стоянка XXI. Объект 50 (в кургане 28) и его инвентарь:**

1, 2 — бронза и железо; 3 — керамика

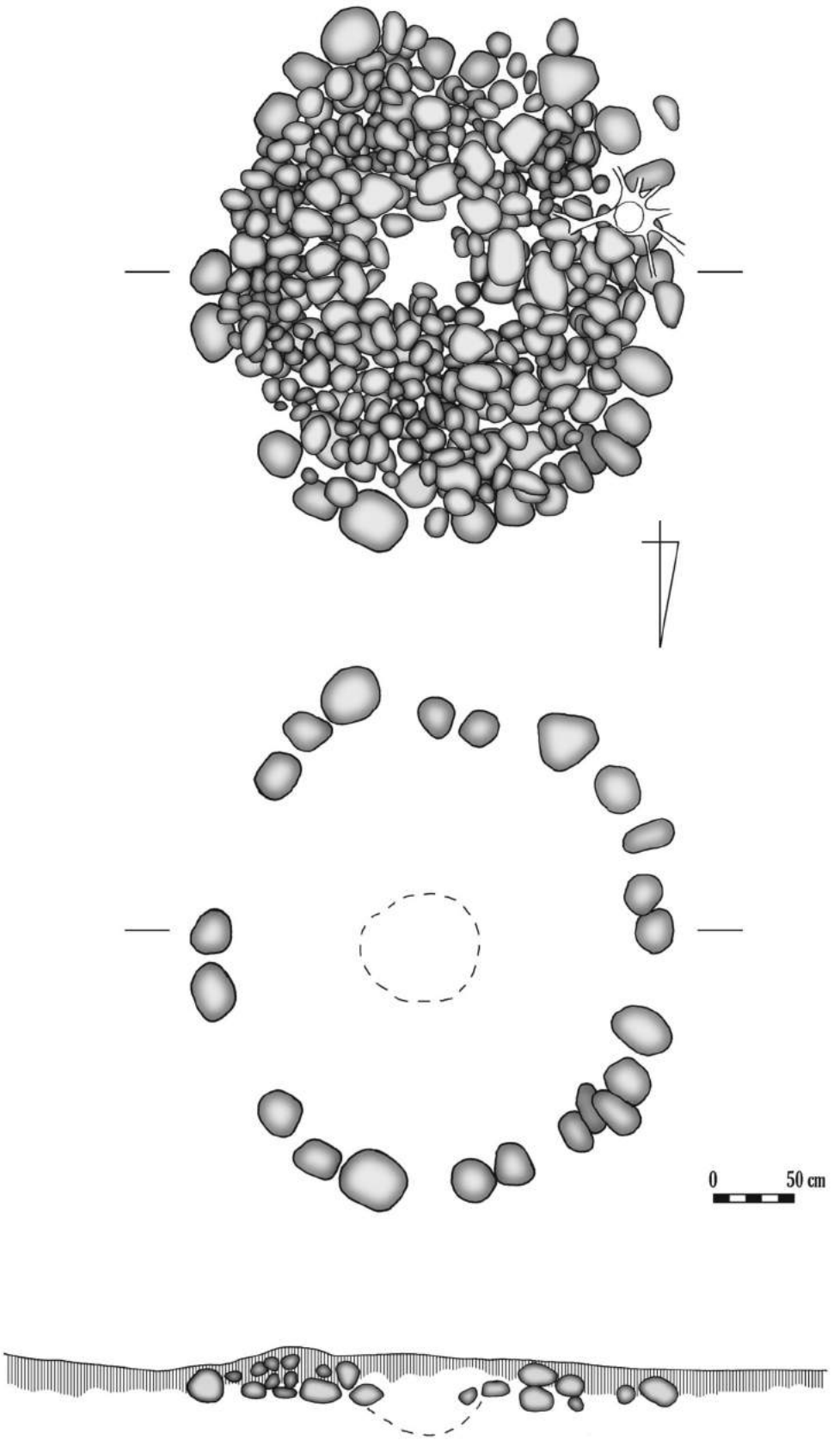


Рис. 5. **Червоны Двор, стоянка XXI. Курган 47 с грабительской ямой (объект 74), разрушившей центральную могилу** (вид на поверхность каменной насыпи, план каменного венца и профиль)

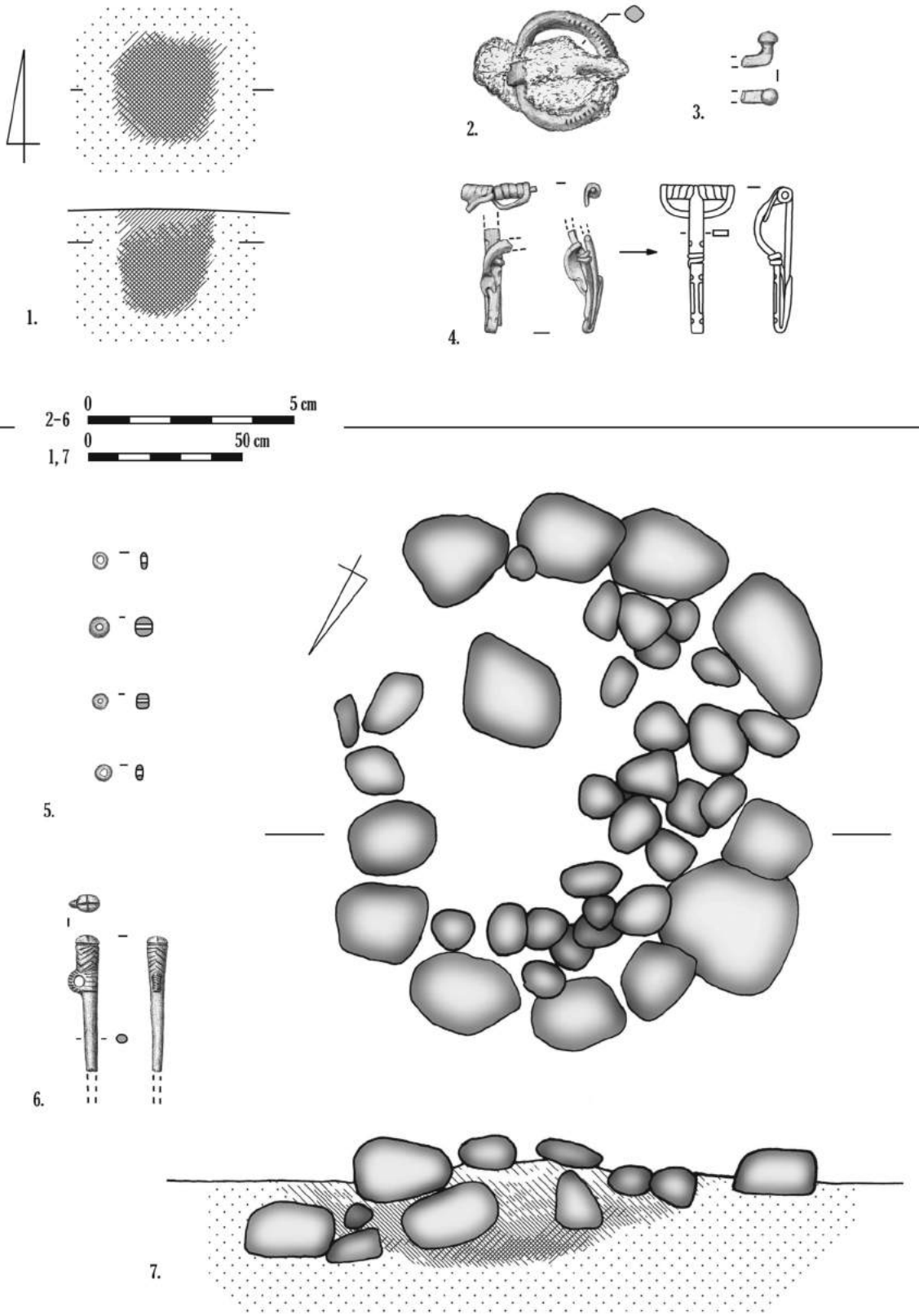


Рис. 6. **Червоны Двур, стоянка XXI. Грунтовый могильник. Объект 59 и его инвентарь (1—4) и объект 99 и часть его инвентаря (5—7):**

2 — железо; 3—4, 6 — бронза; 5 — стекло

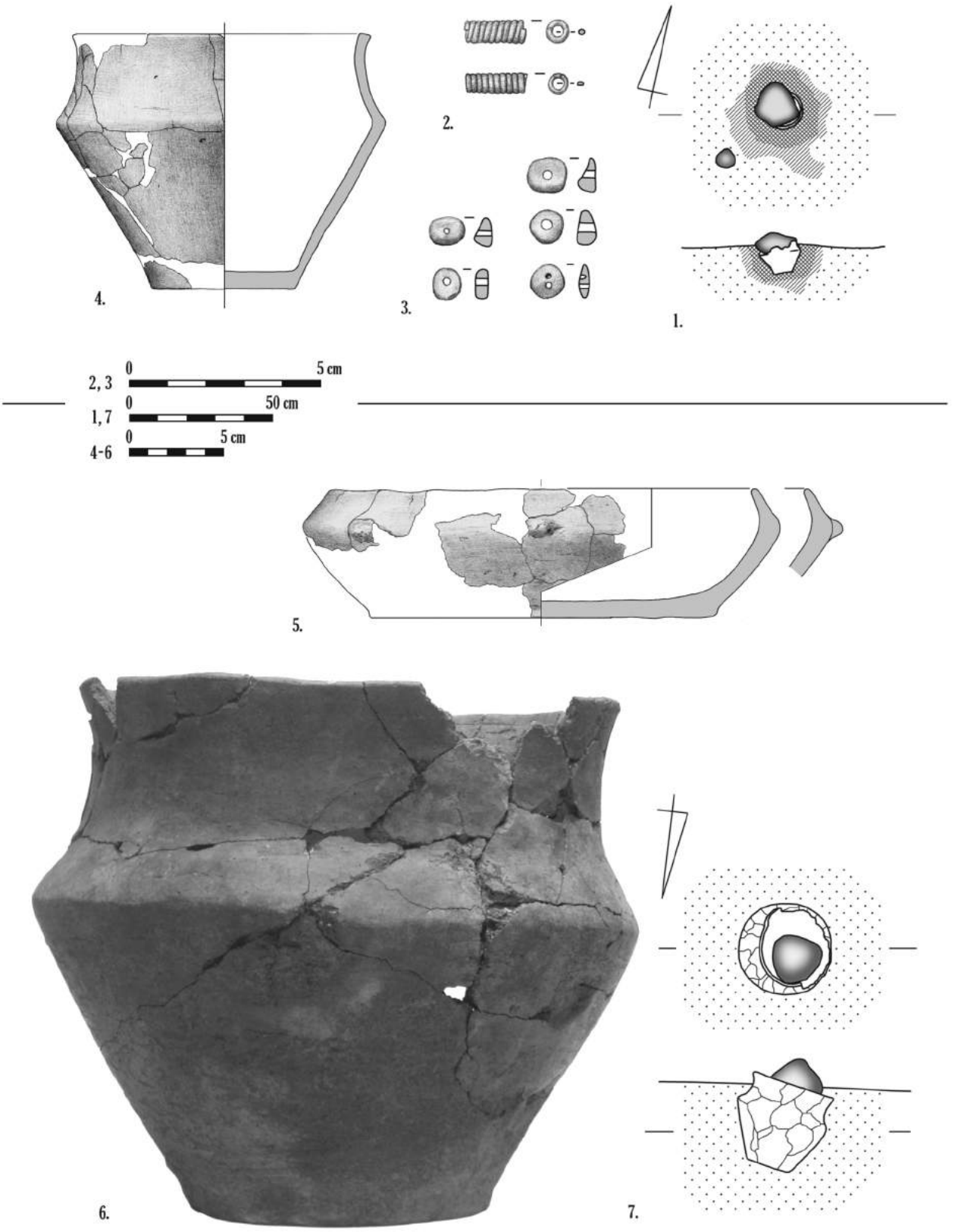


Рис. 7. **Червоны Двор, стоянка XXI. Грунтовый могильник. Объекты 12 (1—4) и 65 (5—7) и их инвентарь:**

2 — бронза, 3 — янтарь, 4—6 — керамика

Bartosz Kontny

Breves gladii et rotunda scuta. Remarks on the Goths' weapons on the margin of Tacitus' text

The current knowledge about the weapons used by the Barbarian tribes inhabiting Central Europe is quite considerable. The area of the Przeworsk culture has been particularly well investigated in this respect (cf. Kontny, 2004 with further literature). However, there is a gap in this picture: so far only few studies have been devoted to the weapons of the Western Balts and almost nothing has been published on this subject for the Wielbark culture. The obvious reason of the latter is the character of the burial rites due to which weapons were not deposited as grave goods. The lack of knowledge is not, however, complete: at Wielbark culture cemeteries single items of weaponry can be found in the early phases, which is considered as remnants of the Oksywie culture tradition. There are also some stray finds from the necropolises and some information may be found in the archives. The weapons are sometimes found at the area of the borderland between the Wielbark and Przeworsk cultures. In such cases the cultural affiliation of the discovered objects is quite uncertain. Attempts at drawing conclusions about weapons in the Wielbark culture were also made on the basis of the materials from the neighbouring Przeworsk culture, assuming the existence of considerable similarities. A certain knowledge has been gained from the discovery of a miniature shield at one of the Wielbark culture necropolises. The above presented information about the weapons in the Wielbark culture has been collected and discussed by P. Kaczanowski and J. Zaborowski (1988). However, so far too little attention has been paid to a text particularly important for the studies on the weapons of the population of northern Poland. Its role and consequences have been repeatedly underlined by Jerzy Kolendo (1987, p. 197; 1995, p. 11; 1996, p. 143), and the text in question is Tacitus' *Germania* (Tacitus, *Germania*, 44, 1). When distinguishing the German peoples he presented the *Gothones, Rugii* and *Lemovii* and characterised them in the following way: «...of these several nations the characteristics are a round shield, a short sword and kingly government»[1]. It is worth while to make an archaeological comment on that information, which may help to verify Tacitus' words, so important in the situation of the scarcity of the archaeological sources.

For a start, however, it is necessary to present the limitations of the intended attempt. First, it should be remembered that Tacitus referred in *Germania* only to the 1st century A. D. (Kolendo, 1976, p. 40—42), and thus to Phase B_1, or perhaps the early B_2[2]. Moreover, the eastern part of the German world where the above-mentioned peoples lived was probably presented on the basis of late sources, i.e., for the situation referring to the early part of Phase B_2 (Kolendo, 1995, p. 9—10)[3]. Therefore all the comparative materials should refer to this period. Secondly, there remains the problem of locating the mentioned ethnic names on the map and of the possibility to match them to the cultural units used by the archaeologists. The Gothones, Rugii and Lemovii from Tacitus' text are located at the southern littoral of the Baltic sea. The *Gothones*-Goths are supposed to have occupied the northern part of modern Poland: Pomerania (Kolendo, 1996, p. 143—144; cf. Kolendo, 1995, p. 11, 18—19), especially in the vicinity of the estuary of the Vistula River and not at the very sea-shore, where, in turn, were the seats of the *Rugii* and *Lemovii* (Kolendo, 1987, p. 197)[4]. According to R. Wołągiewicz, the Goths should be

[1] Tac., Germ., 44, 1 — «...omniumque harum gentium insigne rotunda scuta, breves gladii et erga reges obsequium» (English translation: Tacitus, Germania, UNRV History, 2003—2006, 12.06.2006, <http://www.unrv.com/tacitus/tacitus-germania-12.php>).

[2] Chronology after: Eggers, 1951; Godłowski, 1970; cf. Godłowski, 1985, passim; for weapons see especially: Godłowski, 1992; 1994.

[3] It was also possible that Tacitus used obsolete information coming from the 1st century B. C., which seems to be indicated by the descriptions of the Bastarnae and Venethi (Nowakowski, 1996a, p. 190—191).

[4] The fragment devoted to the Rugii and Lemovii is a periplus description, i.e., concerns a littoral.

connected with the population which inhabited the Kaszuby region and Krajna Lakeland, and occupied the area from the early Phase B_2 (Wołągiewicz, 1986).

The information given by Tacitus should be considered as a record of a specific situation of a group of people, their separateness from the general part of the Germanic world, which makes this text particularly important. Equally crucial is the negative of this information[1]: if these three peoples used round shields and short swords this means that other Barbarian peoples (especially the ones neighbouring with the *Rugii, Lemovii* and *Gothones*) used different weapons. By contrast these should be long (or perhaps just longer) swords and shields of other than round shapes. The above information is not very precise and is of twofold character: the former concerns the size and is relative[2], the latter deals with the shape.

The positive part of the discussed text should be referred to the finds from the Wielbark culture (cf. Wołągiewicz, 1981a), and also perhaps to the Gustow group sometimes linked with the *Rugii* (Wołągiewicz, 1981b, p. 205).

As it has been stated above, only a few examples of weapons are known from the area of the Wielbark culture and among them the swords are particularly rare (cf. Kaczanowski, Zaborowski, 1988). For the area of the Gustow group, except for some finds from the periphery, linked to the neighbouring cultural groups, no burials with weapons are known (Wołągiewicz, 1981b, p. 201)[3]. The 'Wielbark' finds from the Early Roman Period include the discoveries from Warszkowo, Sławno district. In Grave 2, together with a bronze brooch type Almgren 12 (1923), dated to Phase B_1 (Grasselt, 1998), a one-edged sword Type III according to M. D and R. Wołągiewicz (1964) was uncovered. Unfortunately, the preserved part consisted of the hilt and the guard; there were also two fragments of sheathing (Wołągiewiczowie, 1964, p. 102, Plate VIII:2; Wołągiewicz, 1965, p. 182, Plate II; Eggers, Stary, 2001, Plate 189:4), which, however, do not allow a complete reconstruction of the weapon and its size[4]. In Grave 13[5] a one-edged sword Type III after M.D and R. Wołągiewicz together with a brooch from the turn of the Pre-Roman and Roman periods, similar to eye brooches[6], and a glass bead were excavated (Wołągiewiczowie, 1964, p. 102; Wołągiewicz, 1965, p. 183; Eggers, Stary, 2001, p. 68, Plate 340:3—5). The finds have been lost, which makes it impossible to verify the discovery. They should be treated as a leftover of the Oksywie culture traditions (depositing weapons in burials) in the Wielbark culture (Kaczanowski, Zaborowski, 1988, p. 223). Among the swords from the Early Roman Period one should also mention a ca 75,5 cm long two-edged one (stray find) from Gronowo Górne, Elbląg district. It became known among the specialists only owing to files from Martin Jahn's legacy[7], and it has been dated, due to its similarity to Type I/2 after Biborski[8] (1978, p. 58—59), to Phase B_1 (Kaczanowski, Zaborowski, 1988, p. 224). The short list of the Wielbark culture swords from the Early Roman Period should be completed with the two-edged one from the cemetery (?) at Piła, Piła district (Fig. 1:a). Basing on the drawing from Martin Jahn's files it is dated to Phase B_2 (Kaczanowski, Zaborowski, 1988, p. 224—225)[9].

Due to the scarcity of finds of swords from the territory of the Wielbark culture, the artefact from Złotowo, Złotowo district, was considered as a particularly important one. The 63 cm long two-edged sword was published by A. Kokowski as *The First*

[1] Cf. Kolendo, 1995, p. 11.

[2] It is not known what this term should refer to: the other Barbarian swords, Roman swords, or perhaps it was a reference to the intuitive, personal comparative scale used by Tacitus or his informer.

[3] So perhaps the cultural differences of the three peoples mentioned by Tacitus were not limited to the features he mentioned but also embraced the elements of burial rites (lack of weapons among grave goods).

[4] It should be remarked here that H. J. Eggers records do not contain any information about a brooch, only about a one-edged sword in a wooden scabbard, coming from an inhumation burial (?) (Eggers, Stary, 2001, p. 68).

[5] P. Kaczanowski and J. Zaborowski erroneously mention Grave 19 (1988, p. 223).

[6] In H. J. Eggers files a 'Late La Tène' brooch is mentioned (Eggers, Stary, 2001, p. 68), although it is presented together with a bead among the materials from the Roman Period (Eggers, Stary, 2001, Plate 340:3—5).

[7] Martin Jahn's files are stored at the Institute of Archaeology at Warsaw University.

[8] It should be, however, stated that this item does not have many analogies and variant 2 Type I was distinguished on the basis of only one sword.

[9] According to the information from Martin Jahn's files the sword was 62,5 cm long and 5 cm wide; the length of the tang was 12,5 cm. One of the cutting edges was strongly corroded. The sword should be most probably determined as Type III after M. Biborski (1978). Among the finds from Piła a fragment of another sword (?) is listed (Kaczanowski, Zaborowski, 1988, p. 225). Its dimensions are mentioned in Martin Jahn's files: length — 46,7 cm, width — 5,2 cm and length of tang — 13,1 cm. There is no information about the form of the sword.

Sword from the Area of the Wielbark Culture (1988) and determined as Type II after Biborski. Such forms have been confirmed for Phase B_1 and early parts of sub-Phase B_{2a} (Biborski, 1978, p. 64). Such attribution, however, inspires certain doubts. The discovery was accidental: it happened during some construction works. The sword was said to have been found at the depth of 180 cm in a layer of peat under a layer of sand, and for this reason the author considered it as a bog find (Kokowski, 1988, p. 78). No accompanying artefacts were found next to it, nor any indicating the dating to the Roman Period. At the pommel and tang there were some atypical stamped signs: an envelope-like pattern and a pair of lines at the tang as well as a circle on the guard. The last mentioned one could have, according to A. Kokowski, a symbolic meaning. It was suggested that it might denote the name of the maker (?) or represented a shield or a laurel wreath (Kokowski, 1988, p. 77). It should be, however, remarked that although representations of a laurel wreath are known from the Roman swords, they had a different form and were made in a completely different technique. Moreover images of shields are not known from the swords nor can one find among the stamped signs impressed on the tangs of Roman swords for the purposes of internal control of the production process analogies for the patterns on the find from Złotów (Cf. Biborski, 1994a; 1994b). Furthermore, the result of the metallurgical analysis conducted at the AGH – University of Science and Technology in Kraków inspires some doubts. It indicates that the sword was made of one piece of metal, of uniform material, and possibly from liquid metal. The last mentioned possibility would completely exclude the suggested chronology, a reference to which has been made by A. Kokowski (1988, footnote 2). T. Makiewicz assessed the above-presented opinions very critically[1], stating that the find is a modern imitation of a Roman sword (1992, p. 112; 1997, p. 137). The case has been cinched by the opinion of the expert in the swords from the Roman Period, Marcin Biborski, Ph.D., from the Institute of Archaeology, Jagiellonian University. He believes that the metallurgical analysis and the shape of the stamps are proofs that we deal here with an 19th century artillery chopper[2]. Thus the discussed artefact should be crossed out from the list of swords ascribed to the Wielbark culture.

There is another find from the area occupied by the Wielbark culture: the hoard from Łubiana, Kościerzyna district, contained a fragment of one-edged sword (Mączyńska, 1994, p. 149; Mączyńska, Rudnicka, 1998, p. 41). Despite the location of its discovery it can not be reliably connected with the Wielbark culture. It is supposed that the items of the hoard were the loot of a craftsman-bronzesmith from, most probably, the cemeteries of northern Great Poland and may equally well come from the time when the necropolis was used by the Przeworsk culture people as by the Wielbark culture population (Mączyńska, 1994; Mączyńska, Rudnicka, 1998, p. 44—45). For that reason neither this find can be used as an illustration of the discussed Tacitus' text.

The last sword associated with the Wielbark culture is the find from grave 1 at Walkowice, Czarnków-Trzcianka district, on the middle Noteć river. The grave goods of a inhumation burial discovered there contained i.a., a 67 cm long one-edged sword. The feature should be dated to ca the turn of Phases B_1/B_2 by means of brooch Almgren 78 (Gajda, 2006, p. 231, fig. 1—2).

In the light of the above-mentioned discoveries it is obvious that at present the available materials are insufficient to present a univocal solution to the discussed problem. Other finds of swords from Western Pomerania (not belonging to the inventories of Wielbark culture finds) and also those from the left bank of the lower Odra river (Hinterpommern) do not change the above-presented picture. The stray find from Kurzycko, Gryfino district, of a one-edged sword of the length unknown to me is ascribed to the Early Roman Period (Jahn, 1916, p. 248; Müller, 1957, p. 117; Wołągiewiczowie, 1964, p. 118)[3]. The find from Siekierki, Gryfino commune, is also deprived of any precise description of its archaeological context. The artefact is a double-edged sword of a small length, known only from photographs (Wołągiewiczowie, 1964, p. 118). The burial ground from Siekierki is dated to the Early Roman Period (cf. Machajewski, 2002, p. 382). The double-edged sword from an undetermined burial at a cemetery from Kostrzyń, Gorzowo district, dated to the Early Roman Period also lacks an exact description (Jahn, 1916, p. 248; Müller, 1957, p. 117;

[1] He accused A. Kokowski of intentional obscuring the information derived from the results of the technological analysis (Makiewicz, 1992, footnote 23).

[2] Oral information for which I am very grateful.

[3] At the cemetery a weapon head decorated with an ornament of punched lines typical of the Early Roman Period was found (cf. Kontny, in print).

Wołągiewiczowie, 1964, p. 119)[1]. The stray find of a fragment of a double-edged sword's pommel from Altentreptow (formerly: Treptow a. T.), Kr. Altentreptow, is so small that it is almost impossible to determine its dating. Although M.D. and R. Wołągiewiczowie assigned it to the Pre-Roman Period (Wołągiewiczowie, 1964, p. 116, Plate XXVI), the shield boss type Jahn 6 discovered at the same necropolis allows to expand the dating to the Early Roman Period. The considerable width of the pommel (6 cm) makes it more probable that the sword came from the Pre-Roman Period. The dimensions of some other items from the German Pomerania (Vorpommern) are also known. A one-edged sword from a pit grave from Tramstow, Kr. Anklam (Fig. 1:b) has been preserved almost completely (only the tip has been broken off) and was 59 cm long (Schoknecht, 1962, p. 178, fig. 1:d; Wołągiewiczowie, 1964, p. 122, Plate XXVIII:4). It can be determined as Type D/1 after M. Biborski and thus dated to Phase B_2 (Biborski, 1978, p. 128)[2]. As the burial assemblage did not contain any other dating elements the sword has to serve as the basis for any statements about chronology. The one-edged sword from Herzsprung, Kr. Angermünde (Fig. 1:c), which was a stray find, was ca 56 cm long (Buchholz, 1904, Plate XXI; Jahn, 1916, Fig. 174, p. 248; Müller, 1957, p. 117; Wołągiewiczowie, 1964, p. 121, Plate XXVIII:6). It resembles items Type C/1 and D/1 after M. Biborski dated, respectively, to Phases: B_1—B_2 and B_2 (1978, p. 123—128). Such attribution is justified also by the presence of a rhomboid plaque at the end of the tang used to fix the organic parts of a hilt. Such solutions were used for swords of the types mentioned above (cf. Biborski, 1978, Fig. 67:a, 70:c)[3]. Another one-edged sword of undetermined dimensions comes from Grave 3 at Melzow, Kr. Prenzlau (Jahn, 1916, p. 248; Wołągiewiczowie, 1964, p. 120; Müller, 1957, p. 117). The grave goods included, i.a., a brooch Type Almgren 19 (cf. Völling, 1994, p. 272) which is dated to the last decade B.C. and the 1st half of the 1st century A.D. (Völling, 1994, p. 216) and thus to Phases A_3/B_1 and B_1 (cf. Dąbrowska, 1988, p. 62; Godłowski, 1985, p. 41—42). The 16,5 cm long fragment of a pommel with a hilt was considered a part of a two-edged sword (Wołągiewiczowie, 1964, p. 120, Plate XXVII:9)[4]. As the weapon was of a rather small size (a greater part has been preserved) its function is quite uncertain; most probably it was a dagger (or knife?).

The finds quoted above should be ascribed to the so-called Lebus group. Among the finds from the German Pomerania (Vorpommern) one should also mention a 57 cm long two-edged sword from Grave 2 discovered at the burial ground at Barth, Kr. Ribnitz-Damgarten (Wołągiewiczowie, 1964, p. 124, Plate XXXII:5) connected with the neighbouring settlement group located at Warnowa river (Wołągiewicz, 1981b, p. 201). Inhumation burials were discovered there but as the assemblages were obtained by quite unprofessional means their coherence is questioned (Wołągiewiczowie, 1964, p. 124). The sword is known only from a photograph which allows to determine it in all probability as Type II after Biborski, which is dated to the late stage of Phase B_1 and Phase B_2 (1978, p. 62—64).

To sum up the discussion of the above-mentioned finds one may remark that the numbers of one-edged and two-edged swords are quite similar with a slight domination of the former. It should be also stated that their forms are consistent with the typological scheme used for the area of the central European *Barbaricum*.

Bearing in mind the scarcity of the material which makes it difficult to draw any statistical conclusions (the law of great numbers!) one may tentatively refer these results to the finds from the neighbouring areas of the Barbarian Europe. The lengths of the swords quoted above do not differ from the dimensions of the items known from the Przeworsk culture (Biborski, 1978, *passim*) or from the lower Elbe basin (Adler, 1993, Fig. 14—15). This seems to indicate that there are no significant differences between the lengths of swords from the areas assumed as settled by the Goths and the neighbouring territories.

It is however possible that Tacitus based not on

[1] Such chronology is suggested by i.a., shield bosses Type Jahn 5 and 6 as well as shield grips Types Jahn 6 and 7 (1916).

[2] The only sword known to me dated to the beginning of the Younger Roman Period comes from so-called Grave 2 at Grudynia Mała, Kędzierzyn-Koźle district. In fact it should be probably dated to an earlier time and the finds considered as goods from Grave 2 are most probably assemblages from at least two burial features: from Phase B_2 and C_1 (Kontny, 2003).

[3] The copy of a drawing presented in work by M.D. and R. Wołągiewiczowie erroneously presents this element as an integral part of the hilt: a kind of its extension. The photography of the sword, however, supports the interpretation presented above (cf. Wołągiewiczowie, 1964, Plate XXVIII: 6; Buchholz, 1904, Plate XXI).

[4] The assemblage is dated to Phase B_1, which is suggested by the shield boss Type Jahn 5.

information concerning the dimensions of the swords but their form. The basic criterion would then be the different number of cutting edges. The division into one- and two-edged swords would have then the morphological and functional basis as it allows to distinguish the weapons also from the functional point of view, which might have been important for the Tacitus' informants.

As the collected material includes few swords well-dated to the late part of Phase B_1 and early stage of Phase B_2, for the purposes of comparison results of statistical calculations embracing the whole Early Roman Period should be taken into account. In that period at the area of the lower Elbe there was a perceptible domination of two-edged swords (Adler, 1993, p. 63, 69, Fig. 19—20). In the Przeworsk culture, in turn, in Phases B_1—B_{2a} one-edged swords still predominated, but in Phase B_{2b}, two-edged ones became more popular. If these results are averaged a picture with a slight domination of one-edged forms over the two-edged ones (Kontny, 2001a, p. 106, Diagram 11) is obtained and thus similar to that which has been obtained from the analysis of the Pomeranian finds. Parallel results may be also obtained for Scandinavia. At the area of Denmark in Phase B_2 the proportions were reverted (the imitations of Roman *gladii* were especially popular); only at Bornholm the items with one cutting edge still dominated (Watt, 1994, p. 315, Fig. 8). It is difficult to consider this picture as clear-cut but taking into account the different popularities of various kinds of swords in Pomerania and in the neighbouring regions of the Barbarian Europe, it seems that the information about *'breves gladii'* seems quite unreliable. This does not have to mean that Tacitus was completely wrong. I would like to put forward a hypothesis which may justify the analysed information. In my opinion it is quite probable that the Tacitus' information about the swords concerns the previous period. If indeed, as W. Nowakowski said (1996a, p. 190—191), some information included in the second part of *Germania* (description of Suebia) could be outdated and concern the 1st century B.C. then a similar explanation may be used also in this case. In that period, roughly equal to Phases A_2—A_3 of the Late Pre-Roman Period, weapons, including swords, were frequently found among grave goods in Pomerania. On that base it should be said that in the Oksywie culture the two-edged swords were far less numerous than the one-edged ones. The decrease of the proportion of the two-edged swords is particularly evident in Phase A_3 (Margos, Stąporek, 2002, p. 84—85, Fig. 3). It should be remembered that in this case we deal with two-edge swords of the La Tène type which were quite long, reaching up to roughly 100 cm and clearly larger then the shorter one-edged forms (cf. Kontny, 1998)[1]. In this case not only the form but also the dimensions as well as the different combat methods determined the clear differentiation of the two kinds of weapons. In the proposed approach the negative information about the short swords is also confirmed: in the Przeworsk culture of that time long two-edged swords were predominant and one-edged forms made up a small percentage (cf. Kontny, 2002a, Fig. 1—3). The situation in southern and western part of modern Denmark was similar. Only in the northern part of Jutland and at Bornholm the one-edged swords were more numerous (Watt, 1994, p. 315, Fig. 8). This form was also typical of other areas of Scandinavia: Gotland (Nylén, 1956, p. 518), Oland (Rasch, 2002, p. 288—289) and continental Sweden (Nicklasson, 1997) of that period. The last mentioned area, however, can hardly be considered as neighbouring to Pomerania and the weapons of its population as a background for the Tacitus' information.

There are not many possibilities to verify the second part of Tacitus' text concerning the round shields on the basis of the finds from the Wielbark culture. Theoretically the shapes of shields can be reproduced on the basis of a large number of edge-mounts. Yet although for the Early Roman Period some single, stray elements of shields are known from the Wielbark culture: shield bosses Type Jahn 6 from Piła, Piła district (Fig. 2:a) and Gronowo Górne, Elbląg district (Fig. 2:b) (Kaczanowski, Zaborowski, 1988, p. 224—225, Fig. 3)[2], no edge-mounts are known. The only example is the find from Grave VIII/1904 from Nowe Dobra, Chełm district (Fig. 2:c) known from Martin Jahn's files and dated to Phase B_1 (Kaczanowski, Zaborowski, 1988, p. 223, Fig. 1), yet this was a fitting of an umbo's brim and not a shield edge-mount so it is impossible to reproduce

[1] It seems that a signum temporis is the find from Grave 67 at Rumia, Wejcherowo district, dated by a fibula Type N after J. Kostrzewski (1919) to Phase A_3. The 53 cm long two-edged sword discovered there had a bell-shaped guard (Pietrzak, 1987, p. 25, Plate LIX:a), which suggests that it was made from a longer sword of the La Tène type.

[2] The article by P. Kaczanowski and J. Zaborowski (1988) does not present the drawing of the shield boss from Piła shown at the card in Martin Jahn's files.

its shape[1]. Such edge-mounts are known from the assemblages from the end of the Late Pre-Roman Period where they accompanied shield bosses with blunt spikes (cf. Kaczanowski, Zaborowski, 1988, p. 223).

Moreover, some shield-bosses from the Late Roman Period were associated with the Wielbark culture: an item with a wide brim Type K_1 after N. Zieling (Zieling, 1989) from Węgra, Przasnysz district and Kołoząb, Płońsk district (Tomaszewska, 1988, Fig. 1:1). As they were not accompanied by the shield edge-mounts and their dating exceeds the chronological framework of this article, these finds may be disregarded[2].

The only artefact which allows to reconstruct the shield from the Wielbark culture in a reliable way is a bronze miniature (Fig. 3:e) from Grave 69 at Nowy Targ, Malbork district (Kaczanowski, Zaborowski, 1988, p. 225—226, Fig. 4; Andrzejowski, 2000, p. 26—27, Fig. 2:5)[3]. The grave assemblage may be dated to Phase B_1 and the early part of Phase B_2 (Kaczanowski, Zaborowski, 1988, p. 226; Andrzejowski, 2000, p. 27). Thus the find may be compared with the Tacitus' information due to their chronological accuracy. However, the miniature clearly contradicts the information mentioned by the Roman historian: the model of the shield has an elongated, ovoid-rectangular (dimensions: 53 × 19—29 mm) and not circular shape. It is, of course, possible to assume that we have to do with a specific form, a kind of an amulet, which did not have to imitate the form of shields used in reality, but, as it has been proved in the analysis of miniatures of shields known from the burials in the Przeworsk culture and the item from Nowy Targ made by J. Andrzejowski, such forms are faithful renderings of the combat shields from the Early Roman Period (Andrzejowski, 2000, p. 39). This does not change the fact that we deal here with an unique discovery so it can not be used to solve the problem of shields used in the Wielbark culture.

In such a situation one should refer to the knowledge on the shape of shields used in the Barbarian Europe and their changes in time and on that basis analyse the negative of Tacitus' information. Earlier attempts at the reconstruction (Götze, 1900, La Baume, 1941) can not be considered as up to date although W. La Baume's studies are still important for they contain a considerable amount of information about the weapons from the Balts' areas, as most of the archaeological materials gained before the 2nd World War have been lost or scattered. One should, however, reject the pre-war reconstructions of shields made for exhibitions as they were quite dubious and can not be verified today[4]. Recently this issue was taken up also by N. Zieling (1989, p. 353—360), J. Ilkjær (2001, p. 355—361), marginally by J. Andrzejowski (2000), and with respect to the Pontic region, by M. Kazanski (1994, p. 453, Fig. 453—455)[5]. These works one should consider as only partially dealing with the topic and none of them treats the topic exhaustively: J. Ilkjær's conclusions concern basically the Scandinavian material and in N. Zieling's work the more recent discoveries from bog sites, which yielded a large number of well-preserved shields, are not taken into account, and in many places the facts derived from publications are not sufficiently verified. As it has been stated above, the remaining publications deal with the shield forms only marginally. It should be also stressed that since then new discoveries have been made, which have extended the current state of knowledge.

The discussion of the shield shapes from the Pre-Roman and Roman periods in the central and northern European *Barbaricum* should begin with the finds from the bog site at Hjortspring on the

[1] Another opinion on this issue was expressed by T. Dąbrowska, who believed that these were edge-mounts of a shield (Dąbrowska, 1997, p. 91; cf. Zieling, 1989, p. 229—230).

[2] It should be added that in the partial publication of the materials from Kołoząb (Tomaszewska, 1988, p. 105—107) the artefact was described in a highly unreliable way: in fact it is not, as the author of the publication believed, a fragment of a shield boss with a semi-circular upper part Type Jahn 8 but rather of an item with a distinguished high collar, probably Type Jahn 7. The accompanying fragment of a shield grip with fan-shaped rivet plaques should be determined as Type Jahn 9. Thus the finds are earlier than it was assumed so far and come from the period when the necropolis was used by the population of the Przeworsk culture (oral information from Aleksandra Żórawska, M.A. from the State Archaeological Museum in Warsaw, who is preparing the materials from Kołoząb for print and to whom I would like to express my gratitude).

[3] Taking into account the material from which the miniature was made it is impossible that it was an import from the area of the Przeworsk culture, where only iron artefacts of that kind are known.

[4] For example, the reconstruction of a shield from Harsefeld made for the *Helmsmuseum* in Hamburg-Harburg, or an item from the pre-war *Gaumuseum für Naturkunde und Vorgeschichte* in Gdańsk; the quoted forms were supposed to represent shields from the beginning of the Late Pre-Roman Period (La Baume, 1941, Fig. 9, 10).

[5] Cf. also: Kaczanowski, Zaborowski, 1988, p. 227.

island of Als in Denmark[1]. Numerous shields had been made exclusively of light wood (alder, linden, birch), and in 50 cases it was possible to reconstruct their shape. All of them were rectangular with rounded upper parts and more or less noticeable curved sides (sometimes their shape was similar to an elongated oval). The largest one was 88×50 cm and the smallest 66×29 cm; the dimensions of the majority oscillated around 70—75×45 cm. Basing on the differences between the proportions of the length and width, three types have been distinguished. The shields were made of single planks, rarely from two or three planks and did not have any metal elements (Rosenberg, 1938, p. 106—109, Fig. 26—30; cf. Kaul, 2003, p. 152—153). The site was carbon dated to the 4th century B.C. (Kaul, 2003, p. 175).

The same method was used to determine the chronology of the discovery from Borremose to the mid-4th B.C. Close to a known fortified settlement from the Pre-Roman Period, located in the northern part of Jutland (Vendsyssel) a piece of leather which used to serve as a cover of a shield was found. It had a rectangular shape with slightly rounded corners and in the centre there was a hole for the unpreserved shield boss and shield grip. Around the hole traces of semi-circular patterns impressed in the leather could be seen (Kaul, 2003, p. 171). In its shape the object was similar to the finds from Hjortspring.

Another shield comes from Vædebro, eastern Jutland (Fig. 6:c). In an eroded part of a bog site (close to the famous bog deposit of Illerup) there were found two heads of shafted weapons (from two different periods) and a wooden shield made of a 105,5 cm × 38,5 cm and 0,5—1,0 cm thick single alder plank. Traces of paint have been preserved on the shield and in the corners the remains of reinforcement, probably of wicker survived. On the surface there were series of indented holes making up a meander-like pattern. There are no very close analogies but according to J. Ilkjær (2001, p. 359) they may be traces left by the elements attaching the leather cover[2]. With the shield a narrow band-like shield grip Type Zieling B_1 or Jahn 5 was uncovered, which dates the shield to the end of the Late Pre-Roman Period or the beginning of the Early Roman Period (Ilkjær, 2001, p. 356—358, Fig. 319).

The shapes of shields of the Early Roman Period are usually reconstructed on the basis of the finds of shield edge-mounts, relatively frequent among the grave goods found in burials from Phases B_1—B_{2a} (Kontny, 2002b, Table 2; cf. Adler, 1993, p. 48—53). If there are many edge-mounts then this method may be quite successful[3]. One should, however, remember about the deformations and destruction of metal edge-mounts in the fire of the funeral pyre and about the post-deposition processes. It seems also that small fragments of edge-mounts may have been neglected or overlooked when the elements of grave goods were picked out from the pyre and put into the grave pit. The same phenomenon may have taken place during excavations (e. g., ones conducted without using a metal detector). The above factors limit to a considerable extent the possibility to reconstruct the shapes of shields. For the finds from

[1] One should also mention the La Tène shields the shapes of which were reproduced only on the basis of iconography but also of miniatures as well as edge-mounts found in grave assemblages and single shields preserved in a large part (i.a., the La Tène finds). Celtic shields were oval and clearly elongated; other shapes are seldom recorded (Domaradzki, 1977, p. 68—69; Brunaux, Lambot, 1987, p. 97—101; Rapin, 1991, p. 323—324; Ritchie, Ritchie, 1996, 48—51; cf. Stary, 1981).

[2] Similar indentations distributed along the edge were noticed at unpublished shields from the bog site at Nydam (Ilkjær, 2001, p. 359, 378).

[3] Among the not numerous finds of edge mounts dated to the Late Pre-Roman Period there is a remarkable fragment bent at right angles from Grave 48 at Skowarcz, Gdańsk district (the Oksywie culture) (Jahn, 1916, p. 164, Fig. 194). It proves that at least some of the shields used at that time were rectangular in shape (or perhaps elongated hexagonal). Other fragmentarily preserved curved forms from that period are assumed to be round or oval (Jahn, 1916, p. 163—164). The list should be completed with the discovery of a set of shield edge-mounts discovered in a grave from Phase A_3 at the cemetery of the Oksywie culture at Pruszcz Gdański, Gdańsk district, Site 13. They allow to state that the shield had a clearly elongated, close to rectangular, shape, probably with slightly curved edges (I would like to thank Mirosław Pietrzak, M.A., and Małgorzata Tuszyńska, M.A., from the Archaeological Museum in Gdańsk, for the possibility of seeing it). The finds from the area of the Przeworsk culture, dated to the Late Pre-Roman Period do not allow to reconstruct the shape of the shields, they only confirm that the edges of the shields were slightly curved or straight (Bochnak, 2005, p. 125—127). T. Bochnak determined the fragments of edge-mounts from Grave 179 at Kamieńczyk, Wyszków district, as shields with almost semi-circular shorter edges (Bochnak, 2005, p. 126). In fact these are parts of a shield boss brims, analogical to the item from Nowe Dobra, Grave VIII/1904 mentioned above and thus do not allow to reconstruct the shape of the shield (I would like to thank the employees of the Department of the Iron Age at the State Archaeological Museum in Warsaw for allowing me to see the weapons from Grave 179 at Kamieńczyk).

the Przeworsk culture area this may lead to a pessimistic conclusion (Andrzejowski, 2000, p. 31).

Contrary to the above, sometimes it is possible to obtain convincing results (cf. Kasprzak, 2004), e.g., the shield from Grave 23 at Kryspinów, Kraków district (Godłowski, 1972, p. 135—136, Fig. 7, 8), dated to the beginning of sub-Phase B_{2a} (i.a., with a trumpet-shaped brooch variant 2 after T. Liana (1970), shield grip Type Jahn 7), had probably the shape of an elongated rectangle with curved sides. In other cases the angle of the fitting indicates that it was part of a polygonal shield. For the Early Roman Period one can mention, e.g., the find from Gledzianówek, Łęczyca district, Grave 43/1934 (Kaszewska, 1977, p. 81, Plate XXXII) or Kamieńczyk, Wyszków district, Grave 62 (Dąbrowska, 1997, p. 22, Plate XXXI)[1].

Attempts at reconstructing the shapes of shields were also made on the basis of the discoveries from the Elbe region. Fragments of shield edge-mounts were found, i.a., in Grave 84 at Prositz, Kr. Meißen in north-eastern Sachsen, dated to the late part of Phase B_1 or the turn of Phases B_1/B_2 (shield boss Jahn 6, shield grip Jahn 7. 212). It is supposed to have been round, with a diameter of 0,95 m (Coblenz, 1955, p. 87—89, Plate 39/40). It seems, however, that such univocal statements should be treated with reserve, for they are based on not too numerous and poorly preserved (burnt at the pyre) bronze edge-mounts.

Finds of various kinds of shield edge-mounts from the burial ground at Kothendorf, Kr. Schwerin in Mecklenburg were used to make a reconstruction of an oval shield which was 56 cm long and almost equally wide (Beltz, 1899, p. 20, Fig. 120; Beltz, 1910, p. 314, Plate 53:9). The materials which were used for that were not assigned to a concrete grave assemblage but the cemetery is dated to the Early Roman Period (i.a., chair-like spurs, shield bosses with blunt spikes; cf., e.g., Beltz, 1910, p. 338—339, Plate 52:2, 53:9, 19; von Müller, 1957, p. 114—115, 117—118). The reconstructed form was later modified, but the changes basically concerned the way of fixing the grip and location of the mount used to suspend the shield (Zieling, 1989, p. 347—348). According to N. Zieling the shield was 55—56 cm long (1989, p. 355).

It was assumed that the round shield from Grave FK 1 from Bornitz, Kr. Zeitz, was relatively small (45 cm). The bronze edge-mounts (20 items) were altogether 266,5 cm long and came from a feature dated to Phase B_1 (shield boss Type Jahn 5/6) (Voigt, 1976, p. 322—323, Fig. 8—10). The suggested shape was, however, determined in a dubious way: in the publication only one fragment of a straight fitting is presented and the suggestion concerning the shape of the shield was accompanied by a question mark (Voigt, 1976, Fig. 9:e4, p. 323).

Far greater possibilities of determining the shape of the shields were offered by the discovery from Wachow, Kr. Nauen in Brandenburg (Stimming, 1912, p. 310, Plate XLV). At that cemetery several complete bronze edge-mounts of varying lengths (4—12 cm) were found in an inhumation grave (the grave goods were not burnt). This allowed to state that the shield was elongated and hexagonal. The assemblage can be dated to the turn of Phases B_1/B_2 or sub-Phase B_{2a} on the basis of shield bosses Type Jahn 6/7b and a hand grip Type Jahn 7.210.

The further discoveries come from the north-European *Barbaricum*. However, they are not always equally reliable: e.g., the claim that in Grave 45 w Harnebjerg, Humble sogn, at the Isle of Langeland, a rectangular shield was deposited is quite dubious. The feature is dated to Phase B_1, which is suggested, i.a., by two brooches Type Almgren 68. The authors of the publication made the reconstruction on the basis of two ca 5 cm long pieces (Dobrzanska, Liversage, 1983, p. 239, 247, Fig. 19). It seems, however, that these elements are too small to draw such conclusions; in fact they might have been, e.g., parts of a hexagonal shield.

Far more reliable is the reconstruction of the shield from Grave 19 at Hunn, Borge k. (Østfold) in Norway. Like at Wachow, a complete set of bronze edge-mounts was found in an inhumation burial. The shape of the shield, however, was different: it was rectangular with rounded corners. There are slight discrepancies as to the size of the shield: according to H. G. Resi it was 105×51 cm (1986, p. 70—72, Plate 8—9) and to J. Ilkjær, 93,6×52 cm (2001, p. 360). The assemblage is dated to sub-Phase B_{2a} (i.a., shield boss Type Jahn 7b, shield grip Type Jahn 7; cf. Ilkjær, 1990, p. 361)[2].

[1] In Grave 62 from Kamieńczyk there was found, i.a., a shield boss Type Jahn 7b, which dates the assemblage to sub-Phase B_{2a}, and in Grave 43/1934 from Gledzianówek, a shield boss Type Jahn 5, a shield grip Jahn 5 and a brooch Type Almgren 68, which place the assemblage in sub-Phase B_{1b}.

[2] The unpublished fragment of a shield from an Early Roman Period cemetery Dobřichov-Pičhora, okr. Kolín in central Bohemia (Droberjar, Peška, 2002, p. 118) was probably part of an artefact of a similar form.

Another reliable reconstruction was made thanks to the discovery from an inhumation grave at Hvesager, Vejle Amt in eastern Jutland. In the burial pit *in situ* long curved sections of the edge-mounts from the upper and lower part of the shield were found. On this basis it was assumed that the shield was round and had a large diameter: 1,25 m (Mikkelsen, 1990, p. 148—157, Fig. 7). The assemblage should be dated to Phase B_2 (shield boss Type Jahn 7a, shield grip Type Jahn 8, fibula Type Almgren 119).

A shield of similar dimensions was deposited in Grave 4 in Barrow B at Brostorp, Glömminge socken at the Isle of Oland (Rasch, 1991, p. 65—67, 105—113). The feature should be dated within Phase B_2 (i.a., shield boss Jahn 7a, shield grip Jahn 7, chair-like spurs; cf. Ilkjær, 1990, p. 346). The long sections of curved bronze shield edge-mounts allowed to establish that the shield was oval in shape, and 120 cm long and ca 70 cm wide (Sternberger, 1933, p. 18, Fig. 11; Rasch, 1991, p. 67; Zieling, 1989, p. 355).

The shield from an inhumation burial from Phase B_2 (i.a., shield grip Type Jahn 7) at Hörninge, Köpings sn. at the Isle of Oland was considered to be circular in shape (Zieling, 1989, p. 934, przyp. 721). Edge-mounts altogether 260 cm long have been preserved there (*Tillväxten...*, p. 261—262, Fig. 28—33; Jahn, 1916, p. 198, 205). If they indeed formed a circle then it should be assumed that the diameter of the shield was at least 80 cm.

Among the shields dated to the Early Roman Period it is worth while to mention also the find from the grave at Káloz, Kom. Fejér in Pannonia. The feature was interpreted as a double burial of a German and a Dacian, for equipments of two warriors of different ethnic origin were found in it: edge-mounts of two shields, a battle axe, a two-edged sword, a weapon head and a Dacian falx (battle scythe) (Bóna, 1955, pl. XVII—XX; cf. i.a., Godłowski, 1984, p. 340, 342, Fig. 6; Kaczanowski, 1994: 138, 140, Fig. 4). It used to be connected with the period of the Marcomannic wars (Bóna, 1978), but at present the feature is given a much earlier date: the end of Phase B_1 or, at the latest, the beginning of Phase B_2 on the basis of a shield grip Type Jahn 6 and shield bosses Type Jahn 6/7b (Godłowski, 1984, p. 340; Kaczanowski, 1994, 138, 140). The grave goods included numerous shield edge-mounts on the basis of which the almond shape was suggested (Godłowski, 1984, p. 342, Fig. 6: d) 70—80 cm in length (Zieling, 1989, p. 355). The reconstruction has been considered, quite understandably, as not very reliable (Kaczanowski, 1994, p. 137—138) because no similar shields from the discussed period have been found. Moreover no edge mounts with an angular shape were found here which would indicate that the shield had a circular lower part[1].

A relatively large number of edge-mounts from the Early Roman Period and the beginning of the Roman Period come from the areas occupied by the Balts: the Dollkeim-Kovrovo culture and the Bogaczewo culture. They have been collected in the work by W. La Baume (1941) already mentioned earlier in this paper. On the basis of the finds of edge-mounts the author distinguished three shield types: Groß Ottenhagen, Gąsior and Dollkeim.

The first one was to comprise elongated shields with curved sides and rounded corners. It was represented by the find from Grave 19 at Polese, raj. Zelenogradsk (formerly: Groß Ottenhagen) dated to Phase B_2 (brooches: Type Almgren 61 and Almgren 148, shield boss Type Jahn 7a) and from Grave VII at Povarovka, raj. Zelenogradsk (formerly: Kirpehnen) dated to the second stage of the Dollkeim-Kovrovo culture, i.e., B_2/C_1 (shield grip Type Jahn 9 with poorly distinct rivet plaques, belt buckle Type D_1 after R. Madyda-Legutko (1986), bracelet with profiled ends)[2].

Type Gąsior according to W. La Baume was represented by narrower shields closer in shape to a rectangle with strongly rounded corners. An example of this kind of shields was the find from Grave 212 from Gąsior, Pisz district (formerly: Gonschor). Ten fragments of the lengths of 4,5—24 cm were found there, which allowed to make a reliable reconstruction. The dating of the assemblage is not entirely certain: a conical shield boss Type Jahn 6 (?) was to be accompanied by, i.a., pin Type Beckmann C (1969)[3]. However, as it is necessary to take into account the longer usage of some Early Roman forms of shield bosses at the areas occupied by the Balts (Juga-Szymańska, Kontny, 2006), the feature should rather be dated to Phase C_1. A similar shield is said to have been deposited in Grave 89 at Marcinkowo,

[1] *Nota bene*, besides the mentioned artefact there was also a much later spur (Bóna, 1955, Plate XIX:12), which should be included in sub-group G_1 after J. Ginalski. Such forms are dated to Phase C_1 (Ginalski, 1991), thus the assemblage can not be chronologically consistent.

[2] For dating see Nowakowski, 1996b, Plate 82:8—12; Table XIa, XVId.

[3] Pins Type C appeared in Mazuria during Phases B_2/C_1—C_{1a} (Juga-Szymańska, Kontny, 2006, 84—85; cf. Nowakowski, 2004, p. 205).

Mrągowo district (formerly: Mertinsdorf). The fragments of iron edge-mounts discovered there were 10—13 cm long. Due to the lack of precise dating elements it is impossible to establish the chronology of the grave.

Type Dollkeim was said to be rectangular, relatively narrow and with minimally rounded corners. W. La Baume assigned to it the item from Grave 15 at Kovrovo, raj. Zelenogradsk (formerly: Dollkeim). The fittings were not well-preserved but their shape (the straight parts and three edge mounts of a right-angled shape from the corners of the shield) allowed to make a reliable reconstruction. The shield is dated to Phase B_2: the grave goods included, i.a., an eye brooch of the Prussian series, a brooch Almgren V.7, and a shield boss with a blunt spike (Nowakowski, 1996b, Plate 7—8, Table Ia-b, XVId). A fragment of an edge-mount with a right-angled shape was also found in Grave 305a2 at Machary II, Mrągowo district (formerly: Macharren). The other finds, mentioned by La Baume but without any detailed description allowed him to date the assemblage to the Late Roman Period (Phase C after O. Tischler; the 3rd century A.D.).

To make the picture complete the shield from the west-Germanic area, from Mannheim-Feudenheim, Kr. Mannheim, should be mentioned. It was oval in shape and had an untypical, vertical and very long shield grip[1]. Additionally there were found four sections of edge-mounts each ca 40 cm long, making up the whole diameter of the shield (Schumacher, 1909, Fig. 2; Jahn, 1916, p. 198, Fig. 224). On the basis of the drawing of the reconstructed shield its dimensions were estimated to 55×42 cm (Zieling, 1989, p. 355) or 56×42 cm (Jahn, 1916, p. 201). The find comes from unprofessional excavations so its dating is uncertain and the proposed shape dubious. According to M. Jahn the untypical shape of the shield might be due to the fact that the weapon belonged to a Germanic warrior serving in auxiliary units of the Roman army (Jahn, 1916, p. 196—197, Fig. 224).

In the famous «royal» burial from Mušov, okr. Břeclav na Morawach, i.a., edge-mounts of three shields in the form of bronze edge-mounts covered with silver and gilded sheets were discovered. Although they were preserved only fragmentarily, it was assumed that they used to make up 75×50 cm oval shields (Droberjar, Peška, 2002, p. 118—124, Plate 5), which seems quite dubious. Although the assemblage contains elements typical of both the end of the Early Roman Period and of the beginnings of the Roman Period, it has been dated to Phase B_2/C_1 (Peška, Tejral, 2002).

N. Zieling quotes examples of Early Roman angled edge-mounts, which allows to suppose that they belonged to rectangular or polygonal shields (Zieling, 1989, p. 356). He believes that in the remaining cases it is impossible (Zieling, 1989, p. 357—358), which is quite surprising, for the straight edge-mounts also indicate polygonal or rectangular shields and allow to exclude the circular and oval shapes.

It should be remarked that, besides the shields with a hole covered with a shield boss, also items of simpler construction were used: elongated ones with two shield grips fixed near the shorter sides. A shield of this type is used by a Germanic warrior represen-ted at the column of Marcus Aurelius in Scene LXXVII (Caprino *et al.*, 1955, Plate M) (Fig. 4). Similar representations can be found at Trajan's column: shields of this type are used by the Germans fighting in the Roman army, but dressed and armed according to the Barbarian custom (Scenes 24, 38 and 72: Koeppel, 1991, p. 153, 155, 165—167, 190—191, Fig. 17:44, 27:5, 50:20) as well as the Barbarian members of the *auxilia* dressed in the Roman style (Scene 115: Koeppel, 1992, p. 92—93, Fig. 29:59) or the Dacians (Scene 93: Koeppel, 1992, Fig. 12:17). This kind of shield was carried putting the forearm through the larger organic grip and holding the smaller one with the hand (or, as there may not have been enough space, only with some of the fingers). Such a shield protected mainly the forearm and as its defensive value was limited it was probably used mainly for offensive purposes (e.g., active parrying of blows, making blows aiming at disable the opponent's weapon or remove it from the sphere of combat, hitting the opponent in the face with the edge, etc.)[2].

The miniature shield from Nowy Targ mentioned above is not a unique find for the Early Roman Period. Several such artifacts are known from the area of the Przeworsk culture. They have been collected

[1] Martin Jahn's files contain a card devoted to the find from Mannheim-Feudenheim, on which the author noted his doubts about the accuracy of the representation of the shield grip («Fessel falsch angebracht»).

[2] This kind of weapons was not very suitable for making dangerous piercing blows because of the lack of sharp, projecting elements such as spikes or even a conical shield boss.

and discussed by J. Andrzejowski (2000). They can be divided in two groups: elongated, hexagonal or almost rectangular ones[1] with curved longer sides (Fig. 3) and the ones of rectangular shape but with a pair of concavities on either of the longer sides. The former group is dated to the Early Roman Period and considered a faithful representation of the combat shields of Przeworsk culture warriors and the latter comes from a narrow chronological horizon (B_2/C_1) and probably imitates symbolic or parade shields (Andrzejowski, 2000, p. 39).

In this context it is worth while to quote the find from Muntowo, Mrągowo district (the Bogaczewo culture). The bronze brooch in the shape of a round shield (Fig. 5:a) with a diameter of 5,3 cm was decorated with an ornament of a twelve-rayed star, which was partly in repousse work and partly impressed (Gaerte, 1929, p. 259; Nowakowski, 2004, p. 194—195, 206, Plate VIII; cf. Nowakowski, 2001, 78, Plate III:6). It used to be considered as a Roman import or its imitation and now it is believed to be an imitation or import from the Sambian Peninsula (the Dollkeim-Kovrovo culture) where shield brooches appeared in Phase B_2. Such dating was presumably supported by the pin Type A after B. Beckmann (1969) which accompanied the shield brooch from Muntowo (Nowakowski, 2004, p. 206). However, the star ornament on the shield seems to require some explanation. On the one hand it resembles the typical of the Wielbark culture pattern of alternating triangular fields of varying dimensions used also on the weapon heads of the Przeworsk (Kaczanowski, Zaborowski, 1988, p. 235—236, Fig. 9) as well as Bogaczewo culture (e.g.: Stara Rudówka, Giżycko district, Grave 13: M. Jahn's files). On the other hand it strongly resembles miniature shields known from the later times (Fig. 5:b, Fig. 7). Although it is rarely possible to find the traces of paint on the remains of a shield and still rarer to reconstruct the painted decoration, there exist some examples of round shields from the Late Roman Period covered with a star pattern[2]. As to the dating of the assemblage it should be reminded that the pins Type Beckmann A are also found in Phase B_2/C_1 (Juga, 2003, p. 70) and the item in question rather belongs to the late phase of their existence (Juga, 2003, p. 77). Thus perhaps we have to do with a combination of a known form of fibulas with an imitation of a shield (which is suggested by the bulge imitating the shield boss and the ornament)[3].

Aside from the above reflections it is worth to mention an important issue: basically at all the miniature shields besides the symbolically marked shield boss and grip there are arrangements of points, usually found along the edge, and more rarely, also in the central part of the miniature (cf. Andrzejowski, 2000, Fig. 2)[4]. In my opinion they imitate the metal nails/rivets or wooden (organic) pegs used to attach the leather cover to the shield (Fig. 6)[5]. The considerable increase of the resistance of the shield covered with skin has been proved in an experimental way (Ilkjær, 2001, p. 361—363) so this solution might have been used quite commonly. It is worth to remind here the shields from Vædebro and Nydam mentioned above, which had holes: probably traces

[1] J. Andrzejowski's list may be supplemented with a new discovery from a habitation structure dated to Phase B_2, from the Przeworsk culture settlement at Pełczyska, Pińczów district (unpublished materials from the excavations by Marcin Rudnicki from the Institute of Archaeology at Warsaw University, whom I would like to express my gratitude for the information).

[2] In a princely burial from Gommern, Kr. Burg, dated to Phase C_2 (Bemmann, 2001, p. 67; Becker, 2001, p. 206—207) a painted round shield covered with leather was discovered (Naumann, Sieblist, Wurst, 2001, p. 195—196). In this case grey-blue colour (Egyptian blue) and red (burnt Siena) were used; on one side an angular pattern was noticed (Wunderlich, 2001, p. 177) which made up a star motif. The red star pattern at the blue background was put in the central part of the shield (Becker, 2001, p. 213). A miniature of a round shield with such a motif was part of a necklace from the first hoard from Szilágysomlyó (Şimleul Silvaniei) in Transylvania, dated to the early 5th century A.D. (Capelle, 1999, p. 59, Fig. 3; Freiberger, Gschwantler, 1999, p. 101, Fig. 12—13). Another decorative motif could be reconstructed thanks to the new excavations at the bog site at Nydam. Round shields with diameters of 80—90 cm and bearing traces of paint were discovered along a pine boat Nydam B. One of them had a visible concentric pattern of intertwining lines made in red paint contrasting with the grey background (Jørgensen, Petersen, 2003, p. 268—269, Fig. 10).

[3] Miniatures of round shields decorated with stamped ornament, also ones making up an analogous star shape, are known from Scandinavia, Anglo-Saxon Britain or the hoard from Szilágysomlyó (Şimleul Silvaniei) in Transylvania from the Migration Period (Andrzejowski, 2000, p. 28; with further literature).

[4] Only in the case of the artefact from Grave 46 at Siemiechów, Łask district (Jażdżewska, 1986, p. 61, Fig. 3:2) it is possible to suppose that there were mounts of different sizes making up a kind of an ornament (Fig. 3:b); cf. discoveries of shields decorated with silver and gilded appliqués from Illerup (von Carnap-Bornheim, Ilkjær, 1996, Plate 54, 117, 129, 138).

[5] Exactly the same solution was used in the case of the shield from Kerch (Tomb discovered on June 24th, 1904, dated to Phase D: see Засецкая, 1993, p. 65, Plate 3). Its leather cover was fixed with metal nails distributed on the surface of the planks along the edge (Fig. 6:d).

of the elements fixing the leather cover, and the discovery of the piece of leather from Borremose. Similar solutions were used by the Celts. According to M. Domaradzki (1977, p. 68) the leather covers of the La Tène shields were fixed with various kinds of nails, rivets, small round plaques or appliqués. The same was the purpose of the trough-shaped shield edge-mounts. Their main purpose was not, as it was believed[1], to protect the shields against breaking or splitting the planks: the edge mounts made from thin metal were too fine to effectively protect the shield from the sword blows. Furthermore, they were attached to the parts of the shield which were the least susceptible to the blows (e.g. the lower edge). The decorative function, despite the ornaments on some of the edge mounts or their being made from precious metals, seems at best secondary[2]. In this context the discovery from Clonoura (Co. Tipperary, Ireland) is particularly important. The La Tène shield found in the Littleton bog was made of thin planks covered with leather and equipped with a leather shield boss and the shield edges were visibly strengthened around the whole perimeter. The latter closely resembled metal fittings and served to fix the leather cover[3] (Raftery, 1989, p. 121—122, Fig. 8:6; Cunliffe, 2003, p. 121, Fig. 50). This confirms the suggested interpretation of the edge-mounts[4] used as an alternative to nails or pegs.

The above presented picture can be summed up as follows: in the Early Roman Period the not too large, elongated shields (hexagonal, rectangular or similar to a rectangle, or in the shape of an elongated oval), suitable for close-combat and with an important offensive function were predominant. The slightly elongated, oval item from Kothendorf and the one from Mannheim-Feudenheim can be also included in this category. This rule is not observed in the dubious reconstructions (Bornitz, Prositz, Káloz) and some of the Scandinavian shields (Brostorp, Hörninge, Hvesager). The last-mentioned ones, due to their considerable size, seem to be the forerunners of the changes in using the shield in northern Europe, which shall be discussed below[5].

The image which emerges from the analysis of archaeological sources is only to some extent confirmed in iconography. The representations of the Germans in the Roman art show numerous round shields. At the reliefs of the Marcus Aurelius' column dominate, e.g., the representations of circular shields and the proportion of the hexagonal type, which had attributive function (personification of Germania distributed, i.a., on Roman coins: see Schymalla, 1987, p. 45, Table I; Hamberg, 1936, *passim*; cf. Andrzejowski, 2000, p. 29—30). It should not be, however, forgotten that iconography is only an indirect source of knowledge about the Germans' weaponry, for the Ancient artists probably based on the common but not necessarily true stereotypes of the Barbarians. Furthermore, the form and dimensions of the presented weapons were to a considerable extent determined by the requirements of composition and not fidelity to the originals. In such a situation the discrepancies between the knowledge gained from archaeological sources and Roman iconography should be settled in favour of the former.

To sum up this part of the discussion it should be remarked that the 'negative' of Tacitus' information about the *Rugii, Lemovii* and *Gothones* using round shields is generally true: the shields from other areas had most often an elongated form. The area of Scandinavia is an exception as large circular/oval shields dated to the Early Roman Period are known. Were the 'positive' of Tacitus' text also true, this would be an indication of links with northern Europe already noticed in many non-military aspects. There are, however, some doubts. Firstly, the only representation of a shield from the area of the Wielbark culture (the miniature from Nowy Targ) confirms the usage of elongated and not circular shields[6], and secondly, Tacitus does not discuss the dimensions of the shields which are important in the above-presented approach to the problem of the changing form of the shields. Neither is it known whether also this part of the Roman historian's description can be considered as outdated and refer to the Late Pre-Roman Period

[1] I.a., Bochnak, 2005, p. 126.

[2] On the function of edge-mounts cf., e.g., Adler, 1993, p. 48, 53 with further literature.

[3] This was certainly not a ceremonial shield and its use in battle is indicated by the traces of cuts visible on the leather.

[4] Such a solution is supported also by the finds of leather remains between the edges of edge-mounts, e.g., in the above-mentioned Grave 19 from Polese, raj. Zelenogradsk in Sambia (formerly: Gross Ottenhagen, Kr. Fischhausen; the Dollkeim-Kovrovo culture) or from Grave E 77 from Bö, Steigen k. in Norway, (Sjövold, 1962, p. 48—51, Fig. 7, Plate I); cf. the examples from the area of Scandinavia quoted in the further part of this paper.

[5] An intermediate position is occupied by the shield from Mušov.

[6] It is worth-while to add that it resembles in shape the Scandinavian shield from Hunn.

(even though the information concerning *breves gladii* and *rotunda scuta* are mentioned 'in one breath' this is not necessarily true). In such a situation this would be an over-interpretation.

Aside from the above reflections it is worth to mention a phenomenon which occurred in the Younger and Late Roman Period in Scandinavia: there occurred a clear change in the shapes and dimensions of the shields. For these areas there is quite a large number of finds of shields or their edge-mounts, which we owe, on the one hand, to the fact that organic matter is well preserved at bog sites, and on the other one, to the popularity of inhumation. The latter phenomenon allows to reconstruct the shape of the not burnt shields on the basis of the location of edge-mounts and parts of rotten wood.

In an skeletal grave E 77 from a barrow at Bö, Steigen k. in Norway, i.a., a shield covered on both sides with leather fixed to the planks with bronze edge-mounts was found. It had the shape similar to a rectangle with rounded corners (Sjövold, 1962, p. 48—51, Fig. 7, Plate I), with the dimensions 100×90 cm (Zieling, 1989, p. 358, with further literature). On the basis of, i.a., shield bosses Type Ilkjær 3d, the assemblage should be included in Group 6 of burials with weapons from the area of Scandinavia dated to Phase C_{1b} (cf. Ilkjær, 1990, Fig. 199). Such large dimensions of a shield suggest a departure from the old way of using this weapon. The referred item is thus different from the majority of the forms from that period. Among the remaining Scandinavian shields from the Younger and Late Roman Period, the shape of which could be reconstructed, almost exclusively circular ones were found. They were quite large, which makes them similar to the find from Bö.

In this place one should also mention the discoveries made at the cemetery at Simris, Simris sn. in Scania. In Grave 41dated to Phase C_{1b} (Ilkjær, 1990, p. 379) oak planks of a shield and bronze edge-mounts were preserved (Stjernquist, 1955, p. 16—17; Plate XVI: 13), which allowed to reconstruct the form of the weapons. Similar observations could be made for Grave 88 (Stjernquist, 1955, p. 26—27), which had the same dating (Ilkjær, 1990, p. 380), and in which numerous iron edge-mounts were discovered. In either case it was found that the shields had a round shape and a diameter of ca 90 cm (Stjernquist, 1955, p. 119).

Similar conclusions were drawn on the basis of the finds from Grave 11 at Baunegaard (Bornholm). Remains of a shield covered with red paint, preserved next to bronze edge-mount with the remains of leather covering the shield were uncovered (Stjernquist, 1955, p. 118; Jahn, 1916, p. 206). The assemblage is dated to Phase C_2 (Ilkjær, 1990, p. 343). Basing on the location of the remains in the burial pit it was established that the shield was round but the diameter was not precisely determined (Zieling, 1989, p. 354).

A round shield with a diameter of ca 1 m was found in Grave 32b at Backhagen, Tingstäde sn. in Gotland (Almgren, Nerman, 1923, p. 120), belonging to Group 7 of burials with weapons from Scandinavia, dated to Phase C_{1b}—C_2 (Ilkjær, 1990, p. 342).

The same shape was reconstructed on the basis of the plank fragments of a shield preserved in Grave 1 at Slussegård on Bornholm. Also in this case remains of leather covering the shield and the presence of pigment were recorded (Klindt-Jensen, 1978, p. 20—26). The feature was determined as Group 7 and dated to Phase C_{1b}—C_2 (Ilkjær, 1990, p. 381).

Shields from consecutive burials were dated in the same way. The round shield from Svennum, Nordjylland Amt in Jutland (Ilkjær, 1990, p. 387) is striking because of its large diameter (125 cm). Traces of paint were preserved on it (Ilkjær, Lønstrup, 1974, p. 40; cf. Zieling, 1989, p. 339, 354). A clearly smaller, more than 85 cm, is the reconstructed diameter of a shield from a stone cist creating the inhumation grave from Malvik near Trondheim in Norway (Ilkjær, 1990, p. 372; 2001, p. 359; with further literature).

The almost complete domination of circular shields in the Younger and Late Roman Period is confirmed by the bog finds. During the new excavations at Nydam a number of round shields located along the pine boat Nydam B were found. They consisted of 7—9 usually alder planks covered with leather or tendons and painted; their diameter ranged between 80 and 90 cm (Jørgensen, Petersen, 2003, p. 268—269, Fig. 10). The boat was dated to ca 300 A.D. on the basis of the dendrochronological analysis of the oak planks of a shield (the date of cutting the tree was 296 A.D.) placed within the hull (Rieck, 2003, p. 301).

At the bog site at Thorsberg in the south-eastern part of the Jutland Peninsula a group of several circular shields (Fig. 7:a—b) from the Younger Roman Period was found (Raddatz, 1987, Fig. 21—22, Plate 84, 85:1). Their reconstructed diameters ranged from 88 to 104 cm (Zieling, 1989, footnote

719). Only one of them (Raddatz, 1987, Plate 84:1) had considerably different dimensions: its diameter ranged between 60 and 70 cm (the shield was not completely preserved but it seems that originally it had the shape of a very slightly elongated oval).

The most numerous comparative material was obtained from the excavations at Illerup (Fig. 7:c): it was possible to reconstruct as many as 73 items from the Younger Roman Period. All of them were circular and their diameters ranged from 87 to 115 cm (Ilkjær, 2001, p. 375). The shields were made from different kinds of wood (mainly from alder and oak, some from linden, and exceptionally from poplar or pine: see Ilkjær, 2001, p. 376) and were covered with leather (Ilkjær, 2001, p. 358).

In this place it is necessary to mention the object from a bog site at Vimose in Funen (Engelhardt, 1869, Plate 5:2). It used to be assumed that it was a wooden shield (Capelle, 1982, p. 272, Fig. 6) made of two planks but without a shield boss and the hole for fixing the shield grip. This specimen is quite small (ca 16×32 cm). In fact we have to do here with a fragment of a large, circular shield, which is suggested by the curve of its shorter edge (the other edges were formed in the process of ritual destruction of the shield). Furthermore, none of the metal horizontal reinforcements can be treated as a shield grip[1]. The chronology of the shield is unclear. Although T. Capelle (1982, p. 272, Fig. 6) and after him N. Zieling (1989, footnote 734) dated it to the Migration Period, there are some doubts. The previous dating is contradicted by the current chronological conclusions: the material from Vimose has been divided into three groups: deposit Vimose 1 dated to Phase B_2, Vimose 2, assigned to Phases B_2—C_{1a} and Vimose 3, to sub-Phase C_{1b}, (Ilkjær, 1990, Fig. 201). It turned out that some single objects may be linked with small deposits from Phase C_2 and the Early Migration Period (Jensen, 2002, p. 226), yet the discussed item does not possess features which could definitely link it to any of the above periods. In this situation it is more probable (but not certain) that it comes from the more numerous, earlier deposits from the Younger Roman Period.

Even though there are many finds from Scandinavia which allow to state that large circular shields were predominant, it is not so obvious for the other parts of Europe. To some extent the phenomenon extended beyond the area of Scandinavia. This may be proved by the shield from the 'princely' grave, referred to above, from Phase C_2, discovered at Gommern, Kr. Burg, and perhaps also the brooch — a miniature shield from Muntowo and the pendant from Phase D from the first hoard discovered at Szilágysomlyó (Şimleul Silvaniei). The edge-mounts from Grave 11 at Großneuhausen, Kr. Sömmerda, dated to Phase C_1 (2 bronze brooches Type Almgren 161/162) (Mildenberger, 1970, p. 51, 109, Plate 15: 11a—f) suggested a circular (or oval, slightly elongated) shield, yet the publication does not allow to verify this suggestion (only one fragment of the edge-mount is presented although there were more of them).

On the other hand, from central Europe some straight sections of shield edge-mounts from the Younger and Late Roman Period are known. At the necropolis of the Luboszyce culture at Grzmiąca, Słubice district, in Grave XII straight sections of edge-mounts of a total length of 290 cm were uncovered (Marcinkian, 1978, p. 97—98, Fig. 14). The assemblage was dated to sub-Phase C_{1a} (Domański, 1979, p. 46), yet the presence of shield bosses Type Ilkjær 6c (an evident Scandinavian element), appearing in Phases C_{1b}—C_2 (Ilkjær, 1990, Fig. 199), in my opinion suggests that the chronology of the assemblage should be shifted at least to sub-Phase C_{1b}. In Grave XXX from the cemetery at Lachmirowice, Inowrocław district (the Przeworsk culture) a fragment of a bronze edge-mount with an obtuse angle was found. It was probably an element of a hexagonal shield (cf. Zielonka, 1953, p. 376, Fig. 27). The feature should be dated to sub-Phase C_{1b}, or the late part of C_{1a} (i.a., a spur from sub-Group G_1 after J. Ginalski (1991), pieces of *terra sigillata* from the workshop of Helenius at Westerndorf: see Tyszler, 1999, p. 58). Grave 722 from the burial ground at Opatów, Kłobuck district should be dated similarly. It contained fragments of straight iron trough-like edge-mounts (Godłowski, 1969, p. 143, Fig. 5), accompanied by, i.a., spurs from sub-Group G_1 after J. Ginalski (1991) and a belt buckle Type G 46 after R. Madyda-Legutko (1986)[2].

[1] The information was obtained from Xenia Pauli Jensen to whom I would like to express my gratitude. Xenia Pauli Jensen is preparing a doctoral dissertation on the materials from Vimose.

[2] Similar mounts (although less numerous and thus more difficult to interpret) appeared also in Grave 714 and 1277 from the burial ground at Opatów. Materials from this cemetery, dated from the Younger Roman Period to the beginnings of the Migration Period belong to the collection of the Institute of Archaeology at Jagiellonian University and I would like to thank professor Piotr Kaczanowski for granting me access to them.

The change of the defensive weapons probably reflected the breakthrough in the combat methods. In the Early Roman Period the shields had an offensive function. This is indicated not only by the reconstructed above form of mobile, elongated shields suitable both to parry the blows, to cover oneself from them, and to make hits. The shield bosses played a very important part. The shapes of umbos from the Early Roman Period and the beginning of the Younger Roman Period underwent a sequence of changes in order to improve the spike, used to make blows. Initially the conical end of the upper part (Type Jahn 5) was used for that purpose, which was replaced by a small spike (Type Jahn 6), and finally a sharp spike with a piercing top (Type Jahn 7b). The last mentioned one, which must have been able to make dreadful wounds, was probably not very tough: the tapering end was easily deformed in contact with the attacked object (cf. Kontny, 2001b, p. 118—120, Fig. 2—3). For that reason a blunt spike was introduced (Type Jahn 7a), which was equally effective in making wounds but much tougher (Kontny, 2004, p. 150). Its suitability in combat style of that time is proved by the durability of the solution: shield bosses with blunt spikes were used in the late stage of Phase B_2 and in sub-Phase C_{1a}. Starting from sub-Phase C_{1b} or even the end of C_{1a} shields with semi-circular bosses became more and more popular (cf. Godłowski, 1992; 1994). This solution seems to be adapted from the arsenal of Roman weapons, and the Roman shields did not allow for very free movements. They were defensive weapons used in battle order and its offensive part was limited to pushing off the opponent. It is not surprising that in such weapons semi-circular bosses without the offensive spike were used. Instead they had a convex surface thanks to which most of the blows (especially of the sword) which hit the shield boss were slid and missed the aim. Such bosses are thus characteristic for defensive shields. The popularity of this form was simultaneous with the introduction of large circular shields in Scandinavia, the offensive use of which has been questioned above in this paper. In this situation it seems that the introduction of the new, defensive kind of shields should be added to the list of observations proving the existence of organised military structures in Scandinavia in Younger and Late Roman Period. Besides the recorded on the basis of the finds from ritual bog sites: the clear hierarchy in Scandinavian armies, reflected in the diversity of sets of weapons and their quality (Carnap-Bornheim, Illkjær, 1996, *passim*; Ilkjær, 1997, p. 56—61), and the indications of standardisation of weapons which, at that time probably belonged to military leaders and were handed to the army only for the military expeditions (Carnap-Bornheim, 1992; 2000)[1], also the form of the shields seems to be a testimony of the existence of organisation in the North-Germanic troops. In my opinion it is possible to put forward a following hypothesis: the large, round shields indicate that Scandinavian warriors began to fight in a combat order, probably similar to the phalanx used by hoplites (even the sizes and shapes of shields are close in that case). The compact line of hierarchically organised, probably centrally led (?) army is a formation where large shields could find the best use. This must have been a complete novelty for the Germans. This evident progress became popular among the Barbarians in different degrees. The examples from the Przeworsk and Luboszyce culture indicate that the 'innovations' were not frequently used at the area of central Europe, or reached it much later. It is worth to mention that besides the difference in the forms of shields from the beginning of sub-Phase C_{1b} the weapons in the Przeworsk culture and Scandinavia started to develop in two different ways (cf. Godłowski, 1994), what seems to confirm later (if any) adoption of huge circular shields.

In literature also finds from the Pontic region are quoted (Fig. 8) (Kazanski, 1994, p. 452—453, Fig. 7). Besides the iconographic representations from the Bosporan Kingdom showing warriors with shields this concerns especially the discoveries from inhumation burials. In two tombs discovered in Kerch by treasure hunters on June 24th, 1904, which came from the Early Migration Period, i.a., an elongated hexagonal shield covered with leather decorated with figural scenes was discovered (Засецкая, 1993, p. 51—73, Plate 21—46; Мацулевич, 1950). It contained also i.a., two shield bosses Type Malaeshty/Zieling I3 (dated to Phase C_3—D), 2 shield grips Type Gospitalnaja (dated to Phase D) (Kazanski, 1994, p. 443, 452) and ornaments, parts of a sheath and horse trappings decorated in polychromic style. Remains of a similar hexagonal shield (the shape is testified by two 72,5 and 74 cm long bronze silvered edge-mounts, Fig. 8: e) (Засецкая, 1993, p. 46—47,

[1] The metallurgical analysis of the shafted weapon heads from the deposit Illerup A has proved that they were made in series (Ilkjær, Jouttijärvi, Andresen, 1994; Carnap-Bornheim, Ilkjær, 1996, p. 384), probably to large-scale orders.

Plate 16:45), which were found in Tomb 145 from 1904 r. (Засецкая, 1993, p. 42—50, Plate 12—20). The assemblage can be dated to Phase D, which is indicated by i.a., two shield bosses Type Kerch[1], characteristic for Phase D_1, although its dating is extended to the whole first half of the 5th century (Kazanski, 1994, p. 448) and two shield grips Type Gospitalnaja. Further reconstructions were obtained thanks to the excavations of biritual cemeteries of the Tsebelda culture (Abkhazia). In Grave 24 from the burial ground at Cibilium 1, i.a., remains of a round wooden shield of a diameter of 70 cm with a shield boss Zieling K_1 and shield grip Zieling X were found. The authors dated the assemblage to the second half of the 4th century A.D. (Воронов, Шенкао, 1982, p. 139—140, Fig. 10). Another round shield with a diameter of 60—70 cm was found in an inhumation Grave 4 from Cibilium 1 with a similar chronology (it contained i.a. analogical shield elements) (Воронов, Юшин, 1979, p. 184—185, Fig. 3). Besides, at the Abkhasian burial grounds traces of two 75×50 cm oval shields were discovered (Fig. 8:b) (Monetnyi Holm 3, Grave 1, Lar, Grave 12), but also a 80×50 hexagonal shield (Fig. 8:c) (Chapka Abgidzrahu, Grave 12: see Воронов, Шенкао, 1982, p. 132, Fig. 5:1—3). The last-mentioned one was analogical to the finds from Kerch mentioned above was accompanied by a shield boss Type Kerch (Phase D)[2]. Other rectangular shields (Fig. 8:d) with metal mounts on the corners were found in Grave 39 (dimensions: 50×66 cm) and 43 (dimensions: 38×58 cm) from Cibilium 1, yet they are dated to a later period, i. e., the second half of the 5th – the first half of the 6th century (Воронов, Шенкао, 1982, p. 132, 148—154, Fig. 5: 4; 17—19).

Let us, however, return to Tacitus... In the light of the above reflections it is tempting to assume that the *Rugii, Lemovii* and *Gothones* used large circular shields already in the Early Roman Period and perhaps also used line order in battle. This would explain the Germans' successes at that time and in the later period[3]. Yet such a conclusion is definitely premature (or it may be never possible to settle this problem) for there is no information about the dimensions of the shields used by these three peoples (the round shape alone does not determine the function of the shield). Besides, the single shield bosses known from the area of the Wielbark culture fit the typological scheme used for central and northern Europe of the Early Roman Period: they were designed for offensive combat and thus not suitable for large shields[4]. Nor can it be forgotten that the only shape of a shield known from the area of the Wielbark culture is the elongated form represented by the miniature from Nowy Targ. It should be, however, stressed that the Wielbark culture weapons sometimes have Scandinavian features, e.g., the javelin head from Mława, Mława district, or at least one of the shafted weapon heads from the so-called hoard of Żarnowiec, Puck district (Kaczanowski, Zaborowski, 1988, s. 227—228, 230—231, 236; Kontny, 2006). The question if the Scandinavian features in the Wielbark culture should be supplemented by the defensive shield and army order in combat will have to remain unanswered.

[1] A conical form with a faceted cover with a pattern of polygonal fields adjoining at sides.

[2] It is worth to remark on the return of a typically German form of shield in the Barbarian milieu from the Pontic region. The solution might have been adopted as a result of the influx of the Germans (Goths) in this part of the world or of the barbarised Roman army. This seems to indicate the form was well-fixed in the Barbarian (German) milieu and indirectly confirms the observations made on the basis of the finds from the Younger Roman Period from the Luboszyce culture presented above.

[3] There is also the text by Ammianus Marcellinus who, when describing the Tervingians' (Visigoths') encounters with Lupicinus' troops noticed that the Barbarians used small shields to hit the bodies of their opponents (Ammianus Marcellinus, *Rerum Gestarum* 31, 5, 9). These events, which took place shortly before the Romans' defeat at Adrianopolis, suggest that the Goths' ways of fighting were not based on any tactics (including army order). It should be remembered, however, that the description has no influence on the assessment of the phenomena which took place earlier and in different cultural situation.

[4] This statement should not be treated too absolutely for experiments were probably made with the form and dimensions of shields, so as to adapt them to individual needs and ways in which a group used to fight. This may be exemplified by the shield from Hvesager discussed above, which had a shield boss with a blunt spike (offensive element) but at the same time was quite large (defensive element). It may be a testimony of an attempt at introducing a new quality in weapons while retaining the old, well-tested solutions.

Literature

Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV—VI вв. // А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков. — М., 1982. — С. 121—165.

Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // Советская археология. — 1979. — № 1. — С. 181—198.

Засецкая И. П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н. э. // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. — 1993. — III. — С. 23—105.

Мацулевич Л. А. Реконструкция изображений на кожаной обивке щитов IV в. н. э. // Известия на Булгарския Археологически Институт. — 1950 — XVI. — С. 1—6.

Adler W. Studien zur germanischen Bewaffnung. Waffenmitgabe und Kampfesweise im Niederelbegebiet und im übrigen Freien Germanien um Christi Geburt. Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. vol. 58. — Bonn, 1993.

Almgren O. Studien über nordeuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Mannus—Bibliothek. vol. 32. — Leipzig, 1923.

Almgren O., Nerman B. Die ältere Eisenzeit Gotlands nach den in Staatens Historiska Museum, Stockholm, aufbewahrten Funden und Ausgrabungsberichten. vol. II. — Stockholm, 1923.

Andrzejowski J. Wczesnorzymska miniaturka tarczy z Nadkola nad Liwcem // R. Madyda-Legutko, T. Bochnak. Superiores barbari. Księga pamiątkowa ku czci Profesora Kazimierza Godłowskiego. — Kraków, 2000. — P. 23—47.

Becker M. Fazit – Der Tote von Gommern, ein mitteldeutscher Fürst des 3. Jh. n. Chr. // Gold für die Ewigkeit. Das germanische Fürstengrab von Gommern. Halle an der Saale, 2001. — P. 204—214.

Beckmann B. Die baltischen Metallnadeln der römischen Kaiserzeit // Saalburg Jahrbuch. — 1969. — vol. XXVI. — P. 107—119.

Beltz R. Die Vorgeschichte von Mecklenburg. — Berlin, 1899.

Beltz R. Die vorgeschichtlichen Altertümer des Grossherzogtums Mecklenburg-Schwerin. Vollständiges Verzeichnis der im Grossherzoglichen Museum zu Schwerin bewahrten Funde. Schwerin i. — M., 1910.

Bemmann J. Zum Totenritual im 3. Jahrhundert n. Chr. // Gold für die Ewigkeit. Das germanische Fürstengrab von Gommern. Halle an der Saale, 2001. — P. 58—73.

Biborski M. Miecze z okresu wpływów rzymskich na obszarze kultury przeworskiej // Materiały Archeologiczne. — 1978. — vol. XVIII. — P. 53—165.

Biborski M. Römische Schwerter im Gebiet des europäischen Barbaricum // C. van Driel-Murray. Military Equipment in Context, Journal of Roman Military Equipment Studies. — Leiden, 1994a. — vol. 5. — P. 169—197.

Biborski M. Römische Schwerter mit Verzierung in Form von figürlichen Darstellungen und symbolischen Zeichen // C. von Carnap-Bornheim. Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. — Lublin—Marburg, 1994b. — P. 109—135.

Bochnak T. Uzbrojenie ludności kultury przeworskiej w młodszym okresie przedrzymskim. — Rzeszów, 2005.

Bóna I. Der Fund von Káloz // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. — 1955. — vol. 6. — P. 71—77.

Bóna I. A kálozi koracsászárkori sírok revíziója // Alba Regia. — 1978. — vol. XVI. — P. 269—280.

Brunaux J.-L., Lambot B. Guerre et armement chez les Gaulois (450—52 av. J.-C.). — Paris, 1987.

Buchholz R. Erläuterung einer am 22. April 1902 in der Festsitzung der «Brandenburgia» ausgestellten kulturhistorischen Sammlung aus des Märkischen Provinzial-Museums // Archiv der «Brandenburgia» Gesellschaft für Heimatkunde der Provinz Brandenburg zu Berlin. — 1904. — vol. 10. — P. 58—62.

Capelle T. Erkenntnismöglichkeit ur- und frühgeschichtlicher Bewaffnungsformen. Zum Problem von Waffen aus organischen Material // Bonner Jahrbücher. — 1982. — vol. 182. — P. 265—289.

Capelle T. Die Bedeutung der goldenen Miniaturkette von Szilágysomlyó // W. Seipel. Barbarenschmuck und Römergold. Der Schatz von Szilágysomlyó. — Wien, 1999. — P. 55—62.

Caprino C. et al. La Colonna di Marco Aurelio. — Roma, 1955.

von Carnap-Bornheim C. Die germanische Gefolgschaft. Zur Interpretation der Mooropfer der jüngeren römischen Kaiserzeit in Südskandinavien — Ein archäologischer Diskussionbeitrag // E. Straume, E. Skar. Peregrinatio Gothica III. Universitetets Oldsaksamlinggs Skrifter. no 14. — Oslo, 1992. — P. 45—52.

von Carnap-Bornheim C. Römische Militaria aus der jüngeren römischen Kaiserzeit in Norwegen — «Export» römischer negotiatores oder «Import» germanischer principes? // Münstersche Beiträge zur antiken Handelsgeschichte. — 2000. — vol. XIX. fasc. 2. — P. 40—61.

von Carnap-Bornheim C., Ilkjær J. Illerup Ådal. Die Prachtausrüstungen. Tafelband. Jutland Archaeological Society Publications. vol. XXV: 7. — Højbjerg, 1996.

Coblenz W. Das Gräberfeld von Prositz. Teil I. — Leipzig, 1955.

Cunliffe B. Starożytni Celtowie. — Warszawa, 2003.

Dąbrowska T. Wczesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia — zasięg — powiązania. — Warszawa, 1988.

Dąbrowska T. Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien. Monumenta Archaeologica Barbarica. vol. III. — Kraków, 1997.

Dobrzanska K., Liversage D. The weapon cemetery at Harnebjerg on Langeland, Denmark. Studien zur Sachsenforschung. vol. 4, Hildesheim. — 1983. — P. 223—291.

Domaradzki M. Tarcze z okuciami metalowymi na terenie Celtyki wschodniej // Przegląd Archeologiczny. — 1977. — vol. 25. — P. 53—95.

Droberjar E., Peška J. Die Waffen // J. Peška, J. Tejral. Das germanische Königsgrab von Mušov in Mähren. vol. 1. — Mainz, 2002. — P. 97—125.

Eggers H. J. Zur absoluten Chronologie aus der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. — 1951. — vol. 2. — P. 196—244.

Eggers H. J., Stary P. F. Funde der Vorrömischen Eisenzeit, der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Pommern. — Lübstorf, 2001.

Engelhardt C. Vimose Fundet. — Kjøbenhavn, 1869.

Freiberger V., Gschwantler K. Beobachtungen zu Herstellungstechnik und Tragweise der Goldkette // W. Seipel. Barbarenschmuck und Römergold. Der Schatz von Szilágysomlyó. — Wien, 1999. — P. 97—111.

Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussens. — Königsberg i. Pr., 1929.

Gajda E. Groby szkieletowe w łodziach wyposażone w broń z wczesnego okresu rzymskiego odkryte w Walkowicach, gmina Czarnków // H. Machajewski, J. Rola, Piła-Płotki. Pradolina Noteci na tle pradziejowych i wczesnośredniowiecznych szlaków handlowych, 2006. — P. 231—236.

Ginalski J. Ostrogi kabłąkowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny. — 1991. — vol. 38. — P. 53—84.

Godłowski K. Kontynuacja badań wykopaliskowych w dorzeczu Liswarty (Rybno, Żabieniec, Opatów) // Sprawozdania Archeologiczne. — 1969. — vol. XXI. — P. 135—152.

Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. — Kraków, 1970.

Godłowski K. Badania na cmentarzysku z okresu rzymskiego w Kryspinowie, pow. Kraków // Sprawozdania Archeologiczne. — 1972. — vol. XXIV. — P. 129—148.

Godłowski K. «Superiores barbari» und die Markomannenkriege im Lichte archäologicher Quellen // Slovenská Archeológia. — 1984. — vol. XXXII. fasc. 2. — P. 327—350.

Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. — Wrocław, 1985.

Godłowski K. Zmiany w uzbrojeniu ludności kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich // Arma et Ollae. Studia dedykowane Profesorowi Andrzejowi Nadolskiemu w 70 rocznicę urodzin i 45 rocznicę pracy naukowej. Sesja naukowa, Łódź, 7—8 maja 1992 r. — Łodź, 1992. — P. 71—88.

Godłowski K. Die Chronologie der germanischen Waffengräber in der jüngeren und späten Kaiserzeit // C. von Carnap-Bornheim. Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchrristlichen Jahrhunderten. Marburger Kolloquium 1994. — Marburg—Lublin, 1994. — P. 169—178.

Götze A. Randbeschläge und Form germanischen Schilde der provinzialrömischen Zeit // Nachrichten über deutsche Altertumsfunde. — 1900. — vol. 11. — P. 43—46.

Grasselt T. Die Fibelformen Almgren I, 10—14 – Geschichte und Stand der Forschung // J. Kunow. 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. — Wünsdorf, 1998. — P. 29—38.

Hamberg P. G. Zur Bewaffnung und Kampfesart der Germanen. Bemerkungen über einige Zeugnisse der römischen Triumphalskulptur // Acta Archaeologica. København. — 1936. — vol. VII. — P. 21—49.

Ilkjær J. Illerup Ådal. Die Lanzen und Speere. Textband // Jutland Archaeological Society Publications. vol. XXV: 1. — Højbjerg, 1990.

Ilkjær J. Gegner und Verbündete in Nordeuropa während des 1. bis 4. Jahrhunderts // A. Nørgård Jørgensen, B. L. Clausen. Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective AD. 1—1300. — Copenhagen, 1997. — P. 55—63.

Ilkjær J. Illerup Ådal. Die Schilde. Textband // Jutland Archaeological Society Publications. vol. XXV: — 9. Højbjerg, 2001.

Ilkjær J., Jouttijärvi A., Andresen J. Illerup Ådal. Proveniensbestemmelse af jern fra Illerup ådal — et pilotprojekt. — Moesgård, 1994.

Ilkjær J., Lønstrup J. Cirkulære dupsko fra yngre romersk jernalder // Hikuin. — 1974. — vol. 1. — P. 39—54.

Jahn M. Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit, etwa von 700 v. Chr. bis 200 n. Chr. Mannus-Bibliothek. vol. 16. — Würzburg, 1916.

Jażdżewska M. Ein römischer Legionärshelm aus Polen // Germania. — 1986. — vol. 64, fasc. 1. — P. 61—73.

Jensen X. P. The Vimose find // L. Jørgensen, B. Storgaard, L. G. Thomsen. The Spoils of Victory. The North in the shadow of the Roman Empire. — Copenhagen, 2002. — P. 224—238.

Jørgensen E., Petersen P. V. Nydam Bog — new finds and observations // L. Jørgensen, B. Storgaard, L. G. Thomsen. The Spoils of Victory. The North in the shadow of the Roman Empire. — Copenhagen, 2003. — P. 258—285.

Juga A. Rollenkopfnadeln des Typs Beckmann A im westbaltischen Kulturkreis // Archaeologia Lithuana. — 2003. — vol. 4. — P. 63—81.

Juga-Szymańska A., Kontny B. Szkło z Nikutowa przez szkiełko i oko. Rzadki import rzymski z Pojezierza Mazurskiego // Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum, Suplement. vol. III. — Warszawa, 2006. — P. 79—92.

Jørgensen E., Petersen P. V. Nydam Bog — new finds and observations // L. Jørgensen, B. Storgaard, L. G. Thomsen. The Spoils of Victory. The North in the shadow of the Roman Empire. — Copenhagen, 2003. — P. 258—285.

Kaczanowski P. Einige Bemerkungen über die «barbarischen» Waffenfunde von römischem Boden // Das Römische Reich und seine Nachbarn im Bereich der Karpaten / Kolloquium. — Pécsi, 15—16 Oktober, 1993, Specimina Nova Universitatis Quinqueecclesiensis tomus IX, pars prima, 1993, A Pécsi Janus Pannonius Tudományegyetem Történeti Tanszékétek. — Pécs, 1994. — P. 65—89.

Kaczanowski P., Zaborowski J. Bemerkungen über die Bewaffnung der Bevölkerung der Wielbark-Kultur // J. Gurba, A. Kokowski. Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. vol. I. — Lublin, 1988. — P. 221—239.

Kasprzak A. Okucia krawędzi tarcz w kulturze przeworskiej i kulturze luboszyckiej // Warszawa. manuscript of M.A. thesis in Institute of Archaeology, Warsaw University, 2004.

Kaszewska E. Cmentarzysko kultury przeworskiej w Gledzianówku (st. 1), woj. płockie // Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi: Seria Archeologiczna. — 1977. — no 24. — P. 63—232.

Kaul F. The Hjortspring find // O. Crumlin-Pedersen, A. Trakadas. Hjortspring. A Pre-Roman Iron-Age Warship in Context. — Roskilde, 2003. — P. 141—185.

Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion // C. von Carnap-Bornheim. Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchrristlichen Jahrhunderten. Marburger Kolloquium 1994. — Marburg — Lublin, 1994. — P. 429—485.

Klindt-Jensen O. Slusegårdgravpladsen. Bornholm fra 1. årh. f. til. 5. årh. e.v.t., t. II: Beskrivelse af oprindelig overflade og grave. — København, 1978.

Koeppel G. M. Die historischen Reliefs der römi-schen Kaiserzeit VIII. Der Fries des Trajanssäule in Rom. Teil 1: Der Erste Dakische Krieg, Szenen I—LXXXVIII // Bonner Jahrbücher. — 1991. — vol. 191. — P. 135—198.

Koeppel G. M. Die historischen Reliefs der römischen Kaiserzeit VIII. Der Fries des Trajanssäule in Rom. Teil 1: Der Zweite Dakische Krieg, Szenen LXXXIX—CLV // Bonner Jahrbücher. — 1992. — vol. 192. — P. 61—122.

Kolendo J. Zróżnicowanie ludów Germanii w świetle analizy działa Tacyta // Kultury archeologiczne i strefy kulturowe w Europie środkowej w okresie wpływów rzymskich / K. Godłowski. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego — Prace Archeologiczne. fasc. 22. — Kraków, 1976. — P. 39—50.

Kolendo J. Rejon ujścia Wisły w oczach starożytnych // A. Pawłowski. Badania archeologiczne w woj. elbląskim w latach 1980—83. — Malbork, 1987. — P. 193—206.

Kolendo J. WstęP. Źródła pisane do najstarszych dziejów ziem Polski // Źródła greckie i łacińskie do najstarszych dziejów ziem polskich. — Warszawa, 1995. — P. 2—21.

Kolendo J. Rządy kobiety w kraju Sytonów. Uwagi o sposobie interpretacji «Germanii» Tacyta // W. Nowakowski. Concordia. Studia ofiarowane Jerzemu Okuliczowi-Kozarynowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin. — Warszawa, 1996. — P. 141—146.

Kokowski A. Pierwszy miecz z terytorium kultury wielbarskiej // J. Gurba, A. Kokowski. Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. vol. I. — Lublin, 1988. — P. 73—80.

Kontny B. Próba odtworzenia technik walki mieczem w młodszym okresie przedrzymskim. Wpływ formy broni na jej zastosowanie // Światowit. — 1998. — vol. XLI. fasc. B. — P. 388—406.

Kontny B. Wojna oczami archeologa. Uwagi na temat sposobów walki ludności kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich w świetle źródeł archeologicznych // Światowit. — 2001a. — vol. III/XLIV. fasc. B. — P. 91—119.

Kontny B. Dwa nietypowe elementy uzbrojenia ze zbiorów Muzeum Miejskiego Wrocławia // Officina Archaeologica Optima. Studia dedykowane Jerzemu Okuliczowi-Kozarynowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin / W. Nowakowski, A. Szela, Światowit Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages. vol. VII. — Warszawa, 2001b. — P. 117—125.

Kontny B. Diversification of Burials with Weapons in the Przeworsk Culture in the Late Pre-Roman Period // C. von Carnap-Bornheim et al. Bewaffnung der Germanen und ihren Nachbarn in den letzten Jahrhunderten vor Christi Gebert. — Lublin, 2002a. — P. 59—80.

Kontny B. Broń jako wyraz zmian w obrządku pogrzebowym. Analiza zestawów uzbrojenia w kulturze przeworskiej od młodszego okresu wpływów rzymskich do początku okresu wędrówek ludów // Światowit. — 2002b. — vol. IV/XLV. fasc. B. — P. 101—144.

Kontny B. Die Wiederentdeckung eines Fundes aus Grudynia Mała — Versuch einer Neuinterpretation des Grabes 2 // W. Nowakowski, M. Lemke. Auf der Suche nach der verlorenen Archeologie. — Warszawa, 2003 — P. 61—71.

Kontny B. Uzbrojenie kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich i początkach okresu wędrówek ludów // J. Andrzejowski, A. Kokowski, Ch. Leiber. Wandalowie. Strażnicy bursztynowego szlaku. — Lublin—Warszawa, 2004. — P. 143—161.

Kontny B. Powracający temat. Głos w sprawie odkrycia z Żarnowca // W. Nowakowski. Goci i ich sąsiedzi na Pomorzu. — Koszalin, 2006. — P. 101—118.

Kontny B. in print Dawna technika na nowo odkryta. Uwagi na marginesie znaleziska grotu z Łodzi-Łagiewnik // Światowit. — vol. VII/XLVIII.

Kostrzewski J. Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit // Mannus-Bibliothek. vol. 18. — Leipzig—Würzburg, 1919.

La Baume W. Der altpreußische Schild // Altpreussen. — 1941. — vol. 6. fasc. 1. — P. 5—12.

Liana T. Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim // Wiadomości Archeologiczne. — 1970. — vol. XXXV. — P. 429—487.

Machajewski H. Der südwestliche Ostseeraum in der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit // Etnographisch-Archäologische Zeitschrift. — 2002. — vol. 43. — P. 377—406.

Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und frühe Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // BAR — International Series. vol. 360. — Oxford, 1986.

Makiewicz T. Broń jako element rytuałów ofiarnych w okresie przedrzymskim i rzymskim na terenie Polski // Arma et Ollae. Studia dedykowane Profesorowi Andrzejowi Nadolskiemu w 70 rocznicę urodzin i 45 rocznicę pracy naukowej. Sesja naukowa, Łódź, 7—8 maja 1992 r., Łódź. ed. M. Głosek et al, 1992. — P. 109—128.

Makiewicz T. Waffen als Opfergaben in der vorrömischen Eisenzeit und der römischen Kaiserzeit in Polen // Offa. — 1997. — vol. 52. 1995. — P. 133—148.

Marcinkian A. Cmentarzysko z II/III w. n. e. w Grzmiącej, woj. Zielona Góra // Silesia Antiqua. — 1978. — vol. XX. — P. 87—108.

Margos U., Stąporek M. Bemerkungen zur Chronologie der Gräber mit Waffen in der Oksywie-Kultur // C. von Carnap-Bornheim. Bewaffnung der Germanen und ihren Nachbarn in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt. ed. et al. — Lublin, 2002. — P. 81—91.

Mączyńska M. Der Hortfund aus der frühen Völkerwanderungszeit aus Łubiana, woi. Gdańsk, in Pommern // H. Friesinger, J. Tejral, A. Stuppner. Markomannenkriege — Ursachen und Wirkungen. Spisy Archeologického Ústavu AV ČR Brno 1. — Brno, 1994. — P. 149—157.

Mączyńska M, Rudnicka D. Uwagi wstępne o skarbie z okresu rzymskiego z Łubianej, woj. gdańskie // Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum, Suplement. vol. I. — Warszawa, 1998. — P. 41—51.

Mikkelsen D. K. To ryttergrave fra ældre romersk jernalder — den ene med tilhørende bebyggelse // KUML. 1988—89. — 1990. — P. 143—199.

Mildenberger G. Die thüringischen Brandgräber der spätrömischen Zeit. Mitteldeutsche Forschungen. vol. 60. — Köln, 1970.

Müller A. von. Formenkreise der älteren römischen Kaiserzeit im Raum zwischen Havelseeplatte und Ostsee. Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. vol. 1. — Berlin, 1957.

Naumann H.-J., Sieblist U., Wurm T. Rekonstruktion — Prüfstand für Beobachtungen // Gold für die Ewigkeit. Das germanische Fürstengrab von Gommern. Halle an der Saale, 2001. — P. 182—189.

Nicklasson P. The Chronology of Weapons from the Pre-Roman Iron Age in Mainland Sweden and Öland. Lund Archaeological Review. vol. 2. — 1996 — P. 31—50.

Nowakowski W. U źródeł etnogenezy Bałtów i Słowian — Wenetowie Tacyta w świetle archeologii // Concordia. Studia ofiarowane Jerzemu Okuliczowi-Kozarynowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin. — Warszawa, 1996a. — P. 187—191.

Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. — Marburg-Warszawa, 1996b.

Nowakowski W. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Polen. vol. I: Masuren. — Warszawa, 2001.

Nowakowski W. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich i z okresu wędrówek ludów w Muntowie, pow. mrągowski // Barbaricum. vol. 7. — Warszawa, 2004. — P. 191—258.

Nylén E. Die jüngere vorrömische Eisenzeit Gotlands. Funde, Chronologie, Formenkunde. — Stockholm, 1956.

Peška J., Tejral J. Gesamtinterpretation des Königsgrabes von Mušov // J. Peška, J. Tejral. Das germanische Königsgrab von Mušov in Mähren. vol. 2. — Mainz, 2002. — P. 501—513.

Pietrzak M. Rumia — cmentarzysko z okresu przedrzymskiego i wpływów rzymskich. — Gdańsk, 1987.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund Katalog. — Neumünster, 1987.

Raftery B. Barbarians to the West // J. C. Barrett, A. P. Fitzpatrick, L. Macinnes. Barbarians and Romans in North-West Europe from the later Republic to late Antiquity. BAR International Series. vol. 71. — Oxford, 1989. — P. 117—152.

Rapin A. Weaponry // S. Moscati. The Celts. Milano, 1991. — P. 321—331.

Rasch M. Glömminge sn // U. E. Hagberg, B. Stjernquist, M. Rasch. Ölands järnalders-gravfält. vol. II. — Kalmar, 1991. — P. 3—152.

Rasch M. Vorrömische Waffentypen und Waffenkombinationen auf den Inseln Öland und Gotland in der südöstlichen Ostsee und ihre chronologische Stellung im Licht der kontinentalen Waffenfunde // C. von Carnap-Bornheim et al. Bewaffnung der Germanen und ihren Nachbarn in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt, 2002. — P. 279—294.

Resi H. G. Gravplassen Hunn i Østfold. Norske Oldfunn. vol. XII. — Oslo, 1986.

Rieck F. The ships from Nydam Bog // L. Jørgensen, B. Storgaard, L. G. Thomsen. The Spoils of Victory. The North in the shadow of the Roman Empire. — Copenhagen, 2003. — P. 296—309.

Ritchie J. N. G., Ritchie W. F. The Army, weapons and fighting // M. J. Green. The Celtic World. — London and New York, 1996. — P. 37—58.

Rosenberg G. Hjortspringfundet. Nordiske Fortidsminder. vol. III. fasc. 1. — København, 1938.

Schoknecht U. Neue eiserne Schwerter aus dem Bezirk Neubrandenburg // Ausgrabungen und Funde. Nachrichtenblatt für Vor- und Frühgeschichte. — 1962. — vol. 7. fasc. 4. — P. 176—179.

Schumacher K. Die Germania des Tacitus und die erhaltenen Denkmäler // Mainzer Zeitschrift. — 1909. — vol. IV. — P. 1—13.

Schymalla A. C. Tarcze germańskie w ikonografii rzymskiej okresu wojen markomańskich a ich znaleziska z terenu Barbaricum z faz: B_2, B_2/C_1—C_{1a} // Manuscript of M.A. thesis in Institute of Archaeology, Warsaw University, 1987.

Sjövold T. The Iron Age Settlement of Arctic Norway. — Tromsö—Oslo, 1962.

Stary P. F. Ursprung und Ausbreitung der eisenzeitlichen Ovalschilde mit spindelförmigem Schildbuckel // Germania. — 1981. — vol. 59. fasc. 2. — P. 287—306.

Sternberger M. Öland under alder järnaldern. — Stockholm, 1933.

Stimming R. Waffen der römischen Kaiserzeit aus der Mark Brandenburg // Mannus. — 1912. — vol. IV. — P. 309—315.

Stjernquist B. Simris. On cultural connections of Scania in the Roman Iron Age //Acta Archaeologica Lundensia. vol. II. — Lund, 1955.

Tillväxten... Statens Historiska Museum och K. Myntkabinettet. Tillväxten under år 1913 // Fornvännen, 1913. — P. 245—316.

Tomaszewska I. Groby kultury wielbarskiej na cmentarzysku w Kołozębiu, gm. Suchocin, woj. ciechanowskie // J. Gurba, A. Kokowski. Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. vol. I. — Lublin, 1988. — P. 105—116.

Tyszler L. Terra sigillata na ziemiach Polski, część I. Acta Archaeologica Lodzensia. no 43. — Łódź, 1999.

Voigt T. Das hermundurische Urnengräberfeld bei Bornitz, Kreis Zeitz // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. — 1976. — vol. 59. — P. 173—342.

Völling T. Studien zu Fibelformen der jüngeren vorrömischen Eisenzeit und ältesten römischen Kaiserzeit // Bericht der Römisch-Germanichen Kommission. — 1994. — vol. 75. — P. 147—282.

Watt M. Gladii in Dänemark — Milieu und Zeitstellung / C. von Carnap-Bornheim. Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburger Kolloquium 1994. — Marburg—Lublin, 1994. — P. 303—319.

Wołągiewicz R. Cmentarzysko z okresu późnolateńskiego i rzymskiego w Warszkowie, pow. Sławno // Materiały Zachodniopomorskie. — 1965. — vol. XI. — P. 179—280.

Wołągiewicz R. Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnicznej // T. Malinowski. Problemy kultury wielbarskiej. — Słupsk, 1981a. — P. 79—106.

Wołągiewicz R. Grupy kulturowe na pograniczu kręgu nadłabskiego // J. Wielowiejski. Prahistoria Ziem Polskich. vol. V: Późny okres lateński i okres rzymski.— Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1981b. — P. 200—216.

Wołągiewicz R. Die Goten in Bereich der Wielbark-Kultur // Archaeologia Baltica. vol. 7 — Peregrinatio Gothica I. — 1986. — P. 63—98.

Wołągiewiczowie M. D., R. Uzbrojenie ludności Pomorza Zachodniego u progu naszej ery // Materiały Zachodniopomorskie. — 1964. — vol. IX.— P. 9—169.

Wunderlich Ch.-H. Ein rotes Tuch? // Gold für die Ewigkeit. Das germanische Fürstengrab von Gommern. Halle an der Saale, 2001. — P. 173—181.

Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène- und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // BAR International Series. — vol. 505. — Oxford, 1989.

Zielonka B. Cmentarzysko z okresu cesarstwa rzymskiego w Lachmirowicach w pow. inowrocławskim // Przegląd Archeologiczny. — 1953. — vol. IX. 1951—1952. — P. 353—386.

Bartosz Kontny

Breves gladii et rotunda scuta. Remarks on the Goths' weapons on the margin of Tacitus' text

Summary

The paper embrace the archaeological comment concerning the text from Tacitus' *Germania* (Tacitus, *Germania*, 44, 1). When distinguishing the German peoples he presented the *Gothones, Rugii* and *Lemovii* and characterised them in the following way: «...of these several nations the characteristics are a round shield, a short sword and kingly government». The comment may help to verify Tacitus' words, so important in the situation of the well-known scarcity of the archaeological sources referring to the weaponry of the Wielbark culture.

I am aware of the limitations of the intended attempt: it should be remembered that Tacitus referred in *Germania* only to the 1st century A.D., in this case perhaps the early B_2. The Gothones, Rugii and Lemovii are located at the southern littoral of the Baltic sea. Therefore the discussed text should be referred to the finds from the Wielbark culture, and also perhaps to the Gustow group sometimes linked with the *Rugii*. The information given by Tacitus should be considered as a record of a specific situation of a group of people, their separateness from the general part of the Germanic world, which makes this text particularly important. Equally crucial is the negative of this information: if these three peoples used round shields and short swords this means that other Barbarian peoples used different weapons. By contrast these should be long swords and shields of other than round shapes.

Only a few examples of weapons are known from the area of the Wielbark culture. Among them the swords are particularly rare. After discussion of those finds it occured that the numbers of one-edged and two-edged swords are quite similar with a slight domination of the former. There are no significant differences between the lengths of swords from the areas assumed as settled by the Goths and the neighbouring territories. This does not have to mean that Tacitus was completely wrong. In my opinion it is quite probable that the Tacitus' information about the swords concerns the previous period. If indeed, as some scholars claim, some information included in the second part of *Germania* could be outdated and concern even the 1st century B.C. then a similar explanation may be used also in this case. In that period weapons, including swords, were frequently found among grave goods in Pomerania. It should be said that in the Oksywie culture the very long two-edged swords of the La Tène type were far less numerous than the quite short one-edged ones. In the proposed approach the 'negative' information about the short swords is also confirmed: in the Przeworsk culture of that time long two-edged swords were predominant and one-edged forms made up a small percentage. The situation in southern and western part of modern Denmark was similar.

There are not many possibilities to verify the second part of Tacitus' text on the basis of the finds from the Wielbark culture. The only artefact which allows to reconstruct the shield from the Wielbark culture in a reliable way is a bronze miniature (Fig. 3:e) from Grave 69 at Nowy Targ, Malbork district dated to Phase B_1 and the early stage of Phase B_2. However, the miniature clearly contradicts the information mentioned by the Roman historian: the model of the shield has an elongated, ovoid-rectangular and not circular shape.

It should also be remarked that the 'negative' of Tacitus' information about the *Rugii, Lemovii* and *Gothones* using round shields is generally true: the shields from other areas (discussed in details in the paper) had most often an elongated form. The area of Scandinavia is an exception as large circular/oval shields dated to the Early Roman Period are known. Were the 'positive' of Tacitus' text also true, this would be an indication of links with northern Europe already noticed in many non-military aspects. There are, however, some doubts... Neither is it known whether also this part of the Roman historian's description can be considered as outdated and refer to the Late Pre-Roman Period.

Aside from the above reflections a phenomenon which occurred in the Younger and Late Roman Period in Scandinavia is mentioned: there occurred a clear change in the shapes and dimensions of the shields. For these areas there is quite a large number of finds of shields or their edge-mounts. This change of the defensive weapons probably reflected the breakthrough in the combat methods. In the Early Roman Period the shields generally had an offensive function. This is indicated not only by the form of mobile, elongated shields suitable both to parry the blows, to cover oneself from them, and to make hits. The umbos played a very important role. Their shapes from the Early Roman Period and the beginning of the Younger Roman Period underwent a sequence of changes in order to improve the spike, used to make blows. Starting from sub-Phase C_{1b} shields with semi-circular bosses became predominating. Instead the offensive spike they had a convex surface thanks to which most of the blows (especially of the sword) which hit the shield boss were slid and missed the aim, thus were characteristic for defensive shields. The popularity of this form was simultaneous with the introduction of large circular shields in Scandinavia. In this situation it seems that the introduction of such kind of shields should be added to the list of observations proving the existence of organised military structures in Scandinavia of that time. In my opinion such shields indicate that Scandinavian warriors began to fight in a combat order. The compact line of hierarchically organised army is a formation where large shields could find the best use. This must have been a complete novelty for the Germans. This evident progress became popular among the Barbarians in different degrees. The examples from the Przeworsk and Luboszyce culture indicate that the 'innovations' were not frequently used at the area of central Europe, or reached it much later.

Сведения об авторе

Bartosz Kontny — Institute of Archaeology, Warsaw University;
e-mail: bartosz.kontny@uw.edu.pl

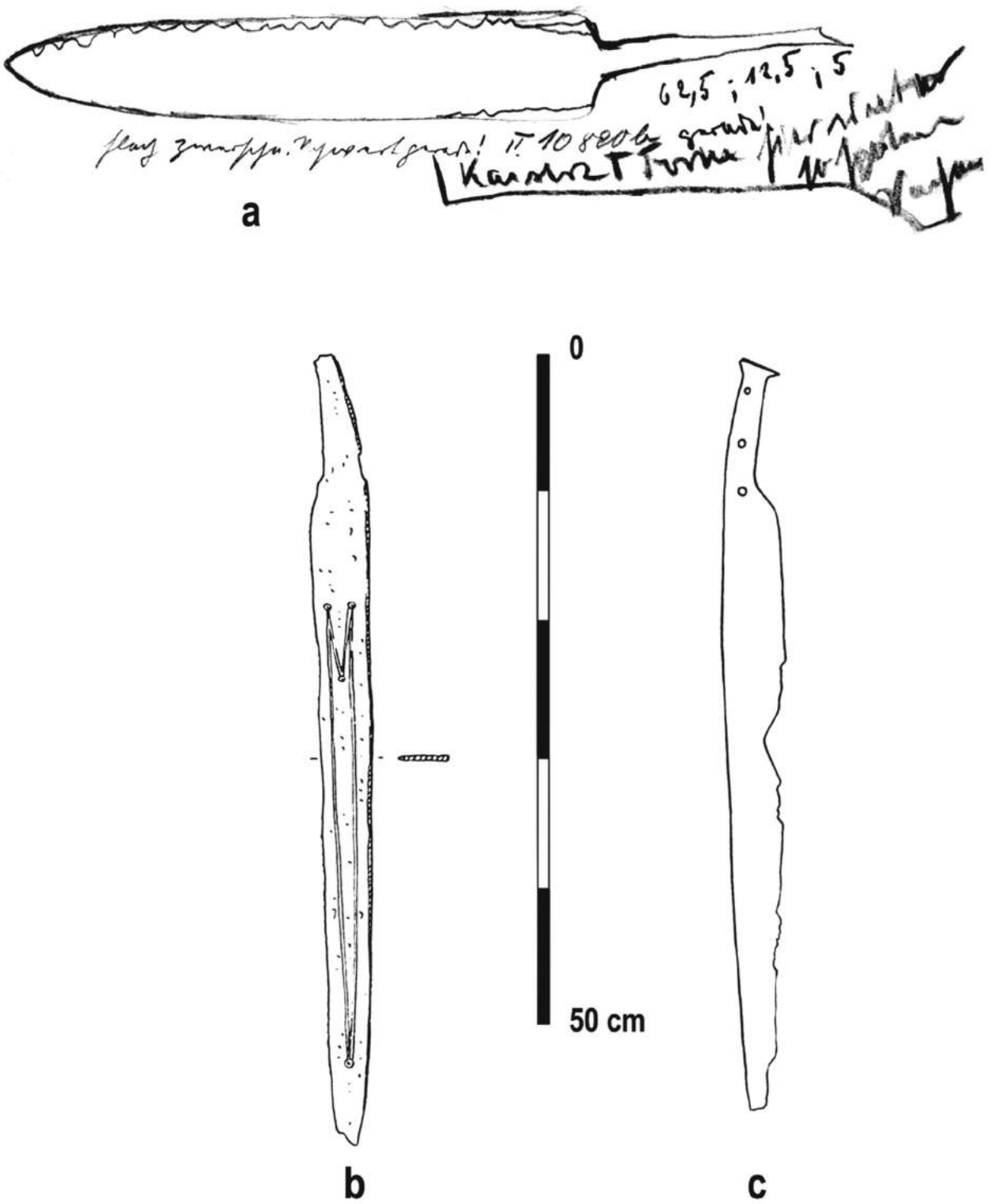


Fig. 1. **The examples of Pomeranian swords from the Early Roman Period:**

a — Piła, stray find (after Martin Jahn's files); b — Tramstow, grave (after M. D. and R. Wołągiewiczowie 1963, pl. XXVIII: 4); c — Herzsprung, stray find (after M. D. and R. Wołągiewiczowie 1963, pl. XXVIII: 6)

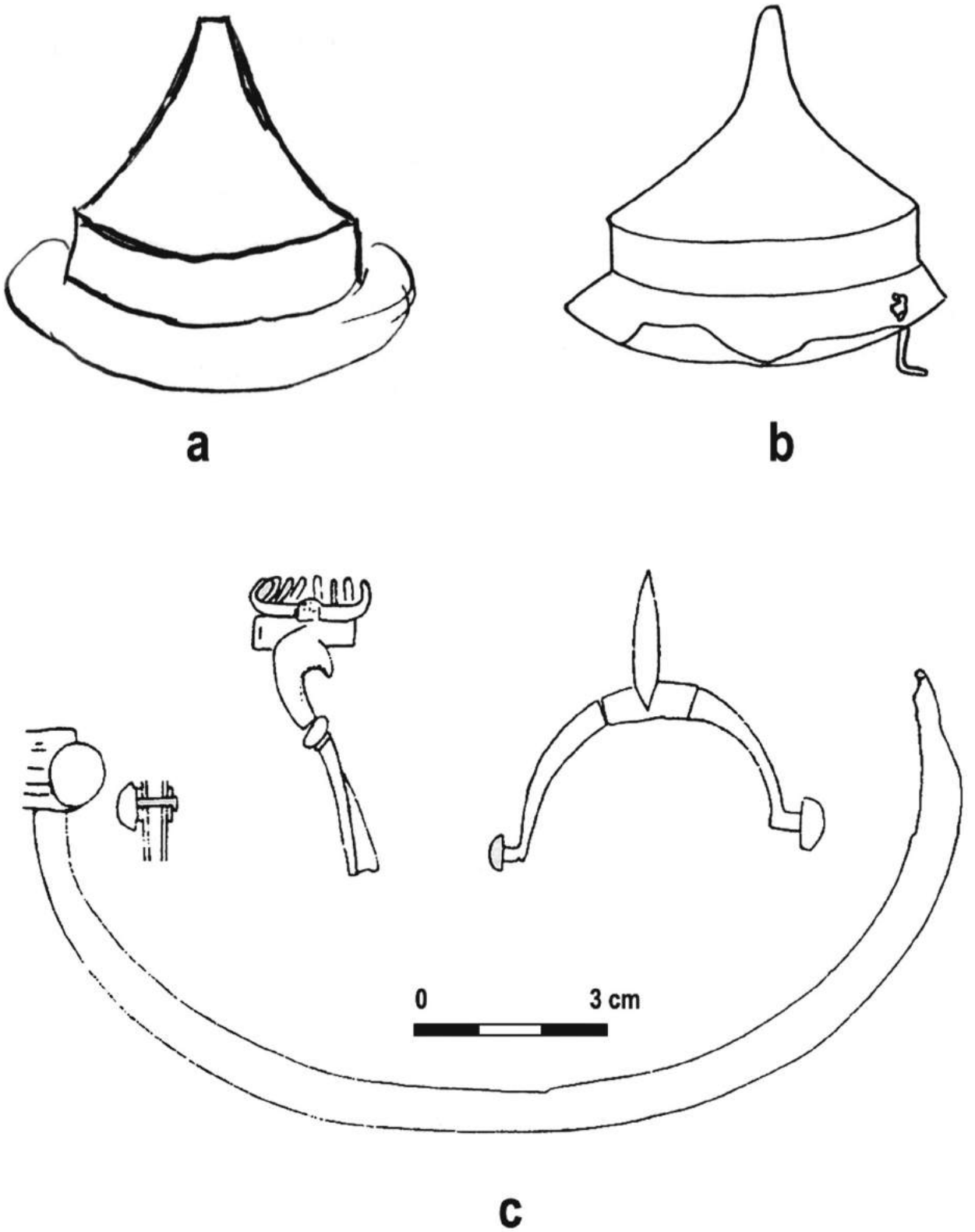


Fig. 2. **The elements of Pomeranian shields from the Early Roman Period Elementy (sketches from Martin Jahn's files):**

a — Piła, stray find; b — Gronowo Górne, loose find; c — Nowe Dobra, Grave VIII/1904

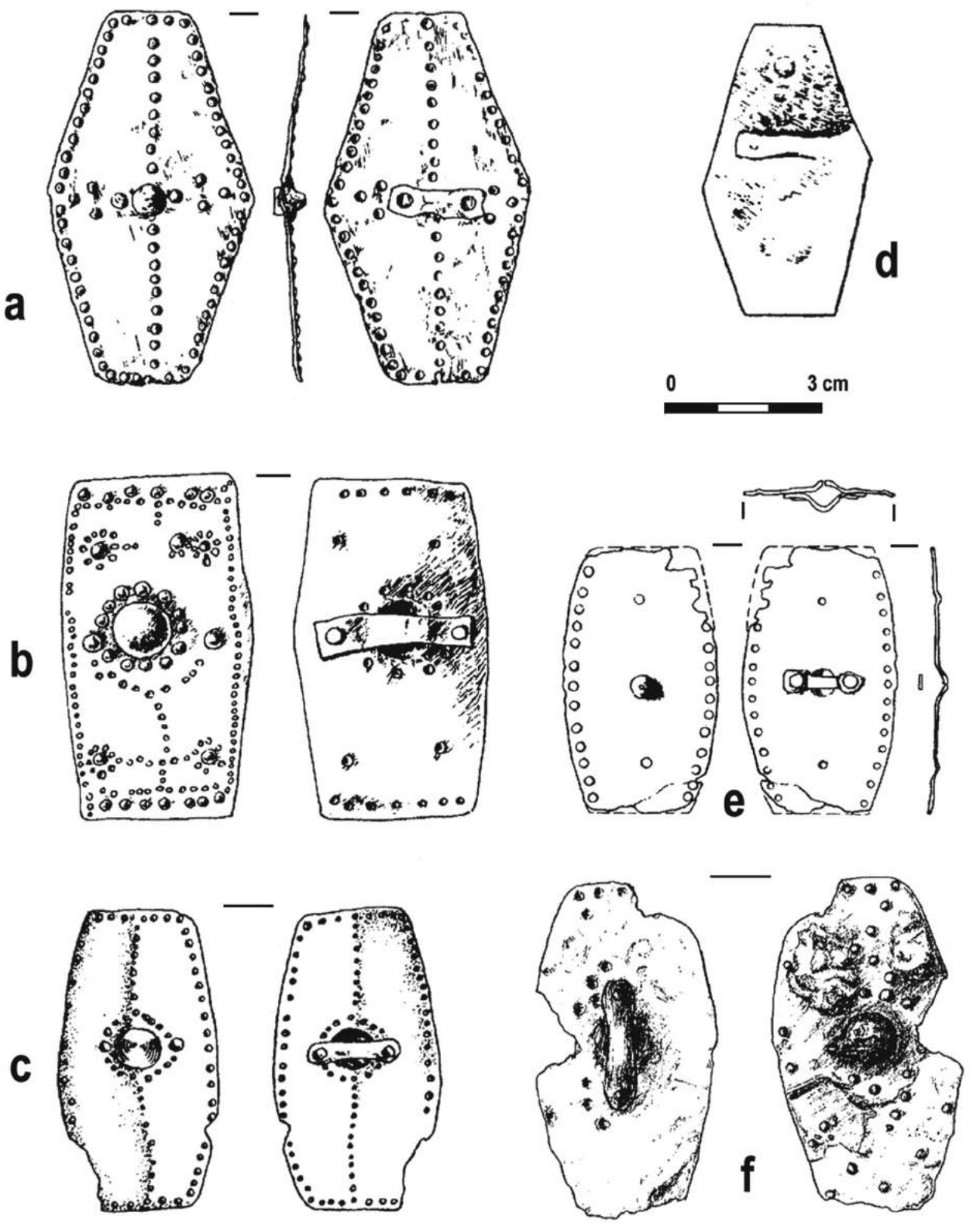


Fig. 3. **Miniature shields from the Przeworsk and Wielbark culture (after J. Andrzejowski 2000, fig. 2):**

a — Nadkole, Grave 141B; b — Siemiechów, Grave 46; c — Siemiechów, Grave 39; d — Siemianice, Grave 24; e — Nowy Targ, Grave 69; f — Siemianice, from undetermined grave; a-d, f — iron, e — bronze

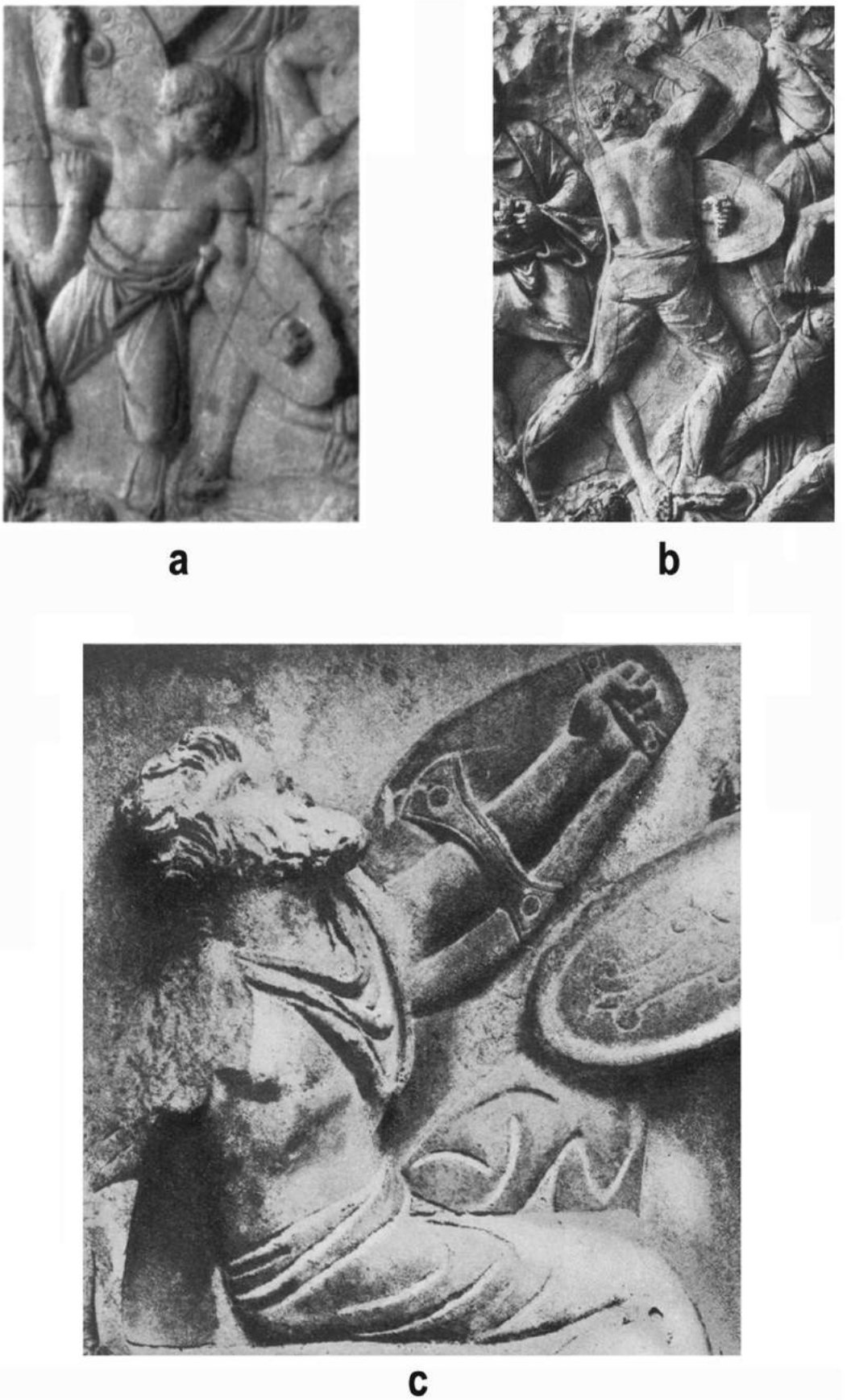


Fig. 4 **The two-handled shield without umbo: picture of a Germanic warrior from Marcus Aurelius' column, scene LXXVII (after Caprino et al. 1955, pl. M)**

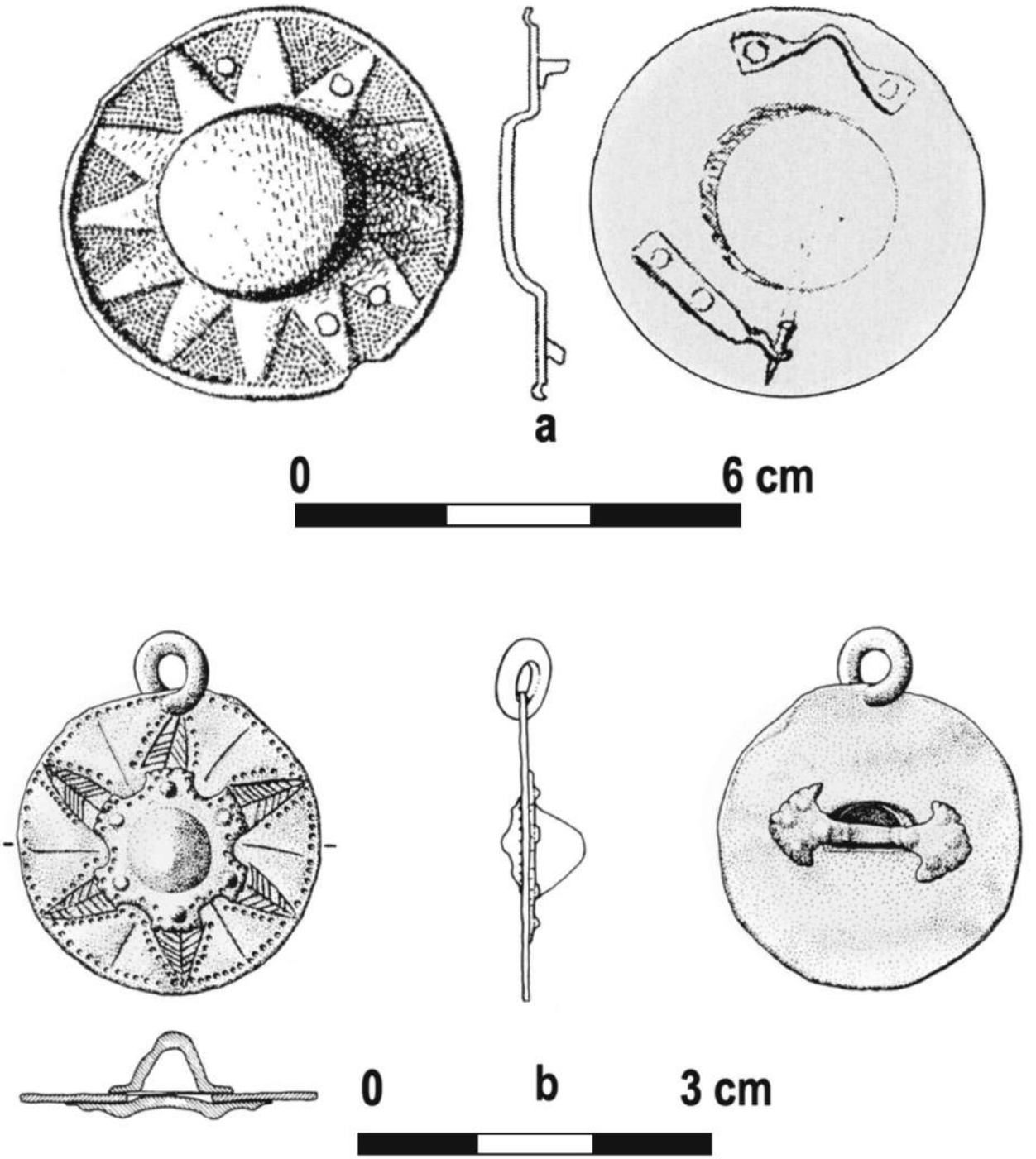


Fig. 5. **Miniature image of circular shields:**

a — Muntowo, Grave XV (after W. Gaerte 1929, p. 259);
b — Szilágysomlyó (Şimleul Silvaniei), hoard 1 (after T. Capelle 1999, fig. 3)

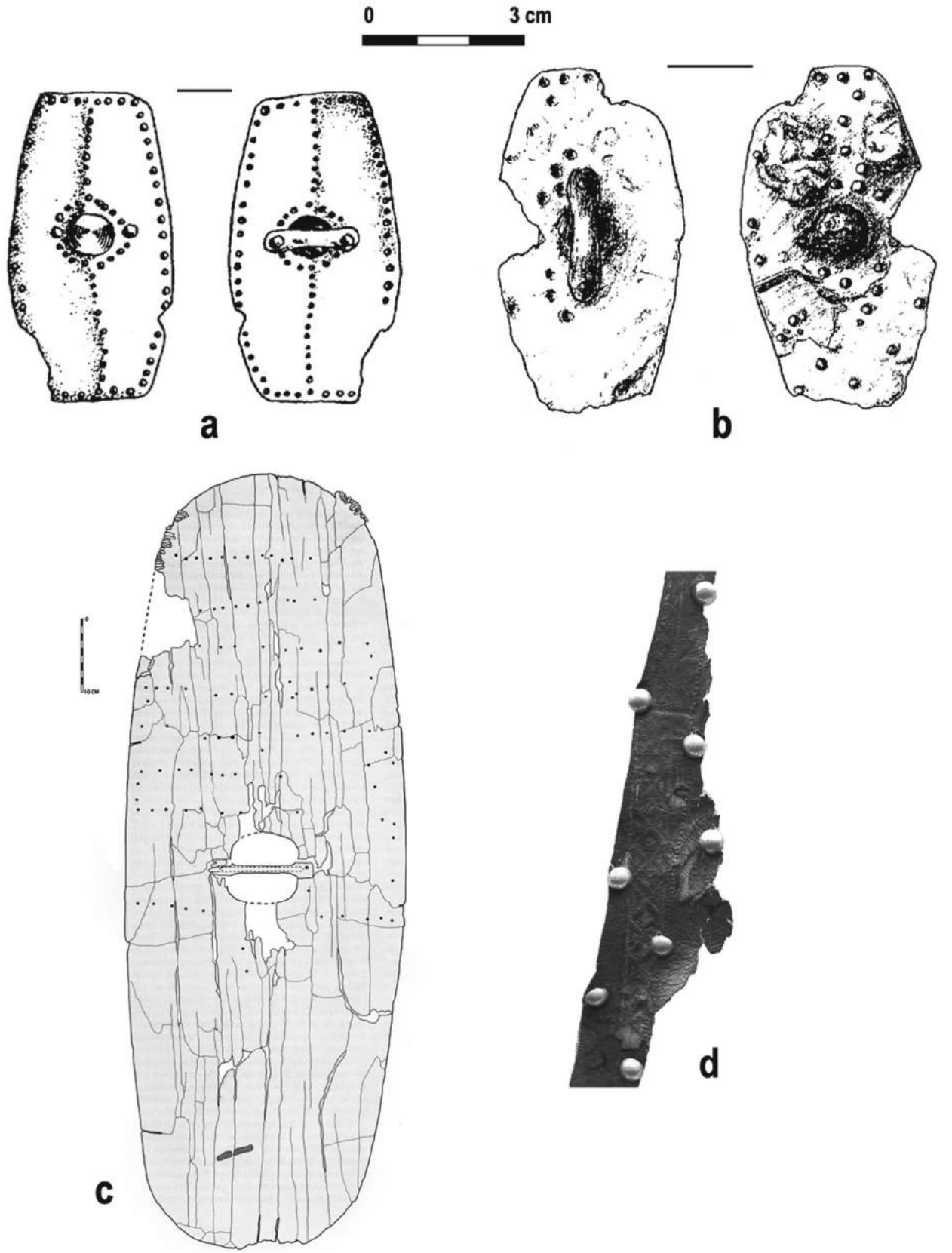


Fig. 6. **Traces of the organic cover of the shield planks:**

a — miniature shield from Siemiechów, Grave 39 (after J. Andrzejowski 2000, fig. 2: 3); b — miniature shield from Siemianice, undetermined grave (after J. Andrzejowski 2000, fig. 2: 6); c — shield from Vædebro (after J. Ilkjær 2001, fig. 319); d — shield from Kerch, tombs uncovered on 24th June1904 A.D.

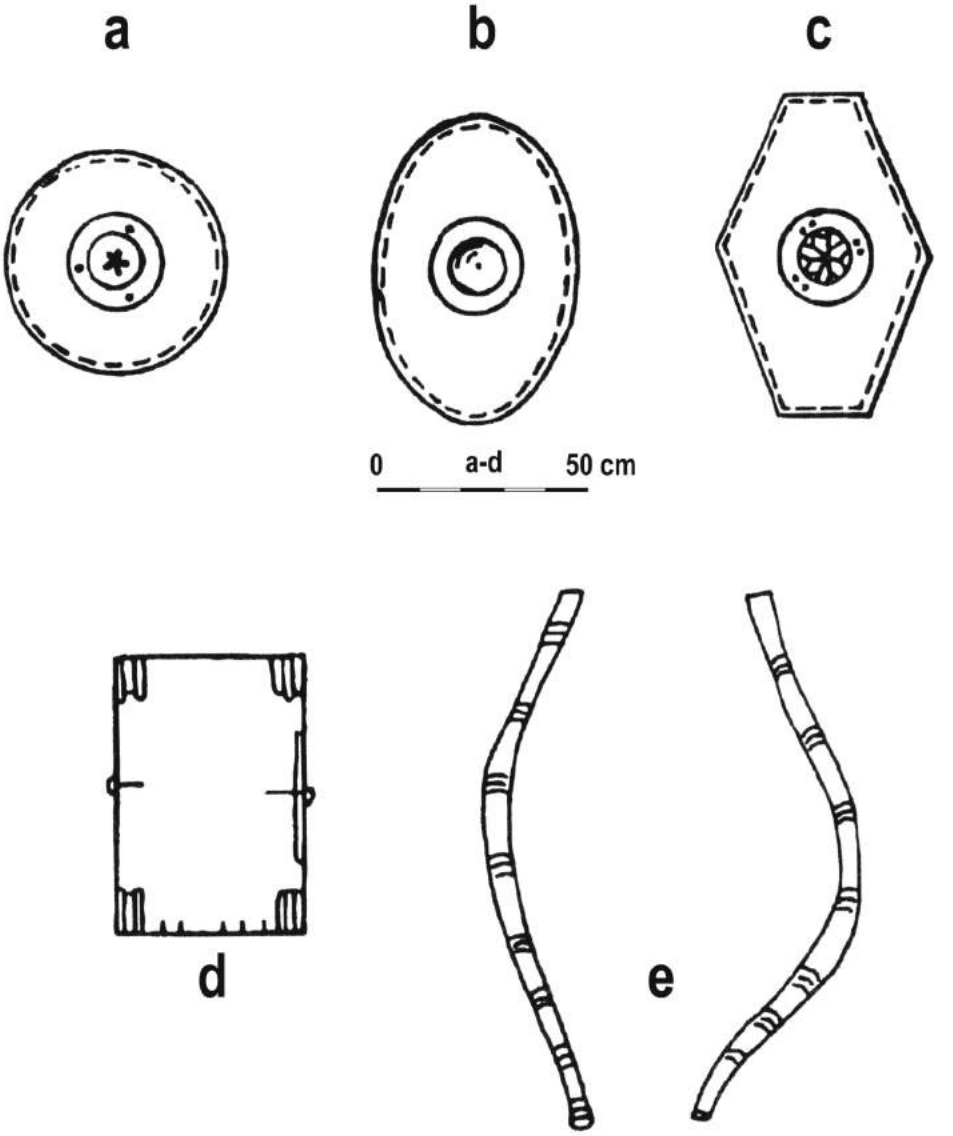


Fig. 8. **Shields from the Pontic zone**:

a — Chapka Abgidzrahu; b — Monetnyi Cholm 3, Grave 1;
c — Chapka Abgidzrahu, Grave 12; d — Chapka Abgidzrahu, Grave 44;
e — Kerch, tomb 145 from 1904 r. (after Kazanski 1994, fig. 7: 1-5)

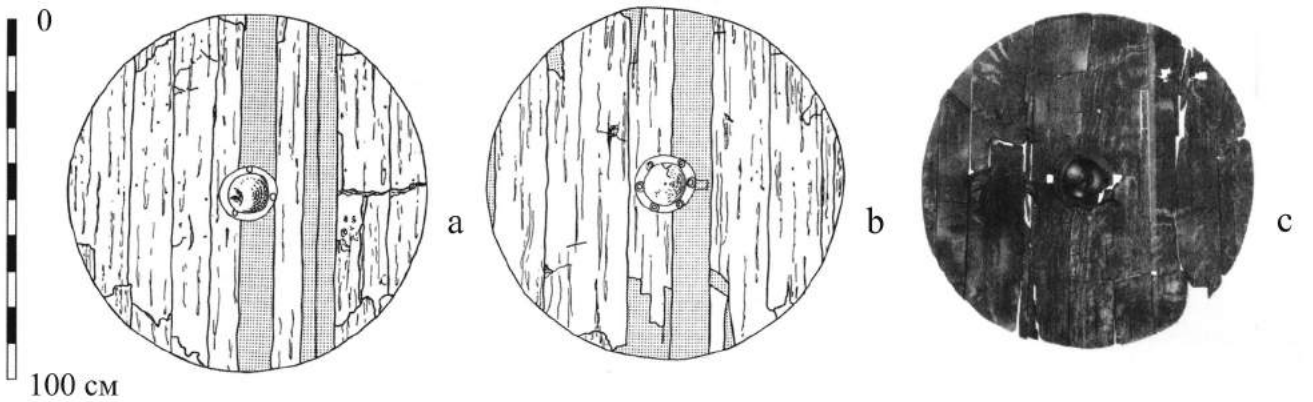


Fig. 8. **Przykłady defensywnych tarcz kolistych z obszaru Skandynawii**:

a—b — Thorsberg (wg K. Raddatza 1987, ryc. 21); c — tarcza SATF z Illerup (wg J. Illkjæra 2001, ryc. 199)

Нина Лау

Следы ритуальной порчи на элементах конского снаряжения из болотного памятника Торсберг

Находки из единственного известного на севере Германии места жертвоприношений военных трофеев Римского времени, болота Торсберг, получили известность благодаря публикациям проводившего на памятнике раскопки археолога К. Энгельгардта (1863), а также изданным позднее К. Раддатцом каталогам (Raddatz, 1957; 1987a; 1987b). Целый ряд сделанных находок может быть отнесен к функциональной группе элементов конского снаряжения. С момента опубликования результатов исследования места жертвоприношений военных трофеев из болота Иллеруп (v. Carnap-Bornheim и Ilkjær, 1996, с. 247—277) появились новые научные предпосылки для реконструкции уздечных и седельных наборов, а также комбинации элементов конской аммуниции в целом. Вследствие этого стало возможным и необходимым проведение дополнительного анализа имеющегося конского снаряжения из Торсберга[1]. На данный момент в материале выделены находки, относящиеся к 24 гарнитурам, депонированным в разные периоды времени. Основная масса предметов была принесена в жертву в первой половине III в. н. э. (фаза C_{1b}[2]) (*см.*: Ilkjær и Lønstrup, 1982, с. 95—97; Lønstrup, 1984, с. 92; v. Carnap-Bornheim и Ilkjær, 1996, с. 394) и, таким образом, современна выделенной Илькером комбинационной оружейной группе 6 (Ilkjær, 1990, с. 289—290, 332, рис. 201; 1993, с. 376—385). В указанный период в Торсберге были депонированы по меньшей мере 15 конских оголовий[3], характерной особенностью которых является наличие наносников, ременных распределителей, декоративных пластин-накладок, а также цепей-поводьев типов «Vimose»[4] или «Illerup»[5]. Взаимовстречаемость обоих типов в зоне А памятника Иллеруп Одаль позволяет датировать конские оголовья периодом C_{1b} (v. Carnap-Bornheim и Ilkjær, 1996, с. 257—259). Элементы цепей-поводьев типа «Illerup» встречаются, кроме того, и в составе более поздней комбинационной оружейной группы 7 жертвоприношений периода[6] C_{1b}/C_2 (Ilkjær, 1990, с. 291—292, 332, рис. 201; 1993, с. 385). Девять конских оголовий с цепями-поводьями типа «Thorsberg»[7] или кожаными поводьями[8],

[1] Результаты актуального анализа находок из Торсбергского болота описаны в публикации Abegg-Wigg, 2005.

[2] Указанные в публикации фазы являются фазами хронологической системы, разработанной К. Годловским для Римского времени и ранних этапов эпохи переселения народов (Goldlawski? 1970).

[3] По вопросу реконструкции типов конского снаряжения эпохи Римского времени «Vimose» и «Illerup» см. публикацию v. Carnap-Bornheim и Ilkjær, 1996, с. 247—267, 251, рис. 192.

[4] К вопросу о типологических признаках конского оголовья типов «Vimose», «Illerup» и «Thorsberg» см. находящуюся в печати публикацию N. Lau, а также описание оголовий типа OB в публикации Ørsnes, 1993, с. 218—221; цепей-поводьев с соединительными звеньями типа Z4, кольцами типа R2 и псалиями типа K3 в публикации Wilbers-Rost, 1994, с. 46—48, 56, 71—73.

[5] Оголовья переходного типа OB/C (Ørsnes, 1993, с. 218—221); цепья-поводья с соединительными звеньями типа Z5, звеньями-кольцами типа R3 или R4, а также псалиями типа K4 (Wilbers-Rost, 1994, с. 49—51, 57, 73—74; v. Carnap-Bornheim и Ilkjær, 1996, с. 259).

[6] В озере Вингстед Сьё (Дания) был обнаружен псалий типа K4 (см. ссылку 5) (Ørsnes, 1993, рис. 1e; 17—19; 21, 1—2). Оба соединительных звена типа Z5 из Шедемоссе (Швеция) были обнаружены на небольшом отдалении друг от друга вместе с рядом накладок конской упряжи, которые должны быть, так же как и элементы комбинационной оружейной группы 7, отнесены ко второму периоду жертвоприношений (личное сообщение A. Rau, Киль; *см.*: Rau 2005, с. 632—635).

[7] Оголовье типа OC (Ørsnes, 1993, с. 218—221); цепи-поводья с соединительными звеньями типа Z6, соединительными кольцами типа R3, псалиями типа K5, фиксаторами ремня типа T4 и окончаниями грызл типа G1—G3 (Wilbers-Rost, 1994, с. 51, 57, 60, 63—64, 74).

[8] Простые удила с кольчатыми псалиями также могут быть отнесены к оголовьям типа «Thorsberg» в том случае, если их составной частью являются характерные для цепей-поводий кольчатые псалии типа Tr2 и окончания грызл типа G2 (по классификации Wilbers-Rost, 1994, с. 61, 63).

вероятно, происходят из второй большой группы жертвоприношений, депонированных около 300 г. н. э. (фаза C_2/C_3), и современны комбинационной оружейной группе 9 по классификации Илькера (Ilkjær, 1990, с. 296—301; 1993, с. 385)[1]. При проведении повторного подробного анализа на предметах — элементах уздечных или седельных гарнитуров — был выявлен целый ряд следов повреждений, которые не могли возникнуть в ходе битвы. Данные повреждения — следы ударов, нанесенных острыми рубящими предметами, вмятины, а также фрагментация отдельных предметов и целых гарнитуров — возникли, судя по всему, в ходе их намеренной ритуальной порчи, предшествующей помещению их в болоте. Некоторые частные примеры, иллюстрирующие проведение этого обряда жертвоприношения, приведены ниже.

На внутренней стороне бронзового наносника (Raddatz, 1987a, кат. № 578, табл. 39, 8) отчетливо прослеживается диагональный след рубящего удара, нанесенного предположительно мечом и рассекшего одну из пластин крепления на две части (рис. 1). Еще один удар, нанесенный на этот раз в горизонтальной плоскости, деформировал края наносника. Очевидно, и этот наносник должен был согласно ритуалу быть рассечен надвое чуть выше его боковых пластинчатых выступов.

Особенно очевиден умышленный характер нанесения повреждений, следы от которых остались на бронзовых цепях-поводьях типа «Thorsberg» из группы жервоприношений фазы C_2/C_3, современных комбинационной оружейной группе 9, по Илькеру (Ilkjær, 1990) (*см.*: Raddatz, 1987a, кат. № 609, табл. 45, 13; 611, табл. 45, 1.2; 616, табл. 46, 5; 104, 1). В этом случае поводья, состоящие из пяти колец, пяти соединительных звеньев, а также фиксатора ремня (Там же, кат. № 611), были методично расчленены на составные части (рис. 2). По меньшей мере одна из двух петель упомянутых соединительных звеньев была разрублена нанесенным сверху косым ударом, после чего соединенные с ними кольца были отделены. Практически полное отсутствие на остальной площади поверхности соединительных звеньев и колец следов рубящих ударов указывает на то, что расчленение цепей проводилось достаточно аккуратно. Наряду с явными следами рубящих ударов на металлических предметах выявлено и намеренное фрагментирование кожаных ремней. Предпосылкой для проведения подобного анализа является существование представлений о сочетании отдельных элементов конского снаряжения в соответствующих гарнитурах, основывающихся среди прочего на сравнении форм, материала, размера и стиля орнаментации, а также результатах анализа так называемых «закрытых комплексов». К «закрытым комплексам» относят группы предметов, депонированных одновременно в одном месте и, вероятно, соединенных между собой кожаными ремнями или же завернутых в ткань (*см. например:* Raddatz, 1987a, кат. № 407; 571; 581; Ørsnes, 1988, 16—18).

В качестве примера можно привести практически полностью (за исключением поводьев) сохранившееся конское оголовье (рис. 3), в состав которого входят: бронзовый наносник (Raddatz, 1987a, кат. № 571, 1, табл. 39, 6), бронзовый (ая) Kehlberge (Там же, кат. № 635, табл. 48, 2), треугольная накладка, имевшая, вероятно, функцию центрального ременного распределителя (Там же, кат. № 671, табл. 50, 15), а также три ременных распределителя квадратной формы (Там же, кат. № 673, табл. 51, 1; 674, 1, табл. 51, 2; 674, 2, табл. 51, 3). Для крепления ремней оголовья, вероятно, нащечных и подбородочных ремней использовалась пластина с рамочным ушком на конце, а также две однотипные крепящиеся заклепками накладки (Там же, кат. № 698, табл. 58, 32; Национальный музей, г. Копенгаген, инв. № 25027).

Наряду с двумя накладками треугольной формы, крепившимися на нащечных ремнях над псалиями (Там же, кат. № 670, 1, табл. 50, 13; 670, 2, табл. 50, 14), восемь декоративных накладок украшали нащечные и, вероятно, также налобный ремни (Там же, кат. № 360, 1—7, табл. 32, 5—6; Национальный музей, г. Копенгаген, инв. № 24914). Какого именно типа были цепи-поводья, относившиеся к данному оголовью, пока неясно. Возможно, в гарнитур входили железные цепи-поводья типа «Illerup», не сохранившиеся в кислой среде болота Торсберг (точнее, практически не сохранившиеся).

Место обнаружения находок не отмечено на плане, упоминается лишь из какой из за-

[1] Для датировки оголовья типа «Thorsberg» используется точно датированное конское снаряжение из сектора Норд болота Эйсбёль (Ørsnes, 1988, с. 92, табл. 11; 167—183) и сектора Е болота Эйсбельгорд (Andersen, 2003, с. 252—254, рис. 15). — *См. также:* Ilkjær, 2003, с. 52—55.

ложенных при проведении раскопок траншей происходят артефакты (*см.:* Ilkjær и Lønstrup, 1982, с. 96, рис. 1; Lønstrup, 1984, с. 93, рис. 1; Raddatz, 1987a, с. 11, рис. 1). Указание точного места обнаружения находок существует только в случае древностей, обнаруженных в 1860 г., благодаря сохранившейся документации раскопок Конрада Энгельгардта. При проведении анализа находок — элементов данного оголовья, обращает на себя внимание тот факт, что металлические накладки, изначально закрепленные на составлявших некогда одно целое ремнях, были найдены в болоте на значительном удалении друг от друга (рис. 4).

Так, тыльная крепежная пластина наносника, а также ременные распределители квадратной формы и снабженная рамочным ушком пластина были найдены в траншее 3. В то же время остальные части наносника и ременной распределитель треугольной формы были обнаружены в траншее 4. Одна из двух накладок нащечных ремней, а также одна декоративная накладка были найдены в траншее C, а две другие декоративные накладки — в траншее H. Еще три такие же накладки были найдены в траншеях M, N и Q соответственно. Таким образом, внешняя пластина и тыльная крепежная пластина наносника были разъединены в области шарнирного крепления и депонированы на разных участках болота. Распределение декоративных накладок и накладок нащечных ремней по территории болота может быть объяснено только при допущении, что кожаные ремни, на которых они крепились, были разрублены или разрезаны и депонированы по отдельности. При этом металлические детали не несут на себе никаких следов повреждений. Итак, расчленение оголовья носило и в этом случае преднамеренный характер и было проведено планомерно и тщательно.

Основная масса деревянных и металлических предметов, принесенных в жертву в фазе C_{1b}, распределялась по всей площади раскопа[1], имевшего длину 35 и ширину 5—10 м, ориентированного вдоль оси юго-запад — северо-восток и тем самым проходившего приблизительно параллельно современному берегу болота. Геологические исследования на предмет прохождения береговой линии в Римское время до настоящего момента еще не проводились, тем не менее анализ горизонталей показал, что на расстоянии 5—20 м от участка сосредоточения находок находился край глубокой впадины (*см.*: Engelhardt, 1863, с. 12 Abb.: Becken A), возможно, соответствующий береговой линии на момент совершения жертвоприношений. В случае, если эта догадка верна, становится ясным, почему участок сосредоточения находок расположен именно на этом месте — после совершения обряда ритуальной порчи предметы кидали с берега в открытые труднодоступные участки болота. Результаты реконструкции гарнитуров конского снаряжения из Торсберга и сопутствующего анализа мест обнаружения отдельных их элементов и даже фрагментов предметов показывают, что, несмотря на устаревшую документацию XIX в., возможно сопоставление и реконструкция взаимосвязи фрагментов друг с другом, хотя и в значительно более грубой форме, чем в случае исследованных по современной методике памятников археологии Иллеруп Одаль или Эйсбёль.

Однозначно, что в Торсбергском болоте найдены военные трофеи — элементы снаряжения побежденных воинов. Предметы непосредственно перед их депонированием были сознательно порублены, погнуты или фрагментированы. Прямые аналогии описанному обряду существуют и на других болотных памятниках — местах жертвоприношений военных трофеев Римского времени и эпохи Великого переселения народов: Иллеруп Одаль в западной части Ютландского полуострова (v. Carnap-Bornheim и Ilkjær, 1996, с. 252—256), Вимозе (Pauli Jensen, 2003, с. 226) и Иллемозе (Ilkjær, 2003, с. 57—59) на датском острове Фюн или Эйсбёль (Ørsnes, 1988, с. 21—22; Andersen, 2003, с. 254). При этом преднамеренная порча предметов имела, судя по всему, систематический характер. С предметами одного вида обходились сходным образом, следы нанесенных рубящих ударов свидетельствуют о желании сделать предметы непригодными для дальнейшего использования — например, вследствие их фрагментации или деформации. На предметах конского снаряжения отсутствуют следы иного характера, т. е. такие, которые могли бы возникнуть в результате нанесения случайных ударов. Представляется обоснованным утверждение, что порча предметов произошла не случайно, а была преднамеренной и имела запланированный характер. Таким образом, для объяснения появления повреждений на предметах снаряже-

[1] *См.*: Lønstrup, 1984, с. 94, рис. 2.

ния из Торсберга было бы неверным исходить из проявления «священного бешенства» в ходе церемонии жертвоприношения, как это часто делают, ссылаясь на известный письменный источник пера Павла Орозия (385—420 гг. н. э.), в котором он описывает нравы и обычаи кимвров и тевтонов (*см. например*: Hagberg, 1984, с. 82; Ørsnes, 1969, с. 23).

Обнаружение отдельных элементов уздечных и седельных наборов в различных частях болота свидетельствует о том, что, даже если сами металлические предметы не несут следов повреждений, соединявшие их некогда кожаные ремни были фрагментированы. Несмотря на то что составлявшаяся в XIX в. при проведении раскопок на Торсбергском болоте документация не отвечает современным требованиям, представляется возможной реконструкция отдельных предметов на основании сопоставления их фрагментов. Наличие и расположение участка сосредоточения находок фазы C_{1b} указывает, вероятно, на метание предметов в болото с берега. Сделанные в Торсбергском болоте находки не являются местными формами, а, наоборот, характерны для удаленных от него областей и указывают на происхождение побежденных в сражении воинов, чье снаряжение было принесено в жертву (*см.*: Ilkjær и Lønstrup, 1982, с. 95—99; Lønstrup, 1984, с. 95—101). Единственным свидетельством присутствия победившего пришельцев местного населения являются, таким образом, следы ритуально нанесенных в ходе обряда жертвоприношения повреждений.

Перевод Ярослава Прасолова

Литература

Abegg-Wigg A. Zwischen Thorsberg und Bornstein. Zu einem neuen Forschungsprojekt am Archäologischen Landesmuseum in Schleswig // Archäologisches Nachrichtenblatt 10, 2005. — S. 321—326.

Andersen H. Chr. H. Neue Untersuchungen im Moor von Ejsbøl // Jørgensen et al, 2003. — S. 246—253.

v. Carnap-Bornheim C. u. Ilkjær J. Illerup Ådal 5. Die Prachtausrüstungen. Textband. Jutland Archaeological Society publications 25, 5. Århus, 1996.

Engelhardt C. Thorsbjerg mosefund. — Kjøbenhavn, 1863.

Godlowski. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. — Krakow, 1970.

Hagberg U. E. Opferhorte der Kaiser-und Völkerwanderungszeit in Schweden // Frühmittelalterliche Studien 18, 1984. — S. 73—82.

Ilkjær J. Illerup Ådal 1. Die Lanzen und Speere. Textband. Jutland Archaeological Society publications 25, 1. Århus, 1990.

Ilkjær J. Illerup Ådal 3. Die Gürtel. Bestandteile und Zubehör. Textband. Jutland Archaeological Society publications 25, 3. Århus, 1993.

Ilkjær J. Dänische Kriegsbeuteopfer // Jørgensen et al, 2003. — S. 44—65.

Ilkjær J. u. Lønstrup J. Interpretation of the Great Votive Deposits ogIron Age Veapons // Journal of Danish Archaeology 1, 1982. — S. 95—103.

Jørgensen L., Storgaard B., u. Gebauer L. (Red.) Sieg und Triumpf. Der Norden im Schatten des Römischen Reiches. — Gylling, 2003.

Lau N. (im Druck) Zügelkettenzaumzeuge der jüngeren und späten Römischen Kaiserzeit — Neue Untersuchungen zu Typen, Verbreitung, Herkunft und Datierung // A. Abegg-Wigg u. A. Rau (Hrsg.). Aktuelle Forschungen zu Kriegsbeuteopfern und Fürstengräbern im Barbaricum. Internationales Kolloquium vom 15. bis 18. Juni 2006 in Schloß Gottorf. — Schleswig.

Lønstrup J. Older and Newer Theories. The Find from Thorsbjerg in the Light of New Discoveries // Frühmittelalterliche Studien 18, 1984. — S. 91—101.

Ørsnes M. Vorwort in C. Engelhardt: Sønderjyske og fynske mosefund 1—3. Nachdruck. — København, 1969.

Ørsnes M. Ders. Ejsbøl. Waffenopferfunde des 4. — 5. Jahrh. n. Chr. Nordiske Fortidsminder Serie B, Bind 11. — København, 1988.

Ørsnes M. Ders. Zaumzeugfunde des 1. — 8. Jahrh. nach Chr. in Mittel — und Nordeuropa // Acta Archeologica 64, S. 183—292. — København, 1993.

Pauli Jensen X. Der Moorfund aus Vimose / Jørgensen et al, 2003. — S. 224—238.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck. Offa—Bücher 13. — Neumünster, 1957.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund—Katalog. Teile von Waffen und Pferdegeschirr, sonstige Fundstücke aus Metall und Glas, Ton— und Holzgefäße, Steingeräte. — Neumünster, 1987a.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck. Katalog // Offa 44, 1987b. — S. 117—152.

Rau A. Stichwort «Skedemosse» § 4 // H. Beck, D. Geue-nich und H. Steuer (Hrsg.), Hoops RGA 28. — Berlin — New York, 2005. — S. 632—635.

Wilbers-Rost S. Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germania libera. Zur Entstehung, Entwicklung und Ausbreitung des «Zaumzeugs mit Zügelketten». — Oldenburg, 1994.

Nina Lau

Traces of ritual destruction of harness from the Thorsberg bogfind

Summary

As the results of new researches into harness of the roman iron age war booty bog offering Thorsberg not less than 24 sets of headgear could be identified yet, belonging to different desposits: 15 sets are part of the main offering in the C_{1b} phase and further nine sets of headgear can be assigned to the second big offering at the transition from phase C_2 to C_3. In context with recent research of Thorsberg horsegear several traces of destruction were systematically analysed. A series of cuts, trenches, dints and fragmentations were observed in find objects as well as in combined objects like headgear and saddlegear. This damage did not originate from fighting but represent intended destructions in the run-up to the offerings. Four chanfrein fittings («Nasenbergen») were horizontally chopped above the lateral fittings («Seitenplatten») and broken by multiple bending. The damage at the chanfrein fittings was not due to intense usage but to several intentional strokes. This is proven by further cuts beside the fracture as well as at the reverse side of some objects (Fig. 1). Bridlechains («Zügelketten») evidently show signs of intended damaging; the severity of which is especially eye-catching in the chains of the «Thorsberg-type» from the later deposit (Fig. 2). Almost regulary one or both loops of the respective link have been chopped diagonally thereby removing the hung-in ring. At the remaining surface of the links and at the rings almost no cuts were noticed. Thus it can be assumed that the fragmentation of the chain has been carried out carefully. A part from obvious traces in metallic finds fragmentations of leather straps can be assumed. It is certain that leather straps with metallic fittings like headgear and saddlegear have been hashed in several parts similary to the aforementioned bridlechains. Building harness sets is the fundamental to the analysis of the destruction of leather straps. During analysis the huge distance between objects, which originally belonged to leather straps of an entire headgear, attracted attention (Fig. 3—4). It is evident, that the upper and lower part of the chanfrein fitting were separated at the hinge and deposited in different areas of the bog. The scattered distribution of these mountings in the bog can only be explained by a fragmentation of the leather straps by cutting between the metall fittings. Fragments of the leather straps with fastened metallic objects have been deposited in different areas. Hardly any traces of destruction are found in the metallic fittings. The components of the headgear and also the bigger part of the wooden and metallic find material were located in a diagonal zone from the southwest to the northeast of the excavation area. This zone supposedly ran parallel to the ancient bank at the time of roman iron age. It seems that the objects have been thrown in from dry ground.

The elements of the equipment have been intentionally destroyed, hashed and dissected in the run-up to the offering. The fragmentation has been carried out very systematically and accurately. The cuts seem to have a certain intention: the systematic disablement of the objects. There are almost no traces of uncoordinated strokes. A destruction of the objects in a kind of furiousness («furor») like usual assumed for the offerings on the basis of the well-known written source according to Orosius (385—420 AD) from the early 5th century AD about the rites of the Cimbri and Teutones can´t be attested in Thorsberg.

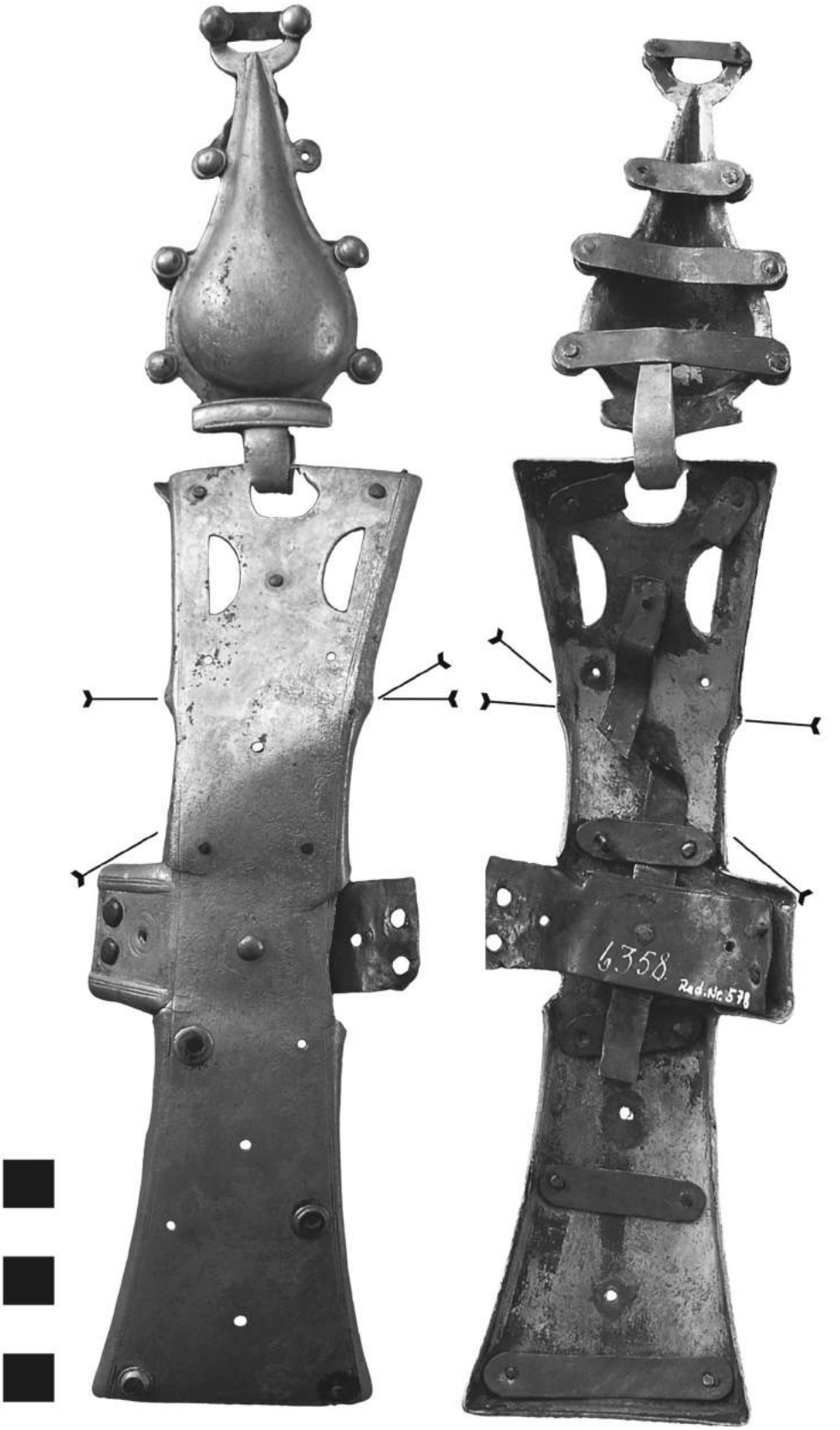


Рис. 1. **Бронзовый наносник со следами рубящих ударов** (фото автора)

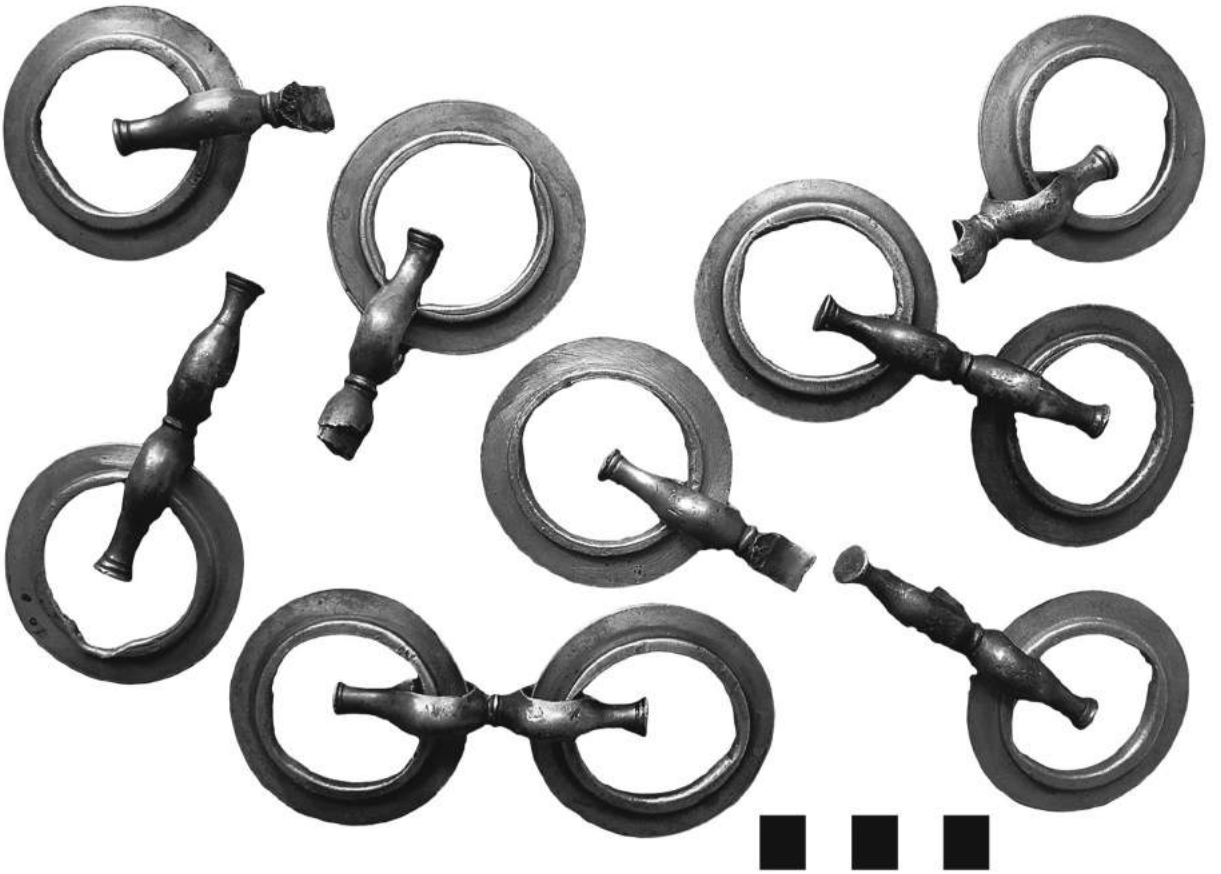


Рис. 2. **Расчлененные цепи-поводья** (фото автора)

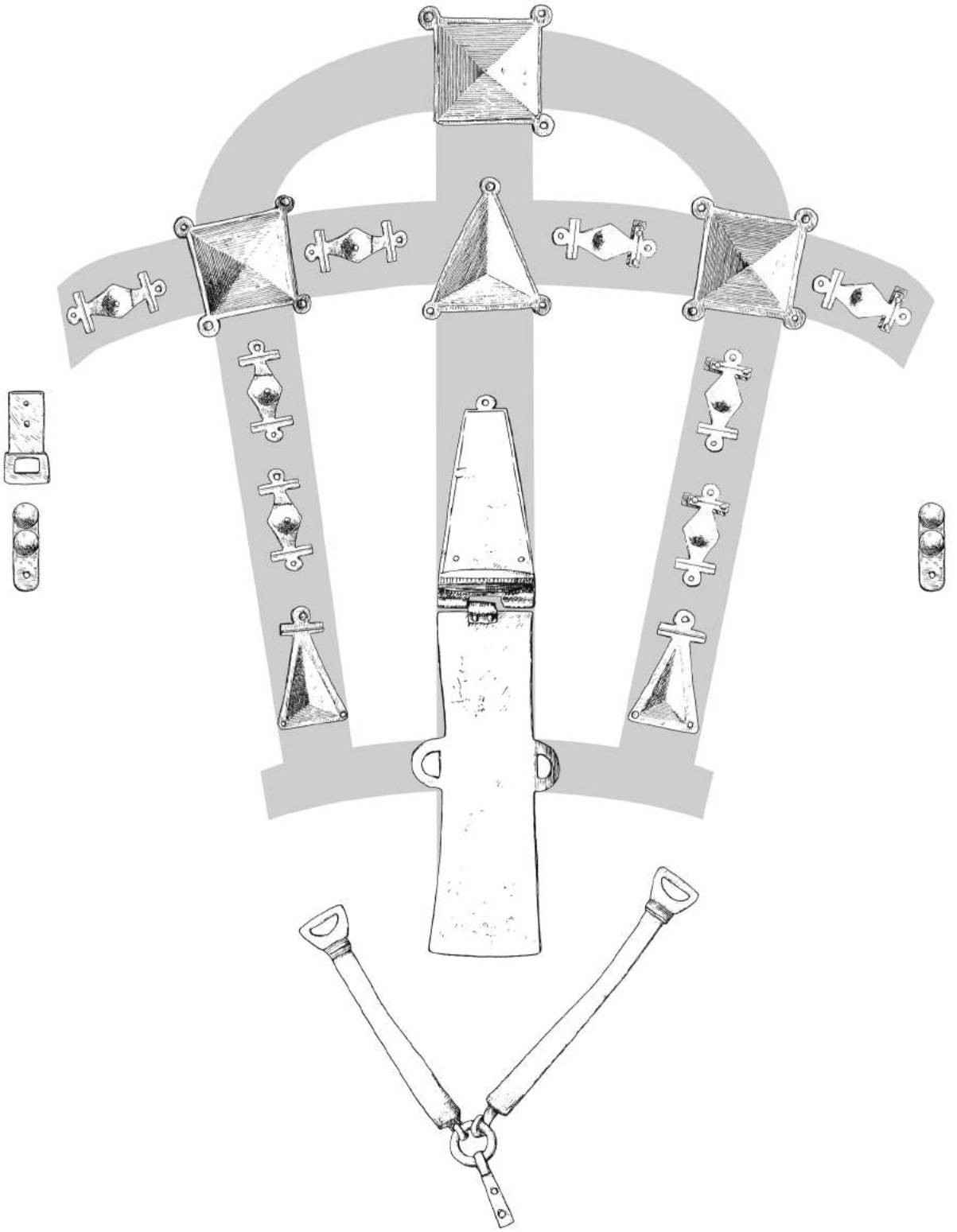


Рис. 3. **Оголовье** (рисунок автора по Raddatz, 1987a)

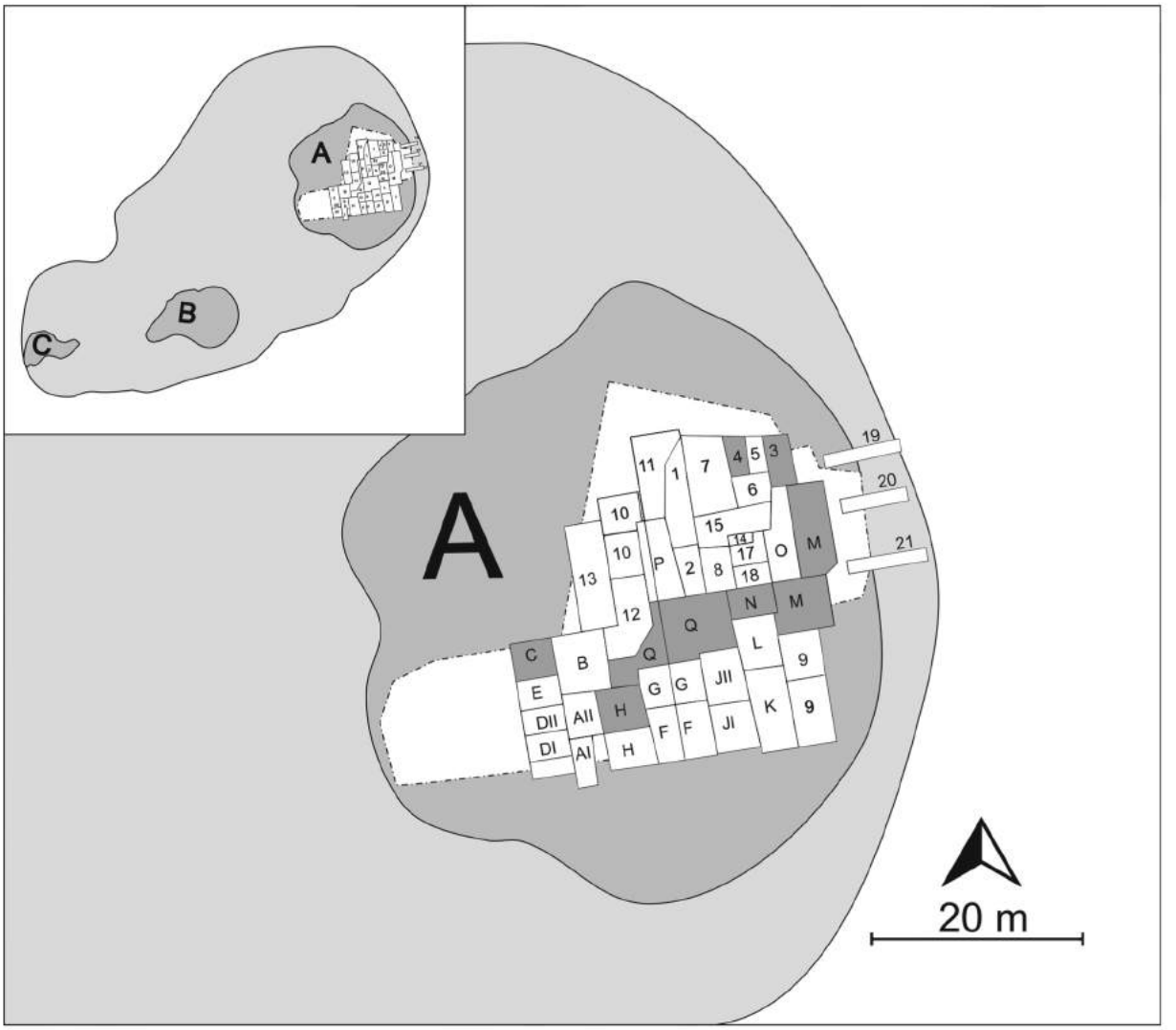


Рис. 4. **Схема расположения раскопов на Торсбергском болоте с указанием мест обнаружения отдельных элементов конского снаряжения** (схема составлена автором)

П. М. Леус

Археологи Третьего рейха на оккупированных восточных территориях

В годы Второй мировой войны значительные территории ряда регионов бывшего Советского Союза около трех лет находились в зоне оккупации германского вермахта, попадая, таким образом, в поле зрения различных учреждений Третьего рейха, занимавшихся учетом, изучением и, нередко, вывозом историко-культурного наследия присоединенных в ходе войны земель.

Цель настоящей статьи дать общую характеристику учреждений Третьего рейха, занимавшихся археологической деятельностью на оккупированных территориях на востоке, и на ряде наглядных примеров показать, в каких направлениях и какими методами велась их работа[1].

Основными среди организаций, занятых на оккупированной территории бывшего СССР, являлись конкурирующие друг с другом ведомство Альфреда Розенберга и институт СС «Ahnenerbe» (Наследие предков[2]). Работавшие в них археологи по-разному видели свои задачи в так называемом «военном участии немецких гуманитариев» (Kriegseinsatz der Deutschen Geisteswissenschaftler), призванном, в числе прочего, подвести научный фундамент под окончательную аннексию Нидерландов, Бельгии и Северной Франции, а также подтвердить территориальные притязания на востоке (Halle, 2001, s. 53).

Значение науки вообще, и преистории[3] в частности, часто подчеркивалось в Третьем рейхе: «Потому что тотальная война, а в особенности теперешняя, в которой речь идет прежде всего о вопросах мировоззрения, нуждается в поддержке науки» (Altschlesische Blätter, 1941, s. 153) — такие цитаты нередко открывали научные издания в Третьем рейхе. О том, что глупо и опасно недооценивать роль науки, говорил в одной из своих речей еще в 1933 г. Адольф Гитлер (Altschlesische Blätter, 1941, s. 153).

Уже в самом начале существования Третьего рейха преистория стала рассматриваться не только с научной, но и с политической точки зрения (Leube, 1998, s. 376). Археология и краеведение приобрели, таким образом, важное значение и поддерживались на государственном уровне[4]. Националистическая направленность политики Третьего рейха стремилась всячески подчеркнуть древние традиции германского народа. Направленные на подтверждение этого тезиса археологические проекты могли всегда рассчитывать на поддержку руководителей государства. Для ознакомления широкой массы населения с прошлым родного края создавались многочисленные краеведческие музеи (Heimatmuseen). Такие музеи рассматривались как «центры родной культуры и любви к Родине» (Geschwendt, 1941, s. 213). Их строительство продолжалось и в годы войны, особенно в восточных областях Рейха, где больше чем где-либо еще была очевидна необходимость наглядного подтверждения постулата о пребывании здесь германских племен с глубокой древности. Так, журнал «Древняя Пруссия» («Alt-Preußen») писал в 1943 г. об открытии в августе 1942 г. нового краеведческого музея в Найденбурге, провинция Восточная Пруссия (La Baume, 1943, s. 63—64).

[1] Рассматриваемая тема все еще недостаточно раскрыта в России и настолько обширна, что требует, как минимум, отдельного монографического исследования.

[2] Все переводы с немецкого языка выполнены автором.

[3] Под термином «преистория» (нем. Vorgeschichte) следует также понимать археологию.

[4] В СССР же в начале 1930-х гг. краеведческое движение было практически разгромлено. В 1933 г. были закрыты все краеведческие общества. Многие краеведы, историки и археологи были репрессированы, а их труды уничтожались (Формозов, 1998, с. 197). Позднее ситуация несколько улучшилась, и немецкие специалисты, работавшие на оккупированных территориях Советского Союза, отмечают здесь достаточное количество краеведческих музеев (Engel, 1943, s. 8). О судьбах репрессированных советских археологов, начиная с 90-х гг. XX в. писали, например, А. А. Формозов, Л. С. Клейн, Н. И. Платонова и др.

Большая просветительская работа в этом же направлении велась НСДАП[1] и среди подрастающего поколения: организованные группы молодежи (школьники и члены молодежных организаций) работали в качестве помощников на раскопках, проводили сборы подъемного материала, помогали в обработке музейных коллекций и т. д. После рабочего дня подростки ночевали в разбитых неподалеку палаточных лагерях, где вечерами с ними проводились теоретические занятия по охране памятников старины. Организованные археологические кружки совершали экскурсии к местам раскопок. Эти же кружки иногда оказывали помощь при инвентаризации и картографировании памятников древности в своем районе. В школах организовывались специальные учебные курсы, читавшиеся известными специалистами (Kieckbusch, 1938, s. 317). Например, школы района Гандерсхайм создали на уроках труда археологическую выставку «Живая старина», которая была с успехом показана не только в родном городе, но и во многих соседних (Wecken, 1938, s. 18—24). Со школьниками, помогающими, например, при сборе подъемного материала на пашнях, проводились регулярные разъяснительные беседы о большом вреде частных сборов и том, что с этим явлением следует бороться (Massen, 1937, s. 21). При работе со школьниками в музеях им разрешалось брать древние каменные орудия или металлические предметы. Желающие испытать их на прочность или взять с собой в качестве сувенира получали возможность сделать такой предмет сами. Например, изготовить прямо в музее кремнеевое орудие или орнаментированный керамический сосуд. Оригинальная же находка требовала почтительного отношения как изделие, принадлежавшее предкам (Haase, 1938, s. 56). Таким образом молодежи прививались гордость за прошлое своего народа и одновременно знание его древней культуры и уважение к ней.

Ярким примером, показывающим отношение специалистов к возложенным на них на «археологическом фронте» задачам, служит статья известного германского археолога Карла Энгеля (1895—1947), опубликованная им в 1943 г., после года работы в рейхскомиссариате «Остланд», где он был уполномоченным рейхсляйтера Розенберга (Engel, 1943, s. 2—10). Автор являлся крупным специалистом по археологии Восточной Пруссии (Kulakov, 2002, s. 536), создав, в числе прочего, систему хронологии ее раннесредневекового периода (Nowakowski, 2004, s. 81). С 1942 г. по 1945-й он был ректором университета в Грайфсвальде[2].

Но прежде чем обратиться к тому, что известно о непосредственной деятельности германских археологов на территории СССР, необходимо кратко остановиться на характеристике вышеупомянутых организаций и сложившихся между ними отношений.

Ведомство Розенберга. Альфред Розенберг (1893—1946)[3], назначенный Гитлером в 1941 г. имперским министром оккупированных восточных территорий, обладал к этому моменту определенным опытом по организации мероприятий, связанных с экспроприацией исторических и культурных ценностей. С 1939 г. он отвечал за вывоз еврейских архивов и библиотек для Института исследования еврейского вопроса (Institut zur Erforschung der Judenfrage), а с лета 1940 г. возглавлял так называемый Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга (Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg — ERR), уполномоченный специальным приказом фюрера к изъятию произведений искусства на оккупированных территориях. О некоторой деятельности Оперативного штаба на территории бывшего СССР позволяют судить материалы одной из его картотек («Z»), недавно частично опубликованные в России (Бойцов, Васильева, 1998).

Являясь ведущим идеологом национал-социализма, Альфред Розенберг симпатизировал такому научному направлению, как преистория. Из речи А. Розенберга, произнесенной на откры-

[1] НСДАП (нем. NSDAP) — Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

[2] Карл Энгель был инициатором сдачи без боя советским войскам в конце апреля 1945 г. города Грайфсвальд, что, несмотря на противодействия местного крайсляйтера, было осуществлено. Тем самым был сохранен от разрушений сам город, спасены жизни его жителей, а также находившегося там большого числа раненых солдат и беженцев из Восточной Пруссии и Померании. После капитуляции Германии ученый попал под волну арестов, был отправлен в лагерь «Fünf Eichen» возле Нойбранденбурга, где умер в 1947 г. от брюшного тифа (Meyer, Sails, 1995, s. 1—9; Nowakowski, 2004, s. 82—83).

[3] Родившийся в Эстонии А. Розенберг учился до революции в Риге и Москве, а после 1917 г. бежал в Париж и позднее перебрался в Мюнхен.

тии Третьего имперского съезда по германской преистории: «Две науки стоят сегодня в центре не только немецкого, но и общеевропейского внимания — расоведение и преистория». В ней же он назвал результаты работ в этом направлении «Ветхим Заветом немецкого народа», так как это позволяло принять решение — «видим ли мы наших родоначальников в германцах и греках или в евреях и сирийцах. Здесь вопрос в том, чтобы знать, где лежит священная земля немцев, и мы думаем, что эта земля не Палестина, а Германия» (Rosenberg, 1936, s. 198). Следует отметить, что Розенберг также возглавлял Ведомство преистории (Amt für Vorgeschichte), и для него исследования в этой области науки являлись «большой задачей, которая восстановит честь Германии и даже повлечет за собой при этом перемену оценки общей истории мира у других народов» (Halle, 2005, s. 17). Таким образом, классическая археология и преистория должны были подтвердить фактами господствующие в идеологии Третьего рейха идеи и теории исторического развития там, где отсутствовали письменные источники — «где молчат пергаменты, начали говорить камни» (Rosenberg, 1936, s. 200). При поддержке А. Розенберга было основано Имперское общество германской преистории (Reichsbund für Deutsche Vorgeschichte), возглавленное Гансом Райнертом (1900—1990), директором Института древней и ранней германской истории при берлинском университете (Kossak, 1999, s. 62; Leube, 1998, s. 378—379). Обществом издавался роскошный журнал «Germanen-Erbe» («Наследие германцев»). Журнал являлся официальным печатным органом «Имперского общества германской преистории и Ведомства преистории уполномоченного фюрера (Розенберга. — *П. Л.*) по общему духовному и мировоззренческому обучению и воспитанию НСДАП». Сотрудники ERR занимались изъятием ценностей и раскопками практически на всех оккупированных Третьим рейхом территориях. Однако во Франции государственная собственность и материалы собственных раскопок ERR в целом из страны не вывозились (Heuss, 2002, s. 545). Начиная с осени 1941 г. велись раскопки в Греции. Их целью был поиск первых индогерманских поселений в этом регионе. Материалы работ до сих пор остаются неопубликованными (Leube, 1998, s. 396—397). После начала войны против СССР Розенберг разделил подчиненные ему земли на востоке на две единицы управления— рейхскомиссариаты «Остланд» (состоявший из генеральных комиссариатов «Литва», «Латвия», «Эстония» и «Белоруссия») и «Украина» (весь юг и юго-восток до Северного Кавказа включительно), где были задействованы и одноименные группы ERR, базировавшиеся соответственно в Риге и Киеве. В Риге руководство местным подразделением ERR принял упоминавшийся выше К. Энгель. Границы подведомственных им территорий менялись в ходе военных действий. Непосредственная работа координировалась более мелкими подразделениями, отвечавшими за конкретную область или город (например, рабочие группы «Крым», «Псков», «Новгород» и т. д.). По состоянию на январь 1943 г. в ERR насчитывалось 350 сотрудников (ученые, переводчики, водители и пр.) (Leube, 1998, s. 392). На местах к работе привлекались и местные специалисты[1]: например, проф. Ярослав Пастернак[2] во Львове и проф. Михаил Миллер в Ростове, переманенные позже в «Ahnenerbe» (Leube, 1998, s. 394), или сотрудница смоленского музея Калитина, упоминающаяся в статье К. Энгеля, который пишет, что здесь «от когда-то большой и содержательной археологической коллекции сохранились лишь жалкие случайные остатки, которые в настоящее время приводятся в порядок местной сотрудницей музея госпожой Калитиной» (Engel, 1943, s. 9).

Если в начале войны большинство культурных и исторических ценностей предполагалось не вывозить в Рейх вообще или же вывозить только с целью спасения от возможности уничтожения в ходе боевых действий, то ближе к ее концу начался их массовый вывоз. Вывозились не только предметы, но и люди. Так, в декабре 1943 г. руководитель особой команды «Псков» Г. Ф. фон Крузенштерн сообщал о предстоящей, в соответствии с распоряжением его начальства, эвакуации некоторых ученых и специалистов с их семьями в Ригу (Бойцов, Васильева, 1999). В конце войны сотрудничавшие с ERR советские археологи и историки с семьями[3] оказались вме-

[1] Ряд сотрудников музеев, оказавшихся на оккупированной территории и продолживших работу в музеях, были после войны репрессированы за коллаборационизм и лишь спустя много лет реабилитированы (Формозов, 1998, s. 203).

[2] После войны эмигрировал в Канаду (Leube, 1998, s. 425).

[3] Проф. П. Куринный (Украинская АН), Н. Кордыш, В. Козловская, Б. Бервенглинский из Киева, В. Пономарев (куратор музея), А. Шевелиев (директор Керченского музея) с женой, К. Мощенко из Полтавы (Leube, 1998, s. 395).

сте с вывезенными археологическими фондами в Хёхштедте на Дунае[1], откуда позднее перебрались в Мюнхен. В СССР они не вернулись, а некоторые были приняты в Украинскую академию в Мюнхене[2] (Leube, 1998, s. 395; Heuss, 2002, s. 553). Из Новгорода ушел с отступающими немецкими войсками местный археолог и научный сотрудник музея В. С. Пономарев. По некоторым данным, он активно сотрудничал с оккупационными властями и был назначен ими директором музея, а позже городским бургомистром (Гайдуков, 1994, с. 51). Перед войной В. С. Пономарев был репрессирован, как и ряд других сотрудников Новгородского музея. Отражение этого процесса над музейными работниками проявляется в «Сообщении о научной деятельности новгородских государственных музеев…», опубликованном в 1936 г., — «Судебные процессы над новгородскими музейными работниками вскрывали больные места» (НИС, 1936, с. 65).

После возвращения из лагеря в 1938 г. В. С. Пономарев уже не имел возможности полноценно вести научную работу, а некоторые его материалы были опубликованы другим человеком (Гайдуков, 1994, с. 50—51). Уже испытавший на себе тяжести репрессий, он, видимо, понимал, что ожидает его после освобождения Новгорода Красной армией. Ему оставалось только уходить. После войны он также оказался в Мюнхене и какое-то время продолжал заниматься научной деятельностью (Гайдуков, 1994, с. 51—52).

К сожалению, подобных судеб было много. Очевидно, что любой человек, поставленный оккупационными властями на должность, например, директора или куратора музея (да и просто рядовой сотрудник), расценивался после войны исключительно как «предатель», «пособник оккупантов» и т. д. и не мог рассчитывать на снисхождение. В лучшем случае его ожидал лагерь. Ничего удивительного, что такие люди уходили с отступавшими немецкими войсками. Приход Красной армии означал для них неизбежную кару не только за сотрудничество с немцами, но и просто за сам факт проживания в зоне оккупации. Поэтому исход населения с оккупированных территорий СССР вслед за отступавшим германским вермахтом имел, как известно, поистине массовый характер. Точное число ушедших на Запад, скорее всего, никогда не будет известно, но часто называется цифра в 1 миллион человек. И это не считая так называемых восточных добровольцев вермахта, военнослужащих власовской армии, казачьих и национальных подразделений. После окончания войны они частично были выданы командованием союзников назад советским властям, частично осели в странах Европы или эмигрировали на другие континенты.

Институт «Ahnenerbe». История и деятельность[3] Исследовательского общества германского наследия предков (Forschungsgemeinschaft Deutsches Ahnenerbe e. V.), или Института «Ahnenerbe» (AE), наиболее детально рассмотрена в монографии Михаэля Катера (Kater, 1974). Институт был основан в 1935 г. рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером (1900—1945), который, как и Розенберг, придавал древней истории и археологии большое значение. Гиммлеру было даже присвоено звание почетного доктора археологии. Изначально перед институтом была поставлена цель: научно обосновать тезис о врожденном расовом превосходстве германских народов. Должны были изучаться территория, дух и деяния «индогерманства» северной расы. Результаты работ института в доступной форме следовало представить немецкому народу. Институт финансировал исследования, археологические раскопки и научные эксперименты в Европе и за ее пределами (например, знаменитая тибетская экспедиция Эрнста Шефера в 1938 г.[4]), проводил конгрессы и конференции. В свои «лучшие времена» институт состоял из

[1] Фонды были переданы 12 июня 1945 г. американской армии и перевезены в Мюнхен. Предметы из ряда украинских музеев, происхождение которых было известно (2704 наименования), были переданы впоследствии советскому представителю, но обратно в свои музеи они не вернулись, в настоящее время их местонахождение неизвестно (Leube, 1998, s. 396, Anm. 93).

[2] М. А. Миллер, ушедший на Запад вместе с отступавшими немецкими войсками, после войны опубликовал в Мюнхене книгу «Археология в СССР» (Миллер, 1954), в которой были прослежены и судьбы многих репрессированных в 1920—1930-е гг. советских археологов.

[3] Деятельность института нередко связывается в спекулятивной форме с совершенно фантастическими проектами, что находит отражение в современной художественной и научно-популярной литературе, кинематографе и даже компьютерных играх.

[4] Предметами исследований экспедиции были, как писал ее руководитель, «земля, растение, животное и человек» (Schäfer, 1943, s. 10). Достижения и дух этого проекта замечательно отражает созданный в 1942 г. по материалам экспедиции документальный фильм «Geheimnis Tibet».

нескольких десятков исследовательских отделений, фотолаборатории, музея и ряда библиотек и архивов в разных городах. Обществом контролировались многие издательства, журналы и книжные серии. С началом Второй мировой войны АЕ потерял свою самостоятельность и был интегрирован в качестве «ведомства А» в «Персональный штаб рейхсфюрера СС». Ряд сотрудников института были задействованы в акциях по вывозу культурных и исторических ценностей по всей Европе, в том числе и на оккупированных территориях СССР. В так называемых «германских» странах (Нидерланды, Бельгия, Дания и Норвегия) осуществлялись совместные научные и культурные проекты, направленные на ослабление национальных движений и сопротивления посредством пропаганды общего «германского наследия», где археология являлась одной из важных научных дисциплин. В этих же рамках происходила вербовка добровольцев для национальных подразделений Ваффен-СС[1]. Институт содержал и контролировал значительное число издательств, причем не только на территории Рейха, но и в ряде других стран (Kater, 2006, Taf. I—III). Наиболее преступной главой в истории организации стали, как известно, опыты над людьми, проводившиеся основанным при АЕ Институтом военно-научных исследований (Institut für wehrwissenschaftliche Forschung).

В качестве нескольких наиболее показательных археологических и исторических проектов института можно назвать следующие:

Поиск в монастырской церкви Св. Сервация в Кведлинбурге останков Генриха I (876—936 гг.), не только любимого исторического персонажа Гиммлера (Halle, 2001, s. 52), но и знаковой фигуры германской истории[2]. Начало раскопок было приурочено к 1000-летию со дня его смерти (1936 г.). В 1937 г. было объявлено о находке останков самого Генриха и его супруги Матильды. Точная реконструкция этих раскопок до сих пор невозможна, так как отчет о них не сохранился. Первая критическая публикация об этой находке появилась в Германии еще в 1940 г. (Erdmann, 1941, s. 76, Anm.1, 97). Публикация самих материалов раскопок была в итоге остановлена Гиммлером, так как в АЕ сложилось мнение о том, «что рукопись сверх всяких ожиданий получилась отрицательной» (Halle, 2005, s. 17—19). Тем не менее предполагаемые останки Генриха I, его супруги и внучки были торжественно перезахоронены в церковной крипте в ночь с 1 на 2 июля 1937 г., в рамках специальной церемонии, в которой принимало участие высшее руководство СС во главе со своим шефом (Geschichtliche Weihestunde..., 1937, s. 251). Место захоронения охранялось почетным караулом СС (Halle, 2005, s. 18, Abb.2) и является одной из главных достопримечательностей церкви и в наше время (Hoffmann, 2003, s. 18).

Еще одним важным идеологическим проектом были раскопки возле так называемых «Externsteine» (Halle, 2002) — расположенных в Тевтобургском лесу песчаниковых скальных образований — известной природной достопримечательности Германии. Здесь предполагалось найти подтверждение, что именно на этом месте и находилось знаменитое святилище саксов Ирминсул, разрушенное Карлом Великом (Halle, 2001, s. 50—51) и считавшееся в некоторых кругах последним оплотом древнегерманской религии[3]. Но, несмотря на многолетние раскопки,

[1] Ваффен-СС (нем. Waffen-SS) — подразделения СС, непосредственно участвовавшие в боевых действиях. Общая численность составила около 1 миллиона человек, из которых около 600 тысяч — добровольцы из различных европейских стран.

[2] Генрих I (Птицелов) был в 919 г. избран королем восточных франков и сумел впервые объединить всех германских герцогов (Мильская, 1992, с. 129), что делало его важной исторической фигурой для идеологии и пропаганды Третьего рейха (Halle, 2005, s. 15).

[3] Раскопки здесь проводились в 1934—1935 гг. (до этого были работы в 1881, 1888 и немного в 1932 гг.), причем кампания 1935 г. — уже под контролем СС. С середины 1920-х гг. возникла идея, что именно здесь находился легендарный Ирминсул, главное святилище саксов — разрушенное Карлом Великом. Первые раскопки не дали никаких германских следов, лишь сильно разрушенные слои с материалами X—XIX вв. С приходом к власти НСДАП автор теории об Ирминсуле Вильгельм Тойдт (краевед-самоучка) предложил создать здесь «священную рощу» германцев, провести сюда автобан и пр. Местные партийные руководители поддержали этот проект, а в 1934 г. он заручился поддержкой самого Гиммлера. Руководителем раскопок стал геолог из Мюнстера Юлиус Андрее. В 1934 г. он интерпретировал находки, как и ожидалось, но в 1935 г. изменил свое мнение, т. к. изменились времена. Речь Гитлера в сентябре 1935 г. поменяла концепцию исследования, т. к. он характеризовал Карла Великого не как «палача саксов», а уже как создателя и примирителя империи. Таким образом, находки следовало представлять в ключе актуальной политики партии. Во время раскопок 1935 г. здесь был проведен праздник летнего солнцестояния, повторявшийся до начала войны. Здесь же принималась присяга у местных подразделений СС (Halle, 2001, s. 50—51).

подтверждения этому не было обнаружено. Незначительная часть керамики могла быть отнесена к X—XI вв., тогда как остальные находки датировались более поздним временем (Halle, 2001, s. 52—53).

С началом войны институт проводил раскопки и на оккупированных территориях. Известно о работах в Польше, Хорватии, Сербии и др. Так, еще в марте 1944 г. Гиммлер дал согласие на проведение дальнейших раскопок в Белграде. Вывезенные в Рейх материалы и документы белградских раскопок оказались в конце войны в зоне боевых действий и считаются с тех пор утерянными (Leube, 1998, s. 405—406).

Институтом проводились исследования по вопросам истории ведовства и так называемого «ведьминского безумия» (Hexenwahn), охватившего Европу в Средние века (Schier, 1990, s. 78—81). Это было одним из значимых направлений исторических исследований. Так, в знаменитой «картотеке ведьм», собранной специальной командой «H» (Hexen-Sonderkommando), созданной при Службе безопасности (СД), в Берлине были собраны из 126 архивов и обработаны материалы более чем 30 000 процессов над ведьмами (Schier, 1990, s. 84—85). Подобные исследования были инициированы и в некоторых учреждениях, входивших в ведомство Розенберга (Schier, 1990, s. 71).

В Дании и Норвегии изучались сцены, изображенные на рунических камнях, и знаменитая резьба по дереву, чтобы связать их с «германской героической сагой» (Leube, 1998, s. 404).

Конкуренция между организациями. Конкуренция организаций, занимавшихся в Третьем рейхе преисторией, хорошо известна (Bollmus, 1970). Можно констатировать, что в целом на территории самого Рейха ведущее положение принадлежало организации Гиммлера, что обусловливалось принадлежностью «Ahnenerbe» к структуре СС, обладавшей огромной властью.

Розенберг и Ганс Райнерт проводили политику грубой дискредитации ряда профессоров. Это подтолкнуло некоторых ученых и студентов искать покровительства СС и их «Ahnenerbe», где они чувствовали себя неуязвимыми и принадлежащими к господствующему классу (Kossak, 1999, s. 61—62).

В качестве еще одного примера соперничества организаций можно привести ситуацию, сложившуюся на территории оккупированной Польши. В Кракове вскоре после оккупации был основан Институт немецкого восточного труда[1] (Institut für Deutsche Ostarbeit), деятельность которого достаточно полно освещена в опубликованной недавно книге польской исследовательницы Анетты Рыбицкой (Rybicka, 2002). «Научным руководителем» института был назначен известный германский археолог Вернер Радиг (1903—1985). Он столкнулся с тем, что значительная часть археологических и исторических архивных материалов и предметов из ведущих польских музеев была вывезена сотрудниками института «Ahnenerbe» сразу же после оккупации Польши в 1939 г. (Leube, 2004, s. 86). Впоследствии В. Радигу пришлось потратить около двух лет на борьбу с «конкурентами» и попытки получить коллекции в свое распоряжение (Leube, 2004, s. 90—91). Под руководством В. Радига проводились раскопки и исследования для выявления «германского наследия» на территории Польши. Проводились показательные археологические выставки, например, «Германское наследие в районе Вислы» (Radig, 1941, s. 188).

Интересно, что конкуренция между организациями, занимавшимися проблемами археологии, и их высокими покровителями (в первую очередь Генрихом Гиммлером и Альфредом Розенбергом) заставляла многих археологов того времени быть в своих публикациях относительно нейтральными в вопросах аргументации и выводах (Bollmus, 2001, s. 6), чтобы не оказаться в немилости у одного из партийных бонз.

Упоминавшееся выше переманивание друг у друга сотрудников на территории СССР было, видимо, обусловлено тем, что ощущалась острая нехватка местных специалистов, владеющих немецким языком. Это косвенно подтверждается упоминаниями того, что проф. Пастернак был «немецкоязычным» (Leube, 2004, s. 93), а проф. Миллер — «фольксдойче»[2] (Leube, 1998, s. 394).

После вторжения германского вермахта в

[1] Интересно, что в качестве одного из средств для привлечения к работе в институте немецких специалистов была «восточная надбавка» (Ostzulage) к зарплате, составлявшая 30% (Leube, 2004, s. 86). Возможно, подобная надбавка была и у исследователей, занятых на оккупированной территории СССР.

[2] Фольксдойче (нем. Volksdeutsche) — лицо немецкой национальности, проживавшее за пределами Рейха (*ср.*, s. рейхсдойче, нем. Reichsdeutsche).

СССР Альфред Розенберг воспользовался предоставленной ему властью, чтобы постараться вытеснить со «своей» территории (рейхскомиссариаты «Остланд» и «Украина») все конкурирующие организации (Heuss, 2002, s. 546). В Киеве сотрудники ERR под руководством Рудольфа Штампфуса[1] уже упаковывали археологические коллекции, когда туда же в январе 1942 г. прибыла спецкоманда известного археолога Герберта Янкуна («Sonderkommando Jankuhn»), представлявшего институт «Ahnenerbe». Воспользовавшись тем, что Киев находился в области ответственности гражданской администрации (то есть относился к ведомству Розенберга), сотрудники ERR отказали им в доступе к находкам и запретили любую деятельность в регионе (Heuss, 2002, s. 547). Среди археологических памятников на Украине особую важность имели те, которые позволяли говорить об исторической принадлежности этих земель к области расселения германских племен, таких, как, например, готы и бастарны. Это подтверждается публикацией упомянутого выше Рудольфа Штампфуса «Германцы в Украине» (Stampfuß, 1942, s. 130—140), насыщенной фотографиями погребений и предметов инвентаря с территории Украины, соотносимых автором с вышеназванными племенами. Основной тезис работы ярко характеризуется одной фразой из нее: «Плодородные черноземные земли этого края, которые немецкий меч освободил от большевистского гнета, являлись с III тыс. до н. э. целью северных и, позднее, германских племен» (Stampfuß, 1942, s. 130). Один из сотрудников Штампфуса, работавший с ним в Киеве Пауль Гримм[2] (Heuss, 2002, s. 547), писал, что совместная работа германских и украинских исследователей подтверждает тот факт, что в конце каменного века именно в Южную Россию приходят значительные массы северных поселенцев. Придя в поисках новых земель, они утвердились здесь и развили принесенную с собой культуру, что имело особое значение для мировой истории (Grimm, 1942, s. 148). В качестве одного из доказательств автор приводил иллюстрации керамических сосудов, украшенных свастикообразными знаками (Grimm, 1942, Abb. 6—9).

Тем временем сотрудники института «Ahnenerbe», поняв, что на подвластной Розенбергу территории их деятельность принципиально невозможна, совершили обходной маневр.

Герберт Янкун интересовался не только музейными коллекциями, но и намеревался провести собственные раскопки готских могильников. Для работ на них были привлечены и военнопленные. Он предложил проконтролировать запланированное строительство дороги между Николаевом и Таганрогом, проходившей через ряд готских могильников. Часть этой территории находилась под руководством СС и полиции, подчинявшихся Гиммлеру (Heuss, 2002, s. 547). Поэтому проблем с разрешением на проведение раскопок не предвиделось, поскольку сам Гиммлер являлся и начальником «Ahnenerbe». Но нежелание вступать в лишнюю конфронтацию с министерством Розенберга заставило Гиммлера запретить своим людям деятельность в зоне ответственности гражданской администрации и направить их в районы, находящиеся частично в руках подразделений Ваффен-СС, в частности, в Крым и на Кавказ. Таким образом, одна из спецкоманд была откомандирована к дивизии Ваффен-СС «Викинг», наполовину укомплектованной добровольцами из так называемых «германских» стран. Такое объединение позволяло использовать археологов и историков из этих стран в качестве дополнительных сил для проведения раскопок и изъятия музейных коллекций. Были вывезены многие сотни ящиков с картотеками, книгами, архивными материалами и находками, начиная с эпохи палеолита (Heuss, 2002, s. 548—549). Тем временем сотрудники ERR проводили раскопки на о. Хортица возле Запорожья и вообще серьезно обследовали Днепровскую дугу[3],

[1] Рудольф Штампфус был одним из последних учеников знаменитого Густава Коссинны (1858—1931) (Grünert, 2002, s. 338). После того как 21.08.1941 г. проф. Райнерт был назначен Розенбергом уполномоченным по вопросам археологии на оккупированных восточных территориях, он привлек Штампфуса, занятого до этого на раскопках в Греции, к руководству работами «по сохранению» археологических находок на Украине. Первым его заданием было «обеспечить, вместе с доктором Хюлле, безопасность богатых музейных фондов Киева и Южной Украины» (Ströde1, 1941, s. 600).

[2] Известно, что П. Гримм постоянно оказывал посильную помощь местным коллегам, о чем сообщают они сами (Leube, 1998, s. 415, Anm. 90).

[3] В сообщении об «охранных работах» уполномоченного по археологии оккупированных восточных территорий Ганса Райнерта говорится о проведении там работ с мая по октябрь 1942 г. Работы были поручены двум специалистам — д-ру Вернеру Хюлле (Hülle) и д-ру В. Модрияну

откуда было отправлено в Рейх 57 ящиков с «германскими» находками. Известны попытки сотрудников «Ahnenerbe» саботировать эти раскопки (Heuss, 2002, s. 550).

В Орле в феврале 1942 г. по инициативе ERR в местном музее была вновь открыта выставка, на которой в числе прочего были представлены археология и история. После наступления Красной армии на Курской дуге несколько ящиков с археологическими материалами музея были вывезены в Минск (Leube, 1998, s. 394—395), где находилось основанное по указанию гауляйтера Кубе Окружное ведомство преистории Белорутении[1], возглавляемое К. Энгелем (Germanen Erbe, 1942, Heft 11/12, s. 174).

Особое внимание предполагалось уделить обследованию уникального Гнездовского комплекса, которое должно было «пролить свет на северогерманское участие в формировании культуры Восточных областей» (Engel, 1943, s. 9). В статье К. Энгеля указывается на значительные разрушения, отмеченные им на территории памятника и на проводимые там грабительские раскопки (Engel, 1943, s. 9). О каких-либо научных раскопках автор не упоминает. Это позволяет с определенной долей уверенности говорить о том, что по крайней мере до 1943 г. здесь раскопки германскими исследователями не велись. Это же подтверждает в своей статье археолог Клаус Раддатц (Raddatz, 1991, s. 149), который в 1942 г. побывал в Гнездово. Следов археологических раскопок там не обнаружила и Смоленская экспедиция ИИМК АН СССР в 1944 г. (Тараканова, 1947, с. 164—165). В опубликованной несколько лет назад статье А. В. Мигая «Гнездовский археологический комплекс (1941—1945 гг.)», основанной на вышеупомянутой публикации К. Раддатца, высказывается предположение о том, что немцы могли маскировать археологические раскопки хозяйственной деятельностью (Мигай, 2001, с. 216). Но такое предположение, учитывая имевшийся у германских археологов «карт-бланш» на любые работы на подведомственной им территории, кажется весьма странным. Им ни к чему было скрывать свою официальную деятельность. Тем более что тот же К. Энгель спокойно пишет о начале исследования курганного могильника возле Прилуцка, недалеко от Минска[2] (Engel, 1943, s. 9). Вряд ли верно предположение о возможной деятельности в Гнездово археологов из института «Ahnenerbe» (Мигай, 2001, с. 217). Учитывая сложившуюся между ним и ведомством Розенберга конкуренцию, любая активность «Ahnenerbe» в этом регионе была бы, вероятно, пресечена со стороны властей рейхскомиссариата «Остланд», под чьей юрисдикцией и находился в то время памятник. Тем более что он уже был взят на заметку уполномоченным Розенберга К. Энгелем (Engel, 1943, s. 9). Так что поиск документации о возможной деятельности германских археологов в Гнездово следует проводить скорее в архивах ведомства Розенберга, тем более что некоторые из этих архивов находятся в России и, как уже говорилось выше, частично опубликованы (Бойцов, Васильева, 1998).

В 1944 г. на базе ИИМК АН СССР было создано 8 экспедиций, которые по специальному заданию Государственной чрезвычайной комиссии провели обследования и составили акты об ущербе, причиненном во время войны археологическим памятникам и коллекциям на территории Украины, Северного Кавказа, а также Калининской (Тверской) и Смоленской областей (Тараканова, 1947, с. 162). Показателен установленный ими факт, что в музее Бахчисарая, откуда немцы вывезли 9 ящиков с находками, важными для решения так называемой «готской проблемы», была оставлена расписка (вероятно, рабочей группой «Крым» ведомства Розенберга), в которой материалы приписывались древним германцам, что обусловливало их «возвращение

(Modrijan). В результате работ были проведены поиски, съемки и частичные раскопки «многих готских могильников и поселений» и, кроме того, «обследованы многочисленные местонахождения каменного века и эпохи бронзы» (Germanen Erbe, 1942, Heft 11/12, s. 126).

[1] Белорутения (нем. Weißruthenien) — часть Белоруссии. В качестве генерального округа была включена в рейхскомиссариат «Остланд».

[2] Об этом также упоминается в сообщениях о деятельности ведомства Розенберга на востоке: «По инициативе генерального комиссара гауляйтера Кубе были начаты раскопки курганного могильника в окрестностях Минска». Работы велись под руководством проф. К. Энгеля. Было раскопано как минимум 3 кургана из 13. В первом были обнаружены «три скелета человека», один из которых «настолько хорошей сохранности, что была совершенно очевидна его принадлежность к нордической расе». Исходя из погребального инвентаря, погребения были датированы рубежом XI и XII вв. (Germanen Erbe, 1942, Heft 11/12, s. 174).

в Германию»[1] (Тараканова, 1947, с. 162). Точное количество вывезенных из СССР предметов истории и культуры вряд ли будет когда-нибудь установлено[2], но известно, что в качестве реституций в Советский Союз было отправлено около 550 тысяч единиц из музейных фондов Германии (Heuss, 2002, s. 550).

Таким образом, разграбление культурных ценностей на Украине стало частью постоянного противоборства института «Ahnenerbe» и ведомства Розенберга, тогда как на территории рейхскомиссариата «Остланд» сотрудники ERR практически не имели конкуренции. Впрочем, это не исключает возможность пока неизвестной нам деятельности их «конкурентов» из «Ahnenerbe» в зонах, подчиненных непосредственно полиции или частям Ваффен-СС[3]. Нельзя забывать и о самом германском вермахте, чье подразделение по «охране искусства» также действовало на Восточном фронте (Leube, 1998, s. 395).

Любопытная информация содержится в одной из книг известного исследователя так называемых «болотных мумий» Альфреда Дика (Alfred Dieck). В приводимом им перечне мумий из болот и торфяников Европы под № 584 он указывает находку 1943 г. из Pleskau (т. е. Пскова. — *П. Л.*). Автор указывает, что это было тело молодой девушки, лежавшей с вытянутыми руками. На ней даже сохранилось какое-то одеяние. Кроме того, А. Дик отмечает, что у тела отсутствовала половина правой голени и ступня на левой ноге (Dieck, 1965, s. 114—115). Запланированный ученым следующий том работы, с более подробным описанием всех учтенных им находок, так и не увидел свет. Надо отметить, что А. Дик успел собрать по этой теме множество данных из архивов и музеев, за время войны, к сожалению, погибших или утерянных. При бомбардировках Берлина и Лейпцига погибла и практически готовая диссертация вместе с частью собранных им материалов, так что после войны он был вынужден писать работу заново (Dieck, 1965, s. 5). То, что А. Дик в своих работах опирался на ставшие после войны недоступными материалы, которые, соответственно, невозможно проверить, вызывает настороженное отношение к его публикациям у других специалистов по этой теме (Sanden, 1996, s. 62—63). Таким образом, остаются неясными источники и достоверность информации о возможной находке «мумии» в псковских болотах, а также ее дальнейшая судьба[4]. Выяснение этого может стать интересной задачей для местных краеведов. Но год находки позволяет все же предположить, что к ней могли быть причастны бывшие в то время в Пскове люди из ведомства Розенберга[5], уделявшие Северо-Западному региону России особое внимание. Стоявшие здесь перед немецкими археологами и историками задачи ярко характеризуются К. Энгелем: «Не менее важны задачи, возникающие в прилегающей с севера Псковской области. В самом Пскове, во вновь приведенном в порядок германским вермахтом музее Поганкины палаты, имеется весьма скромная археологическая коллекция. В пришедших сейчас в запустение советских пограничных районах между Изборском и Псковом, в которых

[1] Часть археологических материалов из музеев Бахчисарая, Керчи и Феодосии была действительно вывезена спец. штабом «Древняя история». При этом дальнейшая судьба находок неясна. Бахчисарайская коллекция была, как будто, эвакуирована в Краков, но что с ней случилось далее также неизвестно (Leube, 1998, s. 395)

[2] Следует отметить, что не все исчезнувшие во время войны предметы истории и искусства были на самом деле изъяты и вывезены немцами. Какая-то их часть, несомненно, просто разграблена. То, что коллекции музеев прифронтовых городов и памятники археологии нередко становились добычей солдат и офицеров обеих враждующих армий, а также бандитов и мародеров, совершенно очевидно. В качестве примера можно привести упоминание об открытии, совершенном на херсонесском могильнике во время осады немцами Севастополя в июне 1942 г.: «В поисках древних погребальных склепов в юго-восточном секторе некрополя, близ херсонесских казарм, красноармейцы обнаружили еще не раскопанный склеп» (Тахтай, 1947, s. 123). Часть находок оттуда попала в музей и впоследствии была похищена уже немецкими офицерами (Тахтай, 1947, с. 125).

[3] По словам археологов, работающих на территории Псковской области, жители некоторых деревень помнят об археологических раскопках, якобы проводившихся там немцами во время оккупации, но какая-либо точная информация об этом отсутствует.

[4] Теоретически, находка могла быть перевезена в Кёнигсберг, где в конце войны было сосредоточено большое количество вывезенных из СССР грузов (в том числе Янтарная комната). Тем более что в Кёнигсберге, в Музее «Пруссия», уже хранилась одна, найденная в Восточной Пруссии, «болотная мумия». Ожесточенные бомбардировки города и его штурм не пощадили музей, и судьба хранившейся там мумии остается неизвестной (Sanden, 1996, s. 89). Вероятно, она также была уничтожена.

[5] Интересно, что редактором книги А. Дика выступил упоминавшийся выше Клаус Раддатц, побывавший во время войны на Гнездовском археологическом комплексе, а издателем был Герберт Янкун, также активно работавший на территории СССР во главе зондеркоманды института «Ahnenerbe».

и в настоящее время можно наблюдать следы древнего земледелия, лежат области, где начиналось северогерманско-варяжское основание Московского государства. Возле самого Пскова находится предположительно место рождения Хельги (Ольги), той истинно королевской варяжской дочери, обладавшей настоящим духом викингов, о чьих делах и решительном правлении в начале существования Киевского варяжского государства так наглядно сумел поведать Нестор-летописец. Здесь, и в соседнем Новгороде, земля открывает нам древнейшую историю северогерманского основания государственности на востоке. Новгород (северогерманское Хольмгард, немецкое Наугард), резиденция Рюрика и древнейшая северогерманская столица на востоке, все еще находится под огнем советских орудий… Немногое сохранилось под орудийным огнем от древнейших памятников варяжского времени; и еще меньше осталось того, что может быть спасено из лежащего под частыми тяжелыми обстрелами города. Но и здесь расцветет со временем из руин новая жизнь. И кажется действительно многообещающим и в то же время обязывающим подарком судьбы, что именно германской археологической науке достанется право дать ответы на многочисленные и столь важные для мировой истории вопросы, связанные с северогерманским основанием Московской государственности, вопросы, от которых местная наука отказалась сама» (Engel, 1943, s. 10).

Возможные свидетельства о работе германских археологов на оккупированных территориях бывшего СССР разбросаны по архивам различных ведомств, организаций и институтов[1]. Часть их хранится в Германии, часть погибла в конце войны в результате всеобщего хаоса и разрушительных бомбардировок союзниками немецких городов[2], часть оказалась вывезенной в СССР и, возможно, еще ждет своего исследователя.

[1] В целом, документация по этому вопросу до сих пор представляет собой довольно хаотическую картину, вызванную общей ситуацией в конце войны. Транспорты с вывозимым из СССР культурным достоянием, в том числе и археологическими материалами, нередко гибли в пути, терялись при отступлении и т. д. Известно, что значительная часть транспортов была брошена в Силезии (сейчас Польша), где частично пропала без вести или была уничтожена (Leube, 1998, s. 396).

[2] Последняя резиденция Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга в Берлине была полностью разрушена во время авианалета в 1944 г. (Leube, 1998, s. 391). Вероятно, тогда же погибла и часть архивов.

Литература

Бойцов М. А., Васильева Т. А. Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии. 1941—1942. — М., 1998.

Бойцов М. А., Васильева Т. А. Картотека «Зет». От архивов рейхсляйтера к каталогам утрат // Культура. Еженедельная газета интеллигенции. — 1999. — № 16. Интернет-публикация, s. http, s. //www.kultura-portal.ru

Гайдуков П. Г. 1932 год — начало планомерного археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции. 28 сентября — 2 октября 1992 г. — Новгород, 1994. — С. 35— 53.

Мигай А. В. Гнездовский археологический комплекс (1941— 1945 гг.) // Гнездово. 125 лет исследования памятника / Труды ГИМ. — М., — 2001. — № 124. — С. 216—218.

Миллер М. А. Археология в СССР. — Мюнхен, 1954.

Мильская Л. Т. Германия в IX — начале XII вв. // История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. — М., 1992. — С. 126—139.

Сообщение о научной работе Новгородских государственных музеев за вторую половину 1935 года и первую половину 1936 года // Новгородский исторический сборник. — Л., 1936. — Вып. 1. — С. 65—67.

Тараканова С. А. Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра в 1944 г. // КСИИМК. — М. — Л., 1947. — № XIV. — С.151—165.

Тахтай А. К. Археологические открытия в Херсонесе в 1942—1944 гг. // КСИИМК. — М.— Л., 1947. — № XIV. — С. 122—131.

Формозов А. А. Русские археологи и политические репрессии 1920—1940—х гг. // РА. — 1998. — № 3. — С. 191—206.

Altschlesische Blätter. H. 3/4. August. — Breslau, 1941.

Bollmus R. Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Studien zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem. — Stuttgart, 1970.

Bollmus R. Prähistorische Archäologie und Nationalsozialismus // Archäologie in Deutschland. — Stuttgart, 2001. — H. 2. — S. 4—6.

Dieck A. Die europäischen Moorleichen (Hominidenmoorfunde), I. Neumünster, 1965.

Engel C. Aus ostpreußischer Vorzeit. — Königsberg, 1935.

Engel C. Ein Jahr Vorgeschichtsarbeit im Ostland // Germanen-Erbe. — Leipzig, 1943. — № 8. — H. 1/2. — S. 2—10.

Erdmann C. Das Grab Heinrichs I // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters 4. — Weimar, 1941. — S.76—97.

Germanen Erbe. Heft 11/12. — Leipzig, 1942

Geschichtliche Weihestunde in Quedlinburg. Die feierliche Wiederbeisetzung der Gebeine des ersten deutschen Königs // Germanien. — Leipzig, 1937. — H. 8. — S. 251—252.

Geschwendt F. Ernst Brucks 70 Jahre alt // Altschlesische Blätter. — Breslau, 1941. — H. 3/4. — S. 213.

Grimm P. Nordische Funde der Jungsteinzeit aus der Ukraine // Germanen-Erbe. — Leipzig, 1942. — № 7. — H. 9/10. — S.141—148.

Haase O. Der Weg in die Vorzeit. Bericht über den «Arbeitsraum für Vorgeschichte» der Stadt Hannover // Germanen-Erbe. — Leipzig, 1938. — H. 2. — S. 55—59.

Halle U. «Der Reichsführer SS wird sich für positive Ergebnisse an den Externsteinen stark interessieren». — Die Mittelalterarchäologie im Spannungsfeld nationalsozialistischer Forschung und Propaganda // Mitteilungen der Arbeitsgemeinschaft für Archäologie des Mittelalters und der Neuzeit. — Lübeck, 2001. — Bd. 12. — S. 50—54.

Halle U. «Die Externsteine sind bis auf weiteres germanisch!» Prähistorische Archäologie im Dritten Reich. — Bielefeld, 2002.

Halle U. 936 Begräbnis Heinrichs I. — 1936 die archäologische Suche nach den Gebeinen in Quedlinburg und die NS-Propaganda // Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie des Mittelalters und der Neuzeit. — Lübeck, 2005. — № 16. — S. 15—21.

Heuss A. Prähistorische «Raubgrabungen» in der Ukraine // Prähistorie und Nationalsozialismus. Die mittel- und osteuropäische Ur- und Frühgeschichte in den Jahren 1933—1945 / Studien zur Wissenschafts- und Universitätsgeschichte. Bd. 2. — Heidelberg, 2002. — S. 545—553.

Hoffmann W. Quedlinburg. Ein Führer durch die Weltkulturerbe-Stadt. — Wernigerode, 2003.

Kater M. Das «Ahnenerbe» der SS 1935—1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. — Stuttgart, 1974.

Kater M. Das «Ahnenerbe» der SS 1935—1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. — München, 2006.

Kieckbusch K. Deutsche Vorgeschichte in der Schulungsarbeit des Gaues Südhannover — Braunschweig der NSDAP // Germanen-Erbe. — Leipzig, 1938. — H. 10. — S. 315—317.

Kossak G. Prähistorische Archäologie in Deutschland im Wandel der geistigen und politischen Situation. — München, 1999.

Kulakov V. Archäologische Forschungen im Baltikum zwischen 1933 und 1945 // Prähistorie und Nationalsozialismus. Die mittel- und osteuropäische Ur- und Frühgeschichte in den Jahren 1933—1945 / Studien zur Wissenschafts- und Universitätsgeschichte. Bd. 2. — Heidelberg, 2002. — S. 535—544.

La Baume W. Das Grenzlandmuseum in Neidenburg // Alt-Preußen. — Königsberg, 1943. — H. 4. — S. 63—64.

Leube A. Zur Ur- und Frühgeschichte in Berlin nach dem Tode Gustaf Kossinas bis 1945 // Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. — Berlin, 1998. — H. 3. — S. 373—427.

Leube A. Der Prähistoriker Werner Radig (1903—1985). Ein Beitrag zur deutschen Prähistorie im Wandel der Zeiten // Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. — Berlin, 2004. — H. 1. — S. 83—129.

Massen H. Peters wird Vorgeschichtler // Germanen-Erbe. — Leipzig, 1937. — H. 5. — S. 20—23.

Meyer T., Seils G. 1945—1995 Kampflose Übergabe der Hansestadt Greifswald. Gedanken zum 50. Jahrestag des Kriegsendes, des Endes der Diktatur des Faschismus und der kampflosen Übergabe der Hansestadt Greifswald an die «Rote Armee» // Интернет-публикация, s. www.meyer-greifswald.de/thomas/**engel**.pdf

Nowakowski W. Three centuries of Balt archaeology in East Prussia // Archaeologia Polona. — Warszawa, 2004. — Vol. 42. — P. 65—102.

Raddatz K. Archäologische Beobachtungen in Gnezdovo bei Smolensk // Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachen. — Göttingen, 1991. — Bd. 19. — S. 149—172.

Radig W. Germanenerbe im Weichselraum. Ausstellung im Institut für Deutsche Ostarbeit in Krakau // Germanen-Erbe. — Leipzig, 1941. — № 6. — H. 11/12. — S. 186—190.

Rosenberg A. Germanische Lebenswerte im Weltanschauungskampf. Rede, gehalten auf der 3. Reichstagung für Deutsche Vorgeschichte in Ulm am 18. Oktober 1936 // Germanen-Erbe. — Leipzig, 1936. — № 1. — H. 7. — S. 198—203.

Rybicka A. Instytut Niemieckiej Pracy Wschodniej — Institut für Deutsche Ostarbeit. Kraków 1940—1945. — Warszawa, 2002.

Sanden W. Mumien aus dem Moor. Die vor- und frühgeschichtlichen Moorleichen aus Nordwesteuropa. — Amsterdam, 1996.

Schäfer E. Geheimnis Tibet. Erster Bericht der Deutschen Tibet-Expedition Ernst Schäfer 1938/39. — München, 1943.

Schier B. Hexenwahn und Hexenverfolgung. Rezeption und politische Zurichtung eines kulturwissenschaftlichen Themas im Dritten Reich // Bayerisches Jahrbuch für Volkskunde. — München, 1990. — S. 43—115.

Stamfuß R. Germanen in der Ukraine // Germanen-Erbe. — Leipzig, 1942. — № 7. — H. 9/10. — S. 130—140.

Ströde l R. Arbeitsbericht des Reichsbundes für Deutsche Vorgeschichte für die Zeit vom 1. Juli bis 31. Dezember 1941 // Mannus. Zeitschrift für Deutsche Vorgeschichte. — Leipzig, 1941. — Jahrgang 33. — S. 599—601.

Wecken R. Die Schulen des Kreises Gandersheim erbauen im Werkunterricht eine Ausstellung «Lebendige Vorzeit» // Germanen-Erbe. — Leipzig, 1938. — H. 1. — S. 18—24.

Приложение

Карл Энгель
Год археологической работы в «Остланде»

Когда осенью 1940 г. я покинул страны Балтии, то это казалось мне расставанием навсегда. Возможно, это покажется преувеличением, но все же соответствует истине, если я скажу, что предпринял эту, возможно, последнюю поездку к германской границе, из Реваля[1] через Дорпат[2], Ригу и Кауен[3], с глубоко раненным сердцем. Месяцами я находился среди советских офицеров и комиссаров; с глубоким потрясением пережил большевизацию некогда «германской балтийской провинции», с ежедневно растущим волнением видел, как планомерно велось разрушение ценнейших слоев самобытности эстонского и латвийского народа там, где ее вообще тихо не «ликвидировали»; как начали превращать построенные немцами церкви в храмы безбожия или кинотеатры; как большевистские советы рабочих депутатов въезжали в Дом немецкого рыцарства в Риге и в старейшие немецкие дома за городом; как в нашем немецком университете в Риге и в немецких общественных домах ширились советские штабы.

Это был миг глубоко прочувствованного трагизма, когда я проезжал в поезде через маленький пограничный мост между Вербалленом[4] и Эндткау[5] и большевистский комиссар со своими вооруженными штыками красноармейцами спрыгнул с подножки медленно движущегося вагона. При всем понимании суровой, но необходимой великогерманской политики, я понял в этот момент, оказавшись снова в безопасности на немецкой земле, что последние шесть лет моей жизни я жил и работал зря; что эта земля, которая, как никакая другая, стала в эти годы тяжелой борьбы за отстаивание национальной самобытности немцев моей второй Родиной; что эта земля теперь, навсегда или, во всяком случае, на необозримое пока время, вновь вернулась под сень Востока, археологически говоря, во «времена гребенчатой керамики».

То, что было совершено здесь за 750 лет немецких культурных достижений и за три тысячелетия до этого индогерманской и германской пионерской деятельностью, т. е. присоединение этих, изначально восточноевропейских земель к региону Балтийского моря и тем самым к германскому культурному и жизненному кругу, казалось навсегда потерянным. Угрожающе, и на этот раз более чем когда-либо, вновь склонялся лик восточного варварства над землями и людьми, на протяжении нескольких поколений принадлежащими Западу. На этот раз казалось, что большевизация 1940 г. завершит то, что не смогли сделать Иван Грозный, Петр Великий, русификация и нашествие большевиков в 1918—1919 гг., т. е. вернуть страны Балтии Востоку.

С глубокой грустью простился я с гордыми руинами крепостей Немецкого ордена, что так серьезно и господствующее смотрят на окрестности; с прекрасными соборами и домами бюргеров — шедеврами немецкого зодчества, которые так красноречиво напоминали о немецком прошлом края. Как лишенные корней свидетели напрасного немецкого присутствия на востоке будут стоять они в будущем среди чужого окружения; в навеки потерянной земле, которая была с 1201 по 1561 гг. провинцией Германской империи «Ливония» и, несмотря на отделение, отчетливо сохранила ее характерную структуру до 1939 г.

Когда перед этой последней поездкой 1940 г. я простился с эстонскими и латвийскими коллегами, никто из нас и не верил, что мы еще раз в жизни увидимся. В последние годы мы не раз отстаивали противоположные точки зрения. Но с началом большевизации пали все противоречия; мы стояли, даже если втайне и больше в

[1] Таллин.
[2] Тарту.
[3] Каунас.
[4] Вержболово.
[5] Эйдкунен.

чувствах, чем явно, плечом к плечу против восточного врага. Но никто не мог знать тогда, осенью 1940 г., переживем ли мы это великое столкновение; и даже если оно пройдет быстро, то кто из местных коллег переживет его; не будут ли все они к этому моменту ликвидированы, как случилось это на самом деле со многими их соотечественниками.

Когда затем, утром 22 июня 1941 г., радио принесло известие о начале всемирно-исторического противоборства между Германией и СССР, для меня пробил величайший час с начала войны. Потому что только теперь началась борьба не на жизнь, а на смерть с истинным, заклятым врагом; борьба, которую я уже давно и неизбежно ожидал.

С горячим сердцем следил я за триумфальным шествием нашего вермахта. Тревожился изо дня в день за Ригу, Дорпат, Реваль, Нарву. И когда несколькими неделями позже я вновь начал свою деятельность, теперь в качестве уполномоченного рейхсминистра и рейхсляйтера Альфреда Розенберга, во вновь освобожденном «Остланде», то глубоко взволнованно приветствовал землю, ставшую моей второй Родиной, и которую меньше года назад считал покинутой навсегда.

Далее следуют описание и перспективы деятельности в странах Балтии (в том числе упоминаются раскопки на Нижней Двине), состояние музеев и некоторых памятников после отступления Красной армии.

На предыдущих страницах сознательно говорилось исключительно об исследованиях в балтийских странах; потому что в других, также присоединенных к «Остланду» областях (Белорутения и т. д.) условия принципиально настолько другие, что совершенно не могут сравниваться с условиями в Эстонии, Латвии и Литве.

Эти весьма просторные части «Остланда» более 20 лет находились под советской властью. Это обусловило отсутствие у них всех тех специальных и культурных предпосылок, которые имеются в странах Балтии, благодаря глубокому, 750-летнему немецкому культурному влиянию на эти территории. В качестве археологов мы вступаем в них как в совершенно неизведанную область, в которой даже в царское время никоим образом не проводилось планомерных работ и исследований и которая за время большевизма опустилась на прямо-таки ужасающий культурный уровень. В какой степени состояние научного исследования этих районов отстало от того же в бывших «немецких балтийских провинциях» ясно из одного только факта, что эти гигантские пространства до сих пор не дали ни одного специалиста по археологии. Частично здесь работали, да и то от случая к случаю, из Ленинграда или Москвы; в известной мере здесь работали местные исследователи — как, например, в Минске, среди прочих, очень знающий специалист, белорут[1] Лявданский, но все они были ликвидированы советами в 30-е годы, а их работы и записи уничтожены.

Но все же даже здесь не ощущается недостатка в многочисленных малых и больших краеведческих музеях, которые в более или менее достаточном количестве обладают археологическими находками. К сожалению, немалая их часть была разрушена в ходе имевших место именно здесь ожесточенных боевых действий, а значительная часть фондов была утеряна из-за грабежей. Особенно тяжело пострадали города генерального округа Белорутения, так как они неоднократно и планомерно поджигались отступающими советскими войсками или еврейскими комиссарами.

Когда осенью прошлого года, во время первого перелета в Минск, я окинул взором город с высоты птичьего полета, то он показался мне одним только выгоревшим скоплением руин. При более близком осмотре оказалось, что пожар, почти полностью уничтоживший центр города, как будто благодаря какому-то чуду пощадил важнейшие учреждения культуры. Государственный архив, библиотека им. Ленина, университет и, прежде всего, Исторический музей стояли неповрежденными непосредственно у края пожарища и были практически первыми зданиями, перед которыми остановился пожар. В Историческом музее, который благодаря многократным грабежам был приведен в неподдающееся описанию состояние, отдел археологии составляет наиболее сохранившуюся его часть, от которой хотя бы основная масса находок и материалов может быть спасена. Так же может быть спасено и внушительное количество ящиков с археологическими находками из бывшей Белорусской академии наук. Но, чтобы вновь упорядочить приведенные в полнейшее запущение находки, установить их происхождение и привести коллекцию в рабочее состояние, потребуется много-

[1] белорус.

летняя работа. Начиная с осени нынешнего года этой проблемой, при поддержке местных помощников, занят хранитель музея В. Гронау (из Инстербурга).

Более трагично положение в Смоленске и Витебске, двух больших городах, которые почти полностью выгорели. При разрушении Смоленска еврейскими поджигателями от когда-то большой и содержательной археологической коллекции сохранились лишь жалкие случайные остатки, которые в настоящее время приводятся в порядок местной сотрудницей музея госпожой Калитиной. Музеи в Могилеве и Полоцке сгорели и полностью уничтожены. В Витебске, напротив, большая часть археологической коллекции сохранилась от уничтожения и сейчас заново систематизируется и шифруется местными помощниками — тяжелая задача, так как большевики здесь, как и в Смоленске, совершенно бессмысленно забрали и увезли с собой, во время своего бегства, не только ценные находки (особенно золотые и серебряные вещи), но и все каталоги и отчеты.

Так как значительная часть Белорутении, бывшей Псковской области и т. д. принадлежит сегодня к зоне боевых действий или служит непосредственному фронтовому снабжению, мы вынуждены были ограничиться здесь пока только первыми эвакуационными мероприятиями и предварительными мерами безопасности. При этом, как и в старых балтийских странах, ценнейшую помощь для занятых областей оказывала, прежде всего, Основная рабочая группа «Остланд» Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга, а также ее подгруппы. Все же, до возвращения спокойной обстановки и порядка, возможности работы для археологов в этих областях довольно ограниченны.

Однако вопреки всем вызванным войной трудностям, благодаря активной поддержке со стороны гауляйтера и генерального комиссара Вильгельма Кубе, уже сейчас смогло быть основано Окружное ведомство древней и ранней истории Белорутении, которое имеет резиденцию в Минске и позднее должно получить филиалы в Смоленске и Витебске. По инициативе и при личном участии гауляйтера Кубе здесь также могла быть с успехом начата практическая работа на местности и обследование курганного могильника XI—XIV вв. возле Прилуцка (в 20 км юго-западнее Минска). В последующие годы также предполагается заняться великолепными, венчающими высокий берег Двины крепостными холмами. Как только позволят обстоятельства, должно быть подвергнуто тщательному обследованию большое варяжское городище Гнездово возле Смоленска.

Уже даже внешне Гнездово принадлежит к выразительнейшим северогерманским памятникам древности на Востоке. На небольшой территории всего в несколько квадратных километров лежит на высоком берегу Днепра и его притоков не менее шести маленьких крепостных холмов и около 3000 курганов, сосредоточенных вокруг главной варяжской крепости. Нужно было бы отправиться в древнюю Упсалу или Бирку, чтобы встретить подобные грандиозные памятники. Незадолго до начала войны на главном городище была вскрыта и частично обследована княжеская могила, которая дала великолепные северогерманские украшения (подобные киевским у Паульсена и кладу из Хиддензее, табл. XXVII), к сожалению, вывезенные большевиками вместе со всеми отчетами. Несмотря на значительные разрушения и грабительские раскопки, это является местом, профессиональное обследование которого обещает пролить свет на северогерманское участие в формировании культуры Восточных областей.

Вообще, как раз в Белорутении представляется почти неисчерпаемое количество благодарных исследовательских задач, проведение которых, при археологической неосвоенности страны, принесет совершенно новые результаты. Здесь необходимо прояснить бывшее распространение балтийских народов на восток; в музее в Минске характерные находки указывают на временное восточногерманское заселение минимум западных частей Белорутении; необходимо выяснить направления древнего торгового пути, который вел с Верхней Двины к Верхнему Днепру; разработать глубокие культурные влияния, которые белорутское население получило благодаря нахождению варяжских княжеских резиденций и торговых предприятий в древних Смоленске, Полоцке, Витебске и других северогерманских поселениях. Особого внимания требует и выяснение связей между археологической ситуацией и пережитками старины, сохраняемыми во многих частях Остланда в национальной одежде, приемах строительства и народных обычаях.

Не менее важны задачи, возникающие в при-

легающей с севера Псковской области. В самом Пскове (рис. 12—13), во вновь приведенном в порядок германским вермахтом музее Поганкины палаты (рис. 14), имеется весьма скромная археологическая коллекция. В пришедших сейчас в запустение советских пограничных районах между Изборском и Псковом, в которых и в настоящее время можно наблюдать следы древнего земледелия (рис. 15), лежат области, где начиналось северогерманско-варяжское основание Московского государства.

Возле самого Пскова находится предположительно место рождения Хельги (Ольги), той истинно королевской варяжской дочери, обладавшей настоящим духом викингов, о чьих делах и решительном правлении в начале существования Киевского варяжского государства так наглядно сумел поведать Нестор-летописец. Здесь и в соседнем Новгороде земля открывает нам древнейшую историю северогерманского основания государственности на востоке.

Новгород (северогерманское Хольмгард, немецкое Наугард) резиденция Рюрика и древнейшая северогерманская столица на востоке, все еще находится под огнем советских орудий. Почти год проходит фронт непосредственно по восточной окраине города, который представляет собой только руины. Сгорели дома, уничтожены огнем и повреждены погодными условиями великолепные церкви, которые отчасти восходят к эпохе викингов: среди них роскошный, расположенный в кремле Софийский собор. Немногое сохранилось под орудийным огнем от древнейших памятников варяжского времени; и еще меньше осталось того, что может быть спасено из лежащего под частыми тяжелыми обстрелами города.

Но и здесь расцветет со временем из руин новая жизнь. И кажется действительно многообещающим и в то же время обязывающим подарком судьбы, что правом именно германской археологической науки станет выяснение многочисленных и столь важных для мировой истории вопросов, связанных с северогерманским основанием Московской государственности, вопросов, от которых местная наука отказалась сама.

Leus P. M.

Die Prähistoriker des Dritten Reiches in den besetzten Ostgebieten

Zusammenfassung

In Russland ist es zwar bekannt, dass die deutschen Vorgeschichtler in den besetzten Ostgebieten der Sowjetunion aktiv tätig waren, aber es bleiben bis heute genug Unklarheiten darüber, was dieses Thema in Russland spekulativ macht und nicht selten zu einem falschen, ja sogar fantastischen Schluss führt. Um einige dieser Lücken auszufüllen, werden im vorliegenden Aufsatz die Aufgaben und Methoden zu ihrer Realisierung betrachtet, die die deutschen Archäologen im Rahmen des sogenannten «Kriegseinsatzes der deutschen Geisteswissenschaftler» zu erfüllen hatten. Dabei wird auch die allgemeine Charakteristik der wissenschaftlichen Organisationen des Dritten Reiches dargestellt, die für Kulturgutraub in der ehemaligen Sowjetunion zuständig gewesen waren. Vor allem handelt es sich um das Amt Rosenberg, bzw. den im Sommer 1940 gegründeten «Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg» und um seinen mächtigsten Gegner auf prähistorischem Gebiet — das «Ahnenerbe» der SS, eine Institution von Heinrich Himmlers Gnaden, deren Prähistoriker in allen besetzten Teilen Europas auch sehr aktiv mitwirkten.

Zahlreiche Metaphern charakterisieren die Sympathien der beiden Chefs, also Rosenberg und Himmler für das Fach Vorgeschichte. Von erstem wurde es z.B. als «das Alte Testament des Deutschen Volkes» bezeichnet. Die eigenen Ausgrabungen der Schutzstaffeln in Deutschland oder solcher unter ihrer Kontrolle wurden bereits 1934 in Angriff genommen, wobei z.B. die Suche nach den Gebeinen Heinrichs des Ersten in der Servatii-Kirche in Quedlinburg oder die Arbeiten an den Externsteinen als eine politisch initiierte Zweckforschung angesehen werden können. Veröffentlichungen zum Thema der Wissenschaftspolitik des Dritten Reiches gegenüber de m Fach wurden in Deutschland von Mic hael Kater (1974) und Reinhard Bollmus (1970) vorgelegt.

Mit dem Beginn des Zweiten Weltkrieges ist es noch dringender geworden, die ideologischen Prämissen der nationalpolitischen Politik «wissenschaftlich» zu untermauern. Im Schwarzmeergebiet wurden die Spuren der ostgermanischen Stämme gesucht, im Nordwesten Russlands sollte «die nordgermanische Begründung des Moskauer Staatswesens» geklärt werden.

Als der Reichsleiter Rosenberg von Hitler den Posten des Reichministers für die besetzten Ostgebiete erhalten hat, wurden sie von ihm in zwei große Reichskommissariate geteilt, «Ukraine» im Süden und «Ostland» im Norden. Für die archäologische Aufgabe sollte hier der «Sonderstab Vorgeschichte» unter Hans Reinerth sorgen. Von Arbeitsgruppen des «Sonderstabes Vorgeschichte» wurden die «Sicherungsarbeiten» in Museen durchgeführt, wobei ein großer Teil der prähistorischen Gegenstände ins Reich abtransportiert worden oder spurenlos verschwunden war. In der Ukraine wurden auch die Aufnahmen und Untersuchungen einiger, vor allem gotischer, Gräberfelder und Siedlungen durchgeführt, die teilweise freigelegt wurden (z.B. auf der Krim, im Dnjepr-Bogen). In der Umgebung von Minsk wurden einige wikingerzeitliche Grabhügel freigelegt. Von den Konkurrenten aus dem «Ahnenerbe» wurde nach Osten das «Sonderkommando» des Prähistorikers Herbert Jankuhn geschickt, das auch in der Ukraine und im Nordkaukasus tätig war.

Die Auseinandersetzungen zwischen den beiden Organisationen um die Führung in der Vor- und Frühgeschichte hatte es auch in besetzten Ostgebieten gegeben. So wurde z.B. dem «Sonderkommando Jankuhn» der Zugang zu prähistorischen Beständen in Kiew von Prähistorikern des «Sonderstabes Vorgeschichte» verweigert. Jankuhn und dem «Ahnenerbe» wurden damit im Gebiet der Zivilverwaltung, also auf dem von Rosenberg kontrollierten Territorium, grundsätzlich keine Aktivitäten erlaubt.

«Ahnenerbe» versuchte seinerseits, die Grabungen im Dnjepr-Bogen zu sabotieren.

Was von diesen «Sicherungsarbeiten» der Prähistoriker Rosenbergs in den besetzten Gebieten der Sowjetunion blieb, waren die Hunderttausende von Funden, die zwischen 1945 und 1948 von Amerikanern restituiert wurden. Das Schicksal eines wesentlichen Teiles dieses Kulturgutes bleibt aber bis heute unbekannt. Praktisch alle Funde, die das «Sonderkommando» des «Ahnenerbes» beschlagnahmte, müssen auch als Verlust gelten.

Das weitere Schicksal einiger Funde kann noch geklärt werden. Viele erhaltene Arbeitsberichte der deutschen Prähistoriker befinden sich in Archiven in Deutschland und in Russland und sind bereits teilweise veröffentlicht, wie z.B. die vor kurzem in Moskau erschienene Kartothek «Z» des «Einsatzstabes Reichsleiter Rosenberg». Es ist eine große Aufgabe, das Schicksal der anderen beschlagnahmten Gegenstände der Vorzeit zu klären.

Сведения об авторе

Леус П. М., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
E-mail: leuss@mail.ru

Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов

Сборник материалов

Подписано в печать 6.10.2008 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 28,5. Тираж 500 Заказ 8383

Отпечатано с электронной версии заказчика
в типографии ОАО «Янтарны сказ»
236000, г.Калининград, ул. К. Маркса, 18.